

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

10 (2016)

Екатеринбург 2016

УК 400
ББК Ш100.3
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Выпускающий редактор:

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

кандидат филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА

кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Технический редактор О. А. ЛОКОТКОВА

Л59 ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:

ежегод. сб. науч. тр. / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО

«Урал. гос. пед. ун-т» — Екатеринбург, 2016. — Вып. 10. — 413 с.

ISBN 978-5-7186-0817-5

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Журнал предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 400
ББК Ш100.3

Научное издание
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 10

ISBN 978-5-7186-0817-5

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2016
© Лингвокультурология, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Бачурка М. С. <i>Алматы, Казахстан</i> Оценочные речевые акты в речи преподавателей вуза.....	8
Бушев А. Б. <i>Тверь, Россия</i> Дискурс феминизма в кросс-культурном аспекте...	16
Воркачев С. Г. <i>Краснодар, Россия</i> Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе...	26
Воробьева Н. А. <i>Екатеринбург, Россия</i> Русская сакральная фразеология как источник культурной информации.....	52
Ворошилова М. Б., Дроздецкая А. Г. <i>Екатеринбург, Россия</i> Образ русского в сознании польского человека.....	63
Генералов В. А. <i>Челябинск, Россия</i> Детеминированность линейной структуры английских составных технических терминов экстралингвистическими факторами.....	73
Н'Гессан К. Ж. <i>Абиджан, Кот-д'Ивуар</i> (Мульти/интер)культурализм и признание культурной идентичности: ставка для Африки.....	81
Гревцова Т. Е. <i>Ростов-на-Дону, Россия</i> Блины в русском свадебном ритуале: культурная терминология и обрядовая семантика.....	98

Девяткова М. И. <i>Екатеринбург, Россия</i> Лингвокультурные типажи «дзюдоист» и «борец» (на материале русских политических карикатур с образом Владимира Путина).....	110
Докучаев Д. С. <i>Иваново, Россия</i> Женские образы регионов России в контексте символической политики.....	123
Есаян А. Я. <i>Москва, Россия</i> Роль изучения английских идиом в расширении лексического запаса школьников....	136
Жамсаранова Р. Г. <i>Чита, Россия</i> Модификаторы вежливости этнических лингвокультур: сопоставительный аспект.....	143
Заводова Е. А. <i>Екатеринбург, Россия</i> Особенности английских фитонимических фразеологизмов.....	149
Иванова Е. В. <i>Челябинск, Россия</i> Когнитивная метафора как средство формирования экологических концептов в процессе экологического образования.....	154
Керер К. А. <i>Челябинск, Россия</i> «Гордыня» как профессионально-культурная ценность (антиценность) русской лингвокультуры в отечественном кинодискурсе (на материале кинофильма «Практика»).....	161

Козлов А. Е., Саженина Я. Х. <i>Новосибирск, Россия</i>	
Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических преступлениях.....	167
Колесов В. В. <i>Санкт-Петербург, Россия</i>	
Концепты русского сознания: культура и цивилизация.....	187
Краснова Т. И. <i>Санкт-Петербург, Россия</i>	
Термин дискурс и его положение в метаязыке науки: познавательно-образовательный аспект.....	210
Литвинова Л. А. <i>Воронеж, Россия</i>	
Лингвокультурологический аспект описания значения слова (на паремиологическом материале слов «деревня» и «village» в русском и английском языках).....	226
Лунёва О. В. <i>Волгоград, Россия</i>	
Инициирование общения как коммуникативный процесс.....	251
Маклакова Е. А. <i>Воронеж, Россия</i>	
Национальная языковая специфика и лингвокультурологические особенности семантики слова.....	258
Носова Е. П., Редкина Е. С. <i>Санкт-Петербург, Россия</i>	
Прецедентные высказывания, мотивированные детским чтением, в современном языковом пространстве	272

Омашева Ж. М. <i>Караганда, Казахстан</i> Устойчивые выражения в межкультурном общении..	286
Островская Т. А., Плаксина В. А. <i>Майкоп, Туапсе, Россия</i> Философско-лингвистическое осмысление понятия «лицемерие/hypocrisy» в процессе концептуализации.....	291
Попова Л. В. <i>Миасс, Россия</i> Этнокультурный концепт «добро» в семантическом пространстве «законность» рус- ского языка: на материале пословиц и исторического законодательства	300
Рябов О. В. <i>Санкт-Петербург, Россия</i> Медвежья метафора России как фактор международных отношений.....	312
Саженин И. И. <i>Новосибирск, Россия</i> Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право.....	331
Семенова Е. М. <i>Санкт-Петербург, Россия</i> Метафтонимия как средство онтологизации архетипа LIGHT в медийном дискурсе США.....	339
Таскаева А. В. <i>Челябинск, Россия</i> Образ героя в ценностной картине мира англичан.....	354

Терских М. В. <i>Омск, Россия</i>	
Специфика визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы.....	362
Турченкова М. М. <i>Екатеринбург, Россия</i>	
Концептуальная картина мира Рэя Брэдбери на примере рассказов «The golden kite, the silver wind», «The nineteenth», «The cricket on the hearth» и «The fox and the forest».....	387
Шестеркина Н. В. <i>Саранск, Россия</i>	
Концепт «Heilige» (святые) в фольклорном сознании немецкого народа.....	392
Януш О. Б. <i>Казань, Россия</i>	
Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние.....	402

М. С. Бачурка

Алматы, Казахстан

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА

АННОТАЦИЯ. *В данной статье рассматриваются оценочные речевые акты позитивной и негативной коннотации в рамках педагогического дискурса. Приводятся результаты ассоциативного эксперимента и опроса на тему «Оценочные речевые акты в речи преподавателей вуза» студентов первого и второго года обучения. Выявляются мотивирующие и демотивирующие речевые акты, способствующие и не способствующие дальнейшему результативному обучению.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевые акты, речевая деятельность, ассоциативные эксперименты, позитивно-оценочный речевой акт, педагогический дискурс, похвала, одобрение, интенция, преподаватели вузов.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Бачурка Мария Сергеевна, старший преподаватель «Языкового Центра» Казахстанско-Немецкого Университета.*

Адрес: Казахстан, г. Алматы, ул. Пушкина, 111.

E-mail: brightstar82@mail.ru.

M. S. Bachurka

Almaty, Kazakhstan

EVALUATIVE SPEECH ACTS IN THE SPEECH OF UNIVERSITY LECTURERS

ABSTRACT. *The article deals with evaluative speech acts of positive and negative connotation in pedagogical discourse. It provides results of an associative experiment and questionnaire on the topic «Evaluative speech acts in the speech of university lecturers». The experiment reveals motivating and non-motivating speech acts which either stimulate or discourage further effective education.*

KEYWORDS: *speech act; speech; associative experiment; positive evaluative speech act; pedagogical discourse; praise; approval; intention; university lecturer.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bachurka Mariya Sergeevna, Senior Lecturer of the «Language Center», German-Kazakh University.*

В настоящее время изучение педагогического дискурса является одним из ведущих направлений в исследованиях лингвистов, психологов, педагогов, политологов. Занимаются изучением особенностей его функционирования и маркетологи, имеющие место быть практически в каждом вузе. Посредством анкетирования, постоянных опросов студентов с вопросами о качестве предоставляемых им услуг, о работе и стиле общения преподавателей, маркетологи пытаются выявлять взаимосвязи между, например, привлекательностью образа преподавателя и успеваемостью студентов или руководствуются отзывами студентов о способности преподавателя осуществлять мотивационную деятельность к изучению предмета посредством речевого воздействия. Воздействовать на студентов, то есть мотивировать или демотивировать обучающихся, преподаватель может не только посредством выставления определенного балла или процента за успеваемость, но и своей речью. Сегодня для любого педагога неоценимым становится умение осуществлять речевое воздействие на студента посредством использования оценочных речевых актов, то есть любой преподаватель, так или иначе, хвалит студентов, ругает, делает им замечания в процессе обучения, но важно, чтобы похвала не стала банальной, замыленной, не утратила своей позитивной направленности, а замечания, неодобрение, порицание не превратились в ругань.

Понятие педагогического дискурса включает в себя дискурс письменный и устный. Соответственно и осуществлять оценочное речевое воздействие каждый преподаватель может в рамках любого из вариантов данного дискурса. Оценочные речевые акты, используемые в рамках одной из вышеназванных форм, конструируют свои собственные категориальные и жанровые группы. Жанровые группы устной и письменной оценки. Данные языковые явления имеют сходства и различия. Основным различием является уровень их реализации: устный и письменный. Отличительной чертой является их объем. Оценочные речевые акты устного педаго-

гического дискурса являются оптимально сформулированными, небольшими по объему речевыми актами, в то время как оценочные речевые акты письменного дискурса по объему являются формами более крупными. ПОРА (письменные оценочные речевые акты) являются жанрами более формализованными, имеющими свою строгую структуру в целом не допускающую креативности автора. Допущение этой креативности может быть строго продиктованным иллокутивной установкой автора либо будет явным нарушением употребления речевого акта. Устное же употребление оценочных речевых актов, напротив, носит несколько хаотичный креативный характер. Частотность и повсеместность использования позитивных и негативных речевых актов в устном дискурсе приводит к их стереотипизации, в результате чего они воспринимаются как обезличенные формулировки, которые не несут особого перлокутивного эффекта, — ни негативного, ни позитивного — то есть воспринимаются как что-то само собой разумеющееся. Поэтому любое использование оценочного речевого акта должно быть адресным, мотивированным, с элементами, выражающими личную заинтересованность преподавателя в том, что он говорит, дабы показать студенту, что эта похвала или это замечание именно для него и подчеркнуть, что преподаватель тоже испытывает эмоции, сопереживает его неудаче, разделяет его успех.

Мы попытались выявить, насколько манера общения преподавателя оказывает влияние на студентов в процессе обучения, на их желание учиться в целом и изучать данный конкретный предмет. В опросе приняло участие 250 человек — студенты первого и второго года обучения.

Первый этап проведения опроса включал в себя открытый вопрос, а именно, ассоциативный эксперимент. Студентам предлагали записать свои ассоциации со словом/концептом «порицание».

1. Ассоциативный эксперимент.

Какие ассоциации у вас вызывает слово «порицание»?

Были получены следующие ассоциации, которые можно разделить на наиболее часто встречаемые: *плохо, вина, осуждение, негатив, несправедливость, стыд, ошибка, провал, наказание, злословить, ругань, грубость, разочарование, страх, обида, печаль, собственное бессилие, укор, неудача, провал, критика;*

ассоциации единичные либо редко встречаемые: *позор, порезать на части, суд, мелкие острые камни на пляже, злость, хлыст, наставление, мама, толчок вверх в достижениях цели, диктатура, урок, занижение оценок, школьная доска,*

знет, детство, насмешка, желание самосовершенствоваться, неудовлетворенность, указательный палец как жест угрозы.

Мы видим, что основная масса обучающихся воспринимает порицание как нечто негативное, обидное, ругательное, вызывающее обиду и злость, ассоциирующееся со стереотипным восприятием урока у школьной доски, то есть быть призванным к ответу в прямом и переносном смысле. У некоторых студентов порицание, связанное с учебной средой, вызывают ассоциации *детство* и *мама* а также *стыд* и *разочарование*. Можно интерпретировать следующим образом: у некоторых студентов осталась установка со школы, вспомните, как стыдно было перед мамой за плохую неудовлетворительную оценку, боязнь маминого разочарования — все эти ассоциации родом из школы. Для некоторых студентов, наоборот, *детство* противопоставляется нынешнему взрослому состоянию студенчества и все страхи и «порицания» остались позади. В то же время мы видим группу обучающихся, для которых порицание — *это толчок вверх к достижению цели, желание самосовершенствоваться*, мы видим достаточно адекватное и зрелое восприятие «порицания», то есть можно сказать, что в некоторых случаях употребление порицания может быть оправданным и несет положительный перлокутивный эффект, но в своей массе, студенты первых, вторых курсов, не способны воспринимать «порицание» как толчок к позитивным изменениям и считают данный речевой акт болезненным и обидным, использование которого продиктовано диктаторскими замашками преподавателей.

Следующим этапом эксперимента стал опрос, в котором предлагалось ответить на четыре вопроса, связанных с употреблением оценочных речевых актов в речи преподавателя.

II. Опрос.

1. Какой из вариантов порицания вы чаще всего слышали от преподавателя в учебном процессе:

- порицание
- осуждение
- неодобрение
- критика
- выговор

По результатам, наиболее часто употребляемым речевым актом стал речевой акт критики, 50% опрошенных дали такой ответ. На втором месте по частотности использования — неодобре-

ние, 30% опрошенных. Порицание, осуждение и выговор набрали от 5-10%. Можно сделать вывод, что критика, со всей своей разветвленной системой поджанров, является наиболее употребляемым речевым актом негативной коннотации в речи преподавателей вуза, негативная коннотация которого, во многом, достаточно условное понятие, так как одной из основных характеристик данного речевого акта является его конструктивность, то есть, «знаю и объясняю, за что критикую». Собственно, подобный речевой акт, хотя и относится к речевым актам негативной оценки, воспринимается студентами достаточно спокойно, не вызывает резкого негатива подобно речевому акту порицания.

Следующий вопрос ставил своей целью выявление наиболее мотивирующего речевого акта в речи педагогов независимо от их конотационной окраски.

2. Какой из данных речевых актов является для вас наиболее мотивирующим к дальнейшему изучению предмета:

- похвала
- ободрение
- одобрение
- поощрение
- благодарность
- порицание
- выговор
- осуждение
- замечание
- критика
- просьба
- совет
- замечание
- предупреждение
- ирония

*Другое укажите

По результатам было выявлено следующее: наиболее мотивирующими речевыми актами для студентов оказались *похвала* и *совет*. Похвала как самый яркий и самый привычный позитивный оценочный речевой акт воспринимается студентами традиционно хорошо. Другое дело, какая это похвала: адресная, конструктивная, искренняя или типизированная, клишированная. Несмотря на некоторую долю «избитости» похвала продолжает быть одним из наиболее мотивирующих речевых актов. Задача

преподавателей не утратить этот инструмент воздействия. Что касается речевого акта «совет», то его можно назвать косвенным, так как он не несет в себе никакой коннотации, но его перлокутивный эффект предполагает положительное воздействие и проецирует положительные изменения. Кроме того, принято считать, что советы даются друзьями, близкими людьми, людьми, которым вы не безразличны, то есть тактика сближения, уменьшения дистанции также положительно воспринимается студентами в мотивационном плане.

Следующий вопрос был направлен на выявление наименее мотивирующего речевого акта в речи преподавателей вуза.

3. Какой из данных речевых актов является для вас наименее мотивирующим к дальнейшему изучению предмета:

- похвала
- ободрение
- одобрение
- поощрение
- благодарность
- порицание
- выговор
- осуждение
- замечание
- критика
- просьба
- совет
- предупреждение
- ирония

*Другое укажите

По результатам опроса речевой акт осуждение является наименее мотивирующим в восприятии студентов первого и второго годов обучения. Следующая группа речевых актов является менее распространенной относительно речевого акта осуждение, но также достаточно часто упоминаемой: выговор и ирония. Выговор, чаще всего, воспринимается студентами как чтение нотаций педагогом и не вызывает ничего кроме тоски у слушающих. Ирония же очень часто ассоциируется с насмешкой, что тоже часто воспринимается негативно и ведет к отторжению студента от педагога.

Четвертый вопрос опроса был направлен на выявление клишированных негативных высказываний, которые встречаются в речи преподавателей.

4. Выберите наиболее употребляемые негативные высказывания в речи ваших преподавателей (возможно несколько вариантов):

- Балбес!
- Умейте отвечать за свои поступки!
- Не умеете держать свое слово!
- Беспросветно!
- Никакого прогресса!
- Как об стенку!
- У вас ничего не получится.
- Бесплезно что-либо объяснять.
- Пока вас не было, все было хорошо.

*Другое укажите

По результатам опроса мы выявили три самых употребляемых речевых оборота негативной окраски в речи преподавателей по мнению студентов: *Как об стенку! Бесплезно что-либо объяснять. Никакого прогресса!*

Анализируя данные высказывания по их коннотативной наполненности и по прогнозируемому перлокутивному эффекту, можно сделать вывод о том, что эти высказывания можно причислить к разряду «паразитов» в речи преподавателей вуза.

Таким образом, можно утверждать, что существует прямая связь между речевой оценочной речью педагога на занятии и мотивацией студентов к дальнейшему обучению. Несмотря на коннотативную окраску, речевые акты, как негативные, так и позитивные, при грамотном и уместном их использовании, могут привести к положительному перлокутивному эффекту.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2003. 178 с.

Бигунова Н. А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. — 2013. №4 (41).

Бигунова Н. А. Языковые особенности речевых актов одобрения и похвалы в англоязычном художественном дискурсе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slavutajournal.com.ua/archiv-nomeriv/slavuta->

vipusk-7-2013/yazykovye-osobennosti-rechevyyx-aktov-odobreniya-i-poxvaly-v-angloyazychnom-xudozhestvennom-diskurse/

Волынкина С. В. Речевые жанры похвалы и комплимента в бытовой сфере общения и коммуникативной среде телевизионного ТОК-ШОУ : дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2009. 230 с.

Горяинова Н. Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2010. 27с.

Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры // Вестник Омского университета. — 1998. Вып. 3. С. 55–58.

Дьячкова И. Г. Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвалы и порицания. — Омск, 1999. 84 с.

А. Б. Бушев

Тверь, Россия

ДИСКУРС ФЕМИНИЗМА В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ. *Предметом данного исследования является дискурс гендерного неравенства и транслируемые глобальными масс-медиа стереотипы в отношении «недопривилегированных». В центре работы — языковые и риторические особенности дискурса неравенства. Проанализированы исторические представления дискурса неравенства, роль коммуникации в создании феноменов гендерного неравенства и феминизма, физического неравенства и других видов неравенства. Указанные источники нашей работы — медиа и фольклор — заставляют и дальше размышлять о социоконструктивистской природе женского знания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *гендерный дискурс, гендерное неравенство, феминизм, средства массовой информации, медиадискурс, социальные роли, гендерная идентичность, фольклористика, социоконструктивизм, коммуникативные неудачи.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета.*

E-mail: alex.bouchev@list.ru.

A. B. Bushev

Tver, Russia

FEMINIST DISCOURSE AND ITS CROSS-CULTURAL ASPECTS

ABSTRACT. *The paper is devoted to the discourse of gender inequality in mass media and the stereotyped attitudes towards the underprivileged. The paper discusses the linguistic and rhetorical characteristics of the discourse of inequality. The article focuses on the*

history of the discourse of inequality, the role of communicative phenomena in creating gender inequality and feminist discourse, physical inequality and other types of inequality. The quoted sources of this paper — mass media and folklore — make one go on thinking about the social constructivist character of feminine knowledge.

KEYWORDS: *gender discourse; gender inequality; feminism; mass media; media discourse; social role; gender identity; folklore studies; socio-constructivism, communicative failure.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bushev Aleksandr Borisovich, Doctor of Philology, Professor of Department Journalism, Advertizing and Public Relations, Tver State University, Tver.*

Предметом данного исследования является дискурс гендерного неравенства и транслируемые глобальными масс-медиа стереотипы в отношении «недопривилегированных».

С появлением спутникового телевидения и Интернета, с глобализационными процессами в СМИ глобальный медиадискурс стал повседневной реальией. Что особенно важно, показательна репрезентация и трансляция дискурса неравенства в медиа.

Медиа бурно развиваются. Идет осмысление их проекции в сферы гуманитарных наук: медиафилософия, медиариторика, медиалингвистика, медиаменеджмент, медиадискурсология, медиапедагогика, медиасоциология, медиаобразование, медиаэкономика и т.д. Жизнь стремительно медиатизируется: то, что есть в жизни, есть и в медиа. Но пока неверно обратное: чего нет в медиа, нет и в жизни. В силу социоконструктивистского характера текстов прессы они являются важным социологическим источником и свидетельством.

Проблематика инклюзивности

Hollywood has an **«epidemic of invisibility»** for women, minorities and LGBT people that runs across the whole industry, a new study has suggested.

The report by the University of Southern California stated that Hollywood has an **«inclusion crisis»** from CEOs to minor characters.

«Overall, the landscape of media content is still largely **white-washed»**, the study concluded.

It comes days ahead of the Oscars, which has been dubbed **OscarsSoWhite**.

Из приведенного отрывка мы видим, что стеклянный потолок существует для всех недопривилегированных, не попадающих под стандарты белых мужчин средних лет, христиан и гетеросексуалов. Показательно, что об этом заговорили на церемониях награждения и выдвижения номинантов в Голливуде. Это понимается как пресловутая проблема инклюзивности. Обратим внимание на выделенные в тексте метафоры дискурса «недопривилегированных».

Материал и методологические подходы

Материалом данной статьи выступили масс-медийные тексты глобального медиадискурса (преимущественно Би-Би-Си, Франс-24, ряда крупных англо- и франкоязычных газет). Применяется метод дискурсивного анализа материала [подробнее о методе см. Бушев 2016].

Зарубежный учебник «Медиа. Введение» (под редакцией А. Бригза и П. Колби) [Медиа 2005] уже после обсуждения самих медиа предлагает нам обсуждение дискурсивного конструирования таких вопросов как социальный класс, гендер, сексуальность, раса, этничность, молодежь и молодечность, национальность, привилегированность, инвалиды, спорт, парламентская политика и цензура и т.д. Необходимо рассмотрение вопросов неравенства в социальном, экономическом, военном, политическом, культурном, бытовом, научно-популярном дискурсе в СМИ и т.д. Ведь само определение журналистики свидетельствует о профессиональном обсуждении социальных проблем фактографическими методами. Какова повестка дня СМИ, каковы стереотипы представления ситуаций, благодаря чему конструируется та или иная точка зрения, как достигается баланс точек зрения, как СМИ отражают состояние своего потребителя и наоборот конструируют его сознание? Поэтому является логичным научный подход, демонстрируемый дискурс-исследованиями. Только дешифровка языковых знаков, привязка означаемого к означаемому заставит нас говорить о глобалистском и маргинальном дискурсе, о навязывании точки зрения, об отражении социума и социоконструктивистской нормализаторской функции дискурса СМИ. Это заставляет нас обратиться к позиции тех исследователей, которые идут к дискурсу от языка [Язык и дискурс СМИ 2008].

С появлением спутникового телевидения и Интернета, с глобализационными процессами в СМИ глобальный медиадискурс стал повседневной реальностью. Стало понятным, что барьеры понимания глобального медиадискурса не только и не столько

языковые, а социальные, ментальные, культурные, т.е. лежащие вне собственно языковой сферы; мы никогда не оставляем вне сферы своего внимания эту собственно рефлексивную проблематику социальных, политических, культурных различий — если угодно, очков — способствующих или мешающих пониманию глобального медиадискурса.

При анализе актуальных текстов медиадискурса должно понимать, что дискурс есть языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. Медиа-репрезентации представляют собой отражение, реконструкцию, миф, творимый в СМИ. При этом СМИ представляют собой универсальный агент коммуникации, дают социально-преобразующую репрезентацию реальности.

Обсуждение материала

В современном социальном дискурсе отмечены традиционные «белая привилегия», «мужская привилегия», «гетеросексуальная привилегия», «христианская привилегия», «классовая привилегии», «возрастная привилегия» в политике. Показано, что привилегированная группа рассматривает свой культурный и экономический опыт как норму.

Обсуждаются социальные и риторические практики неравенства на примере неравенства мужчин и женщин в современных обществах разного типа. Известнее дискурс феминизма и его перевыражение в гуманитарных исследованиях («феминистская критическая теория»).

Дискурсивные завоевания феминизма

Привилегированная группа рассматривает свой социальный, культурный и экономический опыт как норму, а не как особое положение, которого добивается за счет других. Этим привилегия отличается от открытого предвзятого отношения.

Недопривилегированные при этом «не сумели достичь нормы»: *disadvantaged groups are viewed as having failed to achieve the norm*. Разница между привилегированными и маргинализированными вызывает обратную дискриминацию (*reverse discrimination = affirmative action*).

Социологам известнее «стеклянный потолок» и разница в зарплатах между мужчинами и женщинами. В дискурсе к такому диспаритету в отношении к экономически находящейся в непри-

вилегитимированном отношении группе добавляется информация о сексуальной эксплуатации, насилии, связанном с приданным или женским обрезанием в азиатских странах, харассменте в западном мире. Против этого борются все прогрессивные социальные силы. В современном дискурсе равенство возможностей воплощает фигура Хилари Клинтон. Посмотрим на тон медиа в отношении ее номинации на пост президента США летом 2016 года:

For the past several decades, Mrs. Clinton, 68, has lived in the public eye as she has evolved. She has been a political spouse, the scorned wife of an embattled president, a senator who surprised her rivals by working across the aisle, and a losing presidential candidate in 2008 who went on to serve in the administration of Barack Obama, the man who had bested her.

Обычным сателлитом феминистского дискурса является дискурс за права LGBT. LGBT-группы подвергаются дискриминации в отношении брака, приема на работу, налогов, развода, способности выполнять обязанности родителя (single parenting). И весь дискурс искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, усыновления обычно сопутствует этому дискурсу. Известен и научный вариант дискурса за права женщин. Это феминистская теория — проекция феминизма в филологический дискурс. С целью понимания природы гендерного неравенства используются антропология, социология, коммуникативные науки, психоанализ, экономическая теория, литературоведение, педагогика, психология. Ставится и практическая задача продвижения прав женщин, интересов и вопросов. Это уже не борьба за предоставление права голоса женщинам на выборах. Это третье поколение феминизма (Ю. Кристева, С. де Бовуар). Все современные феминистские теории строятся на утверждении того, что женский опыт недооценен (women experience subordination). Это ангажированные исследования: они рассматривают женщин как объект дискриминации, сексуальной эксплуатации, подавления, стереотипов, патриархата.

Показательно признание этими исследованиями важности различных голосов женщин, несмотря на разницу рас, класса, возраста, культуры, сексуальной ориентации, богатства.

Модели женского знания: новые интерпретации

Посмотрим на интерпретационные модели кросс-культурных исторических исследований женского дискурса. Прекрасный пример тому — вышедшая из печати книга Л. Олсон и С. Адоньевой [Олсон 2016].

Американской и русской исследователями изучаются и интерпретируются личные истории трех поколений русских женщин — дооктябрьское поколение, поколение 1917–1929 гг. (до Большого перелома) и поколение 1930–1950 гг., молодость которого пришлось на послевоенные годы. В рассказах женщин русской деревни (по результатам этнографических экспедиций) предстали наиболее значимые сферы женского знания и дискурса — темы ухаживания и свадьбы, мелодраматизм песенного репертуара и трансгрессивность частушки, магические и религиозные практики, межпоколенческие отношения родства и свойства, отношения с мертвыми.

Книгу характеризует широкое использование современных методологических подходов, выход за рамки фольклористики традиционной парадигмы («записывать все, что поет и рассказывает деревня»), взаимодействие с современным психологическим, социально-антропологическим и лингвистическим знаниями. С. Адоньева специально отмечает свою неудовлетворенность структурным и типологическим анализом фольклорных текстов, подтолкнувшую ее к поиску иных методов анализа, к знакомству с другими дисциплинами (лингвистикой, психологией, социологией, антропологией), что позволило превратиться ей из собирателя фольклора во включенного наблюдателя.

Показателен сам подход к информантам, которых авторы предпочитают называть собеседниками. В центре книги — люди, пользующиеся фольклором для своих нужд, а не «носители традиции». По словам авторов, это восприятие традиции, в которой человек сам участвует. Собеседники не воспринимаются как «карты памяти» (устройства для хранения информации), «носители традиции», которые хранят фольклорную информацию для ученых.

Интервью (разговор между членом сообщества и внешним по отношению к сообществу человеком) может дать гораздо больше, чем просто запись фольклорного текста и описание обряда. Такое интервью проливает свет на социальные роли, установки и ожидания, которые мы и наши собеседники привносим в коммуникацию, а также смыслы и отношения, которые мы конструируем в процессе. Авторы прямо отмечают: «В своей полевой работе мы учились на тех непониманиях, которые случались между нами и нашими собеседницами — деревенскими женщинами» (с. 38). Наблюдения и выводы авторов при этом строятся на собственных рефлексиях.

Динамический контекст интервью можно различить посредством двух параметров, развивающихся в диалоге: 1) социальные роли, которые инициируются, подтверждаются и

отвергаются в процессе коммуникации; 2) созидаемое метафорическое пространство, в котором интерпретации собеседников совпадают. Это происходит не только, когда миры собеседников близки, но и тогда, когда общее знание собеседников минимально — как это часто бывало в случаях с авторами исследования, горожанками, при общении с сельскими женщинами. При этом авторы отмечают (с. 22): «Хотя мы понимаем друг друга на уровне языка, тем не менее, обсуждая обстоятельства произошедших событий (то есть задавая вопрос, «почему» что-то случилось), мы должны интуитивно искать общие семантические основания и взаимоприемлемые коммуникативные роли. Так, рассказывая о своем или соседском прошлом либо прогнозируя наше (исследователей) будущее посредством моральных наставлений, наши партнеры по коммуникации созидают свое прошлое и наше с ними общее настоящее и будущее. В этом контексте каждая сторона, участвующая в разговоре, использует и транслирует определенные схемы интерпретации, соотносится с определенными моральными правилами и разыгрывает определенные социальные роли». В фольклорной культуре, как и в других культурных явлениях, существует динамическая зона контакта (interface) между индивидуальным и социальным, личным опытом и общей установкой, между традицией и потребностями текущего момента [Turner 1967: 27–30].

Авторы и исследуют конкретные практики и дискурсы, составляющие повседневную жизнь рассматриваемой социальной страты. Показателен круг теоретических работ по коммуникативистике, привлекаемых к обсуждению материала. Привлечены антропологические исследования, гендеристика, исследование субъективности, дискурса, наррации, невербалики — с привлечением работ И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, А. Шютца, М. де Серто, П. Бурдьё, М. Фуко, Б. Малиновского, Л. Витгенштейна, Дж. Серля, Д. Таннен, Р. Шенка и Р. Абельсона. Исследуются самоидентичность собеседников и их аффилированная идентичность (мнения других о себе), фреймы, сюжеты и сценарии жизни. Идентичность понимается авторами как сеть значимых для человека взаимоотношений с другими людьми и группами. При этом возможны разные типы идентичности: этническая, гендерная, территориальная, возрастная, статусная. Каждая из них не обладает независимым фиксированным существованием, но создается посредством действий, осуществляемых в контексте повседневных коммуникаций и по конкретным причинам. При этом едва ли впервые (сами авторы

отмечают, что вслед за работой Т. А. Берштам 1988) пол и возраст рассматриваются как категории, посредством которых организована картина мира крестьян, как ключевые параметры социальной структуры крестьянского сообщества. Известно, что гендерные характеристики фольклора, за исключением причитаний — собственно женского жанра фольклора — долгое время не принимались во внимание. Конкретными хранителями общего знания фольклористы не интересовались.

Авторы подчеркивают, что слово «миры» в названии книги — дань социоконструктивизму: « для нас важно указать на то, что люди сами создают социальные миры; иными словами, мир, в котором человек живет, являет собой социальную и культурную конструкцию, в создание которой он вносит вклад. Мы понимаем мир как реальность, постоянно создаваемую социальными (в том числе и коммуникативными) практиками» (с. 11). При этом со ссылкой на Э. Сэпира авторы отмечают, что исследователь может полагать, что он имеет доступ к объективному миру значений, общему для исследователя и исследуемого. Поэтому авторы обращали особое внимание в полевых исследованиях и анализе на язык, в частности на языковые препятствия и коммуникативные провалы, которые помогали лучше понять другую культуру. При этом авторами осознавалась также опасность представить исследуемую культуру более «экзотической», более «отличной» и более «иной», чем нужно.

В работе использованы понятия сюжета и сценария: сюжета как способа, принятого в данной культуре для толкования прошлого, а сценария, напротив, как инструмента для толкования будущего.

Текст книги заставляет размышлять о природе женского знания, навыков и творчества. При этом показательно, что женщинам каждого возраста присущи свои формы доминируемого знания (девочки — сказки и колыбельные, девушки — свадебные песни и причитания, молодые женщины — бытовая магия, заговоры и обереги, большухи — оплакивание покойников и сказки).

Книга обсуждает принципы распределения знаний, навыков и ответственности в деревенском сообществе в соответствии с этапами жизни мужчин и женщин. Показаны разные социальные и половозрастные роли в деревне — *девка, молодка, баба, большуха, старуха, парень, мужик*. У каждого свои прерогативы. Сталкиваясь с формами социального контроля, люди отвечают на них, используя разные тактики — подчинение, трансгрессию и компромисс. В книге значимое внимание уделе-

но рефлексии, связанной с коммуникативными практиками, с коммуникативными неудачами. В книге интересно показана динамика индивидуального и социального, показано, как половозрастные статусы определяют социальную идентичность, предлагая ограниченный выбор сценариев поведения.

В последующих главах описаны традиционные практики. Эти практики сохраняют традиционную значимость в жизни собеседниц авторов, несмотря на значительные экономические, социальные и идеологические изменения в русской деревне. Обряды и пение существовали как в приватном, так и в публичном социальных пространствах, магия же относилась исключительно к приватной сфере, о ней никто не говорил публично. Ритуалы и пение были идеологизированы советской властью, магия подвергалась гонениям. Тем не менее, эта практика сохранялась и удерживалась. Авторы считают продуктивными и жизненно важными для собеседниц следующие фольклорные жанры: песни, биографические нарративы, легенды и мифологические рассказы, магические практики, религиозные ритуалы, семейные праздники, юбилеи и поминовения.

Книга рассматривает дискурс магии как форму знания и, следовательно, власти, которую приписывают отдельным членам деревенского сообщества, те способы, которыми этот дискурс формирует социальные сети. Такие нарративы представляют для отдельных информантов особую форму социального капитала, создают им репутацию «знающих» внутри сообщества.

В книге показаны **субъективность** под субъективностью понимается осознание себя, своих чувств, стремлений, убеждений и опыта в перспективе социальных ожиданий и норм), **агентивность** (понимаемая, в фукоистской традиции, как присущая человеку способность к самостоятельному выбору и действию, в противоположность детерминистическому взгляду на человека, по которому его поведение есть следствие воздействия среды и обстоятельств) и **традиция**. Конечный вопрос, который задают авторы: каковы взаимоотношения русских крестьянок с традицией?! Если они видят себя хранительницами традиции, то что это — личный выбор, призвание, роль, вмененная им их сообществами?! Или же источник этой мотивации находится вне сообщества?!

Указанные источники нашей работы — медиа и фольклор — заставляют и дальше размышлять о социоконструктивистской природе женского знания.

ЛИТЕРАТУРА

Бушев А. Б. Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. — Palmarium Academic Publishing, 2016. 383 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начале XX в. половозрастной аспект традиционной культуры. — Л.: Наука, 1988.

Медиа. Введение / под ред. А. Бригза и П. Колби. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 536 с.

Олсон Л., Адоньева С.. Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс. — М.: НЛО, 2016.

Язык и дискурс СМИ / под ред. М. Н. Володиной. — М.: Академический проект, 2008. 332 с.

Turner V. The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Rityals. — NY: Cornell University Press, 1967.

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

ИГРЫ РАЗУМА: ИНТЕЛЛЕКТ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *На материале афористических высказываний и бытового анекдота исследуются игровые функции лексических показателей познавательной способности. Устанавливается, что в игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *познавательные способности, игровой дискурс, юмористический дискурс, юмор, тональность дискурса, интеллект, глупость, мудрость, хитрость.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета.*

*Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2.
E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru.*

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

A BEAUTIFUL MIND: INTELLIGENCE IN HUMOROUS DISCOURSE

ABSTRACT. *Play functions of lexical units are studied on the material of aphoristic sentences and anecdotes. It is shown that two functional subspecies are singled out in the play tonality of discourse: a joyful one directed to amuse and cheer up speech recipient, and an admiring one aimed at bringing forth his delight and admiration.*

KEYWORDS: *cognitive abilities, playful discourse, humorous discourse, humor, tone of discourse, intelligence, stupidity, wisdom, cunning.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vorkachev Sergey Grigor'evich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Technical Translation Department, Kuban State Technological University.*

«Игровой дискурс», как и сама «игра» (см.: [Витгенштейн 1994: 110–113]), — родовое понятие с достаточно расплывчатыми, неопределенными границами, включающее видовые объекты, объединяемые на основании «семейного сходства» — транзитивного, частичного подобия, когда один объект связывается с другим через свойства, присутствующие в той или иной мере в третьем объекте.

Естественно, наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает дискурс юмористический (комический) как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2004: 304–332]. Разновидностью игрового дискурса будет и развлекательный дискурс (см.: [Карасик 2014: 248–265]), и пародийный дискурс (см.: [Карасик 2009: 332–341]), и, вероятно, другие типы дискурса, характеризующие коммуникативной направленностью на языковую игру.

Игровой дискурс в «чистом виде» реализуется в таких литературных и речевых жанрах, первичных и вторичных, как анекдот, эпиграмма, частушка, эстрадная шутка, пародия, юмористический и сатирический рассказ, роман и пр. Помимо этого игровое начало может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» [Карасик 2009: 304] практически в любом виде неигрового дискурса, за исключением, конечно, судебных приговоров, технических инструкций и прочих текстов, не допускающих разночтения.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, — иронии и самоиронии, насмешки и самонасмешки, сарказма, гротеска, парадокса, различных форм «языковой игры» (см. подробнее: [Воркачев 2004: 173–177]). Ее целевая установка реализуется в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать

назидательность сентенции и пр. (см. подробнее: [Санников 1999: 26–30; Воркачев 2007: 220–221]). Здесь можно также отметить основную функцию иронии как одной из разновидностей игровой тональности дискурса: установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (см.: [Шилихина 2014: 15–16]). В то же самое время в качестве более общей, можно сказать, глобальной содержательной функции игровой тональности, может быть функция карнавализации, направленная на временное «обращение» культурных ценностей (см.: [Воркачев 2014: 239–240; 2014а: 174]).

После выхода книги М. М. Бахтина о Рабле в 1965 году (см.: [Бахтин 1965]) «карнавализацией» стало называться временное отступление от высоких и общепринятых идеалов. В ходе карнавала все основные ценностные противопоставления религиозной и бытовой культур обращаются — меняются местами: формируется «мир наизнанку», где верх становится низом, «первые становятся последними», королем карнавала становится шут, святые оскверняются, вместо слов благочестия звучит площадная брань (см.: [*Руднев]).

В игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная» (шутливая, юмористическая), направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность, которую à faute de mieux можно назвать «восхитительной», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение, что можно с той или иной степенью приближения сопоставить со «стремлением развлечь себя и собеседника» и «стремлением к самоутверждению» (см.: [Санников 1999: 27]). Различия между этими тональностями можно проиллюстрировать примером из циркового искусства: так клоунада отличается от жонглирования. И если анекдоты и шутливые афоризмы окрашены преимущественно увеселительной тональностью, то игровая тональность «серьезных» афоризмов проявляется в жонглировании смыслами, призванном вызвать восхищение и удивить своими интеллектуальными способностями.

Конечно, игровое начало присутствует практически в любом литературном или речевом жанре за исключением, как уже говорилось, технических и юридических документов. Однако обильнее всего, по наблюдениям, она представлена в таких контрастных и, можно сказать, полярных жанрах, как афористика и бытовой анекдот.

Следует сразу отметить, что границы между «анонимным»

афоризмом, создатель которого скрывается за обозначением NN или «неизвестный автор», и «несценарным» анекдотом, в котором отсутствуют диалог и «драматизированность» [Белосов 2003: 581], практически не существует.

«Игровые» аспекты вербализации базовых модусов познавательной способности человека — ума, глупости, мудрости и хитрости, где со стороны утилитарной, практической оценки ум противостоит глупости, а со стороны этической оценки мудрость противостоит хитрости, исследуются на материале афористического корпуса и корпуса русских бытовых анекдотов.

Анализ и толкование юмористических высказываний — в высшей степени неблагодарное занятие для того, кто этим занимается, поскольку, как заметил еще Вольтер, «разъясненная шутка престаёт быть смешной; любой комментатор остроты — просто глупец». В случае шуточных афоризмов к этому добавляется и трудность разведения игровых функций дискурсивных тональностей в силу неизбежного субъективизма, обусловленного как совпадением формальных средств их передачи в языке, так и синкретическим характером их присутствия в высказывании — они отнюдь не исключают друг друга. Предварительно, в тенденции можно принять, что «увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму в самом широком понимании, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание — «игру смыслов».

«Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых (синонимии, омонимии, полисемии, пресуппозиций, сочетаемости и др.) и лингвокультурных (прецедентности) связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур — «самый демократичный вид языковой шутки» [Санников 1999: 513], в основе которого лежит совмещение в одном контексте обычно несовместимых либо маловероятных смыслов.

Нередко для создания «увеселительной» тональности афоризмов используются такие свойства языкового знака, как антонимия («Иногда даже с умным трудно *потерять* то, что *нашел* с дураком» — Гжещик; «Гораздо легче *стать* умным, чем *перестать* быть дураком» — Ключевский) и синонимия («*Умных* значительно больше, чем *мыслящих*» — Крылатов). Реже обыгрываются словообразование («Можно было подумать, что в его голове несколько

мозжечков» — Лец) и синтаксис («Сильный действует *рукой*, мудрый — *умом*, а хитрый — *кем-то еще*» — Гжегорчик).

Регулярно в этих целях используется прием деметафоризации метафор — «выпрямления» переносных значений, превращения их в прямые: «И у *светил науки* бывают затмения ума» — Севрус; «В *глупости* человек *сохраняется*, как шуба в нафталине» — Кроткий; «Он *проглотил* много *мудрости*, но все это словно *попало* ему *не в то горло*» — Лихтенберг; «Где *копи мудрости*? Обычно там, где она *погребена*» — Лец).

Почти столь же регулярно здесь используются лексические пресуппозиции предикатов и дискурсных слов, вокруг которых организуется семантика афористического высказывания: «"Вы что, *считаете* меня идиотом?" — "Нет, но я ведь *могу ошибаться*"» (Бернар); «Кто больше *знает* — мудрец или глупец? Конечно, — глупец: мудрец во всем *сомневается*, а глупец — нет» (NN); «Даже разумному человеку иногда *кажется*, что он умен» (Лауб); «Глупый *думал*, что мудрость придет к нему с годами» (Крайнов-Рытов); «А голые женщины *тоже* умны?» (Лец); «Женщины любят нас за наши недостатки. Если этих недостатков изрядное количество, они готовы все нам простить, *даже ум*» (Уайльд).

Регулярно используются ассоциативные связи лексем, наполняющих афористические высказывания, с прецедентными явлениями — прецедентными текстами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями (см.: [Гудков 1999: 26–29; Красных 2003: 72–173]): «*Голиаф* не был умен. Ему это было не нужно» — Лауб; «*Стену* можно *пробить* только *головой*. Все остальное — только орудия» (Кумор); «О том, кто умнее, *спорят* только *дураки*» (Севрус); «*Дуракам везет?* Не такие уж они дураки» (Ягодзиньский); «Мудрец — *один в поле воин*, дураки — народное ополчение» (Севрус); «Так сильно хочется выглядеть *умным*, что все чаще предпочитаю *молчать*» (Калинин).

Для придания же большей части афоризмов «увеселительной» тональности «субстратом» служат фразеологизмы различной степени связанности и идиоматизированности, начиная от виноградовских (см.: [Виноградов, 1947: 22–27]) «фразеологических сращений» — идиом — и заканчивая «фразеологическими сочетаниями» — речевыми штампами: «А дураков, *каких мало*, — оказывается-то много!» (NN); «*Ахиллесова пята* нередко укрыта в *голове*» (Кумор); «Беда может *научить* *уму-разуму*, но *мудрости* — никогда» (Гжегорчик); «Чтобы *попасть в глупое положение*, иногда достаточно сказать что-то умное» (Ло-

манный); «Только умный *чувствует себя* время от времени *полным дураком*» (Крайнов-Рытов); «Дурак замечает первым, как *много умных развелось*» (Малкин); «О нем нельзя было сказать, что он *живет чужим умом*. Он жил своей глупостью» (Кроткий).

Более того, эта тональность может создаваться объединением в одном высказывании нескольких фразеологизмов: «*Жить* иногда имеет смысл *чужим умом*, но *полагаться* можно только на *свой*» (Свифт); «Мудрость — это когда уже не *считаешь себя умнее всех*, а стараешься *быть не глупее других*» (Крутиер); «Что у женщины *на уме*, у мужчины даже *в голове не укладывается*» (Крутиер).

«Увеселительная» тональность афористики создается также буквализацией фразеологизмов, когда переносное значение метафоры истолковывается как прямое: «Презирал весь мир. О земле говорил: “*Круглая дура*”» (Кроткий); «Дурак никогда не *заходит в тупик*, потому что там полно умных» (NN); «Глупость никогда не *переходит границ*. Куда ступит, там и есть ее территория» (Лец); «Мудрость не всегда *приходит с годами*. Иногда годы *приходят* одни» (Уилсон); «В любви *теряют рассудок*, в браке замечают потерю» (Сафир); «Что может быть вместительнее *пустых голов?*» (Лец); «Мудрецы и зубные врачи *смотрят в корень*» (Кроткий).

И, наконец, в афористических высказываниях о познавательной способности «увеселительная» тональность может создаваться произвольно, даже вопреки коммуникативным намерениям говорящего, что называется, по-черномырдински (ср.: «Все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем *в одно место*» – Так говорил Черномырдин 2011: 96): «Мы эту проблему решили в узком кругу *ограниченных людей*» (Лукашенко).

Как уже отмечалось, в общем афористическом корпусе количество единиц, отмеченных интеллектуальной игрой и «акробатикой смысла», где «мысль исполняет пируэт» (Ж. де Брюйн), превышает число единиц, отмеченных сугубо языковой игрой, почти в пять раз. Тем не менее, даже в них «восхитительная» функция игровой тональности на фоне других функций афоризма в достаточной мере вторична: она лишь сопровождает маскировочную, разоблачительную, терапевтическую и другие функции, связанные с потребностями речевого воздействия.

«Игровой» афористике познавательной способности человека, естественно, присущи и общие свойства афористических единиц: антитезисность и антонимичность («*Глупец* думает, что

он действительно *умен*, а *мудрец* знает, что он *глуп*» — Шекспир; «За человека большого *ума* слывет тот, кто был бы лишь *глупцом*, если бы не был министром» — Гельвеций), метафоризированность («*Мудрость* — это чужеземное и редкое растение, возделывание которого мы любим видеть, но только в чужом поле» — Дюбе; «*Умные* люди — это те же пахучие цветы: один приятен, а от целого букета болит голова» — Авербах) и парадоксальность («У меня хватило *ума* прожить жизнь *глупо*» — Раневская; «*Ум* — сравнительно самый приятный из всех *пороков*» — Эррио). Особую значимость, конечно, здесь имеет парадоксальность, иногда приближающаяся к, можно сказать, «катахрезности» и абсурду («разум/мудрость глупцов», «избыток ума»): «Глупец тот, кого губит *избыток ума*» — Грасиан; «За умное мы принимаем только то, с чем соглашаемся. Так что у *глупцов* есть своя *мудрость* и спорить с ней бессмысленно» — Калинин).

Если «игра» в афоризмах «увеселительной» дискурсивной тональности основана преимущественно на речевой многозначности входящих в них лексических единиц (см.: [Санников 1999: 490]), то «игра» в афоризмах тональности «восхитительной» основывается, главным образом, уже на силлогистике — выводном знании: неожиданных импликациях и инференциях, прагматических пресуппозициях, когнитивных метафорах, построенных на переносе периферийных признаков, «экзотических» реминисценциях, и пр.

Когнитивная (она же концептуальная) метафора, позволяющая увидеть невидимое, в случае интеллекта проявляется, прежде всего, в его персонификации — уподоблении человеческому существу: «Любовь не спрашивает мнения *разума*, но обычно заставляет его платить» (Кумор); «Не доверяйте в страсти голосу *разума*. *Разум* достаточно разумен, чтобы перекинуться на сторону сильнейшего — на сторону страсти» (Берне); «*Разум* — это в лучшем случае наша жена: мы действительно часто слышим, только редко задумываемся над тем, что он говорит» (Честерфилд); «Серьезность — это *глупость* с высшим образованием» (О'Рурк); «*Хитрость* в сравнении с *мудростью* — то же, что обезьяна в сравнении с человеком» (Пенн). В этих же целях интеллект также уподобляется инструменту или какому-то прибору («*Разум* — это зажигающее стекло, которое, воспламеняя, само остается холодным» — Декарт; «Воистину, тончайший юмор заключен в том, что бог дал человечеству *разум*, а как им пользоваться не пояснил» — Галямин; «Язвительный *ум*, как острый нож, нередко ранит того, кто им пользуется» — NN), либо реифицируется — уподобляется

природному объекту или артефакту («У ума, как у проселочной дороги, есть своя проторенная колея» — Бальзак; «Бывают люди с умом сияющим и люди с умом сверкающим: первые просветляют, последние же ослепляют» — Эбнер-Эшенбах; «Идиот подобен не тому автомобилю, у которого не хватает какой-либо важной части, а тому, у которого все гайки завинчены так крепко, что он двигаться не может» — Любичев).

Умозаключения относительно познавательной способности, иногда могут быть представлены в афористике в полном виде, эксплицитно: «Умные иногда смеются над глупостями. Глупые часто находят смешным умное. Юмор, похоже, не имеет отношения к разуму» (Калинин); «Глупость чаще бывает полезна, чем вредна. Потому то самые хитрые выставляют себя дураками» (Граф). Чаще же одна из посылок опускается: «Разумный человек приспособляется к миру, неразумный приспособляет мир к себе. Поэтому весь прогресс зависит только от людей неразумных» (Б. Шоу) — опущена посылка «Прогресс состоит в изменении мира»; «Более умный всегда уступает — какая великая мысль! Она объясняет, почему в мире господствует глупость» (Эшенбах) — опущена посылка «Глупый всегда побеждает»; «Те, кто достаточно умен, чтобы не лезть в политику, наказываются тем, что ими правят люди глупее их самих» (Платон) — опущена посылка «В политику лезут глупые»; «Анекдоты о сумасшедших, рассказанные ими самими, внушают беспокойство — слишком уж они разумны (Лец) — опущена посылка «Сумасшедшие не могут высказывать разумные вещи»; «За человека большого ума слывет тот, кто был бы лишь глупцом, если бы не был министром» (Гельвеций) — опущена посылка «Должность придает человеку ума»; «Мудрости должно быть вдоволь, ведь ею мало кто пользуется» (Лец) — опущена посылка «Всегда в избытке то, что никому не нужно».

Во многих эллиптированных умозаключениях в качестве опущенной большей посылки — суждения общего характера — выступают прагматические пресуппозиции, представленные (якобы) общеизвестными истинами (*idées reçues*), «шаблонами мысли»: «Умная женщина сама понимает, что дура» (Малкин); «Женщина должна выглядеть настолько умной, чтобы ее глупость оказалась приятным сюрпризом» (Краус) — пресуппозиция: «Женщины — глупы»; «У меня хватило ума прожить жизнь глупо» (Раневская); «Как я завидую безмозглым!» (Раневская) — пресуппозиция: «Дураки счастливы»; «Чем больше ума,

тем меньше средств к существованию» (Унаина) — пресуппозиция: «Умные люди бедны»; «Самая *глупая* женщина может сладить с *умным* мужчиной, но с *дураком* сладит лишь самая *умная*» (Киплинг) — пресуппозиция: «Дураки непредсказуемы»; «*Умный* человек не только не скажет ничего *глупого*, но даже никогда и не услышит ничего *глупого*» (Берне) — пресуппозиция: «Умный человек тактичен»; «*Умный* человек способен не только выполнять *глупые* приказы, но и доказывать, что они *умные*, и с этого жить» (Лауб) — пресуппозиция: «Умный человек использует глупость в своих интересах»; «Красивые женщины в старости бывают очень *глупы* только потому, что в молодости были очень красивы» (Ключевский); «Он *глуп* оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее *глуп*» (Ключевский) — пресуппозиция: «Красота несовместима с умом»; «Трудно считать *дураком* человека, который восхищается нами» (Эбнер-Эшенбах) — пресуппозиция: «Нами восхищаются только умные люди»; «Чтобы прослыть *дураком*, не обязательно кем-то руководить» (Малкин) — пресуппозиция: «Все начальники — дураки»; «*Мудрость* — это не морщины, а извилины» (Жемчужников) — пресуппозиция: «Мудрость не зависит от возраста»; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» (Вяземка) — пресуппозиция: «В жизни хитрость лучше мудрости».

В основе некоторых афоризмов интеллектуально-игровой тональности лежат достаточно отдаленные и тонкие реминисценции с когда-то кем-то уже изреченными мыслями: «Бывает, что усердие превозмогает и *рассудок*» (Козьма Прутков) — *Labor omnia vincit improbus* — «Все побеждает упорный труд» Вергилия; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» (Моруа); «В избытке даже *разум* не всегда желателен, и люди почти всегда лучше приспособляются к середине, чем к крайностям» (Монтескье) — *Aurea mediocritas* — «золотая середина» — добродетель как среднее между двумя крайностями Аристотеля; «Действительно возвышенные *умы* равнодушны к счастью, особенно к счастью других людей» (Рассел) — *Nous avons tous assez de forces pour supporter les maux d'autrui* — «У нас у всех хватает сил, чтобы пережить несчастья ближнего» Ларошфуко; «*Дураков* плодят *умные* профессии» (Круглов); «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, *болваном*» (Б. Шоу) — «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» Козьмы Прутова; «Другие не *дураки*, просто они не ты» (Таранов); «Дурак —

это просто инакомыслящий» (А. и Б. Стругацкие) *Imbéciles: ceux qui ne pensent pas comme vous* — «Дураки: те, которые думают не так, как Вы» из «Словаря прописных истин» (*Dictionnaire des idées reçues*) Гюстава Флобера.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностных смыслов (см.: [Воркачев 2009: 34–35]) в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости), как это происходит, например, со справедливостью и несправедливостью (см.: [Воркачев 2009: 34–35; 2009а: 6]).

В этих афоризмах отрицается могущество и всеисилие разума («При помощи *разума* редко удается сделать что-нибудь *разумное*. *Разум* — это пружина, которая портится так же легко, как и всякая другая, и даже легче» — Ламетри; «Человек *рассудительный* не может верить в *рассудок*» — Лауб; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» — Моруа), утверждается его вторичность на фоне чувства («*Разум* дан человеку, чтобы он понял: жить одним *разумом* нельзя. Люди живут чувствами, а для чувств безразлично, кто прав» — Ремарк), отмечается, что интеллект отнюдь не служит помехой глупости («*Ум* служит нам порою лишь для того, чтобы смело делать *глупости*» — Ларошфуко; «*Разум* есть способность живого существа совершать *бессмысленные и нерациональные* поступки» — А. Стругацкий; «Количество *глупостей*, совершаемых по велению *рассудка*, гораздо больше, чем количество *глупостей*, совершаемых по *глупости*» — Чаплин; «Человек извлек пользу из своего *интеллекта*: он изобрел *глупость*» — Гурмон). С грустью констатируется, что «Отсутствие *здорового смысла* мешает мыслить, присутствие — жить» (Крутиер) и «Люди всегда против *разума*, когда *разум* против них» (Гельвеций).

В то же самое время глупость называется Божьим даром («*Глупость* — дар Божий, но не следует злоупотреблять этим даром» — Бисмарк), ей приписывается статус основы бытия («Все — смех, все — прах, все — ничтожество: источник всего сущего — *глупость*» — Гликон), правовой гарантии («Право на *глупость* — одна из гарантий свободного развития личности» — Марк Твен) и палочки-выручалочки в трудных жизненных ситуациях («Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только *глу-*

пость» — Ларошфуко). Отмечается ее превосходство над умом («В этой компании на каждого *дурака* приходилось десять *умных*, так что силы были примерно равны» — Казаков), незаменимость в борьбе с лишениями («*Глупость* и хорошее пищеварение — незаменимые качества для борьбы с лишениями» — Карлейль), ее способность обеспечивать человеку счастливую жизнь («Не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко *глупым* и не слишком честным» — Ф. Бэкон) и ее богоугодность («По настоящему угодны богу только *дураки*, поэтому они везде процветают» — Эразм Роттердамский).

В свою очередь мудрость не так уж далека от глупости («*Мудрость* — умение выбрать наименьшую *глупость*» — Войнар; «Человеку свойственно рассуждать *мудро*, а поступать *глупо*» — Франс; «Тот, кто не совершает каких-либо *глупостей*, не настолько *мудр*, как он думает» — Ларошфуко) и в жизни «Лучше *глупцом* быть вместе со всеми, чем *мудрецом* в одиночку» (Грасиан). Она не способна смягчить страдания («Знай, читатель, что *мудрость* уменьшает жалобы, а не страдания!» — Козьма Прутков) и превращает людей в пьяниц и самоубийц («Есть только два рода *мудрецов*; одни кончают с собой, другие пьют, чтобы заглушить голос мысли» — Марк Твен).

А для выживания хитрость полезнее и ума, и мудрости («В деле *хитрости* *глупый* человек проводит более *умных*» — Л. Толстой; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» — Вяземка).

Как представляется, существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики объясняется, с одной стороны, литературной модой, когда после 18-го века открытое морализирование сентенций и максимум стало вызывать раздражение и насмешку, а авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры (см.: [Санников 1999: 28–29]), с другой же стороны, расширенное распространение получил каламбур как в силу своей доступности и «демократизма», так и в силу того, что в настоящее время любой желающий продемонстрировать свое остроумие легко может это сделать, выставив плоды своей языковой креативности в Интернете без всякой цензуры и самоцензуры.

Короткий смешной рассказ — анекдот как речевой жанр юмористического дискурса, похоже, существует чуть ли не со времен Хаммурапи — его образчик записан уже на шумерской глиняной табличке (см.: [*Анекдот]). В русской же лингвокульту-

ре расцвет и наибольшая популярность этого вида изначально устного народного творчества приходится на «время застоя» — годы правления Л. И. Брежнева (см.: [Дементьев 2011: 5]), тогда же, очевидно, окончательно сформировались его социально-культурные и речевые параметры.

К настоящему времени языковые свойства советско-русского народного анекдота изучены достаточно подробно (см.: [Белоусов 2003; Бородин 2001; Воркачев 2013; Карасик 1997; Курганов 1997; Чиркова 1997; Шмелева-Шмелев 2002]). Типология народного анекдота осуществляется, главным образом, на основании двух базовых принципов: содержательного, когда анекдоты классифицируются по тематике (анекдоты о персонажах — Вовочке, Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, сказочных героях, политических деятелях; о неверных супругах, представителях национальностей, сумасшедших, пьяницах, дистрофиках, наркоманах, гомосексуалистах и пр.; бытовые, политические, армейские, медицинские и пр.) и по «среде бытования» — характеристикам тех, кто их рассказывает и слушает (студенческие, театральные, музыкальные, детские и пр.), и формального, когда они классифицируются по преобладающим текстотипам — своей композиционно-речевой форме (нарративы, описания, рассуждения, загадки и афоризмы) (см.: [Карасик 2004: 316–319]).

Главенствующая коммуникативная цель народного анекдота — создание комической ситуации, вызывание смеха (см.: [Карасик 2004: 311]), поэтому неудивительно, что в произведениях этого речевого жанра практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии тональности «восхитительной», интеллектуальной, тем более, что отличительной чертой анекдота оказывается заимствованность юмора, которую подметил Михаил Светлов: «Многие считают, что юмор — это анекдоты. А ведь что такое анекдот? Анекдот — это одолженный юмор. Сам не можешь, вот и одалживаешь». К тому же этот юмор, как правило, в известной степени груб — достаточно сравнить совпадающие по форме анекдоты-афоризмы и афоризмы классические, авторские (см.: [Карасик 2004: 318–319]). Анекдот в настоящее время — явление массовой культуры: на телевидении устраиваются конкурсы анекдотов, издаются сборники анекдотов, анекдотами заполнен Интернет. А массовая культура *par excellence* основана на пошлости в этимологическом смысле этого слова как эксплуатации, повторении чего-то уже кем-то

созданного (ср.: «Пошлый — др. русск. *пошьль* — “старинный, исконный, прежний, обычный”. От *по-* и *ходить, шел*» — [Фасмер 2003, т. 3: 349]). Тем самым анекдот как часть этой культуры по большей части паразитирует на прецедентности, присущей текстам, именам, ситуациям, которые в этом анекдоте обыгрываются. Так, например, одним из признаков доминантности национального прецедентного имени (см.: [Воркачев 2014б: 61–62]) выступает тенденция к включению его в юмористический дискурс — оно, как правило, фигурирует в бытовых анекдотах, образуя целые циклы (анекдоты о Чапаеве, о Штирлице и пр.).

Народные анекдоты — квинтэссенция карнавальской культуры, существенное место в них занимает тематика материально-телесного «низа», вербализуемая через обценную лексику. В то же самое время в отличие от афоризма, где карнавализация осуществляется преимущественно путем обращения аксиологического знака абстрактных понятий, в анекдотах уже «обращается» аксиологический знак прототипных персонажей, когда эти персонажи в результате травестики превращаются в свои противоположности: герои выставляются морально ущербными типами, интеллектуалы — придурками, мудрецы — простаками, а, в свою очередь, дураки оказываются мудрецами и хитрецы — героями (см.: [Белоусов 2003: 595]).

Обыденному карнавальному сознанию нет особого дела до мудрости и хитрости, а тем более до отличия последних от ума, что, в общем-то, вполне ожидаемо, поскольку анекдоты вращаются преимущественно вокруг оси глупость-ум, а в фокусе их внимания пребывает традиционный герой — дурак, простак, шут (см.: [Белоусов 2003: 590]). Более того, ум здесь носит вспомогательный характер некоего контрастного фона, на котором ярче выделяется глупость героев анекдота — «умных голов, доставшихся дураку»: людей, считающих себя умными, и умников — желающих показать себя такими, когда они попадают в «дурачские» ситуации: «Подходит иностранец к двум ментам на Крещатики и спрашивает по-английски — как пройти к ЦУМу — молчание. Спрашивает по-французски — как пройти к ЦУМу — молчание, то же самое спрашивает по-испански, по-итальянски, хинди и т.д. — молчание. Разворачивается, уходит. Один мент другому — Ты бачь, яка *розумна* людина, скільки мов знає, а що те йому дало?»; «На базаре бабка продает яблоки, в них табличка — “Чернобыльские”. Какой-то *умный* человек, проходя мимо, замечает: — Слышь, бабка, дык, наверное, твои яблоки

никто и не покупает. Зачем ты эту табличку поставила? — Как это не берут? Еще и как берут! Кто для жены, кто для тещи...»; «Когда-то я был красивым и *умным*, — вспоминает Жириновский, — но в роддоме меня подменили».

Преобладающим композиционным видом анекдота о познавательной способности является нарратив — рассказ о каких-либо забавных событиях в монологической («Юстас, Вы *дурак*. Алекс»). Над этой шифровкой три дня смеялся весь абвер. И только Штирлиц понял, что ему присвоено звание Героя Советского Союза») либо диалогической форме («Моя дочь последнее время стала есть соленые огурцы. Наверно, в организме чего-то не хватает? — *Дура!* Мозгов у нее не хватает. Раньше думать надо было!»), который характеризуется «сценарностью» (Карасик 2004: 317) или «драматизированностью» [Белоусов 2003: 581] — они представляют собой некую сценку. Отличительной чертой анекдота-нарратива выступает неожиданность концовки, определяющая его комический эффект и «мощность» заключенного в нем заряда остроумия (см.: [Белоусов 2003: 581]).

Доля всех прочих композиционных форм в корпусе анекдотов о познавательной способности весьма незначительна. Здесь изредка появляется рассуждение, в котором раскрываются причинно-следственные и логические связи между явлениями («Самым большим доказательством существования *разумной* жизни во Вселенной является тот факт, что до сих пор никто не попытался с нами связаться»), еще реже описание — шутливая классификация («*Тупой* мужчина + *тупая* женщина = мать-героиня. *Тупой* мужчина + *умная* женщина = нормальная семья. *Умный* мужчина + *тупая* женщина = мать-одиночка. *Умный* мужчина + *умная* женщина = легкий флирт») и загадка («Как *умный* еврей разговаривает с *глупым*? — Свысока и из Нью-Йорка»).

На тематику и «источники» [Карасик 2004: 312] анекдотов о познавательной способности не накладывается никаких ограничений: глупость высмеивается и в карикатурных образах известных персонажей (анекдоты о Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, политических деятелях, Иване-дураке), в представителях национальностей (чукчи, евреи, украинцы, грузины, армяне), профессий (медики, правоохранители, военные, музыканты, учителя, преподаватели), возрастов (дети, студенты). Она же фигурирует в анекдотах о сумасшедших, пьяницах, наркоманах, гомосексуалистах и даже животных.

Чаще всего, однако, глупость высмеивается в анекдотах бы-

товых, где фигурируют мужа, жены, любовники, тещи, отцы-матери и сыновья-дочери: «Жена говорит мужу: — Вот напишу я над своей кроватью что ты *дурак*, пусть весь город узнает!»; «Странно, что у самых больших *дураков* самые красивые жены! — сказал муж. — Лысiec! — улыбнулась ему жена»; «Неожиданно приехав домой, муж застал жену в постели со своим лучшим другом. — Слушайте, — воскликнул он, — что вы делаете? — Вот видишь, — сказала жена своему любовнику, — не говорила ли я тебе, что он *дурак!*»; «Папа, а что такое “кранты”? — Почему ты задаешь мне этот вопрос? — Мама звонила кому-то по телефону и сказала: Я своего *дурака* накормила грибами и теперь ему “кранты”».

Следом по встречаемости идут анекдоты о национальностях: «Русский и турок идут рядом и разговаривают. Турок, чтобы поддеть русского, говорит: — У вас в России что ни Иван, то *дурак*. — Правильно. У нас таких турками зовут»; «Пришел чукча к чукче и говорит: — Хочу, однако, я в Москва съездить, дедушку Ленина посмотреть! А ему и отвечают: — *Дурак* ты, однако, дедушка Ленина в соседней яранге живет!»; «В украинской хате просыпается утром мужик и видит перед собой жену, наставившую на него обреза: — Петро, ты иностранный шпион! — Тю! *Сдурела баба!* — Ты во сне по-русски разговаривал!»; «Едет грузин с женой по трассе на машине. Жена захотела в туалет, побежала в кусты, вдруг выбегает обратно, не успела одеться и кричит, а за ней — армянин! Грузин: — Эй, ты че, *сдурел?!* Армянин: — А че — это твой баба? Грузин: — Мой! Армянин: — Эээ, а я думал дыкий»; «Гражданская война. Еврейский погром. Мать семейства падает в ноги перед погромщиками и умоляет: — Возьмите все, что у нас есть, побейте всю посуду, подожгите дом, только не трогайте мою дочь Сару! Она еще совсем ребенок! Дочь: — Не слушайте старую *дуру!* Погром так погром!»; «Ты знаешь, Абрам, моя Сара такая добрая, хозяйственная, *умница*. — Неужели, Изя, у тебя так плохи дела, что ты продаешь мне жену?»; «Отец-цыган просит сына-цыгана: — Сходи за сигаретами. — Давай деньги. — За деньги и *дурак* сможет. Сын уходит, возвращается, кидает отцу пачку сигарет. Тот открывает, она пустая: — Так она пустая! — Так полную и *дурак* выкурит».

Из анекдотических персонажей чаще всего встречаются Чапаев, Вовочка и Иван-дурак: «Петька забегает к Василию Ивановичу и кричит: — Я колобка зарубил. — *Дурак* ты, Петька, это Котовский траншею копал»; «Сидят Петька и Василий Иванович на дереве. Вдруг к дереву подходит слон и начинает его

трясти. — Василий Иванович, может здесь у него гнездо? — *Дурак* ты, Петька, они в норах живут!»; «Идет урок в школе. Учитель: — Кто считает себя *придурком*, встаньте. Через несколько минут встает Вовочка. — Ты что, считаешь себя *придурком*? — Нет, но нехорошо, когда вы один стоите»; «Пришел Иван-царевич в французский ресторан, а там: лягушки жареные, лягушки вареные, лягушки под соусом: — Вот они с ними как... А я то, *дурак*, женился!»; «Сел Иван-*Дурак* на Коня-*Идиота*...».

Языковые приемы создания комического эффекта в анекдотах об уме-глупости универсальны и используются практически в любой разновидности юмористического дискурса. Это преимущественно средства создания каламбурности, прежде всего, полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая: «Петька, ты Анку *любишь*? — Да, вчера ночью *любил*. — *Дурак*, я про настоящую любовь. — А-а, ну это когда белых разобьем»; «Ой, мама, я, кажется, беременна. — От *дуреха*! Где же была твоя *голова*?! — Не помню. Кажется, под рулем»; «Приходит поп под утро домой, жена его встречает и видит, что у него под глазом синяк. Она его и спрашивает: — Что это у тебя? Каким же это *образом*? — Не *образом*, *дура*, а канделябром»; «Останавливает ГИБДД-ик превысившего скорость водителя. А тот, не будь *дураком*, сразу положил в книжку с документами энную сумму денег. Ну и ГИБДД-ик говорит: — Нарушаем, товарищ... *Не положено!* — Как *не положено*, а на второй странице?!»; «Сидят Василий Иванович с Петькой на рельсах, курят. — Василий Иванович, вот ты такой *умный*, так объясни: рельсы гладкие? — Гладкие! — Колеса круглые? — Круглые! — Почему круглые колеса по гладким рельсам-то стучат? — *Дурак* ты, Петька! Формулу площади круга знаешь? — Пи эр квадрат? — Вот этим *квадратом* и стучат!»; «*Умную* девушку знакомят с новым русским. У того на шее толстая золотая цепь. Она, задумчиво: — Златая цепь на *дубе* том... Он, ухмыляясь: — Да знаем мы, знаем, и не только Лермонтова»; «1984-ый год. Умер тов. Черненко. Страна в трауре. Гудят заводы. Везде красные флаги с черными ленточками. В Кремле раздается телефонный звонок. Один из членов ЦК КПСС снимает трубку и слышит в трубке старческий голос: — Але. Вам Генсек не нужен? — Вы что, *дурак* или *больной*? — Да — радостно сообщает голос — и *дурак*, и старый, и *больной!*».

Комический эффект здесь может создаваться обыгрыванием фразеологизмов либо прецедентных высказываний: «Помнишь, ты на прошлой неделе рассказывал, что нашел кошелек с

деньгами. — Помню. Ну и что? — Так я вчера тоже кошелек нашел. — Ну и что? — Так я же тебе говорил, что *везет* не только *дуракам*»; «Ленин показал, как можно управлять. Сталин показал, как нужно управлять. Хрущев показал, что *всякий дурак* может управлять. Брежнев показал, что не *всякий дурак* может управлять»; «Поручик! Почему ваш полковник, это *благоразумный* человек, женился на какой-то карлице? — Ничего странного, мадам. *Из всех зол он выбрал меньшее*»; «Родители постоянно *выбивали* из меня *дурь*, но я всегда знал, где достать еще»; «Что вы сеете? — *Разумное, доброе, вечное*. — Коноплю, что ли?».

Этот эффект может вызываться фактом незнания персонажами анекдота точного значения слов: «Сидят Чапаев с Петькой на берегу, каждый о своем думает. — Слушай, Петька, а давай в Америку махнем? — Да ну, Василий Иванович, что в этой Америке, никакого *кайфа*. — *Дурак ты, Петька!* Мы же *кайф* с собой возьмем!».

Несколько в ином плане лежит механизм создания комического эффекта на основе несовпадения пресуппозиций протагонистов анекдотической ситуации либо участников общения: «Вовочка, увидев у школы недавно установленную вывеску: «СБАВЬ СКОРОСТЬ, ВПЕРЕДИ ШКОЛА!» — говорит сам себе: — *Дураки*, что ли? Можно подумать, туда кто-то бегом бежит!»; «Во время экзамена преподаватель спрашивает студента: — Знаете ли вы, что такое экзамен? — Это беседа двух *умных* людей о предмете. — А если один из них *идиот*? — Значит второй не получит стипендию»; «Получил студент двойку на экзамене. На следующий день встречает в метро преподавателя: — Здравствуйте, Александр Иванович. — А я с *дураками* не здороваюсь... — А я здороваюсь!»; «Один гей рассказывает другому: — Идем мы как-то с Альбертиком, а нам навстречу — толпа хулиганов! — Ну как, *отбилась*? — *Дурачок!* Разве от нас с Альбертиком так легко *отобьешься!!!*»; «Обвиняемый, почему вы при всех сказали, что Иванов *дурак*? — Мне и в голову не приходило, что он это скрывает»; «Судья говорит: — Согласно вашей жалобе, обвиняемый сказал, что вы *дурак*. Это правда? — Чистая правда. — Тогда на что вы жалуетесь?».

В анекдотах «армейского цикла» (и не только в них) обыгрывается произвольный, «черномырдинский» комизм, создаваемый тупостью участников общения, принадлежащих, как правило, к начальствующему составу: «Я смотрю, товарищ солдат, вы слишком *умный!* — Кто, я? — Ну *не я же!*»; «Солдат под-

ходит к офицеру: — Дайте мне увольнительную. — А зачем? — Куплю себе “дипломат”. — Зачем дураку дипломат? Ты меня хоть раз с ним видел?»; «В армии прапорщик построил весь свой взвод и говорит: — Товарищи солдаты, вот заниматься любовью с девушками — это плохо, от них можно подцепить всякую дрянь, ну например — сифилис, а от него либо умирают, либо становятся дураками. Вот мы с братом болели, ну он умер, а мне повезло»; «Вы продолжаете утверждать, что обвиняемый назвал вас дураком? — Да, гражданин судья. Правда, он это сказал не прямо, а иносказательно. Он сказал: — Что касается интеллекта, то мы с вами находимся на одном уровне».

Комический эффект, основанный на нарушении правил логического вывода, в анекдотах об уме-глупости столь же редок, как и композиционная форма анекдота-рассуждения: «Учитель спрашивает маленького Вовочку: — Твой пиджак из чего сделан? — Из сукна. — Верно; а сукно из чего выделяется? — Из шерсти! — Молодец! А шерсть кто нам дает? — Овцы. — Умница! Значит, какое животное дало тебе пиджак? — Папа».

Поскольку подавляющее большинство анекдотов о познавательной способности представляют собой нарративы — короткие сценки с неожиданной концовкой, — комический эффект («пуант») в них создается, главным образом, за счет неожиданного, нелепого, странного развития ситуации и реакции на него ее участников, поведенческой либо вербальной: «Маленький американец заявился к врачу: — Послушайте, док, мне кажется, я заболел корью. Однако могу никому об этом не говорить. — Будьте *благоразумны*, — продолжал он, увидев изумление на лице врача. — Дайте мне 10 долларов, я пойду в школу и распространю болезнь на остальных учеников»; «Ты у меня такой *умный*, такой талантливый, такой грамотный, такой гениальный... — Да нет... Я нормальный. Это просто ты *дура*»; «Приходит мужик домой, а его подруга говорит: — Все, я от тебя ухожу. — Почему? — спрашивает мужик. — Потому что я узнала, что ты педофил. — Хм, а не слишком ли *умные* слова для десятилетней девочки?»; «Российский ВПК сворачивает свои программы по созданию оружия с элементами искусственного интеллекта — опытный образец “*умной*” бомбы так и не удалось *ВЫПИХНУТЬ* из самолета».

Контрастным фоном для человеческой глупости зачастую выступает интеллект животных: «Старый кавалерист рассказывает: — Все эти байки об особом *уме* лошадей во многом надуманны. Помню, меня крепко ранило. Я упал и потерял сознание.

Мой конь без меня поскакал в расположение эскадрона и привел с собой врача. — Так это подтверждает, что кони *умны*. — Как бы не так! Вы знаете, кого он привел? Ветеринара! Чего от коня было ждать?»; «Заходит мужик к приятелю, а тот сидит, с собакой в шахматы дуется. Мужик с удивлением восклицает: — Ну и *умная* же у тебя собака! А сосед ему отвечает с недовольством: — Да какая же она *умная*, счет ведь 3:2 в мою пользу».

В качестве подобного фона может выступать и женский ум: «Доктор, в последнее время я очень озабочен своими умственными способностями. — А в чем дело? Каковы симптомы? — Очень тревожные: все, что говорит моя жена, кажется мне *разумным*»; «Если уж жениться, то на красивой и *умной*! — Но это же двоеженство!».

В корпусе анекдотов о глупости соотношение производных от основы «дур-» к производным от основы «глуп-» выглядит как 190 : 10, что, в общем-то, не вызывает удивления, поскольку «дурь» и «дурак» в полном соответствии с речевым жанром анекдота имеют явную разговорную окраску, а «дурак» еще и «бранное слово» [СРЯ, т. 1: 453; Ефремова 2001, т. 1: 432] — инвектива, хотя и относительно мягкая. К тому же «дурак» выступает как некий интенсив «глупого»: «дурак — *совсем* глупый человек» (см.: [Евгеньева 2001: 103, 131]). «Глупый» в текстах анекдотов употребляется, скорее, как своего рода ласкательное слово: «Всех женщин можно поделить на две категории: 1) Ужас какая дура! 2) Прелесть какая *глупенькая*!»; «Вваливается пьяный лейтенант домой. Жена тут же поднимает скандал. — Тихо, *глупая*, тащи шило — дырочку в погонах колоть. Обрадовалась жена, смягчилась. Взяла шило, дырочку проколола, звездочку прицепила. — А теперь — рви остальные!».

Интеллектуальная ущербность, конечно, немалый порок, ее высмеивание автоматически возвышает соответствующую добродетель — обладание умом. В анекдотах высмеивается как врожденная тупость, так и временное затмение интеллекта в измененных состояниях сознания — при алкогольном или наркотическом опьянении: «Ну не кричи, — успокаивает пьяный муж жену, — Я не такой *дурак*: я же не свои деньги пропил... — А чьи же?! — Кума. Те, что он нам на дрова одолжил!»; «Муж, уходя утром из дома, предупреждает жену: — Сегодня приду поздно. — Наверно, опять в дупель пьяный придешь! В три часа ночи в квартиру вваливается пьяный муж и гневно кричит: — Ну что, *дура*, накаркала!?»; «Идет наркоман, тащит за собой нитку. Ему

говорят: — Эй, ты что, дурак, нитку-то за собой тащишь?!? — А что же, мне ее впереди себя толкать, что ли?!?».

«Лингвокультурным типажем» придурка, тупым, наивным и невежественным, в анекдотах о глупости выступает чукча, появившийся там, очевидно после фильма «Начальник Чукотки»: «Два чукчи ловят рыбу на лодке — один на носу, а другой на корме. Тот, что на носу, слышит громкий всплеск позади, оборачивается — друга нет. Он туда-сюда — нет второго нигде. Вдруг через 5 минут — ух — выныривает он из-под воды. Тот, что в лодке спрашивает: — Ты где был?! Я за тебя так испугался!! — Че ж ты пугаешься-то, дурак? Червяка я менял!».

Достаточно комичной выглядит ситуация, когда дураки называют друг друга дураками: «Идут по улице два дурака. Видят — над ними вертолет завис. Один другому говорит: — Сломался. — Дурак ты, сломался. Если бы сломался, он бы давно на нас упал. Сразу же ясно — бензин кончился!»; «Два рыбака много дней подряд выплывают на лодке, но никак не могут найти рыбное место. И вот однажды им повезло. Когда они вернулись на берег и сдали лодку, один из них спрашивает другого: — Ты запомнил то место, где мы сегодня ловили? — За кого ты меня принимаешь?! Я нарисовал крестик на дне лодки. — Дурак!!! Нам завтра могут выдать другую лодку!!!».

Своего рода карнавализация ума в циклах анекдотов о Чапаеве и Штирлице осуществляется через выставление интеллектуально ущербными личностями культурных героев — легендарного красного командира и советского разведчика: «Василий Иванович, кто, по-твоему, дурак? — Это человек, который выражается так, что другой его понять не может. Понял? — Нет»; «Василий Иванович, ох, и дуб же ты! — Да, Петька, крепок я!»; «В дверь постучали. Штирлиц открыл и увидел на пороге маленькую собачонку. — Что тебе, дуреха? — с суровой нежностью спросил Штирлиц. — Сам дурак. Я из центра, — ответила собачонка».

В анекдотах о сумасшедших («психах») часто подчеркивается умственное превосходство душевнобольных над обычными здоровыми дураками: «Едет мужик на машине мимо дурдома, и тут у машины колесо отваливается. Два часа мужик пытается приладить его на место, а не получается. Все эти два часа за ним сквозь дыру в заборе наблюдает пациент. А потом говорит: — Да ты возьми, открути от каждого колеса по гайке и привинти четвертое, так потихоньку до дома и доедешь. Мужик, обалдевши: — А как вы догадались, вы же в таком заведении».

Пациент: — Может, я псих, но не *идиом!*».

Иванушка-дурачок в детстве — герой анекдотов Вовочка, как правило, интеллектуально торжествует над туповатыми взрослыми: «Учительница: — Дети! Слушайте условия задачи, решать будем устно: летят четыре гуся — три белых и один серый. Сколько мне лет? Все молчат. Вовочка поднимает руку. — Ой, Вовочка, опять ты какую-нибудь *глупость* скажешь! — Нет, Марья Иванна, я решил. — Ну, говори! — Вам двадцать шесть лет. — Правильно! А как ты решил? — Мама меня *полудурком* называет, а мне тринадцать лет...»; «Вовочка сидит на бордюре — курит, пивко потягивает. Мимо бабулька проходит, смотрит на него и говорит: — Ах ты, безобразник! Почему не в школе?! А он ей: — Да ты чего, *дура* старая, кто ж в пять лет в школу ходит?!».

Преобладающей синтаксической функцией лексем «дурак» и «дура» в диалогических репликах анекдотов о познавательной способности человека, где они появляются в форме эллиптированных предложений, приложений или обращений, выступает функция предикатива, передающего суждение о каких-либо свойствах субъекта, в данном случае, его глупости. Однако здесь это свойство не носит характер постоянного атрибута, а является, скорее, результатом оценки разовых, одномоментных поступков этого субъекта — «Если женщина в вашем присутствии говорит: “Какая же я *дура*”, это вовсе не значит, что вы имеете право согласиться, что она действительно *глупа*. Когда она восклицает: “Какая я *дура*”, она просто хочет сказать, что ее природный ум на этот раз изменил ей» (Данинос). На одномоментный характер оценочного суждения указывает, в частности, нередкое присутствие сравнительно союза «как»: «В каюту на пароходе влетает запыхавшаяся и растрепанная девушка. — Что случилось, дорогая? — спрашивает ее соседка. — Капитан сказал, что надвигается шторм, и я, *как дура*, позволила привязать себя к мачте!»; «Приходит жена домой и говорит мужу, читающему газету в кресле: — Дорогой! Что ты мне подарить на 8-е марта? — Я тебя изнасилую. — А если я тебе не дам-ся? — Ну и ходи, *как дура*, без подарка!».

Через употребление этих лексем осуждаются действия или бездействие участников диалога: «Заходите, больная, раздевайтесь, ложитесь. — Следующий! — Заходи, мужик. Здорово, правда? Ну, ладно, выходи, давай, поглядел и хватит. В медицинский надо было идти, *дурак*»; «Прибегает маленький мальчик к папе. — Папа! Папа! Меня бабушка укусила! Папа, не отрываясь от газеты: — Ну, и кто тебя, *дурака*, просил в клетку руку совать?».

Осуждаются несообразительность и отсутствие должной логики в рассуждениях: «Идет красная шапочка по лесу, тут морда волка растерянная из кустов вылезает. Говорит: — Ты красная шапочка? Она: — Ну да! — К бабушке? — Да, к бабушке! — А в корзине пирожки? — Да! — Пирожки в бумажку завернуты? — Да. — Ну, что, дура, смотришь, бумажку давай!»; «Железнодорожная кассирша жалуется вошедшему в кассу начальнику вокзала: — Тут какой-то тип дразнится, строит мне рожи, кривя рот до уха и держа торчком палец у лба! — Дура, это глухонемой просит билет до Кривого Рога!».

Отрицательную оценку получают слова собеседника: «Мальчик говорит отцу: — Папа, кушать хочется, давай маму заколбасим? — Ты что *придурак*, у нас еще пол бабушки в холодильнике»; «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передем! — Я так и стою, *дурень!*».

Если же субъект оценки и субъект предиката высказывания совпадают, то речь идет о самоосуждении либо раскаянии-сожалении: «Иван Царевич идет по лесу. Вечереет. Вдруг видит он избушку на курьих ножках. Выходит Баба-Яга и говорит: — А у меня только две кровати, на одной сплю я, а на другой моя сестра. Выбери, с кем спать будешь. Иван Царевич думает: — Не все ли равно, с кем спать? Ну и провел он ночь с Бабой-Ягой. На следующий день выходит, видит — какая-то красивая девушка стоит. Подходит и спрашивает: — Ты кто?» — Я — сестра Бабы-Яги. А ты кто? — А я *дура-а-к!*»; «Сидят два страстных болельщика футбола. Один другому: — Вот я давеча женский футбол смотрел, ну нет концовки и все. — Я тоже целых два тайма, как *дурак*, прождал, думал, как обычно майками будут обмениваться».

Таким образом, наблюдения над вербализацией глупости и ума в игровом дискурсе позволяют прийти к следующим заключениям.

Наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает юмористический дискурс. Помимо литературных или речевых жанров сугубо комического характера, где игровой дискурс реализуется в «чистом виде», он может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» за редким исключением во всех видах неигрового дискурса.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, ее целевая установка реализует-

ся в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать назидательность сентенции и пр. В ней функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.

Игровое начало присутствует практически в любом литературном или речевом жанре, но обильнее всего она представлена в таких «полярных» жанрах, как афористика и бытовой анекдот.

«Увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание — «игру смыслов».

«Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых и лингвокультурных связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностей в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости).

Существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики на фоне общего корпуса игровых афористических единиц объясняется тем, что открытое морализирование стало вызывать раздражение и авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры.

Главенствующая коммуникативная цель народного анекдота — создание комической ситуации, вызывание смеха, поэтому в произведениях этого речевого жанра практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии интеллектуальной тональности.

Народные анекдоты — квинтэссенция карнавальной культуры, однако в отличие от афоризма, где карнавализация осуществляется преимущественно путем обращения аксиологического знака абстрактных понятий, в анекдотах уже «обращается» аксиологический знак прототипных персонажей: герои вы-

сталаются морально ущербными типами, интеллектуалы — придурками, мудрецы — простаками, а, в свою очередь, дураки оказываются мудрецами и хитрецы — героями.

Количественный состав этого корпуса анекдотов о познавательной способности человека свидетельствует о том, что обыденному карнавальному сознанию нет особого дела до мудрости и хитрости, анекдоты вращаются вокруг оси глупость-ум, а в фокусе их внимания пребывает традиционный герой — дурак, простак, шут, причем ум здесь носит характер некоего контрастного фона, на котором ярче выделяется глупость героев анекдота.

Преобладающей композиционным видом анекдота о познавательной способности является нарратив, лишь изредка здесь появляется рассуждение и еще реже описание.

На тематику анекдотов о познавательной способности не накладывается никаких ограничений: глупость высмеивается и в карикатурных образах известных персонажей, в представителях национальностей, профессий, возрастов, фигурирует в анекдотах о сумасшедших, пьяницах, наркоманах, гомосексуалистах и даже животных. Чаще всего, однако, глупость высмеивается в анекдотах бытовых, где фигурируют мужья, жены, любовники, тещи, отцы-матери и сыновья-дочери.

Языковые приемы создания комического эффекта в анекдотах об уме глупости универсальны и используются практически в любой разновидности юмористического дискурса. Это преимущественно средства создания каламбурности, прежде всего, полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая. Комический эффект здесь может создаваться обыгрыванием фразеологизмов либо прецедентных высказываний, а также возникать в результате несовпадения пресуппозиций протагонистов анекдотической ситуации либо участников общения.

Поскольку подавляющее большинство анекдотов о познавательной способности представляют собой короткие сценки с неожиданной концовкой, комический эффект в них создается, главным образом, за счет неожиданного, нелепого, странного развития ситуации и поведенческой либо вербальной реакции на него ее участников.

Преобладающей синтаксической функцией лексем «дурак» и «дура» в диалогических репликах анекдотов о познавательной способности человека выступает функция предикатива, передающего суждение о глупости субъекта, которая здесь не носит характера постоянного атрибута, а является, скорее, ре-

зультатом оценки одномоментных поступков этого субъекта. Через употребление этих лексем осуждаются действия или бездействие участников диалога, несообразительность и отсутствие должной логики в рассуждениях и речи персонажей, а при совпадении грамматического субъекта с субъектом оценки речь идет о самоосуждении либо раскаянии-сожалении.

ЛИТЕРАТУРА

- Анекдот [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=11355082>.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965.
- Белюсов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. — М.: РГГУ, 2003. С. 581–598.
- Бородин П. А. Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота: АКД. — М., 2001.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. — М.: Гнозис, 1994.
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2004.
- Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2007.
- Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. — Волгоград: Парадигма, 2009.
- Воркачев С. Г. «Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше»: карнавализация идеи справедливости // Ментальность народа и его язык. Вып. 3. — СПб-Севастополь: Рибэст, 2009а. С. 5–9.
- Воркачев С. Г. Карнавализация лингвоидеологемы «народ» в речевом жанре русского анекдота // Жанры речи. — 2013. № 1(9). С. 108–114.
- Воркачев С. Г. Карнавализация лингвокультурного концепта // Воплощение смысла: *conceptualia selecta*. — Волгоград, 2014. С. 238–305.
- Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2014а. № 1. С. 174–178.
- Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. — М.: ФЛИНТА-Наука, 2014б. С. 52–70.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: МГУ, 1999.
- Дементьев В. В. Анекдоты семидесятых: взгляд лингвиста. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. — М.: Астрель-Аст, 2001.

- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. — М.: Русский язык, 2001.
- Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144–153.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
- Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009.
- Карасик В. И. Языковое проявление личности. — Волгоград: Парадигма, 2014.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. — СПб.: Академический проект, 1997.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/CUL-TURE/RUDNEW/slowar.txt>.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- СРЯ — Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981–1984.
- Так говорил Черномырдин: о себе, о жизни, о России. — М.: Эксмо, 2011.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Астрель-АСТ, 2003.
- Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота: АКД. — М., 1997.
- Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: АДД. — Воронеж, 2014.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2002.

Н. А. Воробьева
Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ САКРАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются фразеологизмы, обладающие сакральной семантикой, как один из источников информации об особенностях русской ментальности, традиционной национальной культуры. Особое внимание уделяется устойчивым выражениям, которые обозначают предметы или явления, не имеющие четкой денотативной привязки. Следовательно, выявление типов культурной информации, заключенной в языковых единицах такого рода, связано с привлечением разных культурных кодов ее трансляции: обрядов, ритуалов, традиционного календаря и святцев, практики народной медицины и т.п. При анализе фразеологических единиц, обладающих сакральной семантикой, описываются способы ее создания. Отмечается, что образ сакрального создается через характеристику сакрального субъекта, сакрального объекта, сакрального действия, сакрального времени, сакрального пространства. Рассматриваются процессы, сопровождающие функционирование фразеологизмов (десакрализация, десемантизация и т.д.), причины их появления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сакральная фразеология, лингвокультурология, фразеологизмы, сакральная семантика, культурная информация, десакрализация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Воробьева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета; Российский государственный профессионально-педагогический университет.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26.
E-mail: vorobyevanat@mail.ru.

N. A. Vorob'eva
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN SACRAL PHRASEOLOGY AS A SOURCE OF CULTURAL INFORMATION¹

ABSTRACT. *The article deals with phraseological units with sacral semantics as a source of information about the peculiarities of the Russian mentality and the traditional national culture. Special attention is paid to set phrases denoting things or phenomena which have fuzzy denotative reference. Consequently, revealing the types of cultural information expressed by such linguistic units is associated with inclusion of various cultural codes of its translation: rites, rituals, traditional calendar and church calendar, folk medicine practice, etc.*

The analysis of phraseological units with sacral semantics is aimed at describing the methods of its creation. It is noted that the sacral image is created through the characteristic of the sacral subject, sacral object, sacral action, sacral time and sacral space. The author considers the processes accompanying functioning of phraseological units (desacralization, desemantization, etc.) and the causes of their emergence.

KEYWORDS: *sacral phraseology, linguo-culturology, phraseological units, sacral semantics, cultural information, desacralization.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vorob'eva Natal'ya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University; Russian State Professional Pedagogical University.*

В настоящее время в рамках лингвокультурологического подхода к анализу языкового материала идиоматика любого языка рассматривается как источник сведений о культуре (материальной и духовной) народа, о его мировоззрении, мировосприятии. Обращение к устойчивым выражениям, функционирующим в территориальных говорах, дает возможность познакомиться с установками, представлениями о мире, закрепленными

в сознании диалектоносителей. Выбор социальной группы обусловлен тем, что для жителей сельской местности дольше остаются актуальными знания об обрядах, ритуалах, сфере вымышленного, нереального. Как показал опрос диалектоносителей (в возрасте от 60 до 93 лет), часто и сейчас их деятельность (сельскохозяйственная, обрядовая и т.д.) регламентируется «нормами», переданными старшим поколением. Не всегда удается выяснить, для чего проводится то или иное ритуальное действие, обряд. Все, как правило, объясняется тем, что *«так раньше делали»*, *«так моя мать (бабушка) делала»*, *«из покон веку так было»*, *«порядок надо вести»* и т.д.

Особую сложность при изучении конкретной лингвокультуры вызывает обращение к квазиденотативному пространству, т.е. такому, за которым не стоят определенные, четко закрепленные за вербальным обозначением предметы или явления. В этом случае вербальная единица выступает своеобразным «симулякром», означающим без реального означаемого, означаемое лежит в сфере ментальных представлений, это своего рода «виртуальная реальность» [см., например: Красных 1998]. С другой стороны, анализ подобного языкового материала представляет особый интерес, так как лексика и фразеология, характеризующая ментальный мир человека, дает возможность проникнуть в глубь национальной культуры, в сферу вымышленного, нереального, отражающего мифологическое, архетипическое в национальном сознании. К этой сфере относится и сакральное.

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное».

В качестве основополагающего для целей исследования принимается широкое определение понятия «сакральное». По мнению Н. И. Коноваловой, «сакральный компонент характеризуется следующими содержательными характеристиками: с одной стороны — через конкретизаторы: *священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный*; с другой — через релятивные параметры: *относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, действию, таинству* и т.д. В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие *священное* — лишь один из компонентов, составляющих сверхъестественное, одна из его ипостасей» [Коновалова 2004: 53–54].

С этим таинственным сверхъестественным человек связы-

вает и желаемое благополучие, и выпадающие ему несчастья и страдания. Безотчетный страх перед необъяснимым и благоговение перед ним являются психологической основой любой веры, в том числе самой развитой и самой примитивной религии. Сакральное может представлять как всемогущий Бог, как души умерших, как неопределенно-диффузная сила и т.п., и все, что кажется вмещением этой силы, предстает как сакральное, одновременно опасное и драгоценное, завораживающее. Ср. также: «Сакральность принадлежит как стабильное либо преходящее свойство некоторым вещам (предметам культа), некоторым людям (царю, жрецу), некоторым пространствам (храму, церкви, святилищу), некоторым моментам времени (воскресенью, дням пасхи и рождества и т.д.). Все что угодно может стать ее носителем и тем самым обрести в глазах индивида или коллектива ни с чем не сравнимый престиж. Также все, что угодно, может и лишиться ее. Этим качеством вещи не обладают сами по себе — их наделяет им некая мистическая благодать» [Кайуа 2003: 152]. Такой подход к определению сути понятия *сакральное* позволяет проанализировать большой объем языковых единиц с учетом разного рода культурной информации, представляющей сферу сакрального в языковом сознании носителей диалектов.

Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире — культового, обрядового) содержания, так и демонологическая лексика и идиоматика как два полюса одного феномена.

Источником анализируемого материала послужили записи речи диалектоносителей с. Гарашкинского Богдановичского района и словарь диалектной фразеологии «У народа — как у праздника» под общ. редакцией Т. А. Гридиной.

Анализ сакральных идиом требует обращения к описанию способов создания сакральной семантики. Образ сакрального в устойчивых выражениях создается через характеристику: сакрального субъекта, сакрального объекта, сакрального действия, сакрального пространства, сакрального времени.

Сакральный субъект — это производитель сакрального действия, обозначение сверхъестественного персонажа. В качестве сакрального субъекта в диалектной фразеологии могут выступать:

- сверхъестественные существа (чистая и нечистая сила). Например, *Богу нет, так черту спесь* 'о скупом человеке, который пожалел денег на доброе дело, но потратил на что-то не-

праведное, например, проиграл в карты' [ФС 2012: 20]; *будто Бог на колеснице (на колесянке, на колесиках) едет* 'говорят, это Илья-пророк на телеге едет, когда гром гремит. Или говорят, что Бог на колесянке, у нас так говорят, на колесянке или на колесиках едет. Илья-то пророк, когда в августе грозы-то сильные, а так вообще ко грозе' [ФС 2012: 23]; *лешим наквашен* 'об упрямом, вредном человеке' [ФС 2012: 141]; *черт в ступе не истолок* 'о людях, много претерпевших' [ФС 2012: 235]; *черту на полати не забросить* 'очень много' [там же];

• болезни, которые обычно «посланы» человеку в качестве наказания или «насланы» недоброжелателем, знатким, колдуном и т.д. Например, *болезнь накидывает* 'о приступах болезни' [ФС 2012: 20]; *родимец бы тебя (тя) побрал* 'пожелание плохого, болезни' [ФС 2012: 190]. Диалектоносители комментируют данную идиому следующим образом *это такая болезнь, которая получается от испуга маленьких детей, их трясет, и это как бы эпилепсия по современному. Я еще слыжала, говорят, что родимец чуть не хватил, если человек сильно испугался*. Болезни, как правило, в таком случае наделяются антропоморфными характеристиками. Они могут *напасть* на человека, *затрясти*, *взять*, *хватить* и т.д. Например, *болесь напала* '1. Человек внезапно тяжело заболел. 2. Человек долго не выздоравливает, при этом причина болезни не определена' (Богдановичск., Гарашкинское). По суеверным предположением, причиной такой болезни может стать сглаз, заговор.

Особенность такого сакрального субъекта заключается в том, что в большинстве случаев он не имеет точной референтной «привязки». Это своего рода «виртуальная реальность», семантически диффузная номинация сверхъестественного персонажа, не имеющего однозначного описания внешнего облика. Конечно, в народном сознании существуют стереотипы, отражающие представления об этих субъектах (ср., такие атрибуты кикиморы болотной, как длинные спутанные волосы, неопрятный вид, тина на одежде), однако некоторые сакральные субъекты могут иметь разные внешние признаки, характеризующие их ипостась (не только антропоморфные, но и зооморфные, фитоморфные). Например, леший, который может предстать перед человеком, заблудившимся в лесу, в виде старичка небольшого роста, старого пня или дерева, необычного животного¹. Кроме

¹ Описания внешности сверхъестественных персонажей приведены в опоре на данные психолингвистических экспериментов, проведенных

этого, сакральные субъекты могут отличаться по гендерному признаку. Например, *леший (лешак), дворовой, черт, Бог, домовый* и т.д. — субъекты мужского пола, а *обдериха, кикимора, огородница, полуденица* — субъекты женского пола. Могут быть также сакральные субъекты «бесполое», не имеющие гендерных характеристик (*зло, лихо одноглазое, горе*). В группе сакральных персонажей частотны собирательные обозначения (*черная сила, нечистая сила, нечисть, крестные силы, святые силы* и т.д.).

Для некоторых типов антропоморфных персонажей, даже тех, номинации и характеристики которых в целом ориентированы на «человечески» значимые признаки, существенно отсутствие оппозиции «старый — молодой», «живой — мертвый» и т.д. К этой группе относятся, в частности, идиоматические сочетания, в которых в качестве сакрального субъекта выступают разные болезни (*родимец, лихорадка, кондрашка* и т.д.) или болезнь вообще (*недуг, немощь, болесь*).

- лица, совершающие обряд или присутствующие при его совершении, например, кум *стрётный* 'первый встречный, который, согласно обычаю, приглашался в качестве крестного отца. *Обычай был раньше такой: крестили-то нас всех младенцами еще. Обычай такой был, чтоб крестного искать, на улицу выходили, и тот человек, что первым тебе на глаза попадетя, становился стрётным кумом* [ФС 2012: 140]; *бабка-повивуха* 'повивальная бабка; вообще женщина, занимающаяся лечением больных' [ФС 2012: 13]; *богоданная матушка* '1. Теща. 2. Свекровь. 3. Неродная мать, мачеха. 4. Крестная мать' [ФС 2012: 19].

Главным признаком сакральных субъектов, не зависимо от выделенной группы, является оппозиция «положительный — отрицательный», то есть несущий добро или причиняющий зло.

Сакральный объект — это то, на что направлено сакральное действие. В качестве сакрального объекта могут выступать предметы и атрибуты:

- *имеющие отношение к религии, например, креста нет 'о человеке, поступающем непорядочно.* На тебе креста нет, или говорят, на нем креста нет, когда человек поступает зло, неправильно, все равно что ты чё, Бога не боишься. Ну вот, допустим, как же сказать, родителей стареньких обижают, они еще живые,

с современными носителями языка, и комментарии диалектоносителей, полученные при сборе сакральной фразеологии.

а они уж делят их дом, или вот человек слово свое не держит, предают' [ФС 2012: 137];

- *связанные с различными обрядами и ритуалами, например, бабкина каша 'каша, сваренная бабкой-повитухой' [ФС 2012: 13]; дёвья красота 'с вадебном обряде — какой-либо предмет (обычно красная лента), являющийся символом девичей красоты и имеющий определенное обрядовое назначение. Это чё-нибудь завяжут красенького на бутылку, на ложки и продают как дёвью красоту' [ФС 2012: 71];*

- *отражающие суеверные представления носителей языка, например, юрьева (юрьевская) роса 'роса, собранная с первых весенних трав и цветов в Юрьев день, наделялась особыми целительными свойствами' [ФС 2012: 241]. «Название связано с обычаем на Юрьев день 23 апреля (по старому стилю) собирать росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также окроплять домашний скот. Считалось, что, поев травы с юревой росой, скот становился здоровым и тучным» [Коновалова 2000: 214].*

Сакральное действие — действия, производимые сакральным лицом в рамках обряда, ритуала:

- *действия, выполняемые при проведении религиозных культов во спасенье пойти 'постричься в монахи. Говорят, хорошо, что если кто из семьи пойдет во спасенье, она значит за всех Богу отмаливают' [ФС 2012: 40];*

- *действия, выполняемые при совершении народных ритуалов и обрядов, дарить воду 'обряд, при котором бросают деньги в воду при переезде через реку. Денежки в воду кладут, когда переезжают через реку — дарят воду' [ФС 2012: 65]; класть бабке в кашу 'элемент обряда хождения на кашу, когда крестные и родственники младенца кладут бабке на поднос деньги во время обхода стола с кашей' [ФС 2012: 123];*

В ряде случаев однозначно отнести выражение к одной из указанных групп сложно. Например, *благословение воды* 'чтение над водой священных текстов, молитв с целью наделения ее целебной, защитной силой' [ФС 2012: 18].

- *действия, предсказывающие судьбу, например, выливать воском (на воде) 'один из видов рождественских гаданий, когда расплавленный воск свечи выливают на воду и смотрят, какая фигура получится в результате, по ней предсказывают, что ждет гадающего в предстоящем году' [ФС 2012: 45]; выливать воду от первого купания в малинник (на перекресток) 'элемент*

гадательных обрядов на судьбу новорожденного' [там же]. Диалектоносители поясняют, что в малинник выливали воду, если рождалась девочка (*малинник — символ женской красоты*), а на перекресток, если рождался мальчик (*мальчик будет счастливым, если так-то сделать*) (Богдановичск., Гарашкинское).

Таким образом, характеризуя сакральные действия, следует отметить, что результаты этих действий приносят пользу (лечение, обеспечение счастливой, благополучной жизни) или причиняют вред (сглаз). При этом некоторые сакральные действия в зависимости от ситуации могут восприниматься как приносящие пользу или вред.

Сакральное пространство в традиционной народной культуре связано со святыми или демоническими локусами, т.е. местом, в котором обитает чистая или нечистая сила.

Особенность сакрального пространства в его неопределенности. Это что-то неясное, загадочное, следовательно, не имеющее четко определенных пространственных ориентиров. Например, *черт знает куда* 'куда угодно уйти, убежать и т.д.'. Даже если в идиоме встречаются указания на какие-либо реалии, то чаще всего они передают значение 'что-то далекое, неясное'. Это отражает стереотипные представления диалектоносителей о местах обитания нечистой силы. Например, *к черту на кулички // к чертям на пасеку // к чертям на бутылки* 'очень далеко, не по пути' [ФС 2012: 114]. Возможно, человек надеется на то, что нечистая сила находится от него далеко, ведь понятие неопределенности связано с понятием сакральной негарантированности пространства, опасности для человека, т.е. он чувствует себя в нем незащищенным от сверхъестественных сил.

Сакральное время — это период, отрезок времени, когда происходят какие-либо сакрально маркированные события. *Время может быть сакрально гарантированным и сакрально негарантированным, но не зависимо от этого, оно в любом случае опасно для человека, так он чувствует себя одинаково незащищенным от разных сверхъестественных сил. Ср.: «Расщепление сакрального порождает добрых и злых духов, жреца и колдуна, Бога и дьявола, однако в отношении верующих к каждому из этих особенных проявлений сакрального проступает та же амбивалентность, что и в их поведении перед лицом его нераздельных проявлений»* [Кайуа 2003: 166].

В зависимости от степени точности названного времени, можно выделить следующие группы идиоматических выражений:

- с сакральным компонентом, указывающим на неопределенное сакральное время, которое характеризуется полным отсутствием указания на время, когда происходили или будут происходить какие-либо события, например, леший его знает когда (случится, произойдет, придет и т.д.) 'неизвестно, никто не знает когда. Леший его знает, когда он придет. Вечно обещают, а приезжает к матери редко' (Богдановичск., Гарашкинское);

- с сакральным компонентом, указывающим на относительно определенное сакральное время *родительский день* 'день, посвященный поминовению умерших родственников. *Вот Пасха будет, а через неделю (во вторник) родительский день*' [ФС 2012: 191]. Пасха — один из праздников, который «не в числе», т.е. каждый год может быть в разное время, соответственно, родительский день тоже;

- с сакральным компонентом, указывающим на определенное сакральное время (день месяца), когда происходит то или иное отсылающее к сакральному прецеденту событие, например, *вешний Никола* 'православный праздник 22 мая'. По церковному календарю в этот день отмечают перенесение святых мощей Николая Чудотворца в Бар-град. По народному календарю Николу называли ласково вешним (весенним), травным, теплым. Поскольку с этого дня в северных районах начинают сеять яровые хлеба, сажать картофель, так как Никола считался заступником крестьян, покровителем домашнего скота. Поэтому заказывали молебны с водосвятием, обрызгивали водой домашний скот, чтобы святой Никола уберег коней от волков и медведей. Ср. также: «*Велика милость божья, коли в Николин день дождик пойдет; если на Николу заквакают лягушки — хороший будет урожай овса*» [Юдина 2006: 162].

Таким образом, диалектная сакральная идиоматика транслирует информацию социо- и этнокультурного планов, связанную с регламентацией религиозных, календарно-обрядовых, магических и т.п. ритуалов.

В процессе функционирования устойчивые выражения могут утрачивать сакральную семантику, переходить в разряд этикетных формул с *Богом* 'пожелание удачного пути'; бранных выражений *чертова паршивочка* 'бран. скверная, плохая девушка, женщина'; эмотивов *черта с два* 'выражение негодования; обещание, что человек ничего не получит'; экспресsem *до чертиком* 'очень сильно напиться'. Причины десакрализации могут быть разными: утрата сакрального знания, трансформация традиционных обрядов и ри-

туалов и т.д. Безусловно, для диалектоносителей, в силу того, что традиционная крестьянская культура в значительной степени ориентирована на сохранение архаических представлений о сфере сакрального, сакральные смыслы будут более актуальными, чем для носителей современного литературного языка.

Анализ языкового материала позволил выявить факторы, влияющие на утрату устойчивыми выражениями сакральных смыслов:

- развитие синонимических отношений у идиом, в состав которых включены сакральные компоненты противоположных семантических полей, например, *черт его знает — Бог его знает*;

- возможность замены сакрального компонента эвфемизмами, например, *черт его знает — шут его знает, черт его знает — хрен его знает, черт его знает — пес его знает*;

- возможность местоименной замены сакрального компонента, например, *черт его знает — кто его знает*.

Тенденции к десакрализации и десемантизации характерны для идиом, функционирующих как в литературном языке, так и диалектной речи. Однако для носителей современных говоров сакральная семантика актуальнее, чем для носителей литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Н. А. Лингвокультурологический подход к изучению русской сакральной идиоматики // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. — 2012. № 5. С. 6–11.

Забылин Н. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. — М., 1880 [Репринт: М, 1992].

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. — М.: Русский язык, 1994.

Измайлова Л. В. Национально-культурный компонент фразеологических единиц в современном русском языке // Фразеологизм и слово в русском языке. — Ростов-на-Дону, 1983. С. 85–91.

Кайуа Роже. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2003.

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2000.

Коновалова Н. И. «Болезнь» в русском языковом сознании // Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14-16 апр. 2004 г. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. С. 89–94.

Коновалова Н. И. Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. С. 53–56.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2007.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. — 2002. №1. С. 78–89.

Толстая С. М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. — М., 2000. С. 101–111.

Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. — М., 1995. С. 124–127.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. С. 49–83.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. — М.: «Индриг», 1995.

Русские обычаи и обряды / автор-сост. Н. А. Юдина. — М.: Вече, 2006.

У народа — как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии / под общ. ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012.

М. Б. Ворошилова, А. Г. Дроздецкая
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РУССКОГО В СОЗНАНИИ ПОЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

АННОТАЦИЯ. Многие стереотипы о русских в сознании поляков, которые создавались в течение длительного времени на основе различных исторических событий, культурного взаимодействия и в дальнейшем закреплялись в анекдотах, художественных прозаических и поэтических произведениях известных авторов, в данный момент утратили свою актуальность в среде польской молодежи. Доказательством данного тезиса можно считать результаты проведенной методики семантического дифференциала, которая выявила лишь некоторые отрицательные стереотипы, например, «русский — пьяница» и «невольный русский».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальные стереотипы, русские, образ русских, этнолингвистика, лингвокультурология, семантический дифференциал, межнациональное общение, национальное сознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Дроздецкая Анастасия Георгиевна, студентка Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: nastia.drozdetskaya@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14113/16).

IMAGE OF A RUSSIAN IN THE CONSCIOUSNESS OF A POLE

ABSTRACT. *Many stereotypes about Russians in the consciousness of the Poles created over a long period of time on the basis of various historical events and cultural interaction and then fixed in jokes and prosaic and poetic literary works of famous authors, at present have lost their urgency among young Polish people. This assumption is supported by the results of the undertaken procedure of semantic differential which has revealed only some negative stereotypes, for example, «Russian-drunkard» and «involuntary Russian».*

KEYWORDS: *national stereotype, the Russians, image of the Russians, ethno-linguistics, linguo-culturology, semantic differential, international communication, national consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Voroshilova Mariya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language,, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Drozdetskaya Anastasiya Georgievna, Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

В современном мире важную роль играют устойчивые представления народов друг о друге. Отсюда появляется необходимость в изучении путей формирования и воздействия национально-культурных представлений в процессе общения представителей разных культур и дальнейшее их закрепление в сознании.

Усвоение человеком стереотипов происходит различными путями. Они усваиваются в процессе социализации и инкультурации. Также стереотипы формируются в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться — родители, друзья, сверстники, учителя и т.д. Большую роль играют и личные контакты. Особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации.

Как известно, те или иные этнические стереотипы находят свое отражение в народном творчестве того или иного народа.

Большую роль для укрепления в сознании нации стереотипов о другом народе играет фольклор, а также литература. Не являются исключением и русско-польские отношения. Польское народное творчество, поэзия и проза хранят в себе устойчивые представления о русском народе, накапливающиеся в течение всей истории взаимодействия наших народов. Подобные стереотипы фигурируют в польских пословицах, поговорках, анекдотах, стихотворениях и пр. Именно благодаря им, из поколения в поколение передается сложившийся исторически образ русского, и, тем самым, тот или иной стереотип прочно укрепляется в сознании польских людей.

Такую характеристику межнационального общения между поляками и русскими дает Казимеж Брандыс в своих «Месяцах». Он признаёт, что «поляки не умеют думать о русских. Русские не умеют думать о поляках», вместо мышления доминируют «у обеих сторон [...] рефлексы и взаимонаправленные психологические комплексы». Именно поэтому многие высказывания одной нации о другой до сих пор обусловлены событиями тяжёлого исторического опыта, предрассудками и фобиями. Как пишет Тадеуш Сухарский в статье «Россия вторгается в польские стихи»: «Мы не в состоянии даже писать друг о друге строгим научным языком *sine ira et studio* — «без гнева и пристрастия» [Сухарский: URL].

Красноречиво представлен образ русского во многих польских анекдотах. Как правило, образ России и русской нации дается с отрицательной стороны, герой анекдота является носителем не самых лучших характеристик, таких, например, как русский-неудачник, русский-враг, агрессор, русский-глупец, русский-захватчик и т.д.

Так, характеристику русского-глупца, русского-неудачника ярко демонстрирует следующий польский анекдот:

Поляк, немец и русский участвуют в конкурсе по забиванию гвоздей головой. Немец начинает первым: первый удар, второй, третий — гвоздь забит. Поляк бьет раз, два — гвоздь забит. Наконец приступает русский: один удар — гвоздь забит. Объявляют результаты. Немец занял второе место, поляк — первое, русский дисквалифицирован, потому что забил гвоздь не тем концом.

В данном случае в собирательном образе русского высмеивается интеллектуальная составляющая русской нации, неумение мыслить логически и выполнять определенные действия даже по образцу (ведь до русского в анекдоте аналогичные действия по забиванию гвоздя проделали и немец, и поляк). Во мно-

гих странах есть анекдоты с участием лиц разной национальности. В Великобритании, например, можно услышать шутку об англичанине, ирландце и шотландце, в США — об американце, канадце и мексиканце. Большое количество анекдотов про русских насчитывает польская культура. Чаще это будет история о поляке, немце и русском-неудачнике. Сюжеты могут повторяться в разных странах, а герои меняться местами: обычно в выгодном свете представляют человека той же нации, к которой относится рассказчик, как это и происходит в приведенном примере.

Многие анекдоты о русских имеют историческую основу. Например:

1. Россияне подарили полякам миллион бутылок шампанского на встречу 1982 года. Уговор был один: каждая бутылка подавалась официантом в военном мундире.

2. Выборы в 50-х годах. На стене висит портрет Сталина. Приходит старая бабка.

– О! Пилсудский!

– Это не Пилсудский, товарищ, а Иосиф Виссарионович

Сталин.

– А что такого сделал этот Сталин?

– Он выгнал немцев из Польши.

– Вот это хорошо. Даст бог, он выгонит и русских.

Первый анекдот связан с периодом кризиса в Польше в 1982 году, ростом цен, введением военного положения и арестом лидеров «Солидарности» (социалистической профсоюзной организации, не зависимой от государства). В данном историческом контексте достаточно остро воспринималось все, что было связано с социализмом, в особенности сложно складывались отношения с СССР. В этот период господствовал стереотип русского-врага, русского-поработителя, притеснителя, способного добиваться своего только насильственными методами в любых, даже мирных бытовых ситуациях («официант в военном мундире»).

О наличии данного стереотипа в сознании поляков свидетельствует и второй анекдот. Он затрагивает события 1951 г. Тогда состоялся обмен участками территорий между Польшей и СССР (УССР). Население передаваемых территорий перед этим было отселено вглубь соответствующих государств.

Уничтожение евреев, послевоенное выселение немцев из присоединённых к Польше немецких земель, а также установление новых границ с СССР и обмен с ним населением сделали Польшу практически моноэтничным государством.

В этом анекдоте раскрывается отрицательное отношение к русским со стороны поляков, во многом обоснованное сложными историческими событиями: военные конфликты, разделы польской территории, Катынский расстрел и т.д. Все эти события сформировали в сознании польской нации образ русского-врага, притеснителя, от которого хотелось избавиться, изгнать из своей территории на протяжении долгого времени. Об этом говорит и следующий польский анекдот:

Француз, русский и поляк плывут на плоту. Француз пьет вино и — не допив до конца — выливает остатки в реку. Русский ему и говорит:

— Что ты наделал?! Зачем вылил вино, оно ведь такое дорогое?!

— У нас его полно — отвечает надменно француз.

Спустя некоторое время поляк сталкивает русского с плота, на что француз удивленно:

— Зачем ты толкнул нашего товарища?

— А у нас их полно — отвечает поляк.

Неоценимый вклад в закрепление в сознании народа того или иного стереотипа о другом народе вносит литература, в частности поэзия. Исходя из истории отношений Польши и России — что касается как мирных периодов сосуществования наших стран, так и различных конфликтных ситуаций — русская тема не могла не отразиться в творчестве польских поэтов.

Так, в стихотворении Збигнева Херберта «17 сентября», опубликованном в сборнике «Донесение из осаждённого Города» 1983 г., можно прочесть следующие строки:

*Мой край беззащитный тебя, оккупант, с честью примет,
И сажень земли даст под вербой тебе — и покой,
Чтоб те, кто придут после нас, затвердили урок
Прощенья — искусства, должно быть, сложнейшего в мире.*

Хотя имя «агрессора» здесь не называется, но оно ясно подразумевается в названии стиха. 17 сентября 1939 года, когда польская армия пыталась сдержать нацистов на западе, Иосиф Сталин решил восстановить историческую справедливость и забрать у Польши территорию, которую считал своей.

В приведенном отрывке содержится обыденное польское представление о русских-оккупантах, врагах, захватчиках. В противовес русским прославляются сила любви и прощения, духовная победа польской нации.

Часто затрагивал тему России известный польский поэт

Адам Мицкевич. В своей знаменитой поэме «Дзяды» в главе «Дорога в Россию» А. Мицкевич так пишет о России и русских:

*Чужая, глухая, нагая страна
Бела, как пустая страница, она. <...>
Как зверь, как природа полных краев,
Тут каждый и свеж, и силен, и здоров.
И только их лица подобны донине
Земле их — пустынной и дикой равнине.*

В данном отрывке раскрывается стереотип о России, как о далекой, чужой стране, вселяющей некий ужас и трепет. Русский народ предстает здесь «как зверь, как природа полных краев». Он крепок, но примитивен и пронизан апатией ко всему, что его окружает. Подобный стереотип начал возникать в XVI в., во время начала первых войн, соперничества Польши и Московского государства. В этот период русские воспринимались поляками, как жители огромной территории, дикой, чужой страны с холодным климатом, который во много способствовал формированию сурового характера русских. Сама культура русской нации считалась более низкой по отношению к культуре Польши.

Подобный стереотип можно наблюдать в поэме «Владислав IV» Самуэля Твардовского:

*Есть на Севере народ огромный, живущий просторно,
Его не ограничивает, кажется,
Даже ледовитое море, там утренние зори
Поздно восходят, а дальше земли безлюдные.
Посмотришь на его лицо: непривлекательное и грубое.
Старый это, однако, народ, который больше известен
Своей жестокостью, чем другие народы, и живет на
своей земле
Испокон века, и имеет сильную армию.*

В данном примере к стереотипу русского-чужака прибавляется еще образ жестокого русского, решающего многие вопросы при помощи силы («...известен своей жестокостью, ... имеет сильную армию»).

Еще одно существенное различие между польской и русской культурой связано с религией. Стереотип русского-иноверца нашел отражение в польской литературе. Так, Ян Кохановский в «Ерпісіоне или Песне победной» (1583 г.) вспоминает об общих славянских корнях поляков и московитов, но подчёркивает при этом, однако, разницу вероисповедания, которая зачастую служит причиной их взаимных столкновений:

*Москва и Польша из единой колыбели,
И мы славяне, и они славяне,
Но разница в религии нас делит,
Что братьев перессорить в состоянии.*

В сочинении «О Пазифилии» (1554 г.) Кохановский отмечает ещё одну важную причину недоразумений между поляками и русскими — это столкновение политических интересов, борьба с московским государством за удержание господства над землями Малой Руси.

*Много битв было жестоких меж теми народами,
Спорам о власти над русской землёй нет числа,
Мира меж ними нет только доньше, покоя,
Древняя ненависть новой обидой взросла.*

Кохановский пишет о многочисленных польско-московских конфликтах, которые продолжались на протяжении многих лет и постоянно обновлялись новыми и новыми столкновениями («Древняя ненависть новой обидой взросла»).

Если Ян Кохановский признавал идею общего происхождения русских и поляков, то, например, Райнольд Суходольский в «Полонезе», популярном во время ноябрьского восстания 1830 г., писал:

*Кто сказал, что москали —
Это братья нам, лехитам,
Первым в лоб тому пальну я
Пред костелом Кармелитов.*

В приведенном отрывке ярко представлено отрицательное отношение к русской нации, которое заключается в отрицании родства, пренебрежительном отношении к русским («москали») и стереотипном представлении о русских-врагах.

Также в течение длительного времени поляки были убеждены в том, что русский прирожден терпеть несвободу и притеснения со стороны властей. Данный стереотип ярко показан во многих произведениях: в «Записках о московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, в «Походе на Москву» и XIII Песне из «Вторых Книг» Яна Кохановского, в которой автор противопоставляет человечному и дружелюбному по отношению к своим подданным польскому королю Ивана Грозного — надменного «тирана северного края».

Итак, русские были чужими для поляков. Их оценивали как народ, отличавшийся рабской покорностью, более низкой культурой, чуждой религией. Но все же в польской культуре встречались произведения, в которых полностью отсутствовали и ненависть, и

страх. Об этом говорят многие литературные памятники XVII в.: от мемуаров Станислава Жулкевского «Начало и развитие московской войны» до «Воспоминаний» Яна Хризостома Пасека. В числе их персонажей немало русских, но отношение к ним партнерское, снисходительное, еще лишенное какой-либо обиды. Ярче всего его раскрывает первая энциклопедия, появившаяся в эпоху королей саксонской династии, — «Новые Афины или полная Академия всяческих наук...» ксендза Бенедикта Хмелевского. Такая характеристика русских приводится во второй части: «Слова своего не держат, к пьянству склонны, карающих благодарят, мести не замышляют. Простой это был недавно народ, теперь же, при Петре I Алексеевиче, большой приобрел глянец — царь в молодом возрасте с интересом посетил Австрию, Саксонию, Пруссию, Голландию, Англию, Францию, привез оттуда в свое государство людей благовоспитанных, с их помощью московских грубиянов просветил, открыл политические школы, семинарии для просвещения шляхты в грамоте и политике, основал новые города, крепости, торговые заведения <...>. Пуще всего такой навел среди своих подданных строгий порядок битьем батогами, кнутом, отсечением голов <...>. Императорский и всякого начальства приказ они почитают словно глас Божий, выполняют, словно их в пекле пытками подгоняют» [Мачеевский 2000: 2]. Из приведенного отрывка можно выделить еще один стереотип — «русский-пьяница».

Для того, чтобы проверить наличие этих стереотипов в сознании современной польской молодежи была проведена методика семантического дифференциала по следующим шкалам: плохой — хороший, хитрый — наивный, жадный — щедрый, глупый — умный, чужой — близкий, злой — добрый, грустный — веселый, лживый — честный, враг — друг, вспыльчивый — уравновешенный, грубый — нежный, бедный — богатый, нерасторопный — ловкий, высокомерный — скромный, трусливый — смелый, предатель — патриот, свободный — невольный, покорный — бунтарь, терпеливый — сопротивляющийся, сильный — слабый, рассудительный — безрассудный, пьяный — трезвый.

В эксперименте приняли участие 82 представителя польской молодежи в возрасте от 17 до 26 лет.

Результаты анализа: по шкалам «плохой — хороший», «жадный — щедрый», «злой — добрый», «вспыльчивый — уравновешенный», «высокомерный — скромный», «лживый — честный» был выявлен «ноль» (т.е. «и не такой, и не такой»).

По шкалам «хитрый — наивный», «чужой — близкий»,

«грустный — веселый», «нерасторопный — ловкий», «трусливый — смелый» наиболее часто отмечался балл «1» (т.е. скорее наивный, близкий, веселый, ловкий, смелый).

По шкалам «глупый — умный», «предатель — патриот», «покорный — бунтарь», «терпеливый — сопротивляющийся», «сильный — слабый» наиболее часто отмечался балл «-1» (скорее глупый, предатель, покорный, терпеливый, сильный).

По характеристикам «свободный — невольный», «рассудительный — безрассудный» преобладал ответ «2» (невольный, безрассудный).

По шкалам «грубый — нежный», «бедный — богатый», «пьяный — трезвый» большинство поляков поставило отметку «-2», (т.е. грубый, бедный и пьяный).

Отдельно необходимо сказать о шкале «враг — друг». Одинаковое количество набрали баллы «-1» и «1», т.е. «скорее враг» и «скорее друг». Данный стереотип приобретает нечеткие контуры. Во-первых, нет однозначного ответа: не определено враг, а «скорее враг». А во-вторых, эта характеристика количественно совпала с противоположной оценкой. Это говорит о том, что в сознании польской молодежи произошло переосмысление стереотипа русский-враг в сторону приобретения этим стереотипом светлых тонов. Поэтому сказать, что среди поляков бытует стереотип русский-враг, исходя из результатов методики семантического дифференциала нельзя. Это может быть связано с историей формирования стереотипа о русских: существовало два направления. Приверженцы первого считали всех русских врагами, а сторонники второго предлагали разграничивать власть и простой народ. В этом случае власть — враг, а народ — братья-славяне.

Таким образом, на основе проведенного эксперимента можно выделить следующие стереотипы поляков о русских: «русский-пьяница», «невольный русский». Стереотип «русский-враг» по результатам методики семантического дифференциала не подтвердился.

Итак, по итогам проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы: выявленные стереотипы («русский-пьяница» и «невольный русский») безусловно носят отрицательный характер, но большинство других негативных стереотипных представлений о русской нации, выявленных путем анализа анекдотов и литературных произведений («русский-враг», «чужой русский», «плохой русский», «русский-глупец») не закреплены в сознании польской молодежи. Это свидетельствует о некоторых положи-

тельных тенденциях в отношениях между нашими нациями, что в дальнейшем может способствовать более дружественному межнациональному общению Польши и России.

ЛИТЕРАТУРА

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Мачеевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга. — М.: Индрик, 2000. С. 6–22.

Мельникова В. А., Петрухин В. Я. Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. — М.: Наука, 1990. 451 с.

Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. — М.: Просвещение, 1998. 278 с.

Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. — М.: Индрик, 2000. 240 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта, 2006. 328 с.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа-М, 2006. 281 с.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М.: Флинта, 2006. 313 с.

Сухарский Т. // Журнал «Самиздат». 2013. — Режим доступа: http://samlib.ru/u/ulxmas_i_m/sucharski1.shtml (дата обращения 16. 10. 2016).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Наука, 2000. 624 с.

Фалькович С. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. — М.: Индрик, 2000. С. 45–72.

В. А. Генералов
Челябинск, Россия

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЛИНЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ СОСТАВНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ

АННОТАЦИЯ. *В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с субъективными экстралингвистическими факторами линейного расширения структуры английских составных технических терминов. Приводятся примеры различных терминов, а также их контекстные реализации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *английский язык, терминология, технические термины, экстралингвистические факторы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Генералов Владимир Александрович, старший преподаватель Челябинского государственного университета.*

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: gen-vladimir@yandex.ru.

V.A. Generalov
Chelyabinsk, Russia

DETERMINATION OF LINEAR STRUCTURE OF ENGLISH COMPOUND TECHNICAL TERMS BY EXTRALINGUISTIC FACTORS

ABSTRACT. *The present article considers some issues relating to subjective extra-linguistic factors behind the linear expansion of the structure of English compound technical terms. Examples of various terms, as well as their contextual realizations are provided in the article.*

KEYWORDS: *English, terminology, technical term, extralinguistic factor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Generalov Vladimir Aleksandrovich, Senior Lecturer, Chelyabinsk State University.*

Исследование номинативных терминологических структур, в частности многокомпонентных, проводимое нами, показывает, что существует определенная взаимозависимость между сложностью технической функции объекта, который мы называем функциональным, и морфологической сложностью структуры соответствующей номинативной единицы. В основе такого усложнения лежат объективные и субъективные экстралингвистические факторы.

В данной статье мы рассматриваем влияние субъективных экстралингвистических факторов. Для анализа мы отбирали термины, которые относятся в основном к обработке сельскохозяйственной почвы.

В нашем исследовании мы столкнулись с некоторыми протяженными («longish») составными техническими терминами. Исследователи СТТ, в частности зарубежные, отмечают громоздкость и неадекватность («awkwardness and inadequacy») их структуры. Например, сторонник правильного стиля научной и технической речи, Джон Киркман (John Kirkman), в одной из своих работ анализирует процесс формирования мульти-атрибутивных компонентных цепочек в модифицирующей части СТТ, используя при этом термин 'stacking' (штабелирование; укладка; упаковка). Он не рассматривает какие-либо вопросы генезиса сложно модифицированных технических терминов, а интерпретирует их структуру с точки зрения стиля: правильности употребления компонентов и избегания избыточности атрибутивных компонентов (a term's attributive redundancy and excessive premodification). Дж. Киркман также проповедует ясность и доступность структуры термина для реципиента (clarity and accessibility). В одной из своих работ он отмечает: «A particularly disturbing feature of scientific writing is excessive 'premodification' — the piling-up of adjectives, or words being used adjectivally, in front of a noun: a mobile hopper fed compressed air operated grit blasting machine». [Kirkman 2005]. Ниже мы «расшифровываем» структуру приводимого термина:

a mobile hopper fed compressed air operated grit blasting machine → a mobile grit blasting machine *which is fed from a hopper and which is operated by compressed air* (мобильная дробеструйная машина, работающая на сжатом воздухе, с бункерной подачей материала).

На основе данных нашего исследования мы отмечаем тен-

денцию распространения «длинномерных» составных технических терминов в современном английском языке, которые российские лингвисты называют по-разному: термины-цепочки, многословные термины, многочленные термины, неоднословные термины, полилексемные термины, сложноструктурные субстантивные словосочетания, многокомпонентные терминологические словосочетания, многокомпонентные термины. Мы считаем, что, несмотря на свою значительную линейную протяженность, подобные термины являются приемлемыми в рекламнотехнических контекстах, когда субъекты терминологии 1) стремятся к наиболее адекватному, семантически полному отражению функционального объекта на языковом уровне во всем многообразии его технических отношений и связей с другими техническими объектами и 2) ставят себе целью максимально представить заявляемые на рынке технические устройства на уровне первой сигнальной информации, создав семантически и структурно насыщенные термины, привлекающие внимание потенциальных заказчиков и покупателей технических устройств («catchy terms»).

Согласно нашему исследованию такого рода многокомпонентные термины в основном «привязаны» к заголовкам рекламных проспектов, технических бюллетеней и технических описаний, где их функциональность является максимальной. Их встречаемость в конкретном техническом тексте ограничена, и «громоздкость» их структуры компенсируется терминологической адекватностью, прагматичностью и информативностью.

Мы относим факторы, способствующие линейному расширению многокомпонентных терминов, к объективно-субъективным факторам.

Субъективные факторы особенно явно проявляются в удвоении модификаторов в составе СТТ — то, что некоторые исследователи называют избыточностью. Приведем некоторые примеры.

1. **Speed fine adjustment screw** (винт точной регулировки скорости перемещения плуга). В данном термине модификатор **adjustment** определяется двумя премодификаторами **speed** и **fine**, что является необычным для структуры СТТ: **speed adjustment + fine adjustment** → **speed fine adjustment**. Обычным для такого рода терминов является использование одного премодификатора: **speed adjustment screw** (винт регулировки скорости) или **fine adjustment screw** (винт точной регулировки). Премодификатор **fine** «разрывает» синтаксическую связь между компонентами **speed** и **adjustment**, вклиниваясь между ними. «Избыточ-

ная» преמודификация в структуре данного термина свидетельствует о стремлении субъекта терминологии создать дополнительную рекламу техническим свойствам устройства для регулировки скорости перемещения плуга.

2. **Top-loading washing machine door safety latching device** (безопасная защелка дверцы стиральной машины с загрузкой белья сверху). В структуре данного термина происходит «разрыв» синтаксической связи между компонентами **door** и **latching**, так как, по нашему мнению, наблюдается намеренное вклинивание (*insertion*) преמודификатора **safety**, что несомненно свидетельствует о рекламном-прагматическом намерении продуцента терминологии.

Кроме того, в практике патентования и рекламного дела встречаются СТТ, ономаσιологические базисы которых изначально «семантически расширены». Это так называемые расширительные понятия типа *STRUCTURE, SYSTEM, EQUIPMENT* и т.п. С помощью подобных базисов образуются бинарные термины, которые намеренно используются вместо соответствующих унитарных, по-видимому, с целью увеличения референциального охвата. Например, оказывается предпочтение бинарному термину *CHARGING SYSTEM* (система загрузки) по сравнению с унитарным термином *CHARGER* (загрузочное устройство). Также некоторые термины с обычной семантикой переходят в разряд терминов с расширительной семантикой: *MEANS, UNIT, DEVICE, TOOL, MACHINE, APPARATUS* (*traction means, drilling unit, screening device, compaction tool, molding machine, welding apparatus*) и т.д. Термины, содержащие семантически расширенные базисы, создают благоприятные условия для создания сложно-модифицированных конструкций.

Использование бинарных терминологических словосочетаний с семантически расширенными ономаσιологическими базисами вместо унитарных особенно характерно для практики зарубежного патентования технических устройств, так как заявитель, претендующий на техническое изобретение, стремится обеспечить самый широкий охват своих патентных, рекламных и технических притязаний и извлечь наибольшую правовую и финансовую выгоду. Приведем выдержку из описания заявки на получение патента США, в которой бинарный термин *TILLAGE DEVICE* (устройство для обработки почвы) намеренно используется вместо унитарного термина *TILLER* (почвообрабатывающее орудие): «An agricultural implement for tilling at least a strip of soil to be planted includes **a tillage device** for penetrating and tilling a strip of soil and displacing soil and residue upwardly, and a depth control device laterally offset from the

centerline of the strip of soil and mounted for rotation about an axis of rotation...» («Сельскохозяйственное орудие для обработки по меньшей мере одной полосы почвы, подготавливаемой к посеву, и смещения почвы и почвенных остатков по вертикали, а также устройство для регулировки заглублиения орудия, расположенное со смещением вбок от центральной линии полосы почвы и устанавливаемое для обеспечения своего шарнирного вращения») (<http://www.faqs.org/patents/app/20090025944>) (accessed 27.08.2015).

Структура СТТ может не только усложняться, но, наоборот, упрощаться в силу субъективных экстралингвистических факторов. Ниже нами приводится характерный пример, когда русскому сложно модифицированному термину **широкозахватный многокорпусный плуг** соответствует английский бинарный термин **big/wide plough**. Здесь может возникнуть вопрос о том, у русского и английского терминов разные не только «поверхностные», но и «глубинные» структуры. Однако, анализ технических контекстов, в которых отмечен термин **big/wide plough**, позволяют сделать вывод о том, что латентная, «глубинная» структура английского термина эквивалентна структуре русского термина [Генералов 2015: 215–224]. Контекстный пример: «**Gang ploughs** of up to fourteen bottoms were used. Often these **big ploughs** were used in regiments of engines, so that in a single field there might be ten steam tractors each drawing a plough» («Использовались **многокорпусные плуги**, включающие до четырнадцати корпусов. Очень часто эти **широкозахватные многокорпусные плуги** применялись в составе нескольких тракторов, так что на отдельном поле могло находиться десять паровых тракторов, каждый из которых тащил один плуг») (<http://en.wikipedia.org/wiki/Plough>) (accessed 29.07.2015).

Еще примеры бинарных терминов со сложной латентной структурой: 1) **strong plough** (деревянный плуг, армированный металлическими пластинами и использовавшийся в Древнем Египте для вспашки тяжелых глинистых почв); 2) **heavy plough** (1. плантажный плуг; 2. кару(к)ка, плуг, применявшийся в средние века в Северной Европе для вспашки тяжелых почв). В первом примере поверхностный признак **strong** не только обозначает прочность плуга как его параметрическое свойство, но также имплицитно выражает актантное отношение 'a plough used for tilling heavy clay soils'. Во втором примере поверхностный признак **heavy** наряду с обозначением параметрического свойства данного технического устройства также имплицитно выражает актантное отношение: 'a plough used for tilling extra heavy agricultural soils'. Ниже мы приво-

дим контекстные примеры использования этого термина:

1. «The caruca or carruca was a kind of **heavy plow** important to medieval agriculture in Northern Europe. The carruca used a heavy iron plowshare **to turn heavy soil** and may have required a team of eight oxen». (Карука, или карукка, был разновидностью **тяжелого плуга**, важного для средневекового сельского хозяйства в Северной Европе. В плуге карукка применялся тяжелый железный лемех **для переворота тяжелой почвы**, и возможно для его тяги требовалась упряжка из восьми волов» (<http://en.wikipedia.org/wiki/Carruca>) (accessed 29.07.2015).

2. «The earliest plough, commonly known as the ard or scratch-plough, was suitable for the soils and climate of the Mediterranean; it was, however, unsuitable for the clay soils found in most of Northern Europe, which “offer much more resistance to a plough than does light, dry earth” (White 1962, p. 42). The consequence was that Northern European settlement before the Middle Ages was limited to lighter soils, where the ard could be applied. The heavy plough and its attendant advantages may have been crucial in changing this. More specifically, **heavy ploughs** have three function parts that set them apart from primitive ards». («Первоначальный плуг, известный как соха, или поверхностный плуг, был пригоден для почв и климата Средиземноморья; он, однако, не предназначался для глинистых почв, представленных в большей части Северной Европы, которые “оказывают гораздо большее сопротивление движению плуга, чем легкая, сухая почва” (White 1962, стр. 42). Следствием этого было то, что северно-европейские поселения до средних веков могли располагаться на более легких почвах, где можно было применять соху. **Тяжелый плуг** и сопутствующие ему преимущества могли иметь решающее значение в изменении этой ситуации. Точнее сказать, **тяжелые плуги** имели три функциональные части, отличающие их от примитивных сох» (<http://eh.net/eha/wp-content/uploads/2013/11/Skovsgaard.pdf>) (accessed 05.05.2016).

Мы считаем, что субъективность в образовании данного типа терминов состоит в том, что при наличии сложной латентной структуры, данной в импликации, предпочтение отдается менее сложной, то есть в их составе эксплицируются только параметрические признаки, а актантные компоненты остаются в импликации.

Мы также полагаем, что не всякий линейный набор компонентов в словосочетании однозначно формирует структуру СТТ. На практике встречаются сочетания свободных определителей и собственно терминов. По нашему мнению, такие определители

как *modern, new, improved, advanced, modified* и т.д., а также атрибуты, обозначающие географические, национальные или корпоративные понятия, образуют свободные словосочетания определителя и термина, например: *<modern> mouldboard plough* (современный отвальный плуг); *<improved> swing plough* (усовершенствованный балансирный плуг); *<advanced> one bed tractor cultivator* (усовершенствованный тракторный культиватор для одинарной почвенной гряды); *<modified> disk cultivator* (модифицированный дисковый культиватор); *<China> agricultural implements* (сельскохозяйственный инвентарь, производимый в Китае). И, действительно, представленные определители, в том числе атрибутивные, являются видовыми по своей природе и не входят в структуру данных терминов. Однако подобные определители могут иметь и другую семантику, и в этом случае они входят в структуру составных технических терминов: **Irish bridge** (каменный водосток поперек дороги); **Chinese plough** (китайский железный плуг), **Dutch door** (дверь с полотнищем, разделенным на верхнюю и нижнюю половины); **Berlin iron** (ковкое железо). В данных терминах национальные и географические определители имплицитно выражают параметры и свойства технических объектов и являются их структурными компонентами.

Выводы

1. Наряду с объективными экстралингвистическими факторами, влияющими на линейную протяженность английских составных технических терминов, также наблюдаются многочисленные субъективные экстралингвистические факторы.

2. Ряд положений, содержащихся в данной статье, представляется спорным и нуждается в дальнейшей валидации, но они могут быть полезными в исследовании английских СТТ и объяснении механизма их образования.

ЛИТЕРАТУРА

Генералов В. А. Опыт анализа латентной структуры английских составных технических терминов // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты, 30-й сборник. — Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 215-224.

Kirkman J. Good Style: Writing For Science And Technology, 2nd ed., Roulledge, 2005.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Англо-русский сельскохозяйственный словарь /под редакцией
В. Г. Козловского и Н. Г. Ракипова. — М: Русский язык, 1983.
Русско-английский технический словарь. — М.: Воениздат, 1975. 623 с.
Longman Dictionary of Scientific Usage. — М.: Rusky Yazyk Publishers,
1987. 728 p.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

Agricultural and Garden Machinery Sales & Service (Великобритания).
Arable Farming (Великобритания).
Farmers Weekly (Великобритания).
Farm Progress in Mechanisation (Великобритания).
Farm and Power Equipment (США).
Soil and Tillage Research (США).
Tractor and Construction Plant Wiki (Великобритания).

К. Ж. Н'Гессан
Абиджан, Кот-д'Ивуар

**(МУЛЬТИ/ИНТЕР)КУЛЬТУРАЛИЗМ
И ПРИЗНАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СТАВКА ДЛЯ АФРИКИ**

АННОТАЦИЯ. *В настоящей статье анализируются интеркультурные отношения в мультикультурном африканском контексте, связанные с культурной идентификацией. Речь идет об осмыслении того, как африканцы могут или должны мириться со своими культурными различиями и своеобразием, стремясь при этом к общности. Другими словами, автор предлагает рассмотреть, как желание быть самим собой, самоутвердиться в разнородном культурном пространстве, который стремится к однородности, включается в дискуссию о культурном разнообразии, межкультурном сосуществовании. Опираясь на исследования культур и осуществляя междисциплинарный и комплексный подход, мы подходим к изучению широкого культурного африканского пространства, с одной стороны, как культурного богатства. С другой — проанализируем это богатство как место строительства «африканской супер-культуры», которая может помочь африканскому континенту утвердить свою идентичность и противостоять ее подавлению.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мультикультурализм, интеркультурализм, культурная идентичность, лингвокультурология, пан-африканизм, суперкультура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Куадио Жермен Н'Гессан, доктор философии, доцент Департамента Английского языка, Университет Феликс Уфуэт-Буани, Кот-д'Ивуар.
Адрес: 01 почтовый ящик V 34, Абиджан 01, Кот-д'Ивуар, каб. 5А.
E-mail: kouadiogerman@yahoo.fr.

K. G. N'Guessan
Abidjan, Côte d'Ivoire

**(MULTI/INTER)CULTURALISM AND IDENTITY RECOGNITION:
STAKE FOR AFRICA**

ABSTRACT. *This paper analyzes intercultural relationships in African multicultural context for identity recognition. It tries to respond to the question of how Africans can or must assume their difference, their specificity while seeking to belong to the same collectivity. In other words, it is about seeing how the desire to be «self», to assert oneself in a heterogeneous set that intends to be homogeneous is invited in the debate on cultural diversity and coexistence between cultures. Learning on Cultural Studies, a transdisciplinary and transversal approach, it explores, on the one hand, the vast African cultural space as wealth. On the other hand, it inspects this wealth as a place of construction of an «African super-culture» likely to help the continent assert its identity and face its muzzling.*

KEYWORDS: *multiculturalism; interculturalism; cultural identity; linguo-culturology; pan-Africanism; superculture.*

ABOUT THE AUTHOR: *N'Guessan Kouadio Germain, Ph.D, Associate Professor of English Department, University Felix Houphouët-Boigny, Côte d'Ivoire.*

Introduction

Dans le contexte mondial actuel où les regroupements régionaux/sous-régionaux sont un gage de coopération, de solidarité et d'échanges, les cultures africaines et leurs interrelations constituent un enjeu important. Les questions récurrentes qui se posent aux intellectuels et chercheurs relèvent du «différent» et du «même». Il s'agit notamment de voir comment l'on peut affirmer sa singularité mais en même temps sa collectivité. En d'autres termes, comment peut-on vivre avec autrui tout en assumant sa différence avec lui; être à la fois «dedans» et «dehors», partager ce qui constitue pourtant notre différence? Dans ce labyrinthe, les identités

© Н'Гессан К. Ж., 2016

Dans ce travail, «Cultural Studies» et «études culturelles» renvoient au même concept. Nous les utiliserons donc concomitamment sans toutefois que cela affecte nos propos.

nationales, qui prennent corps dans les cultures des peuples, deviennent le cœur même d'une nouvelle pensée, une nouvelle façon d'agir et d'être. Le désir d'être soi dans un ensemble hétérogène qui se veut pourtant homogène actualise dès lors le débat sur la diversité culturelle ainsi que les rapports de coexistence entre les cultures. Une réflexion sur ces questions revient dans un premier temps à analyser le vaste espace culturel africain comme une richesse. Dans un second temps, elle invite à voir comment cette diversité culturelle peut aider à bâtir une «super-culture africaine», au sens panafricaniste du terme, pour faire face au bâillonnement du continent. Pour atteindre ce double objectif, nous nous appuyons sur les «Cultural Studies» (études culturelles) en tant qu'approche transdisciplinaire et transversale dans sa critique des relations interculturelles.

1. Espace africain et diversité culturelle

Cette première partie de notre travail traite de l'espace culturel africain en tant que diversité et richesse. Dans un premier temps, elle analyse quelques cultures prises pêle-mêle à travers le continent pour montrer cette diversité ainsi que cette richesse. Dans un second temps, elle examine cette diversité dans une perspective de reconnaissance identitaire à travers la célébration, par les peuples concernés, de leurs valeurs culturelles.

1.1. Au cœur des cultures africaines

Le continent africain est un vaste espace où cohabitent plusieurs cultures. Il s'agit, en l'espèce, d'un multiculturalisme, à la différence du mono-culturalisme qui se réfère à un espace habité par une communauté partageant la même culture. La Côte d'Ivoire par exemple compte une soixantaine de groupes ethniques. C'est dire qu'on se retrouve avec environ soixante cultures qui se côtoient. Dans un tel espace, il apparaît impossible de créer une culture consensuelle, une identité culturelle à laquelle tous les membres des différents groupes peuvent s'identifier et se reconnaître. A la réalité, ici comme ailleurs en Afrique, il est quasiment impossible de parvenir à une telle identité du fait des divergences énormes. La volonté de privilégier une culture conduirait à coup sûr à des situations aux conséquences imprévisibles. Des sources fiables — Nouvelles Technologies de l'Information et de Communication (NTICs), documentaires télévisés, livres entre autres — nous renseignent sur cette question. Toutefois, l'intérêt n'est pas de mettre l'accent sur

cette diversité simplement comme un ensemble d'éléments composites. C'est ici que les Cultural Studies, comme courant de recherche alliant entre autres, sociologie, anthropologie culturelle, philosophie, ethnologie, littérature et arts trouve tout son sens. Ainsi, pour mieux apprécier les pratiques culturelles des peuples en présence, plusieurs sciences doivent être convoquées. Par exemple, pendant que l'anthropologie culturelle va étudier leur versant culturel, la sociologie va aider à comprendre et à expliquer l'impact de la dimension sociale sur leur façon de penser ainsi que leurs comportements. D'autres sciences comme les arts peuvent aider à mieux comprendre leur réalité culturelle.

Notre démarche s'inscrit dans une perspective qui nous permet d'analyser l'espace culturel africain comme un tout homogène. Il ne s'agit donc pas de nous appesantir sur les différences parce qu'elles n'existeraient pas ou que nous les ignorons. Une telle posture impliquerait un reniement de l'identité des peuples africains et celle de tout le continent, un rejet de notre «moi». Dès lors, notre préoccupation est d'interpréter la mosaïque culturelle africaine comme une richesse et non comme un lieu possible d'affrontements et de confrontations entre les cultures, une quête permanente de suprématie ou d'hégémonie. Mieux, nous cherchons à dégager un dialogue, une communauté. Vues sous cet angle, les identités culturelles africaines sont à mettre sur le même paradigme existentiel. L'environnement africain devient donc un lieu où les cultures, plutôt que d'entrer en conflit, entretiennent des rapports d'égalité et d'échange.

En parcourant l'Afrique de l'Est à l'Ouest, du Sud au Nord en passant par le Centre, on découvre un riche patrimoine culturel. La vie des peuples, leurs habitudes culinaires ou vestimentaires, leurs folklores, leurs coutumes, etc., marqueurs de leurs identités, constituent autant de curiosité à découvrir. Pour mieux apprécier cette diversité culturelle et mieux la comprendre, il convient de convoquer plusieurs approches scientifiques; d'où notre intérêt pour les études culturelles. En effet, dans son interrogation qui constitue d'ailleurs le titre de son ouvrage *What is Cultural Studies? A Reader* (1996), John Storey, citant Colin Sparks, écrit:

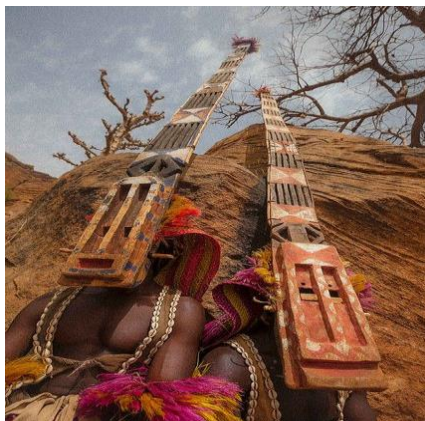
It is not possible to draw a sharp line and say that on one side of it we can find the proper province of studies. Neither is it possible to point to a unified theory or methodology which are characteristic to it or of it. A veritable rag-bag of ideas, methods and concerns from

literary criticism, sociology, history, media studies, etc., are lumped together under the convenient label of cultural studies. (1)

Selon l'approche des études culturelles, l'importance de la culture dérive du fait qu'elle aide à construire la structure et la forme de l'histoire. La culture apparaît alors comme un lieu de lutte permanente de classes, un lieu où les groupes dominés tentent de résister aux idéologies des groupes dominants (Ibid, 3). En clair, les études culturelles articulent la culture comme un espace pour les peuples d'exprimer leurs relations sociales.

Bien que complexe, cette approche scientifique relève d'un domaine aussi vaste et diversifié que celui où plusieurs cultures cohabitent. De ce point de vue, elle peut bien s'appliquer au contexte culturel africain. Car en fait, on ne peut pas comprendre les cultures des peuples sans comprendre leur histoire, leur sociologie et tout ce qui fait leur singularité. Ce désir de compréhension permet d'appréhender leurs rapports avec les autres peuples et leurs cultures.

Les images ci-dessous, bien que ne constituant pas un échantillon représentatif, témoignent en quelque sorte d'une Afrique multiculturelle et multiethnique.

Danse dogon (Côte d'Ivoire)

Massaï (Kenya)

La compréhension et l'interprétation de ces images invite à remonter à l'histoire des peuples dont elles sont issues, leurs habitudes, leurs coutumes, leurs vies quotidiennes, en un mot tout ce qui crée leur différence par rapport aux autres groupes, leur singularité dans l'ensemble hétérogène auquel ils sont pourtant membres.

Tout en affirmant leur spécificité, les peuples Dogon et Massaï expriment respectivement leur appartenance à des sous-groupes qui eux-mêmes appartiennent à des groupes culturels plus larges (communautés, villages, régions, pays et, dans le cadre de cette étude, le continent africain). Cette expression d'appartenance est aussi une invitation aux membres des autres groupes à considérer les cultures Dogon et Massaï au même titre que leur propre culture. Ce faisant, ils démontrent que l'identité culturelle se construit, se pratique, se vit à partir d'une conscience collective que l'on appartient à un même groupe au sein duquel l'on partage les mêmes pratiques et cultures. Elle se construit également sur la base de l'expérience vécue, des pratiques qui s'acquièrent au cours de la vie, par la socialisation. C'est justement par cette prise de conscience que l'individu parvient à défendre ces valeurs. Pour défendre son identité culturelle, le Dogon ou le Massaï tout, comme chaque membre d'un groupe culturel ou ethnique donné, doit s'identifier à son groupe et partager ses pratiques avec les autres membres du groupe. Toute ignorance de sa part peut conduire à la perte de ses racines culturelles. Dès lors, le désir d'affirmation et de reconnaissance de son identité culturelle renvoie à une perception plus large de ce concept comme l'expression de son identification aux autres membres de son groupe et sa différence aux membres des autres groupes. Avec les membres de son groupe, il cultive une appartenance ou une identité groupale. Par contre, avec ceux des autres groupes, il développe une idéologie de différenciation.

Notre choix des peuples Dogon et Massaï — situés à deux extrémités diamétralement opposées du continent — est fait à dessein. Il aide à mieux saisir le sens de la diversité culturelle à laquelle nous faisons allusion comme une richesse pour le continent africain. Il ne relève pas d'une question de proximité ou d'éloignement mais est plutôt lié aux us et coutumes qui font de chacun de ces peuples une entité différente dans le vaste ensemble culturel africain. Le fait donc de choisir des peuples très éloignés offre moins de chance pour que les pratiques culturelles de l'un se retrouvent chez l'autre. Cette situation renforce la notion de richesse culturelle africaine sous la forme d'une multiplicité, d'une diversité.

La sculpture des masques dogon, les accoutrements des danseurs, les cauris, les ornements en forme de collier que l'œil averti peut voir et apprécier sur les images ci-dessus témoignent de la richesse des cultures massaï et dogon. Comme on le voit, une bonne analyse des images ne peut se faire séparément de

l'exploration de la culture des peuples concernés, leur comportement, leur façon de penser. Tout une poésie se dégage de ces images, traduisant ainsi la volonté de ces peuples d'exprimer une identité propre à travers la célébration de leur culture.

1.2. Célébration culturelle et reconnaissance identitaire

Dans sa déclaration de Mexico sur les politiques culturelles, l'UNESCO définit la culture en ces termes :

La culture, dans son sens le plus large, est considérée comme l'ensemble des traits distinctifs, spirituels et matériels, intellectuels et affectifs, qui caractérisent une société ou un groupe social. Elle englobe, outre les arts et les lettres, les modes de vie, les droits fondamentaux de l'être humain, les systèmes de valeurs, les traditions et les croyances. (Conférence mondiale sur les politiques culturelles, Mexico City, 26 juillet — 6 août 1982)

Prise dans cette acception, nous pouvons dire que dans l'ensemble, les cultures africaines sont aussi riches les unes que les autres et aussi diversifiées qu'il existe de peuples sur le territoire continental. Chaque peuple possède une gamme de pratiques qui relèvent de son vaste patrimoine culturel qu'il tente de protéger, valoriser et faire connaître par les autres peuples. Ce désir de valorisation de la culture se réalise souvent à travers des cérémonies au cours desquelles on assiste à des parades et des célébrations.

Il convient d'indiquer que dans ce travail, nous nous appuyons sur la Côte d'Ivoire et d'autres peuples pris au hasard sur le continent. Il s'agit en effet d'un échantillon pour montrer la diversité et la richesse culturelle africaine. L'analyse consiste à voir comment ces peuples célèbrent différemment leurs cultures en tant qu'éléments constitutifs donnant du sens à leur existence. Ainsi, en Côte d'Ivoire par exemple, la fête des ignames chez beaucoup de peuples Akan (Est et Centre du pays), loin de son aspect festif, revêt tout un aspect culturel ancré dans la tradition des peuples concernés. Lors de ces célébrations, les tenues vestimentaires, les différents mets, les danses, entre autres traduisent l'héritage culturel que ces peuples ont hérité de leurs ancêtres. Cette même fête est également pratiquée chez les Ibos du Nigéria.

Par ailleurs, la célébration de la diversité culturelle africaine se retrouve chez les Adjoukrou, Attié, Ébrié (peuples du Sud de la Côte

d'Ivoire) avec les fêtes de génération. Bien que ces fêtes soient des lieux de réjouissance et d'ambiances carnavalesques, elles ont un caractère hautement culturel. Ici, les peuples concernés montrent leur grand attachement à leurs traditions et cultures. Aussi la fête de génération a un aspect politique car elle consacre la transmission du pouvoir d'une génération (sortante, plus âgée) à une autre (entrante, plus jeune). Chez les Adjoukrou, cette fête est connue sous le nom de «Low» et est célébrée chaque cinq ans et sur une période de trois à cinq semaines selon les villages. Elle concerne les jeunes hommes âgés de 18 à 25 ans et est obligatoire pour tout jeune car elle permet d'accéder aux différentes classes d'âge (sept au total) : Sêté, N'djrouman, Abrouman, M'bédié, M'borman, Nigbéssi, Bodjl. Chaque classe est composée de 4 catégories : Odjogba (les aînés), Bago (les puinés), Kata (les cadets), Boman (les benjamins). Ainsi, la fête de génération permet d'accéder à une catégorie. Elle confère une identité sociale à l'individu et atteste de la maturité du jeune homme. C'est le fondement de la vie sociale, politique, économique et guerrière dans le respect des normes et des valeurs. Elle se déroule tous les 2 ans, par catégorie, dans la période d'août à septembre (<http://www.agendart-ivoire.com/index.php?/echos-du-village/low-fete-de-generation-adjoukrou.html#.V4-UqNJXiko>). Dans la même veine, la fête de génération comme fête communautaire et de célébration des valeurs culturelles et traditionnelles se retrouve aussi chez les Sénoufo du Nord de la Côte d'Ivoire à travers le Poro. Nous ne rentrerons pas dans les détails de cette pratique car le Poro est tout un parcours initiatique. Cependant, nous en faisons référence essentiellement comme lieu de célébration des valeurs culturelles des peuples Sénoufo.

En multipliant les comparaisons, on parvient à voir une Afrique aux multiples cultures réparties selon les lieux d'occupation des peuples. Toutefois, avec les migrations et les mariages intercommunautaires ou interethniques, les frontières culturelles se déplacent voire fusionnent. Sans vouloir faire une étude qui relève purement des sciences sociales et humaines ni se contenter d'une analyse trop réductionniste et parcellaire, notre stratégie vise à démontrer que l'approche des études culturelles est idéale pour comprendre la diversité culturelle africaine comme une richesse à exploiter.

A la réalité, les différents groupes ou peuples célèbrent différemment ou accordent une attention particulière à ces fêtes selon leur origine ou leur histoire. Ces divergences existent partout sur le continent et chaque communauté, groupe culturel ou ethnique

tente de valoriser les siennes. Il serait alors prétentieux voire méprisant de vouloir les classer ou les hiérarchiser. Car chacune des cultures, prise individuellement, participe à la diversité culturelle dont le continent doit s'enorgueillir.

Par la célébration des valeurs culturelles, les peuples expriment non seulement un désir d'identification à un projet ou à un idéal commun mais aussi une volonté de construction d'une identité propre. L'essentiel de cette construction identitaire va désormais au-delà d'une soif d'existence ou de paraître pour devenir une invitation à reconnaître leur identité. Les danses, les tenues vestimentaires, les habitudes culinaires, participent à cette invitation. En fait, il s'agit d'un « nous collectif » qui interpelle un « tu » ou un « vous collectif » à reconnaître qu'il existe et qu'il veut être reconnu comme tel quel. La différence devient dès lors non un simple acte de distinction ou de catégorisation mais un acte d'acceptation de l' « autre », cet autre qui existe parce que j'existe et que je dois reconnaître de la même manière que je veux qu'il me reconnaisse. Une question de réciprocité existentielle donc.

On retiendra dans cette partie de notre analyse que l'Afrique demeure un vaste espace où les différentes cultures se côtoient au quotidien dans un rapport d'interaction, d'échange et de coexistence. Cet espace multiculturel d'échange interculturel constitue une immense richesse pour le continent car elle peut permettre de jeter les bases d'une « super-culture africaine » où tous les citoyens peuvent cultiver cette solidarité jadis caractéristique aux peuples africains. Ceci implique un dépassement des diversités ou des particularités au profit d'une culture axée sur la volonté commune et l'expérience partagée.

2. Au-delà de la diversité: une super-culture africaine

Cette section examine le (multi/inter)culturalisme au-delà des diversités. Plus exactement, elle tente de répondre à la question de la construction d'une identité culturelle africaine dans laquelle tous les Africains se retrouveraient et partageraient. Cela revient à définir les marqueurs de cette identité et le processus de construction. Car en fait, de cette définition découle la spécificité d'une Afrique qui cherche à s'affirmer dans un monde en constante mutation et où les plus puissants — politiquement et économiquement — visent toujours à écraser les plus faibles et à les assujettir. Aussi cette définition permettra-t-elle de jeter les bases d'une culture commune qui transcende les particularismes et les sectarismes.

2.1. Pluralisme culturel étatsunien et canadien et contexte africain

Un examen minutieux des relations multiculturelles et interculturelles au sein de certaines grandes nations occidentales comme les États-Unis, le Canada, la France ou la Grande Bretagne force à croire que ces pays offrent des modèles d'identité culturelle à copier. La stabilité politique et économique de ces pays, fruit de longues démocraties bien négociées et maîtrisées, semble convaincre sur cet état de fait. Ici, l'on trouve une forme de culture nationalement partagée. La notion de culture ne se perçoit plus simplement comme un ensemble de pratiques et de traditions partagées mais aussi comme un ensemble de comportements forgés autour d'un projet ou un idéal commun. L'avènement des NTICs suscité par la mondialisation s'inscrit dans cette nouvelle appréhension de la culture. Aujourd'hui, on parle d'une culture de l'internet (avec les réseaux sociaux) ou des SMS (avec les téléphones portables). L'idée qui sous-tend notre démarche est que ces moyens de communication sont devenus si puissants et si répandus qu'ils ont fini par fédérer des populations à travers le monde autour d'un même idéal, celui d'échanger des informations et points de vue sans tenir compte des différences entre les utilisateurs. A travers réseaux de communication, ces populations se reconnaissent comme membres de groupes partageant les mêmes idéaux.

Dans le cadre d'un projet commun qui fédère les populations, nous nous appuyerons sur le pluralisme culturel des États-Unis et du Canada (principalement du Québec) pour voir s'ils peuvent constituer des modèles de construction d'identité culturelle pour l'Afrique. Bien entendu, ces deux pays ne sont pas des continents. Leurs modèles culturels ne peuvent donc pas inspirer celui de tout le continent africain. Néanmoins, notre choix est motivé par le fait que leur politique d'immigration — Green Card au États-Unis et Access Canada pour le Canada — offre en apparence des modèles de multi/interculturalisme qui pourraient faire des émules ailleurs. Aux États-Unis, le « melting-pot » peut paraître comme un modèle de « super-culture » si l'on considère le projet commun qu'il représente et les mécanismes mis en place pour susciter l'adhésion des populations. Il constitue le socle d'un gigantesque système culturel et consensuel dans lequel les diversités et pluralités se fondent. Alain G. Gagnon décrit ce système ainsi que sa stratégie de construction en ces termes:

Le [...] melting-pot représente un modèle de base à partir duquel ont été proposés plusieurs modèles de la pluriethnicité. L'idée centrale sous-jacente au melting-pot n'est pas de préserver les cultures mais plutôt d'en produire une nouvelle sur les droits individuels sans égard aux différences. Les citoyens doivent, selon cette perspective, adhérer également aux mêmes principes sans égard aux origines historiques et culturelles. Le modèle du melting-pot constitue en fait un modèle clairement assimilationniste. L'assimilation est vue tout simplement comme une « négligence bénigne ». Les communautés culturelles minoritaires doivent donc délaissier leurs valeurs, traditions, cultures et langues et adhérer sans condition à la nouvelle société ainsi créée. Cette façon de procéder garantirait, selon ses partisans, la participation pleine et égale de tous les citoyens à la vie démocratique (2000, 6-7).

S'il est vrai que le melting-pot fédère les pluralités ethniques et culturelles américaines autour d'un idéal commun, il est tout aussi vrai que son aspect assimilationniste détruit les cultures d'origine des différentes populations (surtout celles d'origine étrangère : africaine, mexicaine, hispanique, chinoise, japonaise, entre autres). En se fondant dans le nouveau projet identitaire créé de toutes pièces, ces populations sont amenées à perdre de vue voire à abandonner leurs cultures d'origine, leur identité culturelle au profit d'une nouvelle. Dès lors, l'environnement culturel dans lequel elles évoluent désormais leur impose une nouvelle identité culturelle qui n'est pas forcément en adéquation avec celle(s) de leurs ancêtres. Le versant culturel de leur nouvelle identité se définit alors par rapport à leur capacité à s'adapter aux normes culturelles édictées par leur nouvelle société et qui se retrouvent dans ses pratiques politiques et économiques. Finalement, ces populations doivent se reconnaître américaines avant tout, c'est-à-dire qu'elles doivent affirmer leur identité culturelle américaine, leur «américanité», au détriment de leur identité originelle.

Dans cette reconnaissance identitaire, disons dans cette nouvelle construction identitaire, la langue occupe une place prépondérante. De fait, l'un des principes fondamentaux pour une intégration réussie de ces populations réside non seulement dans leur participation à la vie socioéconomique, politique et culturelle de leur nouvelle société, mais surtout dans leur maîtrise de la langue anglaise comme outil de communication et vecteur de cette participation. Dans ce contexte, le multiculturalisme devient un système où en apparence, une seule

identité culturelle subsiste, une «identité hybride» en quelque sorte. De même, la notion d'interculturalisme devient quasiment inexistante puisque les cultures en présence sont reléguées au second plan pour mettre en avant un hybridisme culturel. Au final, vu que les populations perdent leurs identités culturelles au profit d'une identité hybride à travers l'abandon «institutionnalisé» de leur(s) langue(s) pour embrasser une nouvelle langue plus large et unificatrice, nous estimons que le melting-pot ne peut pas servir de modèle pour l'identité culturelle africaine que nous prôtons.

Contrairement aux États-Unis donc, dans le cas africain, la langue ne peut pas constituer ce vecteur unificateur capable de fédérer les populations étant entendu que ces dernières sont déjà en place avant même d'initier le projet de construction d'une identité culturelle. C'est à juste titre que nous disons avec Dominique Schnapper que «la communauté de langue, comme toute communauté culturelle, peut rester impuissante à réunir des collectivités historiques qui ne partagent ni la même conscience de leur passé ni le même projet politique» (1994, 199). Même si la langue devait être prise comme un vecteur de construction identitaire au niveau continental, il se poserait le problème de choix à cause de la prédominance des langues héritées de la colonisation. Chaque pays utilise la langue de l'ancienne puissance coloniale comme langue officielle. Aussi, tous les pays n'ont pas la même expérience de leur passé ni le même projet politique. Ceci permet de comprendre la difficulté à trouver une langue commune à tout le continent. Car vouloir créer une langue africaine suppose que chaque pays abandonne sa langue officielle. Par ailleurs, il s'avère impossible de convaincre ces populations d'abandonner leurs traditions et pratiques culturelles au profit d'autres qui se trouvent être difficiles à élaborer.

Voyons maintenant si l'interculturalisme Québécois peut servir de modèle pour la construction d'une identité culturelle africaine. À propos de ce modèle, Alain G. Gagnon écrit :

Le gouvernement du Québec a officiellement adopté une politique faisant le pari de l'interculturalisme comme façon d'inscrire le pluralisme culturel en tant que lieu de convergence pour tous ses citoyens. La poursuite de l'interculturalisme se fonde sur l'idée d'une entreprise réciproque, confirmant l'existence d'un contrat moral entre les nouveaux arrivants et la communauté d'accueil, s'édifiant sur une culture publique commune en vue de reconnaître à tous un pouvoir réel d'influence sur les choses de la Cité (Ibid., 11).

En analysant en profondeur cette citation, il ressort qu'à l'instar de l'assimilation étatsunienne à travers le melting-pot, l'interculturalisme québécois s'avère inopérant dans la construction d'une identité culturelle africaine. En effet, l'étude de Gagnon porte uniquement sur le Québec, donc n'englobe pas tout le Canada. C'est dire que les nouveaux arrivants dont elle fait allusion sont uniquement les populations qui cherchent à intégrer le tissu socioéconomique, politique et culturel de la province. Aussi, l'entreprise réciproque ainsi que le contrat moral entre ces nouveaux arrivants et la communauté d'accueil sont centrés sur cette province. Cet aspect sectoriel ne peut pas être un élément fédérateur national au point de constituer un vecteur pertinent dans la construction d'une identité nationale pour le pays. Déjà, le début de la citation situe clairement le champ d'opération de l'étude et le caractère régionaliste de l'identité qui est construite: «Le gouvernement du Québec a officiellement adopté une politique...». On comprend donc que les populations non québécoises ne peuvent pas jouir de cette identité alors qu'ils sont aussi des canadiens. Ainsi, à partir du moment où cette identité ne s'étend pas à tout le territoire canadien, qu'elle n'est donc pas nationale, nous estimons qu'elle ne peut pas s'appliquer à l'Afrique car ici, nous voulons un modèle qui fasse abstraction des particularismes. Au vu donc de tout ce qui précède, quelques questions essentielles s'imposent quant à la construction d'une identité culturelle africaine. À quel type de société africaine aspirons-nous? Quel type d'identité culturelle voulons-nous pour cette Afrique? Quels sont les marqueurs de cette identité et quelles en sont les stratégies de construction?

2.2. Pour un modèle africain

D'entrée de jeu, signalons que la société que nous voulons pour l'Afrique est celle-là même qui doit pouvoir s'affirmer indépendamment des tutelles coloniales. Son identité culturelle sera donc une identité qui ne reflète ni l'assimilation étatsunienne ni l'interculturalisme québécois, ni tout autre modèle importé ou imposé. En fait, si l'Amérique ou l'Europe ne sont pas parvenues à unifier leurs cultures par en faire un code unique, il serait difficile pour l'Afrique d'en avoir un au regard de sa trop grande diversité. Dans la nouvelle Afrique à construire, il ne devrait avoir ni communautés minoritaires ni communautés majoritaires, ni nouveaux arrivants ni premiers occupants car cela renverrait à la question de domination alors que notre souci est de susciter une union de poids. Toutefois, même si les modèles que nous avons examinés ne

peuvent pas s'appliquer à l'Afrique dans leur entièreté, certains de leurs aspects sont utiles dans le processus de création de cette identité continentale. La démocratie par exemple qui garantit leur stabilité et crée un climat propice pour l'épanouissement des populations.

Le pluralisme culturel tel qu'il existe aux États-Unis ou au Québec est déjà un fait en Afrique. Comme nous l'avons démontré dans la première partie de ce travail, le continent est un vaste espace culturel. La construction d'une identité culturelle proprement africaine réside donc dans le type de rapports que les différentes cultures doivent entretenir entre elles. L'interculturalisme tel que nous l'entendons pour l'Afrique est un projet politique qui doit œuvrer pour que les différences, loin d'empêcher le vivre-ensemble, enrichissent le continent et renforcent les liens entre les peuples. Il doit développer entre ces derniers une appartenance et une solidarité de groupe. Dans cette perspective, ce qui tient la nouvelle société africaine n'est pas la citoyenneté mais la prise de conscience par les Africains, de leur expérience commune de sujets dominés ou construits, de leur retard sur les autres continents alors que le leur est de loin considéré comme celui qui regorge le plus de ressources. Cela suppose que les sociétés édictent et acceptent, dans un effort d'ensemble, des règles communes qui ne concernent pas le mode de vie, les mœurs, l'appartenance religieuse, les valeurs, la langue, mais les modalités de dialogue et la reconnaissance d'une citoyenneté au-delà du national, du régional, prioritaire à toute action (politique, économique, sociale, idéologique, religieuse...). En clair, la relation entre les sociétés doit être basée sur le consensus, l'idéologie partagée et l'action concertée pour une plus grande efficacité. Ce faisant, les disparités s'éclipsent pour faire place à une union qui apparaît comme un moyen efficace pour résister à la domination des grandes puissances.

Ce projet politique d'une Afrique débarrassée des disparités trop prononcées fait poindre ce que Michel Maffesoli appelle «l'être-ensemble»:

L'être-ensemble est à mon sens une donnée de base. Avant toute autre détermination ou qualification, il est cette spontanéité vitale qui assure à une *culture* sa force et sa solidarité spécifiques. Par la suite cette spontanéité peut s'artificialiser, c'est-à-dire se *civiliser* et produire des œuvres (politiques, économiques, artistiques) remarquables (1988, 148-49).

L'être-ensemble, c'est aussi la conscience collective ou la

coexistence sociale. Les Africains gagneraient à cultiver une conscience collective d'un devoir de protection de tout ce qui est propre à l'Afrique, une idéologie de l'africanisme qui diffère fondamentalement du protectionnisme ou de l'individualisme du monde occidental.

Les marqueurs de l'identité culturelle africaine à construire sont entre autres, la solidarité, l'hospitalité, le respect des valeurs traditionnelles, le partage. A travers ces marqueurs, les Africains devraient pouvoir se démarquer de l'individualisme des pays développés, un individualisme qui malheureusement prend de plus en plus de l'ampleur sur le continent. Aujourd'hui, il n'est pas rare de voir dans beaucoup de capitales ou grandes villes africaines un individu affronter seul ses problèmes sans que son entourage daigne l'assister. Les mécanismes d'intensification ou de renforcement de ces marqueurs identitaires sont les structures étatiques telles que les écoles, les appareils politiques, économiques, juridiques, les organisations régionales ou sous-régionales qui doivent être chapeautées par l'organisation continentale: l'Union Africaine (UA). Notre intention n'est pas de voir le fonctionnement de ces organisations mais plutôt le rôle essentiel qu'elles devraient jouer dans l'élaboration d'une culture africaine qui place l'Africain au cœur du débat sur son propre développement et son propre avenir. Par exemple, l'UA devrait édicter les grandes orientations politiques à répercuter au niveau des populations. Cette formation à la base peut être renforcée par le biais des télévisions et radios nationales, souvent en langues locales, même si beaucoup d'efforts se font déjà à ce niveau.

L'interculturalisme africain devrait également pouvoir libérer les héritages qui enferment. Il devrait servir à franchir les frontières fixées par l'appartenance, à savoir décloisonner les frontières culturelles qui enferment les populations dans des pratiques et comportements dont l'essentiel est de montrer sa différence. Cette posture exige de l'Africain la culture d'une idéologie d'appartenance et non de rejet.

Le formatage de la conscience collective des Africains en vue de construire une identité culturelle passe également par la nécessité de revisiter l'histoire du continent. Par exemple, les Africains devraient avoir une lecture différente des actions des anciens leaders tels que Soundiata Kéita, Chaka Zoulou, Behanzin Sékou Touré. Contrairement à la critique euro-centrique et impérialiste qui perçoit ces leaders comme des tyrans et des sanguinaires, ils devraient les considérer comme des héros, des symboles d'une Afrique qui veut s'assumer et qui refuse la soumission. Ces héros et leurs combats devraient désormais être

placés dans le contexte d'une Afrique qui veut se développer par elle-même même si elle a besoin des autres continents pour se positionner dans un monde où les enjeux géopolitiques et géostratégiques semblent à notre sens créer plus de problèmes qu'ils n'en résolvent. Cette posture de célébration peut aider à construire cette identité culturelle africaine. Car en fait, il s'agit pour l'Afrique d'écrire ou de réécrire sa propre histoire et non de la subir en laissant le soin à d'autres peuples de le faire. La notion d'identité culturelle ne renvoie plus à la façon de faire uniquement référence aux traditions et coutumes mais au développement, à l'élaboration d'une nouvelle conception et d'une nouvelle idéologie africaine.

En définitive, pour la nouvelle identité culturelle, il s'agit de former les populations à la chose «africaine» en vue de vivre une identité groupale. Il conviendrait de les amener à prendre conscience du retard de l'Afrique sur les autres continents et aussi à comprendre que son développement ne peut se réaliser que par ses fils et non par les autres même si ces derniers peuvent l'aider dans un contexte de développement mondial. Ceci revient à éviter ce que nous appelons «l'hypocrisie» mondialisée, c'est-à-dire une hypocrisie généralisée qui consiste à maintenir les Africains dans la paupérisation et la mendicité tout en leur faisant croire que leur développement est un enjeu majeur et une préoccupation mondiale.

Conclusion

Ce travail visait à voir le (multi/inter)culturalisme et la reconnaissance identitaire et leur enjeu pour le continent africain. Dans un premier temps, nous avons analysé la diversité culturelle africaine comme une richesse pour le continent. Cependant, bien qu'elle soit un atout, la trop grande diversité culturelle génère des écueils qui hypothèquent l'éclosion d'une identité africaine restée coincée dans les carcans assimilationnistes liés à la colonisation. En second lieu, nous avons examiné l'enjeu de la construction d'une identité culturelle africaine en définissant quelques-uns des marqueurs de cette identité à construire et les stratégies ou mécanismes de sa construction. Ainsi avons-nous vu que cette construction identitaire passe par la nécessité pour les Africains de revisiter leur histoire, notre histoire, et surtout de développer une culture qui place l'Africain au cœur de tout projet politique. Toutefois, des défis majeurs subsistent pour que l'Afrique évolue vers une culturelle unifiée qui serait un gage de renforcement de ses capacités à résister à la vague culturelle imposée par le biais des

centres culturels euro-américains qui éclosent sur le continent.

BIBLIOGRAPHIE

Bouchard Gérard «L'Interculturalisme québécois: mise au point», webzine *Vivre ensemble*, volume 22, numéro 77, Centre justice et foi, site web : www.cjf.qc.ca, printemps 2015.

Gagnon, Alain G. «Plaidoyer pour l'interculturalisme», *Revue Possibles*, vol. 24, no 4 automne 2000, pp. 11-25.

Labelle, Micheline et Xavier Dionne «Les fondements théoriques de l'interculturalisme»; Rapport présenté à la Direction de la gestion de la diversité et de l'intégration sociale, Ministère de l'Immigration et des Communautés culturelles Québec, UQUÀM: Chaire de recherche en immigration, ethnicité et citoyenneté (CRIEC), septembre 2011.

Maffesoli, Michel *Le Temps des tribus: le déclin de l'individualisme dans les sociétés postmodernes*, Paris : La Table Ronde, 1988.

Rocher, François et Bob W. White, «L'interculturalisme québécois dans le contexte du multiculturalisme canadien», Étude IRPP, N° 49, novembre 2014, site web : www.irpp.org

Rocher, François ; Labelle, Micheline ; Field, Ann-Marie ; Icart, Jean-Claude, «Le concept d'interculturalisme en context québécois: généalogie d'un néologisme»; Rapport à la Commission de consultation sur les pratiques d'accommodement reliées aux différences culturelles (CCPARDC), uOttawa, Université du Québec à Montréal: CRIEC, 21 décembre 2007.

Schnapper, Dominique, *La Communauté des citoyens*, Paris: Gallimard, 1994.

Storey, John, ed., *What is Cultural Studies? A Reader*, London/New York/Sidney/Auckland: Arnold, a member of the Hodder Headline Group, 1996.

Т. Е. Гревцова

Ростов-на-Дону, Россия

БЛИНЫ В РУССКОМ СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ: КУЛЬТУРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОБРЯДОВАЯ СЕМАНТИКА¹

АННОТАЦИЯ. *В статье предлагается анализ культурной семантики и терминологии блинов в русском свадебном обряде. Рассматриваются дериваты диалектных и общеупотребительных названий блинов и словосочетания, обозначающие действия с блинами, в русском свадебном ритуале.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русский язык, свадебные обряды, русские, блины, культурная терминология, обрядовая семантика, этнолингвистика.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гревцова Татьяна Евгеньевна, младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.*

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41.

E-mail: tanyar_2@mail.ru.

T. E. Grevtsova

Rostov-on-Don, Russia

PANCAKES IN THE RUSSIAN WEDDING RITUAL: CULTURAL TERMINOLOGY AND RITUAL SEMANTICS

ABSTRACT. *The article presents an analysis of cultural semantics and terminology of pancakes in the Russian wedding ritual. Derivates of dialectal and common names of pancakes and phrases denoting acts with pancakes in the Russian wedding ritual are considered.*

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов юга России в условиях модернизации».

KEYWORDS: *Russian, wedding rituals, Russian pancakes, cultural terminology, ritual semantics, ethno-linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grevtsova Tat'yana Evgen'evna, Junior Researcher of the Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.*

Русский свадебный ритуал включает множество эпизодов, сопровождающихся застольями, неотъемлемой составляющей которых является присутствие на столе разнообразных хлебных изделий. Лишь немногие виды выпечки изготавливаются исключительно для свадьбы и получают специальные названия. Большинство изделий из теста, с которыми совершаются символические действия в ритуале, не являются собственно свадебными блюдами и используются и в других обрядах. Восстановление их культурной семантики требует не только обращения к совершаемым с этими реалиями действиям в свадьбе, но и привлечения сведений об их функционировании в других комплексах традиционной культуры.

Такое исследование может быть осуществлено в русле этнолингвистики. В рамках московской этнолингвистической школы была обоснована необходимость применения приемов языковой реконструкции для восстановления «плана содержания» народной культуры, которые включают внутреннюю реконструкцию, т.е. обращение к данным внутри одной традиционной культуры, и внешнюю реконструкцию — сопоставление материала родственных традиций [Толстой 1995а: 43–44]. Значимым источником реконструкции славянской духовной культуры становится специальная обрядовая лексика — культурная терминология, одновременно принадлежащая языку и культуре и обозначающая наиболее значимые элементы последней [Толстая 2008: 211]. Среди таких терминов можно выделить общеупотребительные лексемы, приобретающие в обрядовом контексте особые культурные коннотации, которые не получают отражения в языке [Толстой 1995б: 289–290].

Данная статья посвящена анализу культурной терминологии и семантики блинов в русском свадебном ритуале. Источниками для исследования послужили опубликованные описания русской свадьбы и диалектные словари русского языка. В русской

традиции блины употребляются также в похоронно-поминальных и календарных обрядах, материалы которых помогают реконструировать культурную семантику этих изделий из теста. В качестве материала для внешней реконструкции привлекались описания украинских и белорусских свадеб, с которыми русский ритуал имеет общие корни и сохраняет тесную связь.

Блины — одно из традиционных блюд у восточных славян, главным образом у русских. Считается, что основной культурной семантикой блинов является поминальная, связанная с представлениями о смерти и том свете, поскольку с этой выпечкой совершаются различные ритуальные действия во время похоронного обряда, а также календарных обрядов, которые соотносятся с тематикой смерти [Гура, Лаврентьева 1995: 193]. В русском свадебном обряде такая семантика блинов проявляется в эпизодах прощания невесты со своими подругами и прежней, девичьей долей, так как обрядовый переход девушки в народной традиции осмысливается как символическая смерть в прежнем статусе и рождение в новом [Гура 2012: 86]. Например, в Ярославской области накануне венчания устраивали застолье, называемое *блинкі*, к которому готовили блины. Их клали стопкой, делали в ней ямку и вливали туда масло. После застолья «хоронили» невесту [ЯОС, 1: 63]. Угощение блинами накануне свадьбы также было распространено в Костромской области [Снегирев 1839: 145; Терещенко 1848: 171; Традиционные обряды 1985: 115] и на территории Северного Прикамья [Макашина 1987: 60]. В Луганской области Украины накануне свадьбы проходило прощание жениха с холостяцкой жизнью — *млинци* [Магрицька 2003].

Поминальная символика блинов присутствует и в некоторых послесвадебных обрядах. Например, в Пензенской губернии в доме невесты на другой день после венчания устраивали обряд, называемый *блины*, во время которого происходило символическое прощание с покойником — наряженным мужчиной или женщиной. После «оживания» покойника участников ритуала угощали блинами [Астров 1905: 455]. М. Г. Матлин предлагает не относить послесвадебные игры в покойника напрямую к похоронному ритуалу, а рассматривать их наряду с подобными святочными, масленичными, другими календарными обрядами. Он приходит к выводу, что игра в покойника в свадебном обряде «не только типологически совпадает с соответствующей святочной игрой, но и восходит к ней» [Матлин 2015: 116].

Блины воплощают прежнюю долю невесты, ее жизнь в роди-

тельском доме. У русских широко распространено посещение новобрачными дома ее родителей, где их угощали блинами. У оренбургских казаков во время *блинного стола*, устраиваемого на второй день свадьбы в доме родителей невесты, теща накрывала голову зятя блином, брала ложку масла и мазала его волосы. Зять, взяв блины, накрытые тарелкой, переворачивал их, а тарелку бросал, стараясь попасть в матицу [Очерки 2005: 354]. На Русском Севере теща могла и сама привозить блины новобрачному [Гура 2012: 355; Традиционные обряды 1985: 293]. На Дону на следующий день после венчания молодую жену кормили блинами, принесенными из дома ее родителей [Дианова 2008: 111]. В других эпизодах свадьбы блины получают и иную символику. Так, у русских отказ сватам мог выражаться формулами *дать блин* [Березович 2007: 251] и *получить блин* [НОС: 895]. Е. Л. Березович доказала, что появление таких словосочетаний обусловлено семантикой удара, битья, присущей плоской выпечке, в том числе и блинам. Кроме того, блины в свадебном ритуале символизируют утраченную девственность, что также могло повлиять на появление таких выражений [Березович 2007: 251–252].

Широко распространены обрядовые действия с блинами на этапе послесвадебья. Они разнообразны как по ритуальному воплощению, так и по семантике. Рассмотрим каждое из таких действий.

Раздача блинов гостям на следующий день после свадебного застолья семантически сближается с раздачей частей свадебного карава, символизирующей перераспределение общей доли между участниками обряда [Байбурин 1998: 80]. Эту связь подтверждает и параллелизм словосочетаний, обозначающих раздачу блинов и частей карава (*давать на блины* [СРГС, 1, ч. 2: 12], *класть на блины* [СРГС, 2: 58], *класть к блинам* [СРНГ, 41: 194] — *давать на каравай* [СРНГ, 13: 65], *класть на каравай* [СДГВО: 243]). В Ярославской и Новосибирской областях за блины молодым дарили деньги [Русские крестьяне, 2, ч. 1: 429; СРГС, 4: 425]. На Урале на второй день новобрачная пекла блины, за что ей давали подарки или деньги [СРГСУ: 30; ССГ, 1: 91]. В Архангельской области во время угощения блинами мать дарила жениху рубаху, называемую *блiннoй рубахой* [АОС, 2: 34]. В Смоленской губернии на второй день свадьбы молодая жена пекла *званые блины* и получала за них деньги [Терещенко 1848: 459]. У белорусов Могилевской губернии она подносила блин каждому гостю [Гура 2012: 355].

Как уже было сказано, семантика блинов в свадебном ритуале связана с символикой девственности невесты. В эпизодах по-

слесвадебья обрядовые действия с этими изделиями из теста могут воплощать ее утрату во время брачной ночи. У русских широко распространено угощение молодого на второй день свадьбы, во время которого он с помощью определенных действий с блинами демонстрировал, сохранила ли невеста девственность до брака. Если девушка оказалась «честной», новобрачный разбивал тарелку из-под блинов [Зорин 2004: 100–101; Макашина 1987: 67], кусал или протыкал ножом блин [Традиционная культура 2012, 1: 304], откусывал блин с краю [СДГВО: 45], бережно брал, а не комкал блин [Русские крестьяне, 5, ч. 2: 561], дарил матери невесты рубль [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 378; Лаврентьева 1990: 45].

В случае утраты невестой девственности до свадьбы жених откусывал середину блина, клал его на стопку блинов и не ел их, вырезал в блинах клин [Лаврентьева 1990: 45], давал теще мелочь вместо целого рубля [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 378], дарил ей «худой» блин [Гура 2012: 355]. У белорусов Могилевской губернии, если новобрачная оказалась «нечестной», после брачной ночи мужчины пробивали блин пальцем [Гура 2012: 355]. В Луганской области Украины в случае своей «нечестности» невеста после брачной ночи пекла блины, надев кожух [Магрицька 2003]. В Минской губернии молодая жена пекла блины только в случае сохранения невинности до брака [Довнар-Запольский 1888: 24–25]. В белорусском свадебном ритуале сходную функцию послесвадебного блюда выполняла яичница: если невеста была «честной», свекровь угощала ее и всех присутствующих яичницей, украшенной цветами из теста, в противном случае на стол подавали «поколупанную» яичницу и мед [Этнаграфія Беларусі 1989: 129].

Связь семантики блинов с девственностью невесты подтверждает и шуточный обряд, называемый *продолбить блин*, который устраивали после первой брачной ночи в Томской и Кемеровской областях. Жениха и невесту сажали за стол и в присутствии гостей прорезали блин и проливали в образовавшуюся дырку вино [СРГС, 4: 30]. В Архангельской области на другой день после свадьбы молодоженов *проздравляли с блинами* [СРНГ, 32: 140]. О такой символике блинов свидетельствует и их ритуальное использование в других эпизодах обряда. Например, в Нижегородской области во время смотрин мать невесты подавала жениху блины и тупой нож со словами: «Блинки изрежь, ножа не погни, блинов не помни, маслица не пожми». Жених втыкал тупой нож в потолок и резал блины своим, острым ножом [Даль 1879, 2: 342–343].

Блины были традиционным угощением новобрачных на второй день свадьбы. В Костромской и Вологодской губерниях их подавали молодым после бани [Русские крестьяне, 5, ч. 4: 208; Терещенко 1848: 183]. В Кадниковском уезде Вологодской губернии новобрачные вместе съедали первую *шаньгу* — блин из крупичатой муки, испеченный свекровью [Русские крестьяне, 5, ч. 2: 409], в Вологодском уезде на второй день их кормили *олашками* [Русские крестьяне, 5, ч. 1: 530]. Во время такого угощения иногда происходила шуточная проверка молодых супругов. В рязанской свадьбе они должны были разрезать стопку блинов [Самоделова 1996: 27]. Интересно, что у донских и кубанских казаков разрезание хлеба, принесенного сватами в дом невесты, — один из способов проверки хозяйственных способностей девушки во время начальных эпизодов ритуала [Гревцова 2016: 107–109]. В Архангельской области молодого мужа, который нерасторопно макал блин в масло, называли «жених в масле» [СГПС, 3: 356]. В Костромской губернии новобрачный должен был распутать перепутанные концы блинов, начиненных яйцами, не разрезая их [Снегирев 1839: 150]. Хозяйственные способности молодой жены проверяли ее умением испечь блины [Русские крестьяне, 3: 160; Шейн 1900: 660]. В Белгородской области на третий день свадьбы свекровь подавала гостям, пришедшим «искать невесту», подгорелые блины, якобы испеченные молодой [Климова 2007: 43].

От слова *блин* в русских диалектах образованы некоторые терминологические словосочетания, которые отражают совершение ритуальных действий с ними в свадебном обряде (*да́вкий блин* ‘блин, который подносит невеста на свадьбе гостям; те, кто подавится блином, должны поцеловаться’ [СРГСУ: 125], *блины званые* ‘блины, которые пекутся на второй день свадьбы и за которые гости дают деньги’ [Терещенко 1848: 459]). Обрядовое действие этапа послесвадебья, когда мать молодой жены угощает новобрачного блинами, было широко распространено и послужило причиной появления некоторых названий с корнями *тёщ-* и *зят-*. Так, в Псковской области большой блин, которым угощали зятя, называли *зятний блин* [ПОС, 2: 42]. Наименования обрядов послесвадебья, образованные от этих корней, часто обозначают один и тот же эпизод свадьбы (*тёщины блины* 1) ‘обед у родителей молодой на второй день свадьбы, во время которого происходило угощение блинами’ [СДГВО: 45; СРГС, 5: 51]; 2) ‘название одного из дней Масленицы, когда молодые приезжают в гости к родителям невесты’ [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23], *к тёще на блины*

‘приезд молодых к родителям невесты на второй день свадьбы’ [СДГВО: 45], *зятьевые блины* 1) ‘угощение тещей зятя блинами на второй день’ [Гура 2012: 492]; 2) ‘название одного из дней Масленицы, когда молодые приезжают в гости к родителям невесты’ [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23]).

Термины, обозначающие обряды послесвадебья, производные от слова *блин*, широко распространены у русских. Они могут относиться к угощению зятя блинами (*блины́* [АОС, 2: 35; СГРС, 3: 356]), посещению новобрачными родителей жены (*блины́* [СРНГ, 3: 24; Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 23], *на блины́* [ЯОС, 6: 76], *блинкí* [ЯОС, 1: 63], *на блинки* [Традиционная культура 2012, 2: 489]), изготовлению блинов молодой (*блины́* [СРГСУ: 30], *невёстины блины́* [СРГС, 1, ч. 1: 72], *блiнно(е)* [АОС, 2: 34]), угощение у родителей жениха (*блины́* [ПОС, 2: 42], *на блины́* [СРНГ, 11: 210; СРГС, 1, ч. 1: 134], *блiнный стол* [СРНГ, 3: 25]), продаже блинов гостям (*блиновáнье* [СРГС, 1, ч. 1: 72]), символическим похоронам одного из участников свадьбы (*блины́* [Астров 1905: 455]). Приведенные примеры показывают, что один и тот же термин может обозначать различные ритуальные действия, имеющие разную обрядовую семантику, совершаемые разными участниками свадьбы и происходящие в разных обрядовых локусах. Поэтому при исследовании таких названий важным является анализ не только их языковых свойств, но и обращение к ритуальной ситуации и символике совершаемых с блинами обрядовых действий.

Культурный термин *блин* является мотивационной базой для некоторых наименований персонажей ритуала, а также обрядовых атрибутов. Названия участников свадьбы, производные от этого слова, как и предыдущая группа слов, обозначающих эпизоды обряда, связаны с этапом послесвадебья. Например, девочку, приносящую новобрачным блины на второй день свадьбы, называли *блiнницей*, *блiнóчницей* [СРНГ, т. 3, с. 25], гостя, который приезжал на блины после свадьбы, — *блiнщиком* [СвятГ, 1–2: 81]. В Ярославской области *блiнником* называли кучера в свадебном поезде [ЯОС, 1: 63], в Свердловской — зятя, принятого после свадьбы в дом жены. Последнее значение слова *блинник*, как уже было сказано, обусловлено тем, что блины связаны с невестой, ее долей и прежней жизнью в родительском доме.

Названия элементов предметного кода русской свадьбы, образованные от термина *блин*, связаны с угощением блинами на другой день свадьбы (*блiнная рубаха* ‘рубаха, которую подает мать жениху вместе с блинами’ [АОС, 2: 34], *блiнный стакáн*

‘стакан вина, который подносили вместе с блинами каждому родственнику’ [СРГС, 4: 425], *подáрок на блины́* ‘деньги, которые гости дарят новобрачным на второй день свадьбы’ [СРНГ, 27: 331]). Интересно, что в вологодских говорах такими же отношениями мотивации связаны слова *шаньги* ‘блины из крупчатой муки, подаваемые свекровью на второй день свадьбы’ и *шанежник* ‘платок, который невестка дарит свекрови за угощение шаньями на второй день свадьбы’ [Русские крестьяне, 5, ч. 4: 208]. Как и от лексемы *блин*, от слова *шаньга* образовано название мужа, живущего в доме жены после свадьбы, – *шанежник* [СВГ, 12: 67]. Таким образом, культурные термины *блин* и *шаньга* вступают в синонимические отношения в группе русской свадебной лексики не только на уровне обрядовой семантики, но и на уровне словообразовательных дериватов.

Со словом *блин* образованы словосочетания, обозначающие ритуальные действия с блинами. Уже были упомянуты выражения *давать на блины*, *класть на блины*, *класть к блинам*, связанные с дарением новобрачным подарков или денег на второй день свадьбы и сходные с формулами, сопровождающими раздачу каравая, *блин продолжать* и *проздравлять с блинами*, относящиеся к действиям второго дня свадьбы. Кроме того, специальные обозначения получают посещения молодыми родителей жены после свадьбы (*ехать на блины* [СРНГ, 3: 24], *ехать на блинки* [Даль 1879, 2: 345], *ехать к тёще на блины* [Подюков, Хоробрых, Антипов 2004: 55], *приходить на блины* [ССГ, 1: 191], *йисть блины* [Рязанская традиционная культура 2001: 122]). Только от термина *блин* в русской свадебной лексике образуются глаголы, обозначающие обрядовые манипуляции с данным видом выпечки (*блинiть*, *блинничать* ‘дарить подарки жениху вместе с угощением блинами во время свадьбы’ [АОС, 2: 34], *блиновáть* ‘угощать блинами во время свадебного обряда’ [СРГС, 1, ч. 1: 72]).

Синонимы культурного термина *блин* обнаруживаются в основном на Русском Севере. Уже были рассмотрены отношения синонимии между этим термином и словом *шаньга*, которое зафиксировано в вологодских говорах. Другие синонимы лексемы *блин* обозначают изделия из теста, используемые только в одном обрядовом эпизоде, и не становятся основой для номинации других элементов ритуала. Так, в Костромской области во время богомоля, совершаемого перед свадьбой, к столу подавали *выпекуши* — толстые блины на дрожжах [Традиционные обряды 1985: 100]. В Тверской и Костромской областях такие блины, называе-

мые *опекуши*, подносили невесте во время девичника накануне венчания [Снегирев 1839: 145; Традиционные обряды 1985: 115]. В Заонежье на Масленицу, если теще не нравился жених, она подавала ему *припечники* — двухслойные блины на молоке или воде, которые заливались болтушкой из пшеничной муки на молоке и вместе прожаривались [Гура 2012: 356]. В Архангельской губернии во время девичника тарелки с едой закрывали блинами из густого пресного теста, испеченными на углях, которые называли *сочни*. В день свадьбы в доме молодого *сочнями* угощали женщин, не приглашенных на свадьбу [Гура 2012: 354].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости ритуального использования блинов в русском свадебном обряде, необходимости обращения при реконструкции культурной семантики этого атрибута свадьбы к похоронно-поминальным обрядам. Однако символика блинов в русском свадебном обряде связана не только с символической смертью невесты и ее последующим воскрешением, но и с другими, собственно свадебными мотивами (дефлорации, проверки хозяйственных способностей новобрачных, получения новой доли участниками ритуала). Анализ свадебных терминов, связанных мотивационными и парадигматическими отношениями с культурным термином *блин* в русской свадебной лексике, выявил его взаимосвязь с наименованиями элементов других кодов ритуала и показал, что он является одним из ключевых культурных терминов русской свадебной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–16 / под ред. О. Г. Гецово́й. — М.: МГУ; Наука, 1980–2015.

Астров Н. Крестьянская свадьба в селе Загоскине Пензенского уезда // Живая старина. — 1905. Вып. 3–4. С. 415–458.

Байбу́рин А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 78–82.

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). — М.: Современник, 1985. 390 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007. 600 с.

Гревцова Т.Е. Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д., 2016. 319 с.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. — М.: Индрик, 2012. 936 с.

Гура А. В., Лаврентьева Л. С. Блины // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. — М.: Международные отношения, 1995. С. 193–196.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. — М.; СПб, 1879.

Дианова Т. Б. Традиционное свадебное застолье на Дону // Традиционное русское застолье: сборник статей. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.

Довнар-Запольский М. В. Белорусская свадьба и свадебные песни. — Киев: Типография А. Давиденко, 1888. 38 с.

Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. — М.: Наука, 2004. 248 с.

Климова Я. М. Праздники и обряды Белгородчины: сборник фольклорных материалов по традиционным праздникам и обрядам, народным играм Белгородской области. — Белгород: Издание БГЦНТ, 2007. 111 с.

Лаврентьева Л. С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. Вып. 2. — М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 5–66.

Магрицька І. В. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). — Луганськ, 2003. Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovyk.html> (дата обращения: 03.04.2012).

Макашина Т. С. Свадебный обряд Северного Прикамья // Играем свадьбу: сборник / сост. С. Г. Заградская. — М.: Сов. Россия, 1987. С. 50–68.

Матлин М. Г. Смех в русской народной свадьбе XIX–XXI вв.: типологический и функциональный аспекты. — Ульяновск: Изд-во ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2015. 272 с.

НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н. И. Бондаря. Т. 2. — Краснодар: ЭДВИ, 2005. 632 с.

Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прика-

мья. — Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. 360 с.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. — Л.–СПб.: Изд-во Ленинградского университета; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1967–2013.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1–5. — СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2004–2007.

Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Н. Н. Гилярова, Л. Н. Чижикова. — Рязань: Изд. РязЦНТ, 2001. 488 с.

Самоделова Е. А. Каравайная традиция рязанской свадьбы // Рязанский этнографический вестник. [Т. 21]. Этнография и фольклор Рязанского края: материалы Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой (1-е Лебедевские чтения), 6–8 декабря 1994 г. — Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1996. С. 25–32.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. — Вологда, 1983–2007.

СвятГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8. — Киров: Изд-во ООО «Коннектика»; изд-во «Экспресс»; изд-во ВятГГУ; изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2004–2012.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009. Т. 1–4.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области. Около 17000 слов / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. — Волгоград: Издатель, 2011. 703 с.

Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. — М.: Университетская типография, 1839. 244 с.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. — Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — М., Л.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–46.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. — Смоленск: СГПУ, 1984–2005.

Терещенко А. В. Быт русского народа. Т. 2. Свадьбы. — СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1848. 619 с.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М.: Индрик, 2008. С. 210–225.

Толстой Н. И. Культурная семантика славянского **vesel-* // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995. С. 289–316 (Толстой 1995а).

Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995. С. 41–60 (Толстой 1995б).

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: в 2 т. / колл. авт. И. С. Кызласова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов и др. — М.: Индрик, 2012.

Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. — Л.: Наука, 1985. 343 с.

Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 2. — СПб.: Типография императорской академии наук, 1900.

Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя (Беларус. Сав. Энцыкл.). — Мінск: БелСЭ, 1989. 575 с.

ЯОС — Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып.1–10. — Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.

М. И. Девяткова

Екатеринбург, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ «ДЗЮДОИСТ» И «БОРЕЦ»
(на материале русских политических карикатур
с образом Владимира Путина)**

АННОТАЦИЯ. *В статье проанализированы и описаны лингвокультурные типы «дзюдоист» и «борец», выступающие в качестве невербальных компонентов в политических карикатурах с образом Владимира Путина; рассмотрен имидж президента, создаваемый в русских креолизованных текстах.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *креолизованные тексты, лингвокультурные типы, политический дискурс, политическая карикатура, российские президенты, языковая личность, концепты, лингвокультурология, имидж президента.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Девяткова Марина Ивановна, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения; учитель английского языка МАОУ СОШ № 29*

Адрес: 198511, г. Санкт-Петербург, г. Петродворец, ул. Суворовская, д. 1.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru.

M. I. Devyatkova

Ekaterinburg, Russia

**LINGUO-CULTURAL TYPES OF
«JUDOIST» AND «WRESTLER»
(based on Russian political cartoons of Vladimir Putin)**

ABSTRACT. *The article analyses and describes linguo-cultural personality types «judoist» and «wrestler», used as non-verbal components in Russian political cartoons with the image of Vladimir Putin; the President's image created in Russian creolized texts is considered.*

KEYWORDS: *creolized texts, linguo-cultural type, political discourse, political cartoon, Russian presidents, linguistic personality, concept, linguo-culturology, image of the president.*

ABOUT THE AUTHOR: *Devyatkova Marina Ivanovna, Post-graduate Student of Department of the English Language, Theory of Education and Translation Studies; English Teacher of State School № 29.*

В круг интересов современных лингвистов все чаще попадают вопросы антропологии, ученые больше не изучают язык в отрыве от человека, его образования и воспитания, культуры и быта, мировоззрения и мировосприятия.

Проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и личности, языка и культуры освещаются в рамках лингвокультурологии. Базовыми понятиями категориального аппарата этой науки являются концепт и языковая личность. Лингвокультурный концепт, содержанием которого является языковая личность, представляет собой в исследовательском плане лингвокультурный типаж (далее ЛТ), или «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2005: 16].

Являясь узнаваемыми образами для представителей определенной лингвокультуры, ЛТ могут быть использованы авторами книг, статей, популярных в настоящее время креолизованных текстов с целью придания тексту большей экспрессивности и информативности, при этом, не перегружая его излишними описаниями и пояснениями, напрямую обращаясь к фундаментальным знаниям и жизненному опыту читателей. ЛТ могут служить средством описания личности, характера, моральных качеств и ценностных предпочтений человека.

Настоящая статья посвящена моделированию ЛТ «*дзюдоист*» и «*борец*», выступающих в качестве невербальных компонентов в политических карикатурах с образом Владимира Путина.

Авторы карикатур нередко представляют Владимира Путина в роли дзюдоиста (рис. 1, 2), что, несомненно, связано с его увлечением этим видом спорта в школьные и студенческие годы. В этой связи представляют интерес два ЛТ — «*дзюдоист*» и его синоним «*борец*», так как их ключевые характеристики являются несомненными направляющими при создании имиджа российского президента.

Рис. 1

Рис. 2

В русском языке слово «дзюдо» и «дзюдоист» являются сравнительно недавними заимствованиями и трактуются, по данным Толкового словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова и более современного Большого толкового словаря русского языка, следующим образом:

Дзюдо — *нескл., ср.* Спортивная борьба вольного стиля, основанная на бросках, подсечках, захватах. Соответственно, дзюдоист, -а, м. Спортсмен, занимающийся дзюдо. ж. дзюдоистка, -и. *прил.* дзюдоистский, -ая, -ое [Ожегов 2006: 164].

Дзюдо — *неизм.; ср.* Борьба вольного стиля, возникшая на основе отбора и модернизации приёмов джиу-джитсу и ставшая особым видом борьбы. *Приёмы д.* [БТС 1998: 257].

Понятийные характеристики, полученные нами на основе дефиниций лексемы *дзюдоист*, позволяют нам выделить следующие признаки в содержании ЛТ «дзюдоист»: 1) человек, 2) спортсмен, 3) занимающийся особым видом борьбы, 4) дзюдо.

Образные характеристики данного ментального образования свидетельствуют о том, что в русском национальном самосознании *дзюдоист* представляется как **хорошо сложенный спортсмен**: *Звать Георгий — почти Юрий (не говоря уж о Георгии Победоносце). Подтянут, в прошлом дзюдоист [Николай Фохт. Запасная Москва (1997) // «Столица», 1997.09.02]; не умеющий проигрывать*: *На литературе вызвали отвечать наизусть «Мороз и солнце», Смирнуша руку тянул и дзюдоист тоже. Вызвали Смирнушу, и на перемене дзюдоист решил разобраться [Катя Метелица. Смирнуша (1997) // «Столица», 1997.03.18]; олицетворяющий все положительные качества*: *Он один раз подрался с мальчиком, который был выше его на две головы, отличник был, красавец и дзюдоист [Катя Метелица. Смирнуша (1997) // «Столица», 1997.03.18].*

Поскольку термин *дзюдо* был введен в обиход в русском языке лишь в первой четверти XX века [Шапошников 2010: 224],

понятие *дзюдоист* не успело закрепиться в паремиологическом фонде русского языка.

Для выявления ценностной составляющей данного ментального образования мы проанализировали шуточные изречения, а именно анекдоты, на тему дзюдо и борьбы, а также песни и стихи про дзюдо и дзюдоистов. Следует отметить, что в анекдотах дзюдоистам и борцам дается оценка со стороны, а в песнях и стихотворениях мы обнаружили оценочные характеристики, которые дзюдоисты дают себе сами. Вышеупомянутые материалы, содержащие оценочные суждения о дзюдоистах, были отобраны нами с интернет-форумов, спортивных блогов и социальной сети «ВКонтакте».

Итак, среди характеристик, данных дзюдоистам в анекдотах, мы обнаружили следующие:

Наличие недюжинной силы:

• *Приходит паренек-дзюдоист домой с фингалом под глазом. Папаша подлетает:*

– *Сынок, кто это тебя так?*

– *Да трое напали, хотели часы отобрать.*

– *Да ты что, сынок, а увидишь, опознать сможешь?*

– *А чего я-то. Пускай родственники их теперь опознают* (<http://www.judo-zao.ru/humour/jokes.shtml>).

• *Борцы как дети, могут и поломать!* (https://vk.com/topic-61736801_29263332).

Применение хитрости в бою:

• *Путину спросили, почему НАТО расширяется на Восток, а Россия никак не может помешать.*

– *Каким принципом пользуется Россия в своей внешней политике?*

– *Основным принципом Дзюдо!*

– *В чем его суть?*

– *Сначала поддаться, а затем кинуть* (<http://www.judo-zao.ru/humour/jokes.shtml>).

• *Основной принцип дзюдо — кинь товарища* (<http://judo.md/judo/1246--rio-2016-protokoly-po-borbe-dzyudo-.html>).

Применение находчивости при решении бытовых вопросов:

• *А президент наш настоящий спортсмен! Очередным указом он запретил курить в общественных местах. Следующим указом он разрешит в общественных местах бороться* (<http://boevoy-dux.ru/boevos/0748801/1/Anekdoti-pro-borbu>).

• *Папа-дзюдоист очень спешил уложить сына спать,*

чтобы посмотреть трансляцию с чемпионата мира по дзюдо. Поэтому зайчик давился, но жрал колбачка (<http://www.svytopolk.ru/forum/31-432-1>).

Для дзюдоистов дзюдо — это дело жизни, а не хобби:

- – Ты спортсмен?
- Нет! Я Дзюдоист.
- А что Дзюдо не спорт?!
- Нет, это жизнь... (<https://vk.com/judokurch>).

Наличие скудных интеллектуальных возможностей:

• Приходят семь дзюдоистов в фотосалон и просят фотографа:

- Сфотографируй нас.
- Хорошо, как вас сфотографировать?
- Значит, мы, это, втроем с кулаками прем на этих четверых, а они, это, испугались и в стойке отходят.

Мужик их сфотографировал и спрашивает:

- Сколько сделать фоток?
- Две.
- Хорошо, но на хрена вам такие фотки? Тем более две.
- Тренер нам сказал — принести две фотки 3 на 4

(<http://rubin-judo.narod.ru/humor/anecdote.htm>).

- Сдает дзюдоист экзамен по анатомии.
- Где у человека расположен копчик?
- Почесал затылок парень и честно говорит:
- Не знаю...
- Копчик — это конец позвоночника.

Все еще почесывая затылок, вполголоса дзюдоист бормочет:

- Странно, у меня здесь голова...

(<http://pozitiv11.ru/anekdoty/anekdoti-pro-borcov>).

• У дзюдоистов интересуются, согласны ли они с тем, что дзюдо является травмоопасным видом спорта и влияет на умственные способности. 10% опрошенных согласились с этим утверждением, 90% не поняли вопроса (<http://borolka.com/blog/dzudo/1836.html>).

• После окончания спортивной карьеры, два друга-дзюдоиста устроились работать в морг. Дали им носилки и бумагу, на которой написан адрес, откуда нужно забрать труп. Они долго пытались прочитать, что же на бумаге написано, но у них ничего не получилось. Тогда они позвонили в первую попавшуюся квартиру. Из-за дверей голос:

- Кто там?

Дзюдоисты отвечают:

– Мы из морга.

Из-за дверей:

– А у нас никто не умер...

Дзюдоисты:

– А нам пофиг — у нас план!

(<http://www.svytopolk.ru/forum/31-432-1>).

Проанализировав тексты песен и стихотворений о дзюдо, мы обнаружили следующие оценочные характеристики дзюдоистов:

В занятиях дзюдо спортсмены видят свое высшее предназначение, так как этот вид спорта выбрал сам президент России:

• *Старший в стране и тот в кимоно,*

Видно быть борцами нам судьбою дано

(http://radioforme.ru/song/dzudo_muzon-dlja-moej-trenirovki).

Важными качествами дзюдоиста являются целеустремленность, настойчивость и выносливость:

• *Дзюдо — ты боль моя и пот,*

Мой пьедестал, мой эшафот!

Так много сил и нервов вплетено

В распахнутые крылья кимоно!

• *Он учит нас терпеть и учит побеждать,*

Преодолев усталости печать.

Дзюдо — ты мой тяжёлый труд

Под знаками высоких амплитуд (Тина Миллер «Гимн дзюдо» <http://www.inpearls.ru/>).

• *Там, где боль, я нахожусь, но ещё живой*

(http://radioforme.ru/song/dzudo_muzon-dlja-moej-trenirovki).

• *Но дорога в дзюдо так терниста*

И бывает она не проста! (<http://www.budo-kai.ru/blogs/dzudo/stihi-pro-borbu.html>).

• *Ну а жизнь у борца — это тоже борьба!*

(<http://www.sunhome.ru/poetry/118202>).

Посвятив свою жизнь дзюдо, дзюдоисты находят в нем не только боевое искусство, но и путь к гармонии и духовному совершенству:

• *Согласье между телом и душой,*

Дзюдо — это победа над собой!

Это не просто спорт или игра,

Дзюдо — это добро ради добра! (Тина Миллер «Гимн дзюдо» <http://www.inpearls.ru/>)

•Дзюдо — искусство.
Другого счастья, в жизни нет!
•Бойцам этикет, дисциплина знакомы.
•Дзюдо — это вид боевого искусства,
В нем есть философия, а не безумство.
Создатель его в девятнадцатом веке
Открыл без оружия мощь в человеке
(<https://vk.com/club110285763>).

•И порою об этом не знаем,
Что в дзюдо мы простились со злом.
•Да, дзюдо — это строгость в судействе
И гармония духа в душе;
•Я не знаю борьбы еще лучшей,
Здесь азарт и во всем интеллект
(<http://sportonline.biz/blog/ostalnie-vidi-sporta/145267.html>).

•Дзюдо — ты мудрая борьба!
Моя любовь, моя судьба! (Тина Миллер «Гимн дзюдо»
<http://www.inpearls.ru/>).

Проанализировав ценностные характеристики ЛТ «дзюдоист», мы делаем вывод, что для представителей русской лингвокультуры спортсмен, занимающийся дзюдо, является человеком сильным, выносливым и целеустремленным. Несмотря на то, что дзюдоисты не всегда могут похвастаться высоким интеллектом, на ринге и в жизни им помогает не только физическая сила, но и смекалка, и находчивость. Дзюдо является не только одной из форм активного времяпрепровождения, но и средством воспитания и тренировки воли и духа спортсмена. Несомненно, этот вид борьбы ассоциируется в русском самосознании с именем нынешнего президента Российской Федерации, что и делает этот вид спорта важным и особенным.

Рассмотрим ментальное образование «борец». Для выявления понятийных характеристик этого ЛТ, воспользуемся определением, приведенным в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

Борец, -рца, м. 1. Человек, к-рый борется во имя защиты, осуществления чего-н. (обычно передового, прогрессивного). *Б. за свободу.* 2. Спортсмен, занимающийся борьбой. *Б. тяжёлого веса. прил. борцовский, -ая, -ое (ко 2 знач.). Б. ковёр* [Ожегов 2006: 56].

Итак, на основе понятийных характеристик ЛТ «борец» мы выделили следующие признаки в его составе: 1) человек, 2) спортсмен 3) занимающийся борьбой, 4) сознательный, 5) име-

ющий обостренное чувство справедливости, б) и активную жизненную позицию.

Проанализировав карикатуры с образом Владимира Путина в роли дзюдоиста (борца), мы отметили, что, чаще всего, авторы текстов имеют в виду именно первое значение слова *борец*, изображая российского президента, борющегося, за процветание России (рис. 1), с терроризмом (рис. 2), с оппонентами (рис. 4), за правду (рис. 5), с санкциями, введенными против России (рис. 6).

Рис. 3

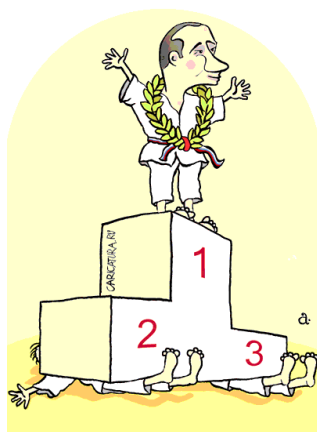

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рисунок 3 представляет собой обложку книги, на которой изображен Владимир Путин в дзюдоги, сражающийся в поединке на ринге, в правом верхнем углу карикатуры мы можем ви-

деть имя автора книги, а также ее название: *В. В. Путин «Моя борьба»*. Название книги является прецедентным текстом из сферы-источника «Мировая история и политика» и отсылает нас к известному одноименному литературному труду Адольфа Гитлера, основателя тоталитарной диктатуры Третьего рейха.

Здесь автор карикатуры также использовал первое значение слова *борец*, проводя параллель между борьбой на ринге и борьбой политической, при этом давая понять, что Владимир Путин не брезгует жесткими и, возможно, даже безжалостными методами для достижения своих целей. Использование невербального компонента, а именно сцены поединка в дзюдо, где в роли борца выступает политик, переносит карикатуру из сферы-источника «Мировая история и политика» в сферу-мишень «Спорт», формируя при этом метафорические модели «ПОЛИТИКА — ЭТО СПОРТ» и «ПОЛИТИКИ — ЭТО СПОРТСМЕНЫ», что еще раз подчеркивает целостность моделирования таких ЛТ как «*дзюдоист*» и «*борец*».

Анализ образных характеристик ЛТ «*борец*» также свидетельствует о том, что в большинстве случаев данное ментальное образование понимается в его первом значении *борца за что-то* или *с чем-то*, нежели в своем втором значении *борца-спортсмена*. Именно поэтому примеры высказываний о борце-спортсмене немногочисленны:

Спортсмен-борец обладает хорошей физической формой: *Влади — лысый и подтянутый, словно борец [Наталья Зайцева. Каста живых // «Русский репортер», 2012].*

Спортсмен-борец имеет развитую мускулатуру и внушительный рост: *Росту в ней было метра два, не меньше, а объему мог позавидовать профессиональный борец сумо [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].*

Для победы борцу-спортсмену недостаточно одних физических данных, немалую роль играет интеллект: *Можно считать, что айкидо использует свойства катастроф — борец должен победить не за счет большой физической силы или мощного удара [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)].*

Борцы за какую-либо идею или дело оказались куда более популярными в русской лингвокультуре, чем хорошо сложенные борцы на ринге:

Человека, ставшего на тропу борьбы, ждет нелегкий путь: *Этакий странствующий на метро рыцарь, борец за справедливость, защитник обиженных, утешитель сирот, а еще*

больше вдов, сам несправедно гонимый и за чужую вину страдающий [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005].

Иногда самоотверженность борца может граничить с фанатизмом: Он и помещение реквизирует не хочет: не видно разве — борец, фанатик! [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

Борца отличает бескомпромиссность, стойкость и беспощадность: Непримиимый борец с грехами обращается к библейскому тексту: «Господь заповедь рек: научитесь от Меня, как я кроток быть и смирен сердцем, и обретете покой душам вашим» [Николай Сайнаков. «Всему злу начало есть» // «Знание — сила», 2005]. На совещании группы в Москве в качестве консультанта и наблюдателя присутствовал глава WADA Ричард Паунд, самый бескомпромиссный борец с допингом в спорте [Анна Простякова, Андрей Митьков. Ричард Паунд: «В употреблении допинга мы подозреваем всех» (2002) // «Известия», 2002.12.10]. Может быть, даже так: тот и есть несгибаемый борец за светлое будущее человечества, кто прилежно делает свое дело и умеет наслаждаться счастьем личного бытия [Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002].

Борьба за какую-либо идею требует самоотверженности и усердия от личности: Он хоть и не ярый борец за социальную справедливость, однако в протекторате бандитского либерализма замечен не был [коллективный. Форум: В России нет государства (2011)]. Пенетта для такой задачи подходит как нельзя лучше: свою политическую карьеру он начинал как рьяный борец за права человека [Павел Бурмистров. Америка. Обамов ковчег // «Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009, 2009]. Великолепная история с умирающей кошкой, которую герой, отчаянный борец за чистоту расы, самоотверженно выхаживает: натуралистично, страстно написано — не хуже, чем у Лимонова в «Укрощении тигра» история с котенком [Дмитрий Быков. Книжная полка Дмитрия Быкова // «Новый Мир», 2003]. Это был «пламенный борец с наркотиками», как его представили публике, депутат Госдумы Владимир Жириновский [Бомбы против наркотиков // «Коммерсантъ-Daily», 2003]. Юбилейный вечер в Рахманиновском зале спродюсировал Алексей Любимов — выдающийся исполнитель классики и неутомимый борец за современную музыку [Жалобы Щазы (2003) // «Российская музыкальная газета», 2003.03.12]. Он узнал растрепанную бороду и длинные седые космы: сомнений не осталось, ночью по городу бродил издатель

Булгаковский, бывший священник и неутомимый борец с пьянством [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]. Даже самый сытый и гладкий врач Евразии — авторитетный санитар Онищенко, пламенный борец с пивом [Игорь Мальцев. Шоссе, фонарь, аптечка (2002) // «Автопилот», 2002.02.15].

Для борьбы необходимо мужество: *Бесстрашный борец с преступностью, начальник отделения 5-го отдела МУРа Игорь Островский, только-только получивший полковничьи погоны (хоть и занимал должность на ступень ниже, слишком велики были его подвиги) [Александр Хинштейн. Бригада // «Московский комсомолец», 2003].*

Благоразумие является важным качеством борца: *Сначала супруги спорили, кто будет выметать окурки, а потом мудрый борец за права женщин нашел воистину остроумное и оригинальное решение проблемы равенства [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)].*

Рассмотрев образные характеристики, мы отметили следующее: борцы — это статные спортсмены, отличающиеся интеллектом, безжалостностью и стойкостью; самоотдача борца нередко граничит с фанатизмом и безрассудством. В русской лингвокультуре бытует мнение о том, что у борцов нелегкая судьба, и за свой выбор им приходится платить высокую цену.

Для выявления ценностных характеристик ЛТ «борец» обратимся к паремиологическому фонду русского языка. В «Толковом словаре живого великорусского языка» (1880) и в «Словаре пословиц русского народа» (1879) В. И. Даля приведены следующие примеры речений о борьбе:

Следует знать, что для борьбы необходима физическая сила: *Не силен — не борись; не богат — не сердись.*

Следует знать, что для победы борцу необходим интеллект: *Не тот борец, что поборол, а тот, что вывернулся. Не силой борются, а умением.*

Следует знать, что человек должен бороться за лучшее существование: *Не верь судьбе: спасение — в борьбе.*

Бороться следует до конца: *Борьба не на жизнь, а на смерть.*

Следует знать, что борцы нуждаются в одобрении: *Борьба любит похвальбу.*

Следует знать, что борцам свойственно тщеславие: *Стрельба — похвальба, а борьба — хвастанье.*

Следует знать, что любому борцу найдется замена: *Борец борца сокрушает.*

Следует знать, что навыкам борьбы нужно специально обучаться: *Стрельба да борьба — ученье; а конское сиденье — кому бог даст.*

Следует знать, что случай борьбы не может быть единичным: *Борьба родит борьбу.*

Итак, ценностная составляющая ЛТ «*борец*» позволяет нам выделить некоторые характеристики данной типизируемой личности. *Борец* должен быть не только физически сильным, но и умным; целеустремленным и неунывающим. Тем не менее, *борец* нуждается в принятии другими людьми и даже одобрении со стороны общества. Любому *борцу* необходимы обучение и каждодневные тренировки, так как конкуренция высока.

Как мы отметили ранее, лингвокультурный типаж, являясь типизируемой личностью, представителем определенной этносоциальной группы, узнаваемым по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2007: 309], может использоваться как инструмент для создания определенного образа описываемой личности.

Таким образом, авторы русских карикатур с образом Владимира Путина, где в качестве невербального компонента выступают ЛТ «*дзюдоист*» и «*борец*», использовали данные ЛТ как средство описания характера и моральных качеств российского президента не только как личности, но и как политика.

Смоделировав ЛТ «*дзюдоист*» и «*борец*», мы можем сделать следующие выводы о том, какой имидж российского президента формируют авторы русских карикатур, используя в них вышеупомянутые ЛТ:

- Российский президент представляется, как статный спортсмен, занимающийся особым видом борьбы — дзюдо, а также как человек с обостренным чувством справедливости, имеющий активную жизненную позицию.

- Благодаря обращению к ЛТ «*дзюдоист*» и «*борец*» авторы русских креолизованных текстов создают представление о Владимире Путине, как о человеке умном, сильном, целеустремленном, идущем до конца и не умеющем проигрывать.

Карикатуристы, используя типизируемые личности *борца* и *дзюдоиста*, а также графические метафоры, изображают Владимира Путина, как жесткого и сильного политика, способного отстаивать интересы государства и каждого его гражданина в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

Буланов П. Г. Лингвокультурный типаж — Uncle Tom в афроамериканском дискурсе // Вестник ЧГПУ. — 2010. № 8.

Даль В. И. Словарь пословиц русского народа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rodon.org/dvi/prn0.htm>.

Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2007. 24 с.

Евтушенко Е. В., Прохорова Л. П. Ценностная составляющая лингвокультурного типажа kidult (на материале опроса респондентов) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. — 2013. № 2 (54) Т. 2 Филология. С. 45–50.

Карасик В. И. Коммуникативный типаж как предмет лингвистического изучения // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Волгоград, 2004.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград: Парадигма, 2010.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 477с.

Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии: сб. науч. тр. — Парадигма, 2005. 310 с.

Коровина А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» / Известия ВГПУ. 2008.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. — СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: Постановка проблемы // Филологические науки / Вестник ВолГУ. — 2008–2009. Сер. 9. Вып. 7.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Русский национальный корпус [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: ценностная составляющая // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. — 2006. Сер. 2. Языкознание. Вып. 5. С. 174–177.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1 / сост. А. К. Шапошников. — М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

Д. С. Докучаев

Иваново, Россия

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка анализа отдельных аспектов символической политики в российских регионах. Особое внимание уделено женским образам в позиционировании территории. Автор рассматривает эту проблему сквозь призму установившегося в последнее десятилетие в России «элитарного регионализма», при котором главы субъектов федерации стали активно работать на внешний имидж региона, на поиск уникальных черт, создание новых брендов и активное освещение их в федеральных средствах массовой информации. Все это для того, чтобы привлечь внимание руководства страны к конкретному региону и извлечь из этого конкретные дивиденды для территории: политические, финансовые, экономические.

Имиджевая политика российских регионов рассматривается в настоящей статье на примере использования женских образов, прежде всего, сказочных и монументальных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная политика; региональная идентичность; женские образы; символическая политика; брендинг территории; имидж региона; позиционирование регионов; региональный брендинг; этнокультурный брендинг; этнокультурный образ региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Докучаев Денис Сергеевич, кандидат философских наук, заместитель директора филиала ФГУП «ВГТРК» ГТРК «Ивтелерадио».

Адрес: 153000, г. Иваново, ул. Театральная, 31

E-mail: dokuchaev@mail.ru.

D. S. Dokuchaev

Ivanovo, Russia

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ 'Родины-матери' в символической политике современной Рос-

FEMALE IMAGES OF RUSSIAN REGIONS IN THE CONTEXT OF SYMBOLICAL POLICY

ABSTRACT. *The author attempts at analyzing certain aspects of the symbolical policy of Russian regions. Special attention is given to female images in territorial positioning. The author considers this problem from the perspective of «elite regionalism», recently established in Russia; in its context, the regional authorities of the Russian Federation actively create a favorable external image of their regions, promote the search for unique features, the creation of new brands and their wide coverage by the federal media. All these activities are aimed at attracting the attention of the country's highest leadership to the particular region, and, consequently, deriving benefits for the territory: political, financial and economic ones.*

The author considers the image policy of Russian regions by the examples of female images, primarily mythical and monumental ones.

KEYWORDS: *regional policy, regional identity, female images, symbolical policy, branding, territories, region's image, positioning of regions, regional branding, ethno-cultural branding, ethno-cultural image of a region.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dokuchaev Denis Sergeevich, Candidate of Philosophy, Deputy Director VGTRK Branch «Ivteleradio».*

Введение

Символическая политика как борьба за способ интерпретации социальной реальности [Малинова 2012: 180] существует на всех уровнях политического бытия. Однако особую актуальность она приобретает на региональном уровне. Если мы будем рассматривать любой регион¹ в качестве особого символического пространства, то через какое-то время осознаем, что каж-

¹ В данном конкретном исследовании мы будем отождествлять категории «регион» и «субъект РФ», хотя, безусловно, понятие «регион» гораздо шире. В общем и целом, мы понимаем под регионом часть социально освоенной территории, выделяемую на основании социально обусловленных отличий от других частей пространства и выступающую объектом отождествления (сопоставления) смысложизненного мира человека с ней и с социальной общностью, локализованной в этом пространстве.

© Докучаев Д. С., 2016

дая такая реальность переполнена знаками, образами и символами, которые, с одной стороны, видятся хаотичными и не связанными друг с другом, но с другой стороны, все они в чем-то уникальны и даже упорядочены. Эта уникальность проявляется, когда наблюдатель начинает видеть и понимать концепт региона, то есть его отличительность от других частей в рамках определенного целого. Борьба за навязывание и определение концепта, по сути есть борьба за восприятия, мысли и действия, которая полностью зависит от структурирования регионального смыслового поля. Вот именно здесь и возникают различные интерпретации регионального дискурса, которые существенным образом могут перекроить саму социальную реальность.

Цель настоящей статьи заключается в попытке анализа способов использования женских образов в региональной символической политике современной России.

Объект исследования — символическая политика в России в 2000–2010-х гг. Предмет исследования — женские образы регионов и их использование в имиджевой и символической политике территорий.

Очевидно, что причины использования женских (и материнских) образов в региональной политике в значительной степени связаны с высоким мобилизационным, интегрирующим потенциалом таких образов. Важно понимать, что на уровне региона удачный в использовании женский образ может выполнять ряд важнейших функций. Во-первых, женская (прежде всего, материнская) риторика выступает в такой многонациональной стране как Россия ориентиром для трансляции общих ценностей (как социальных, так и политических, культурных), для интеграции всего политического тела государства. Во-вторых, женские образы, если их рассматривать в контексте символа «Родины-матери» [см. подробнее Рябов 2015] имеет важнейшее значение для выстраивания «семейной коммуникации» между малой и большой Родиной. В-третьих, баланс между малой и большой Родиной невозможен без легитимации самого региона, а в этом процессе на символическом уровне материнская и семейная метафоры являются наиболее эффективными.

«Элитарный регионализм» в России и символическая политика

За последние два десятилетия политическое пространство России пережило несколько волн трансформации. Новые реалии федеративной политики сказались на изменении харак-

тера региональных отношений в стране, если еще точнее, то в России окончательно оформился новый «элитарный» регионализм — такая совокупность федеративно-региональных отношений, при которой последние попали в жесткую зависимость от проводимой «центром» политики.

В рамках «постсоветского» социального порядка «номенклатурная элита» стала приспосабливаться к возникшим политическим реалиям, вокруг нее сплотилась и зародившаяся бизнес элита. Такие «команды» вполне успешно в середине 1990-х гг. справлялись с проблемами регионов на местах, фактически без участия федерального центра, который в силу разбалансированности бюджета уже не мог дотировать всех желающих. Ко времени прихода к власти В. В. Путина региональные элиты в субъектах страны сформировались окончательно, вобрав в себя бизнес, номенклатуру и около интеллигентские круги. Была выстроена система социального взаимодействия, при которой, несмотря на все социально-экономические противоречия в сообществах, удавалось конструировать региональность — особую форму социальности, при которой для человека становится значимым его принадлежность к региональному сообществу и взаимодействие в рамках этого сообщества.

С начала 2000-х существующие региональные элиты, оказались вовлечены в большую игру под названием «вертикаль власти». Суть ее заключалась в построении управляемой конструкции, при которой прямые выборы губернаторов заменялись прямыми назначениями глав субъектов. (Правда, эта норма де юре перестала действовать с 1 июня 2012 года). В 2005–2007 гг. усилия федерального центра увенчались успехом: в регионах сменились поколения политических элит. Практически по всей стране номенклатурная элита отошла от дел, ее заменили «варяжи» отряды во главе с губернаторами — назначенцами. Произошло «взламывание прежде всего автаркичных регионов-раковин, выстраивание единого элитного пространства, пространственное и социальное перемешивание, ускорение политической динамики и диффузии инноваций» [Власть, бизнес, общество в регионах... 2010: 71]. Новые региональные политические и около политические элиты стали все больше напоминать в своей деятельности проекцию федеральной конструкции власти. Построение «вертикали власти» привело к тому, что нарушились механизмы воспроизводства и формирования «коренных» региональных элит, тех, кто действительно способствовал гомогениза-

ции территориального сообщества. Старые элиты были вынуждены удалиться из публичного политического дискурса.

Безусловно, смена элит привела к тому, что взамен «старого» регионализма, целью которого было создание условий для нормального функционирования автономных политических систем и воспроизводство региональности (как значимой для человека и группы принадлежности к территориальному сообществу) в этих системах, возник «новый» элитарный регионализм. Целью последнего стала «постепенная трансформация региональных пирамид власти в местное звено общенациональной пирамиды (с интенсивными горизонтальными ротациями на всех уровнях включая во все большей степени и глав) [Власть, бизнес, общество в регионах... 2010: 72].

Концепт «элитарного регионализма» связан с развитием представлений об активном регионализме. Последний предполагает практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ. Региональное пространство должно восприниматься здесь не как объективистская категория, а выступать в качестве капитала социума, умелое использование которого способно принести немало политических, экономических и прочих дивидендов. Одной из форм поддержания позитивного регионального развития становится высокий уровень региональной идентификации населения с регионом, распространение земляческих настроений и патриотических чувств, легитимация самого региона посредством символической политики. На передний план неизбежно выходит практика конструирования всего перечисленного, а поэтому, исследуя активный регионализм, следует обратиться к практическим механизмам создания и продвижения регионального интереса, имеющего четко выраженное стратегическое направление.

Новый «элитарный» регионализм следует рассматривать в нескольких аспектах: политическом, экономическом и социокультурном. Здесь под регионализмом понимается, прежде всего, деятельность политических элит, направленная на перераспределение властных функций между «центром» и «периферией». В результате этого процесса региональные политические системы приобретают особую устойчивость, становясь «закрытыми» на уровне внутрисистемных операций (аутопоietическими), при этом являются сопряженными на уровне властных структур с федеральной политической системой. Местная «политическая надстройка» в условиях нового регионализма начи-

нает оказывать существенное влияние на всю совокупность речемыслительных процессов в регионе (региональный дискурс). Таким образом, политический мета-дискурс задает паттерны звучаний всем остальным дискурсам: экономическому, культурному, социальному и т.д. Неудивительно, что в таких условиях «коренная» региональная элита оказалась в затруднительном положении. Влиять каким-либо образом на происходящее в недрах «вертикали власти» она не могла, также была не востребована в «регионостроительстве».

Новые элиты принялись за активное «воображение» и конструирование гражданского общества в регионах, загубив на корню формирующиеся его «зачатки». Все это проявило себя в тот момент, когда стало необходимо создавать и транслировать в обществе новые бренды и имиджевые зарисовки регионов.

Имиджевая политика российских регионов в 2000-е годы — это особая тема и еще одно порождение «вертикали власти». Централизация власти привела и к централизации бюджета. Большинство финансовых инструментов, которыми регионы ранее могли пользоваться, стали со временем прерогативой федерального центра. Регионы-доноры на себе это не почувствовали, однако дотационным субъектам федерации пришлось доказывать свою готовность в освоении выделяемых финансовых средств. Сделать это в условиях «либеральной» экономической модели, когда помогают не тем, кому это действительно нужно, а тем, кто сильнее, было возможно лишь, сконструировав положительный имидж региона.

В условиях «вертикали власти» главы субъектов федерации стали активно работать на внешний имидж региона, на поиск уникальных черт, создание новых брендов и активное освещение их в федеральных средствах массовой информации. Все это для того, чтобы привлечь внимание руководства страны к конкретному региону. В нынешней ситуации, когда прямые назначения губернаторов заменены выборами, акценты в имиджевой политике сместились. Первые, после возвращения, выборы губернаторов, которые состоялись в октябре 2012 года в пяти регионах, наглядно показали востребованность «антиваряжской» фразеологии и одновременно значение земляческих традиций в предвыборных стратегиях региональных акторов. Работать только на внешний образ региона теперь недостаточно, необходимо активнее конструировать региональность, формировать внутреннее пространство субъекта федерации, обеспечивая гомогенность электората.

При этом важно понимать, что активная имиджевая политика регионов была направлена не только на поиск каких-то уникальных черт территории, но включала в себя и использование символического капитала наиболее востребованных и не теряющих своей актуальности образов. Материнские и женские образы, а также связанные с ними метафоры и аллегории повсеместно использовались в региональной имиджевой политике как наиболее универсальные и сильные символы. Рассмотрим некоторые такие примеры.

Использование женских образов в позиционировании российских регионов

Наверное, каждый российский регион имеет хотя бы один или несколько ассоциируемых с ним женских образов. Это может быть монумент, человек-легенда, миф, сказочная тема — все что угодно. Однако вопрос в другом. Насколько каждый такой образ приносит региону какую бы то ни было капитализацию или уж тем более политические дивиденды. Этот вопрос — один из главных в нашем исследовании. Скажем, Ивановская область в целом получила ли какие-нибудь преференции (экономические, политические или социальные), от того, что административный центр субъекта — Иваново — долгое время имеет статус города невест? Или, скажем, имеет ли какие-либо политические дивиденды Волгоградская область, присматривающая на своей территории за главной «Родиной-матерью» страны? Ответить на эти вопросы однозначно нельзя. Наша гипотеза состоит в том, что *женские и материнские образы повсеместно используются в позиционировании территории, политике региональной идентичности и легитимации региона в среде местного сообщества. Они важны на локальном уровне, однако на общенациональном уровне это не приносит никаких преференций самим регионам.*

Все дело в том, что с появлением нового элитарного регионализма изменилась и политика Кремля по отношению к территориям. В ней, начиная с 2005 года, выделяется несколько моментов: «обеспечение геостратегических интересов страны в регионах, где тренды социального-экономического развития рассматриваются как представляющие наибольшую угрозу национальной безопасности» (Северный Кавказ, Дальний Восток, Калининградская область, Крым), «во-вторых обеспечение экономического роста страны с поощрением развития так называемых локомотивов роста, в роли которых выступают, как отраслевые, так и территориальные комплексы. Наконец, это уделение внимания «особым» регионам — родным и близким ключевым представителям власти

(Москва, Петербург, Сочи и т.д.)» [Власть, бизнес, общество в регионах... 2010: 79]. Все эти тренды сохранились и до настоящего времени. С одной лишь поправкой — произошло серьезное ухудшение состояния российской экономики.

Теперь рассмотрим основные примеры использования женских и материнских образов в политике региональной идентичности в России.

Использование женских и материнских образов в политике региональной идентичности, как мы отмечали выше, связано, с одной стороны, с эффективностью, а с другой стороны, наглядностью, информативностью и понятливостью. Здесь достаточно интересным оказывается кейс современного мифотворчества. С одной стороны, миф призван объяснять социальную реальность просто и доходчиво, оперируя элементарными образами, с другой стороны, многогранность этих образов, которая появляется на стыке разных форм их представления (скажем, устного описания и визуального исполнения) может порождать разночтения. Еще больше таких противоречий появляется, когда в поисках черт уникальности разные региональные сообщества начинают претендовать на одни и те же мифы. Яркий пример регионального мифотворчества современной России связан с так называемой «Сказочной картой». Автором проекта является Алексей Козловский. Карта российских регионов, на которую поместили героев русских сказок, появилась в 2011 году. Именно тогда агентство РИА «Новости» сделало интерактивную инфографику¹. Затем разгорелась нешуточная борьба отдельных регионов за местожительство именно у них сказочных героев. Так, например, на родину Бабы-Яги претендовали Фурмановский район Ивановской области и Кукобой Ярославской области. Местные политики достаточно быстро поняли, что сказочная тема перспективна в плане туризма (а внутренний туризм, это хорошие инвестиции). Наибольшую поддержку проект получил в центральном федеральном округе и, в частности, в Ярославской, Ульяновской и Кировской областях. Позднее стали подключаться другие регионы, и уже в 2012 году прошли «Всемирные сказочные игры». Постепенно локальные и региональные сообщества стали использовать сказочных персонажей в качестве брендов. При этом нужно заметить, что женские сказочные образы использовались более эффективно, нежели мужские. По крайней мере, в реальном выражении привлеченных туристов или инвести-

¹См. карту <https://ria.ru/infografika/20110318/438423795.html>.

ций. Так, например, основатель проекта Алексей Козловский в одном из интервью отметил: «*один бизнесмен даже переехал из Серверодвинска в Ярославскую область — трудиться над проектом «Яга-град». Ему и придумывать рекламный слоган не нужно. Все есть в сказках. Как герои хорошо проводили время у Бабы-яги? Она их запечь намеревалась, а царевичи и Иванушки просили: «Ты накорми, напои, спать уложи!» Примерно то же самое, надеюсь, будет ожидать гостей туристического Яга-града*»¹. Это не единственный пример позитивного эффекта от женского сказочного образа. В Костроме — родине Снегурочки — еще до официального опубликования карты активно работали с этим образом. Там появилась ее официальная резиденция в виде терема с ледяной комнатой. Ежегодно только терем посещают около 10 000 туристов². Как признаются в Администрации города Костромы главный туристический бренд — «Костромская Снегурочка» — развивается очень успешно. В городе в связи с этим произошли инфраструктурные изменения: «на привлечении гостей в Кострому позитивно сказалось появление новых отелей: только за последние три года номерной фонд увеличился на 179 единиц, это позволяет принять дополнительно от 50 до 80 тысяч туристов ежегодно»³.

В Ивановской области, также представленной на сказочной карте, сделали ставку на вполне себе женский образ «Жар-птицы». Сказочный персонаж, хотя и не является человеческим, но наделен антропоморфными чертами, присущими женщинам. «Жар-птица» исцеляет, олицетворяет свет, красоту и молодость. Родиной «Жар-птицы» является поселок Палех. На официальном сайте муниципального района сообщается: «согласно одной из самых популярных легенд об основании Палеха Жар-птица сыграла определяющую роль в выборе местоположения посёлка. По преданиям, Жар-птица выжгла в непроходимой чаще леса поляну, пригодную для проживания. На ней то и поселились талантливые мастеровые люди, и поныне оберегаемые чудо-птицей, кровительницей их уникального таланта. Отсюда и «попыхающее»

¹ <http://vlg-media.ru/interview/aleksei-kozlovskii-skazochnaja-karta-rosi-instrument-dlja-mestnoi-vlasti-12457.html>.

² Костромская Снегурочка отметит «космический» день рождения <https://rg.ru/2015/11/19/reg-cfo/turism.html>.

³ Костромская Снегурочка отметит «космический» день рождения <https://rg.ru/2015/11/19/reg-cfo/turism.html>.

название поселка — Палех»¹. Случай с «Жар-птицей» еще один хороший пример трансформации сказочного женского образа в инвестиции. После появления на сказочной карте, еще в бытность губернаторства Михаила Меня родилась идея инвестиционного проекта «туристско-рекреационный кластер «Палех», вся концепция которого строилась на «Жар-птице». Проект предполагал строительство туристического комплекса, благоустройство поселка, создание нового музея. Общий объем инвестиций более 1,5 млрд. рублей. Впоследствии проект кластера был включен в федеральную целевую программу развития внутреннего и въездного туризма до 2018 года.

Еще один вариант использования женских образов в позиционировании регионов связан с монументальной риторикой [об этом подробнее Докучаев 2015]. Появившаяся во второй президентский срок В. Путина кремлевская риторика об особенной роли России в эпоху общего кризиса западной цивилизации, а также оформляющаяся в последние годы концепция «духовных скреп», актуализировали не только дискуссию о глубине исторической памяти россиян, но и заставили региональные властные элиты обратиться к некоторым фундаментальным образам русско-российского мира, среди которых важное место занимает «Родина–мать» / «Россия–матушка». В регионах — особенно этнически гомогенных — началось новое мифотворчество со старыми идеями. С начала 2000-х годов в национальных республиках начала установку памятников, посвященных «этническим матерям».

Одним из первых памятников матери, установленных в начале 2000-х годов, стала «Мать-Бурятия» работы Александра Миронова. Официальное название монумента «Гостеприимная Бурятия». Скульптура представляет собой бурятскую женщину с нарочито подчеркнутыми азиатскими скулами и разрезом глаз. Заложена автором монумента динамика, за счет полуоборота торса и отходящего назад подола платья, показывает направление навстречу гостю. «Мать-Бурятия» держит в руках традиционный бурятский хадак — длинный ритуальный шарф, который является символом гостеприимства, чистоты, бескорыстия и сострадания. В этом монументальном высказывании заложены как идея плодородия родной земли, так и идея жизни, исходящей от матери. Традиционная для бурятского костюма конусообразная

¹ Официальный сайт Палехского муниципального района <http://palekhmr.ru/proekt-palekh-rodina-zhar-ptitcy.html>.

шапка дополняет этот образ, подчеркивая остроконечной вершухой идею процветания и благополучия бурятского народа. «Мать-Бурятия» в этом плане продолжает традицию «покровительствующих» монументов «Родине-матери».

Хронологически вторым был установлен памятник «Матери-покровительнице» (официальное название) в Чебоксарах, торжественное открытие которого состоялось 9 мая 2003 года. Его разработка была инициирована первым президентом республики Н. Фёдоровым. В случае с Чувашией установку монумента называли символическим маркированием политического пространства одним человеком в республике и актом, направленным на легитимацию его власти. Автором монумента стал местный скульптор Владимир Нагорнов, который работал над монументом совместно с академиком А. Трофимовым, архитекторами В. Филатовым, Ю. Новоселовым, А. Орешниковым.

Памятник расположен на холме, обращенном в сторону Чебоксарского залива. Монумент представляет собой постамент из гранита, округлый в сечении, на его вершине — женщина в чувашском национальном костюме. По общему стилю и идее «Мать-покровительница» напоминает многие советские монументы «Родины-матери» с той лишь разницей, что в руках «Чувашии» нет меча или венка. Её руки разведены в стороны и как бы обращены к миру. Образ Матери был призван связать воедино многовековую духовно-историческую память чувашского народа. Распростёртые руки женщины в национальном одеянии приподняты до уровня плеч. Раскрытые ладони поданы вперёд. Такой жест для чувашской женщины-матери характерен лишь для особо торжественных встреч. В это же время жест-символ связан также с покровительством: защищая свой народ, историю и землю, «Мать-Чувашия» покровительствует многонациональному населению республики. На самом пьедестале на русском и чувашском языках сделана надпись: «Благословенны дети мои, живущие в мире и любви». Высота фигуры вместе с постаментом составляет 46 метров. «Мать-покровительница» стала самым высоким памятником, созданным на тот момент в Чувашии.

В 2005 году к 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа в столице региона был открыт «Бронзовый символ Югры» (официальное название). Памятник представляет собой 12-метровую бронзовую женскую фигуру, символизирующую Югру и её материнское начало, объединяющее представителей коренных малочисленных народов Севера, нефтяников и ученых, взрослых и

детей. Пьедестал украшен традиционными хантыйскими и мансийскими орнаментами. В отличие от упоминавшихся выше монументов, авторы которых были местными художниками, «Бронзовый символ Югры» создал скульптор из Москвы А. Ковальчук.

Примечательна двухуровневая вертикальная и трехуровневая горизонтальная композиция памятника. Нижний уровень составляют три скульптурные группы (условная горизонталь), иллюстрирующие историю Югры: прошлое, настоящее и будущее территории. Так, минувшее Югры представляют Нестор-летописец, покоритель Сибири Ермак, Самар — глава хантыйского рода, князь Белогорского княжества, и боярин с верительной грамотой. Сегодняшний день — это нефтяник, строитель и геодезист. Символом же будущего округа являются дети — девочка со скрипкой и мальчик с рюкзаком. Второй уровень (по вертикали) — это женская фигура, символизирующая собой Югру. Явный материнский, покровительствующий образ. Подобная композиция монумента и структура монументального высказывания отсылают нас к памятнику «Тысячелетие России» (1862), определенная аналогия с которым прослеживается. Разница в количестве скульптурных образов. Монументальное выражение уточняется и текстовым: «Югра многоликая, делами великая, идет вдохновенно вперед».

Вместо заключения

Были и другие монументальные высказывания, которые имели более выраженный этнический характер, а значит были нацелены на поиск еще более уникальных черт территории, которые можно было выразить посредством женских образов. Здесь наиболее яркий пример — это монумент «Мать-Якутия» [см. подробнее Докучаев 2015: 93–94]. Так или иначе, но все новое монументальное творчество в регионах, связанное с идеей «Родины-матери», оказалось продолжением уже заложенных в дореволюционное и советское время традиций. Всплеск материнской монументальной риторики в регионах России, вероятно, оказался связанным с легитимацией новых политических элит, которые с начала 2000-х годов стали активно включаться в мифотворчество на местах, транслируя старые смыслы в новых формах. Особенное место в символической политике региональных элит стали занимать монументальные высказывания, которые выступали частью политики региональной идентичности. Как правило, они были призваны выразить идею уникальности той или иной территории в контексте туристической индустрии (например, «Пермяк — соленые уши», «Памятник пельменю в Ижевске» и многие другие). Однако

рассмотренные выше монументальные высказывания, связанные с женскими аллегориями регионов, представляют собой примеры иного мифотворчества. Отражая имеющую глубокие исторические корни идею, они позволяли маркировать пространство города/региона в категориях значимой части, встроенной в целое «России-матушки», что также было крайне важно в процессе легитимации региональных политических пространств.

Тем не менее, все эти женские образы, как выраженные в форме сказочных персонажей, так и отлитые в бронзе имеют первоочередное значение непосредственно для локальных (региональных) сообществ. Они способствуют гомогенизации социального пространства, изначальная разнородность которого нивелируется посредством использования этих образов как культурных маркеров в процессе региональной идентификации (прежде всего, маркировании «Своих» и «Чужих»). На общегосударственном уровне эти образы иногда могут сыграть позитивную роль, например, в туристических и инвестиционных вопросах. Однако чаще всего они не имеют первостепенного значения. И это, например, продемонстрировал инициированный Центральным банком конкурс символов российских регионов на банкнотах в 200 и 2000 рублей. Из 40-ка с лишним регионов, которые преодолели барьер в 5000 голосов, женских образов было предложено ровно два со всей России — это «Родина-мать» в Волгограде и «Мать-Чувашия» в Чебоксарах. До финала добралась только «Родина-мать», но и она проиграла Дальнему Востоку (космодрому «Восточный» и мосту на о. Русский) и Севастополю (с Херсонесом и памятником затопленным кораблям).

ЛИТЕРАТУРА

Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова и А. Титкова; Моск. Центр Карнеги. — М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Докучаев Д. С. «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. № 4. С. 82–95.

Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. — 2012. Т. 8. № 4.

Рябов О. В «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. — 2015. № 3–4. С. 78–95.

А. Я. Есяян

Москва, Россия

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ В РАСШИРЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАПАСА ШКОЛЬНИКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль устойчивых выражений при обучении школьников английскому языку и частота употребления фразеологизмов как один из показателей уровня владения языком. Особое внимание уделяется фразеологизмам как одному из показателей уровня владения языком. Автором предлагается перечень идиом, которые могут быть включены в учебный процесс при освоении школьниками раздела «Природа». Также в статье есть краткое руководство по использованию фразеологических словарей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: английский язык, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, лексический запас, устойчивые выражения, фразеологизмы, идиомы, методика английского языка в школе, методика преподавания английского языка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Есяян Анна Яковлевна, аспирант Московского городского педагогического университета, Институт иностранных языков.

Адрес: 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1.

E-mail: esayananna@ya.ru.

A. Ya. Esayan

Moscow, Russia

THE ROLE OF LEARNING ENGLISH IDIOMS IN ENRICHING PUPILS' VOCABULARY

ABSTRACT. The article dwells on the role of learning stable expressions in teaching English at a secondary school. Special attention is paid to phraseological units as one of the indicators of the level of the foreign language acquisition. The author suggests a list of idioms

which may be included in the academic process while studying the topic «Nature». The article also contains a short guide on the use of phraseological dictionaries.

KEYWORDS: *English, intercultural communication, communication competence, vocabulary, stable expressions, phraseological units, idioms, methods of teaching English at school, methods of teaching English.*

ABOUT THE AUTHOR: *Esayan Anna Yakovlevna, Post-graduate Student of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.*

Обучение иностранному языку предполагает проникновение в культурные особенности языка. В этом смысле особенную роль играют идиомы, образный строй которых отражает своеобразие языка и некоторые особенности культуры. Современные социально-экономические условия развития страны делают знания иностранных языков важным инструментом международных и межличностных отношений с представителями других государств.

В законе РФ «Об образовании» учебному предмету «Иностранный язык» отводится существенная роль в решении важной задачи, стоящей перед школой: обеспечение условий для формирования у учащихся адекватной современному уровню знаний картины мира и развитие у них интереса к мировой и национальной культурам. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования включает в себя среди прочих требований к изучению иностранного языка «формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции; расширение и систематизация знаний о языке, расширение лингвистического кругозора и лексического запаса, дальнейшее овладение общей речевой культурой». Для выполнения перечисленных требований необходимо обучение владению устойчивыми выражениями изучаемого языка, так как адекватное владение иностранным языком предполагает знание и использование фразеологизмов (идиом, пословиц и поговорок, крылатых выражений), а степень владения ими может служить характеристикой уровня владения языком. Наличие фразеологизмов в речи делает её живой, естественной. Они существуют не только в разговорной речи, но и в других слоях языка (литературном, научно-

техническом, общественно-политическом, документации и т.д.).

В современном английском языке насчитывается около 15 000 идиом. Идиома (от греч. *idioma* — *своеобразное выражение*) представляет собой неразложимое словосочетание, устойчивый оборот речи, свойственный только данному языку, значение которого не определяется значением входящих в его состав слов. К идиомам наряду со словосочетаниями А. А. Реформатский причисляет и отдельные слова, употребляемые в переносном значении.

Введение дополнительного числа идиом в ключевую лексику не только существенно расширит лексический запас учащихся, но и усилит их интерес к художественным возможностям английского языка, будет способствовать умению анализировать, сравнивать, делать выводы. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация», каждый урок иностранного языка — это пережесток культуры, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальное сознание, представление о мире [Тер-Минасова 2000: 25].

Идиомы отражают исторические и культурные реалии нации, поэтому имеют национально-культурные особенности, характерные для данного языка, и большая их часть не имеет эквивалента в других языках. Значение английских идиом, не имеющих аналогов в русском языке, необходимо просто запомнить. Наряду с такого рода идиомами в разных языках встречаются идиомы, схожие по смыслу. Например, некоторые английские идиомы имеют полные аналоги в русском языке (*to be an early bird* — ранняя пташка, *the law of the jungle* — закон джунглей), есть идиомы, о значении которых догадаться не сложно, хотя они и не являются полными аналогами русских (*like a bull in a china shop* — букв. «как бык в магазине фарфора» — как слон в посудной лавке; *a fish out of water* — букв. «как рыба, вынутая из воды» — не в своей стихии, не в своей тарелке).

Один из разделов ключевой лексики программы по английскому языку, составленной на основе ФГОС, — «Природа». При изучении этого раздела в список лексических единиц, обозначающих погоду, экологию, животных, растения, могут быть включены следующие идиомы:

а) имеющие полный аналог в русском языке

the wind of change — ветер перемен

even the sun has dark spots — даже на солнце есть пятна

ask/cry for the moon — просить луну с неба, требовать невозможного

white as snow — белый как снег, белоснежный

the tip of the iceberg — верхушка айсберга, небольшая, видимая часть чего-л.

a voice (crying) in the wilderness — глас вопиющего в пустыне

you can never enter the same river twice — нельзя дважды войти в одну и ту же реку

can't see the wood/forest for the trees — за деревьями леса не видеть, упускать главное из-за внимания к мелочам

narcissus — «нарцисс», любующийся собой человек

up with the lark — вставать с жаворонками, очень рано

the dove of peace — голубь мира

white crow — белая ворона, редкое явление

a dark horse — «тёмная лошадка», малоизвестная личность

an ass — «осёл», глупый человек

a hare — «заяц», безбилетный пассажир

as timid as a hare/rabbit — трусливый как заяц

as bold as a lion — храбрый как лев

as faithful as a dog — преданный как пёс

б) о значении которых можно догадаться

how/way the wind blows — куда ветер дует

be on cloud nine — быть на седьмом небе от счастья

on a pink cloud — витать в облаках

reach for the moon/stars — пытаться достать до небес, стремиться достичь невероятных высот

a cloud in the sky/on the horizon — «облачко на горизонте», нечто угрожающее, омрачающее благополучие

a storm in a tea-cup — буря в стакане воды

between the devil and the deep blue sea — меж двух огней

make a mountain from molehill — делать из мухи слона

a drop in the ocean — капля в море

roses all the way — путь, усыпанный розами; лёгкая, безмятежная жизнь

bird'-eye view — с высоты птичьего полёта

as busy as a bee — трудолюбивый как пчёлка, как белка в колесе, всегда в трудах/хлопотах, очень занятой

like a bull in a china shop — как слон в посудной лавке

as blind as a bat/an owl/a beetle — слеп как крот

as obstinate as a mule — упрямый как осёл

cat-and-dog existence/life — как кошка с собакой, вечные ссоры

the cat among the pigeons — кот на голубятне, лиса в курятнике, волк в овчарне
 a wolf in sheep's clothing — волк в овечьей шкуре
 a snake in the grass — змея подколодная, тайный враг
 a camel through the eye of a needle — что-л. невозможное
 chickenhearted — трусливый
 lion-hearted — храбрый
 a fish out of water — не в своей тарелке
в) не имеющие аналогов в русском языке
 rainbows and butterflies — безмятежное существование
 chase a rainbow — гнаться за невозможным
 find the pot of gold at the end of the rainbow — реализовать мечту
 a cloud on one's happiness — ложка дёгтя в бочке мёда
 under a cloud — под подозрением, в немилости
 cry someone a river — добиваться сочувствия, пуская слезу
 down to earth — практичный, здравомыслящий
 feel all at sea — быть в растерянности
 in deep water — в затруднительном положении
 take the wind out of smb's sails — лишить кого-л. уверенности, смутить или разочаровать
 promise everything under the sun — давать несбыточные обещания
 wait for the sun to shine — ждать у моря погоды
 the sun rises and sets on — быть центром вселенной
 be over the moon — быть на седьмом небе от счастья
 eat the wind — погулять
 brass-monkey weather — очень холодная погода
 under the weather — неважно себя чувствовать; хандрить
 rain or shine — при любых условиях, что бы ни было
 raining cats and dogs — лить как из ведра
 a shower of gifts — множество подарков
 plenty of fish in the sea — этого добра хоть пруд пруди/полным-полно; свет клином не сошёлся
 one's hair stands like a mountain — волосы становятся дыбом
 by thunder/thunder and lightning — чёрт возьми! (восклицание, выражающее возмущение, восхищение)
 beat around/about the bush — ходить вокруг да около, говорить уклончиво и не по существу
 a tulip — предмет восхищения
 beefy — мускулистый, сильный
 a bull — неуклюжий человек

a crab — неуступчивый человек
 a pig — жадный/невоспитанный человек
 a monkey — озорной, непослушный ребёнок
 an eagle-eye — с пронзительным взглядом
 a shark — мошенник, шулер, спекулянт
 a rabbit — плохой игрок
 a rat — малодушный, трусливый человек
 a fish — человек с низким интеллектом
 an oyster — замкнутый человек
 close/dumb as an oyster — нем как рыба
 the camel's nose — то, что приведёт к нежелательным последствиям
 have other/bigger fish to fry — иметь другие/более важные дела
 keep the wolf from the door — предотвратить голод, избавиться от нужды
 a paper tiger — на глиняных ногах, неопасный противник
 a white elephant — обуза; подарок, от которого не знаешь, как избавиться
 white horses — «барашки», белые гребни бурунов
 a whale — нечто выдающееся по величине или по качеству
 a pony — маленький стакан
 no flies on him — его не проведёшь; находчивый, ловкий

Один из элементов компенсаторного умения — умение пользоваться словарями, в частности, фразеологическими. Учащихся нужно ознакомить со структурой таких словарей. Фразеологизмы даются в алфавитном порядке по первому неизменяемому слову оборота, при этом не следует принимать во внимание служебные слова. В некоторых идиомах возможны альтернативы (a cloud in the sky *или* on the horizon). В текстах иллюстративных примеров могут быть окказиональные замены (Everything seems to be going smoothly, there is not a cloud in the sky, when suddenly there is a case, an issue, a human story in which the newspapers take an interest. It was good to have Raymond so happy with no cloud on his horizon).

Так как идиомы различаются по стилю и сфере употребления, учащимся следует обращать внимание на приводимые в словарях стилистические пометы (*неодобр.*, *презр.*, *фам.*, *шутл.* и др.) и пометы, указывающие на сферу их употребления (*амер.*, *разг.* и др.).

В процессе знакомства с английскими идиомами учащиеся приобретают умение пользоваться фразеологическим словарём и не только отличать идиому от её грамматического значения,

но и верно определять её стиль и сферу употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний / Collins Cobuild Dictionary of Idioms. — М.: Астрель-АСТ, 2004. 752 с.

Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. 2-е издание, стереотипное. — М.: Русский язык, 2000. 767 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 2000. 512 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / Под ред. В. А. Виноградова. Изд. 6-е. — М.: Аспект Пресс, 2004. 536 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. 624 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5-9 кл.). — Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/documents/938>.

Worrel A. J. English idioms for foreign students (репринтное воспроизведение). — М.: Художественная литература, 1993.

Р. Г. Жамсаранова

Чита, Россия

МОДИФИКАТОРЫ ВЕЖЛИВОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается модификатор вежливости англоязычной, монгольязычной и русской лингвокультур, вербально представленный лексемами *please*, *пожалуйста* и отсутствием специального слова-аналога в монгольских языках. Исследованы лингвокультурные причины различий системы модифицирующих вербализаторов категории вежливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вежливость, английский язык, русский язык, монгольские языки, лингвокультурология, этнолингвистика, культура поведения, сопоставительное языкознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Жамсаранова Раиса Гандыбаловна, доктор филологических наук, доцент теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета.

Адрес: 620007, г. Чита, ул. Кастринская, д. 3А, к. 5.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru.

R. G. Zhamsaranova

Chita, Russia

POLITENESS MODIFIERS IN ETHNIC CULTURES: A COMPARATIVE ASPECT

ABSTRACT. The article deals with the phenomenon of modifier of politeness in English, Russian and Mongolic languages cultures verbalized by special words «*please*», «*pozhaluysta*» and the absence of a similar word in Mongolic languages. The reasons of linguistic differences in the universal system of verbal modifiers of politeness are presented in the article.

KEYWORDS: politeness, English, Russian, Mongolic languages, linguo-culturology, ethno-linguistics, culture of behavior, comparative linguistics.

ABOUT THE AUTHOR: *Zhamsaranova Raisa Gandybalovna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Transbaikal State University, Chita, Russia.*

Национально-культурная специфика речевого поведения играет одну из ключевых позиций в изучении проблемного поля межкультурной коммуникации. Важнейшей категорией национально-коммуникативного сознания является категория вежливости. Категория вежливости маркирует отношения коммуникантов, обуславливая тем самым поддержку, прекращение или успех / неудачу контактов. Т. В. Ларина в исследовании подробно описала основные концепции теории вежливости, существующие в современной лингвистике [Ларина 2009: 152]. Задачей данного сообщения является определение скрытых, на первый взгляд, механизмов или культурно-специфических регуляторов данной категории на примере сопоставительного анализа национальных поведенческих стратегий проявления вежливости.

Справедливо подмечено, что понимание вежливости у разных народов различно. Категория вежливости как категория универсальная и определяющая гармонию общения имеет, тем не менее, национально-культурную специфику. Тип культуры, по мнению Т. В. Лариной, определяет структуру социальных отношений, наиболее приемлемых для конкретного этноса, моральные ценности, задающие нормы и правила межличностного коммуникативного общения. «У одних народов вежливость может ассоциироваться с почтительностью и даже почитанием, у других — со скромностью, у третьих — с демонстративным вниманием к окружающим» [Ларина 2009: 164]. Следует также согласиться с утверждением, что вежливость объемнее этикета как свода коммуникативных норм и правил. Действительно, вежливость — это целая система (а не свод) стратегий и тактик, нацеленных на гармоничное общение.

Рассмотрим национально-культурные особенности коммуникативного поведения на примере сопоставления такого распространенного побудительного акта как просьба. Лексически просьба в англоязычной речевой культуре выражается комплексом средств: императивные высказывания, вопросительные конструкции, косвенные вопросы, развернутые высказывания, высказывания-намекы, осложненные многочисленными модификаторами — *please; dear; just; will*

you, would you, could you, right, all right, OK; you know, etc. В русской лингвокультуре категория вежливости выражена императивными высказываниями, декларативными (как прямо, так и косвенно) и вопросительными, развернутыми высказываниями, совпадая в стратегическом отношении с таковыми англоязычной лингвокультуры. Просьба у русских вербализована посредством следующих языковых средств: *пожалуйста; ты / Вы формами*; ласкательно-уменьшительными формами обращений (*сынок; доченька; бабуля* и т.д.); минимизаторами, используемыми для снижения «социальной цены» предмета просьбы и приуменьшения затрат адресата (*чуть-чуть; на минутку; капельку; секундочку* и проч.); удвоение выражения просьбы (*прошу тебя, ну, очень прошу*).

Бурятская лингвокультура также представлена стратегиями и средствами универсального характера. Мы выделяем императивные высказывания побудительного характера, вопросительные конструкции, косвенные вопросы, развернутые высказывания, высказывания-намеки, осложненные модификаторами: *ты / Вы формами*, переданными посредством активного использования личных местоименных форм *ши «ты» / Та «Вы» формами*; ласкательно-уменьшительными формами обращений (*хубүүхэн «сынок; басагахаан «доченька»; ижиихэн «бабуля»* и т.д.). Среди вербальных модификаторов важно выделить следующие слова-обращения: *мухаа «мой / моя» «dear»; миний / манай хубүүхэн «мой / наш сынок» «my dear sonny»; хубүүмни / хубуухэмни «сынок»; басагамни / басагахамни «доченька»; Нагаса / Хүгшэн Эжымни / эжыхэмни «бабуля»* (у монгольязычных народов мать матери называют Нагаса Эжы, а мать отца — Хүгшэн Эжы досл. «старая мать»); *дүүхэмни «младший братик / сестричка», ахайхамни «старший брат мой», эгэшэхэмни «старшая сестра моя».*

Бурятский язык как один из монгольских языков относится к языкам агглютинативного типа, когда к основе «приклеивается» смыслодержательный суффикс, как, например, финальный аффикс *-мнай (-мни) «мой / моя».* Данный аффикс добавляется в случае ласкательного обращения и сопоставим с русским обращением «ты моя-то» (разг.) или английским *my (dear)* и индексирующим не только степень фамильярности, но и «ласковой вежливости». Т.н. «ласковая вежливость» минимизирует вертикаль дистанции между коммуникантами и иногда выступает как маркер близости семейно-родственных взаимоотношений, не употребляется по отношению к посторонним.

Аффикс уменьшительности передан в бурятских обращениях при выражении просьбы-обращения *-хэн / -хон* (ср. *хубуу(н)-*

хэ(н)-мни(манай) «моя»), который также служит модификатором, смягчающим императивность высказанной просьбы коммуниканта, подобно ласкательно-уменьшительным аффиксальным окончаниям типа -ок (сын-ок), -очек (сын-очек), -уля (сын-уля) и проч. Таким образом, при выражении просьбы в бурятском языке важную смягчающую роль при отсутствии слова «пожалуйста» играет форма обращения, совпадающая частично со средствами русского языка.

Однако основное содержательное значение категории вежливости заключено в осознанном предпочтении императивных прямых высказываний на грани команды или вежливого пожелания исполнить просьбу говорящего. К примеру, такие императивы как *намда хамһа / намда хамһалса* «помоги мне»; *намда хамһалсышта* «помогай мне!» используются при обращении с просьбой к лицу младшему по возрасту или статусу семейному, иногда социальному. При обращении с просьбой к адресату, который старше по возрасту или своему социальному статусу, употребляется, как правило, аффикс *-та*, маркирующий дистанцию: *намда хамһаг-ты* «помоги-те мне», *намда туһалаг-ты* «окажи-те мне помощь» и служащий синонимом слов «пожалуйста» «please», т.е. своего рода знаком-индексом уважительного отношения к адресату. Мы склонны сравнить аффикс *-ты* бурятского языка с аффиксом русского языка *-те* (помоги-те) и конечными форматами *will you, would you, could you, right, all right, OK, you know* англоязычной речевой культуры по своему плану содержания.

Интенсифицирует категорию вежливости частица *-даа* — *Намда туһалыт даа!* «Помогите мне, пожалуйста!», *Мухаа, сүүмхымни асаража үгэ даа!* «Принеси мне мою сумочку, пожалуйста, дорогая». Финальный аффикс *-даа* выражает крайнюю степень просьбы, где форма и просодика не позволяют отказать просящему.

В отношении плана выражения в бурятском языке используются просительные-смягчающие конструкции типа *болохо гүү (үшөө нэгэ аяга сай уужа болохо гүү?* «можно мне еще чашку чая?»), который означает дословно вопрос «возможно ли?» или соответствует английскому «*may I / could I*». Иногда к просьбе добавляются словосочетания-перформативы типа *баяртай байхаб* «буду рад / буду признателен» — *Дахин хонходоо хаатнай би баяртай байхаб* «Дахин хонходоо хаатнай би баяртай байхаб», *Намае хүлээгээ хаатнай би баяртай байхаб* «Я была бы признательна Вам, если бы Вы подождали меня» и проч. Подобные перформативы (*болохо гүү; баяртай байхаб; гуйнаб* «прошу / молю / упрашиваю») также являются лексическими знаками, индексирующими высокую степень категории вежливости. По своему содержательному значению

бурятские перформативы более близки к английским модификаторам, позволяющим максимально смягчить просьбу и при этом соблюдать некоторую дистанцированность.

Так же как и в англоязычной культуре, интонация просьбы-пожелания в бурятском языке играет очень важную роль, выступая смягчающим фактором.

Поэтому просьба выражена посредством вопросительных конструкций — «Не подбросишь меня до дому?» Намае гэр хүрэтэрни абаашажа үгэхэ гүш? «Не одолжишь мне эту книгу на пару дней?» Энэном хоёр үдэрөөр намда үгэхэ гүш? «Выйдешь за меня замуж?» Намда хадамда гараха гүш? Вопросительные слова гүт? «не подбросишь?» «не дашь?» «не выйдешь (за меня)?» также служат маркером вежливого вопроса-просьбы, предполагающего неоднозначный ответ по сравнению с аффиксом *-даа* и перформативами типа болохо гүү«возможно?»; баяртай байхаб «буду очень рад»; гуйнаб «очень прошу», не предполагающими и не допускающими неисполнения просьбы. Также используются утвердительно-согласительные вопросы — «Не перезвонишь мне позже, хорошо? Баймга хонходоорой, заа гүү? На такую просьбу можно ответить только согласием.

Исследователи глагола бурятского языка отмечают, что «В зависимости от степени интенсивности семы повеления глаголы повелительного наклонения выражают приказ, требование, предложение, просьбу, совет, пожелание, мольбу и др.» [Егодурова 2003: 71], считая типологической особенностью глагола бурятского языка наличие широкой системы со значением волеизъявления (императива). Изученный материал позволяет заключить, что для объяснения отсутствия специального слова, выражающего вежливую просьбу в речевой культуре монголоязычных народов, следует учитывать этнокультурные нормы общественного поведения, которые согласуются с понятием «старший ~ младший», «главный ~ подчиненный», «свой ~ чужой». Культурные нормы речевого поведения сопряжены с принципами моральной ответственности как за изъявление просьбы (иногда не допускающей неподчинения), так и за исполнение просьбы старшего по возрасту, социальному положению или семейной иерархии. Другими словами, императивная форма не допускает неисполнения высказанного изъявления желания / пожелания, т.к. таковы культурные установки, таков этикет, таковы принятые речевые акты выражения просьбы без использования специального слова типа *пожалуйста* или *please*.

ЛИТЕРАТУРА

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Егодурова В. М. Бурятский глагол: учеб. пособие. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2003. 140 с.

Е. А. Заводова

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

АННОТАЦИЯ. *Царство растений, создавая среду обитания человека и предоставляя ему всё необходимое для существования, представляет собой важный фрагмент языковой картины мира. Участие фитонимов в формировании языковой картины мира многопланово. Исследование фитонимов в лингвокультурологическом аспекте позволяет получить определённое представление о многообразных языковых явлениях того или иного народа. Так, рассмотренные нами фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент-фитоним, позволяют сделать вывод об общих составляющих картины мира англичан.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *английский язык, фразеология английского языка, фразеологизмы, лингвокультурология, языковая картина мира, фитонимы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Заводова Екатерина Александровна, студент 2 курса Уральского государственного педагогического университета, обучающийся по магистерской программе «Языковое образование (русский и английский языки).*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: zavodova_yekaterina@mail.ru.

E. A. Zavadova

Ekatereburg, Russia

PECULIARITIES OF ENGLISH PHYTONYMICAL PHRASEOLOGICAL UNITS

ABSTRACT. *The plant kingdom, creating a human environment and providing humanity with everything necessary for life, is an important fragment of a linguistic worldview. The involvement of phytonyms in a linguistic worldview is multifaceted. The study of phytonyms in the linguo-cultural aspect provides a certain idea of the di-*

verse linguistic phenomena of different peoples. Thus, the considered phraseological units with a phytonym in their composition make it possible to make a conclusion about the general components of the British linguistic worldview.

KEYWORDS: *English, English phraseology, phraseological unit, linguo-culturology, linguistic worldview, phytonym.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zavodova Ekaterina Aleksandrovna, Master's Degree Student in the field "Linguistic Education (Russian and English)", Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Английская фитонимическая фразеология представляет собой знак действительности, который позволяет исследовать особенности культуры народа, его реалии, ценности, традиции, а также национальный менталитет.

Актуальность исследования определяется узким аспектом изучения данной проблемы в области семантики. Так, фрагмент фразеологической картины мира одного народа может игнорироваться во фразеологической картине другого народа.

В данном исследовании особое внимание уделяется семам фитонимических фразеологизмов английского языка, имеющими в своём составе компонент названия плода и названия цветка, которые были выделены по причине наибольшего интереса для учащихся общеобразовательной школы старшего звена.

Наиболее частотны такие фитонимы, как *яблоко* ('apple'), *банан* ('banana'), *вишня* ('cherry'), *орех* ('nut'), *маргаритка* ('daisy'), *лилия* ('lily'), *роза* ('rose'), *фиалка* ('violet').

Фразеологизмы с компонентом 'Яблоко' ('Apple') используются для обозначения внешне привлекательного, но безнравственно го человека: *a bad apple* — *плохой человек в группе хороших людей*. В английской ментальности фитоним 'apple' передаёт обманчивый успех — *Adam's apple* — *адамово яблоко*, вследствие отражения в английской фразеологии Библейского предания. Фразеологизмы — *apple of discord* — *яблоко раздора*, *the apple of one's eye* — *зеница ока*, *the apple of Sodom* — *мило, да гнило*, имеющие своим истоком библейский сюжет — актуализируют ассоциативную сему. Потенциальные семы фитонима — 'червивый', 'гнилой', 'плохой', 'вражда'. Нами было отмечено, что для данных фразеологиз-

мов характерна отрицательная оценочная коннотация.

Фразеологизмы с компонентом 'Банан' ('Banana') в английском языке концептуализируют эмоциональное состояние и проблему ментального здоровья человека *to lose one's banana* — *потерять контроль над собой, рехнуться*; *to drive one bananas* — *свести (кого-л.) с ума*. Потенциальными семы фитонима *'banana'*, являются *'рехнуться'*, *'выйти из себя'*, *'терять контроль над собой'*, в большей степени характеризующие отрицательную оценочную коннотацию.

Фразеологизмы с компонентом 'Вишня' ('Cherry') мотивированы положительным оценочным компонентом в семантической структуре фитонима, обусловленным объективными признаками — красотой и приятным запахом растения *the cherry on the cake* — *лакомый кусочек*; *a bowl of cherries* — *беззаботное существование*; *a bite of (at) the cherry* — *шанс, возможность*; *cherry picking* — *захватывать лакомые куски, снимать сливки*. Семы фитонима *'cherry'* — *'лакомый кусочек'*, *'шанс'*, *'возможность'*, *'благополучие'*. Для данных фразеологизмов, характерна положительная оценочная коннотация. В английском языке через данный фитоним концептуализируется материальное отношение.

Для фразеологизмов с компонентом 'Орех' ('Nut') характерен достаточно широкий диапазон ассоциаций, причём последние могут иметь как универсальный, так и национально-специфический характер. В ряде фразеологизмов английского языка название ореха употребляется в переносном значении «голова». В английском языке все фразеологизмы, в состав которых входит фитоним *'nut'*, используются для обозначения аномального психического состояния человека, например, *go nuts* — *спятить, рехнуться*; *go off one's nut* — *сойти с ума, помешаться*; *потерять голову из-за кого-то*; *drive smb. nuts* — *сводит кого-то с ума*. Английские фразеологизмы с фитонимом «орех» в значении «голова» служат средствами вербализации концепта *'глупость'*: *ум с орех*. Потенциальные семы фитонима — *'спятить'*, *'глупость'*, *'помешаться'*, *'рехнуться'*. В английском языке через данный фитоним концептуализируется проблема ментального здоровья человека.

Фразеологизмы с компонентом 'Маргаритка' ('Daisy') мотивированы оценочным компонентом как что-либо отличное, превосходное. Фразеологизм *as fresh as a daisy* — *цветущий, пышущий здоровьем, букв. свежий, как маргаритка*, является поэтическим описанием чьей-либо внешности; его можно соотнести с фитонимом *as fresh as a rose* — *свеж, как роза*. Мотивированной доминантой семантического

переноса являются семы: *'привлекательный (-ая)', 'свежий', 'бодрый'*. Для данных фразеологизмов, характерна положительная оценочная коннотация. В английском языке через данный фитоним концептуализируется внешность и отменное здоровье человека.

Во фразеологизмах с компонентом 'Роза' ('Rose') метафорический перенос мотивирован положительным оценочным компонентом в семантической структуре фитонима, обусловленным объективными признаками — красотой и приятным запахом растения. Проанализировав функционирование фитонима *'rose'* в составе фразеологизмов английского языка и можем выделить следующие семы: *'внешняя привлекательность', 'благополучие', 'радость в жизни', 'счастье'*. *English rose — английская роза, настоящая английская леди; as fresh as a rose — свежа, как роза, лёгкая жизнь*, доказательством этому могут служить такие фразеологизмы, как *come up roses — очень удачно сложиться, gather life's roses — срывать цветы удовольствия*. С розой связывают и здоровье, а точнее здоровый цвет лица — сема *'здоровье'*, *have roses in one's cheeks — иметь румянец во всю щеку; bring back the roses to one's cheeks — вернуть румянец чьим-либо щекам; like a rose — зардеться как маков цвет*. Семы фитонима *'rose'* — *'удача', 'лёгкая жизнь', 'благополучие', 'свежесть', 'румянец'*. Для данных фразеологизмов, характерна положительная оценочная коннотация. В английском языке через данный фитоним концептуализируется внешность, иерархическое отношение и финансовое состояние.

Фразеологизмы с компонентом 'Фиалка' ('Violet') *shrinking violet* — *'стыдливая мимоза', 'пугливая лань'*, фразеологизм *'божья коровка'*, *безобидный, тихий человек, не умеющий постоять за себя*. *To play the shrinking violet — разыгрывать из себя невинность, проявлять ложную скромность*. Положительным оценочным компонентом в семантической структуре является сема *'имеющий приятный запах'*. Именно поэтому в Англии фиалки — символ чистоты и невинности. В качестве потенциальных сем были выделены *'стыдливый', 'пугливый', 'безобидный', 'разыгрывать невинность'*. В большей степени для данных фразеологизмов характерна нейтральная оценочная коннотация. В английском языке через данный фитоним концептуализируется черта характера.

Таким образом, выделенные нами особенности фитонимических фразеологизмов не являются полным отражением языковой картины мира, однако, исследуя национально-культурные черты фразеологических единиц, можно утверждать, что фитонимы передают во фразеологизмах свои характеристики — такие, как характер челове-

ческих качеств, внешний вид. Также фитонимы могут обозначать действия различного рода, финансовое и эмоциональное состояние, проблемы ментального здоровья, иерархические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 8th. — Oxford University Press, 2010. 1796 p.

Makkai A. Idiom Structure in English. — The Hague, 1997. 371 p.

Spears A. Richard American Idioms Dictionary, Lincolnwood, Illinois, Structure of Language. — University of California Press, Berkley and USA, 1998. 56 p.

Webster English Unabridged Dictionary. — Random House, 2007. 2377 p.

Е. В. Иванова

Челябинск, Россия

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ПРОЦЕССЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию проблемы функционирования когнитивной метафоры в экологическом сознании и экологическом образовании. Рассматриваются понятия экологического сознания и экологической картины мира. Приводятся определения экологического архетипа и экологического концепта. Особое внимание уделяется феномену когнитивной метафоры, которая является одним из основных способов выражения экологического концепта и рассматривается как когнитивная модель, базирующаяся на аналогии и имеющая гносеологическую значимость. Когнитивная метафора рассматривается автором как основной способ выражения экологического концепта, средство концептуализации и упорядочивания реальности, создающее устойчивое представление об объектах и явлениях окружающего мира. Описывается опыт многолетней работы автора по исследованию метафорики экологического дискурса и изучению возможности когнитивной метафоры для определения уровня сформированности экологических концептов в процессе экологического образования, а также роль метафоры в процессе формирования этих концептов. Делается вывод, что метафорическая концептуализация и упорядочивание реальности формируют устойчивое представление об объектах и явлениях окружающего мира, структурированное при помощи набора метафорических моделей и не обладающее точным сходством с оригиналом, направляя движение мысли реципиента в необходимую сторону.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когнитивные метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели, экологические концепты; экологический дискурс; экологическое сознание; экологическое образование, экология, окружающая среда.*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-04-00455

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Иванова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.*

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: elena-ivanova79@yandex.ru.

E. V. Ivanova

Chelyabinsk, Russia

COGNITIVE METAPHOR AS A MEANS OF FORMATION OF ECOLOGICAL CONCEPTS IN THE PROCESS OF ECOLOGICAL EDUCATION

ABSTRACT. *The article investigates the problem of the functioning of cognitive metaphor in environmental consciousness and environmental education. The article deals with the concepts of environmental consciousness and ecological view of the world. The author gives the definitions of the environmental archetype and ecological concept. Particular attention is paid to the phenomenon of the cognitive metaphor, which is one of the main ways of expressing environmental concepts. It is considered as a cognitive model based on the analogy and having epistemological significance. The cognitive metaphor is regarded by the author as the main way of expressing environmental concepts, as a means of conceptualizing and organizing reality, creating a stable representation of objects and phenomena of the surrounding world. The article describes the experience of the author's many years of work on the environmental discourse and metaphors exploring the potential of cognitive metaphor to determine the level of formation of ecological concepts in the process of environmental education, as well as the role of metaphor in the process of formation of these concepts. The conclusion is that the metaphorical conceptualization and ordering reality form a stable representation of the objects and phenomena of the world, using a structured set of metaphorical models and do not have an exact resemblance to the original, directed movement of the recipient of thought in the necessary direction.*

KEYWORDS: *cognitive metaphor; metaphorical modeling; metaphorical models, ecological concepts; ecological discourse; ecological consciousness; ecological education, ecology, environment.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Elena Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication, Chelyabinsk State University.*

В XX веке промышленные страны столкнулись с целым рядом глобальных экологических проблем, приводящих к перманентному ухудшению качества жизни на планете и здоровья людей, которые ставят под вопрос возможность существования жизни на Земле. В связи с этим возникла необходимость научиться существовать в согласии с природой и окружающей средой. Этого можно достичь только посредством качественного преобразования сложившейся практики экологического образования и воспитания.

Однако несмотря на старания ученых и политиков, экологическая ситуация на нашей планете продолжает ухудшаться. Увеличивается население планеты, растет массовое производство и потребление ресурсов, усиливается загрязнение окружающей среды, атмосферы, изменяется климат. Специалисты оценивают эту ситуацию как глобальный социально-экологический кризис, охвативший всю планету и человечество в целом [Кулясов, Ермаков 2006].

Постепенно становится очевидным, что проблема охраны природы и изменения экологической ситуации не решается только технологическими средствами, что необходимо пересмотреть роль социальных институтов, научно-технического прогресса, мировоззренческие принципы, социальные ценности и установки, что для успешной реализации программ экологической модернизации нужно будет уделить особое внимание формированию экологического сознания, воспитанию личности экочеловека [Пахомов 2002].

Экологическое образование и воспитание всегда было важным направлением работы различных учебных учреждений. Однако, ориентация на формальное заучивание и ознакомительный характер процесса экологического образования недостаточны для активного экологического сознания. Экологическое образование должно охватывать как рациональную, так и эмоциональную сферы человека, формироваться в процессе деятельности [Зебзеева 2012: 50].

Федеральный государственный стандарт общего образования формулирует определенные требования к экологическому образованию в виде предметных (экологическая грамотность), мета-

предметных (экологическое мышление) и личностных результатов (экологические ценности) [цит. по Дзятковская 2014: 7]. Эти требования ФГОС отражают современную концепцию общего экологического образования для устойчивого развития и характеризуют его результат — формирование экологической культуры обучающихся в интересах устойчивого развития [Концепция ... 2010: URL].

Ориентация современной системы образования на реализацию идей устойчивого развития предполагает реорганизацию всех видов деятельности образовательной организации, изменение подхода к системе образования в целом: необходимо учить людей решать сегодняшние проблемы с учетом завтрашних потребностей, сохраняя имеющееся природное и культурное наследие; формировать у них навыки устойчивого потребления, устойчивого производства, гражданственности, включающей глобальную ответственность.

Решая эти вопросы, ряд исследователей обращается к возможностям междисциплинарной когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. Когнитивная лингвистика давно и прочно заняла свое законное место в парадигме концепций современного языкознания. Она исследует ментальные процессы сознания на материале языка, который служит не только целям общения, не только играет роль в кодировании и трансформировании информации, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом, живущим в определенную историческую эпоху в определенной экологической среде.

Ключевой категорией, отражающей характер и особенности взаимодействия человека и окружающей его среды, является экологическое сознание как совокупность представлений о взаимосвязях человека и окружающего мира, существующего в обществе отношения к окружающему миру и стратегий взаимодействия с ним. Предпосылкой для становления экологического сознания в обществе является создание некоторых условий: издание соответствующих законов, формирование определенного общественного мнения, специфического восприятия мира природы и своеобразного отношения к нему, а также экологическое воспитание и образование [Иванова 2012: 248].

Экологическое образование — непрерывный процесс обучения, самообразования, накопления опыта и развития личности, направленный на формирование ценностных ориентаций, норм поведения и получение специальных знаний по охране окружающей природной среды и природопользованию, реализуемых в эко-

логически грамотной деятельности.

Экологическое сознание является одним из основных компонентов, составляющих основу экологической картины мира человека. Экологическая картина мира — это целостный, динамичный образ окружающего мира, возникающий в результате познания человеком живой и неживой природы и взаимодействия с ней, это отражение в сознании представлений об окружающем мире и своем месте в нем, присущее членам определенного сообщества. Экологическая картина мира возникает в результате как непосредственного познания действительности человеком с помощью органов чувств или мышления, так и с помощью вторичных знаковых средств, и находит отражение в семантическом пространстве языка, ее формирование является итогом развития духовной жизни человека в целом, в которой значительно влияние бессознательных состояний и процессов, прежде всего, коллективного бессознательного. Поэтому необходимо выявить глубинные основы осознаваемой экологической ситуации, коренящиеся в структурах бессознательного уровня психики людей, что возможно при исследовании архетипических проявлений бессознательного на сознательном уровне [Иванова 2012: 248].

Экологический архетип — это архаический феномен, изначальная модель мировосприятия, заложенная в структуре коллективного бессознательного и проявляющаяся в индивидуальном сознании в качестве конкретных архетипических образов и мотивов. Экологический архетип отражает отношение человека к окружающему миру и оказывает влияние на формирование экологического сознания. Получая отражение в сознании, экологический архетип реализуется в виде экологического концепта, имеющего параметры экологического архетипа и находящего отражение в языке в метафорах, метонимии, фразеологизмах, сравнениях. Экологический концепт — культурная единица, включающая в себя как научный, так и ценностно-образный компоненты.

Концепт «дом» является одним из ключевых концептов в любой культуре. Когнитивная метафора — один из основных способов выражения экологического концепта — рассматривается как когнитивная модель, базирующаяся на аналогии и имеющая гносеологическую значимость. Концептуальная интеграция осуществляется по определенной схеме на разных уровнях абстракции и включает ментальные пространства и когнитивные модели, которые эти пространства структурируют. При возникновении метафоры происходит одновременная активация тех областей мозга, ко-

торые отвечают за наглядные и абстрактные образы. Концептуальная интеграция утверждается в качестве базовой когнитивной операции, а язык является формой выражения этой когнитивной операции, при этом к универсальным случаям проявления концептуальной интеграции относятся сравнение, метонимический и метафорический переносы.

На данном этапе исследования нас интересуют возможности когнитивной метафоры для определения уровня сформированности экологических концептов в процессе экологического образования, а также роль метафоры в процессе формирования этих концептов. С помощью тестов и ФОС можно измерить и оценить научные знания, освоение терминов, но невозможно проверить наличие ценностей, норм, стереотипов, и в этом нам поможет лингвистика, которая разработала способы оценивания как наличия культурных концептов, так и их качества.

Метафорическая концептуализация и упорядочивание реальности формируют устойчивое представление об объектах и явлениях окружающего мира, структурированное при помощи набора метафорических моделей и не обладающее точным сходством с оригиналом, направляют движение мысли в определенную сторону. В этом заключается опасность, т.к. по результатам ранее проведенных исследований [Иванова 2007], взаимоотношения человека и окружающей его природы часто метафорически описываются в терминах войны, борьбы, противостояния, особенно при концептуализации различных катастроф, как природных стихийных, так и антропогенных, виновником которых является человек.

Метафоры борьбы и войны пронизывают наши размышления, потому что они наряду с базовыми пространственными метафорами, такими как «верх — низ», были изначально доступны человеку в мире окружающей природы. В то же время с точки зрения теории концептуальной метафоры, засилье военной метафоры в экологическом дискурсе свидетельствует о милитаризации экологического сознания, которое определяет мировоззрение людей и их поведение: встав на точку зрения военной метафоры, мы начинаем искать те пути разрешения конфликта, которые подсказываются реальными военными действиями. Военная метафора не оставляет нам другого выбора: оппонент — враг, и его следует уничтожить, разбить, ликвидировать, подавить сопротивление.

Военные метафоры, хранящиеся в памяти поколений и применяющиеся в принципиально новых условиях, когда приходит время наперед просчитывать экологические риски и продумывать дей-

ствия в соответствии со сложившейся экологической ситуацией, могут препятствовать экологическому образованию. Поэтому необходимо подчеркивать метафоричность таких выражений и выяснять причины и основания их появления в экологической культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Дзятковская Е. Н. Проблемы становления экологического образования для устойчивого развития в массовой школе // Вестник бурятского государственного университета. — 2014. № 1–2. С. 7–10.

Зебзеева В. А. Экологическое образование детей дошкольного возраста: новые подходы и требования // Педагогика: традиции и инновации: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 50–52.

Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007. 24 с.

Иванова Е. В. Экологическое сознание и эколингвистика // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — Челябинск: ООО Элит-Печать», 2012. №7. С. 248–258.

Концепция общего экологического образования для устойчивого развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://raor.ru/content/Prezidium.2010.09.29.Spravka.1.pdf>.

Кулясов И. П., Ермаков Д. С. О теории экологической модернизации // Биология в школе (Учителю экологии). — 2006. №3 (2). С. 2–5.

Пахомов Ю. Н. Формирование экокочеловека: методологические принципы и программные установки. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 124 с.

Трубицина Л. В. О проблеме метафоры в содержании экологического образования для устойчивого развития // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. Т. 1. №. 4. С. 70–79.

К. А. Керер

Челябинск, Россия

**«ГОРДЫНЯ» КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
ЦЕННОСТЬ (АНТИЦЕННОСТЬ) РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНОДИСКУРСЕ
(на материале кинофильма «Практика»)**

АННОТАЦИЯ. *Исследование посвящено изучению особенностей вербализации профессионально-культурной ценности (антиценности) «гордыня» в отечественном кинодискурсе на материале многосерийного кинофильма «Практика». В статье даются определения таких ключевых терминов, как «профессионально-культурная ценность», «антиценность», «гордыня».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *кинодискурс, профессионально-культурные ценности, лингвокультурология, профессионально-культурные антиценности, гордыня, киноискусство, кинофильмы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Керер Ксения Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.*

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: ksenijakerer@rambler.ru.

K. A. Kerer

Chelyabinsk, Russia

**«PRIDE» AS A PROFESSIONAL CULTURAL VALUE
(ANTI-VALUE) OF THE RUSSIAN LINGUO-CULTURE
IN DOMESTIC CINEMA DISCOURSE
(by the example of the TV serial «Practice»)**

ABSTRACT. *The article dwells on the peculiarities of verbalization of professional and cultural value (anti-value) of «pride» in the Russian cinema discourse by the example of the serial «Practice». The article gives definitions of such terms as «professional cultural value», «anti-value», «pride».*

KEYWORDS: *cinema discourse, professional cultural values, linguo-culturology, professional cultural anti-values, pride, cinema art, films.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kerer Kseniya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Business Foreign Language, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University.*

Деятельность каждого специалиста обладает определенными качествами. Людей, воспитанных в конкретной культурной среде, соответственно, можно объединить согласно культурно-ценностных характеристик в преломлении профессиональной деятельности. Если национальный характер — совокупность наиболее устойчивых свойств той или иной нации, то каждому национальному характеру также должны соответствовать и свойства, присущие только ему в профессиональном плане. Культурно-ценностные особенности нации в преломлении профессиональной деятельности, мы назвали профессионально-культурными ценностями.

Поскольку каждый специалист, работающий в определенной области, является, прежде всего, человеком, которому свойственны как положительные, так и отрицательные особенности характера, то и в профессиональном плане ему будут свойственны качества, которые могут трактоваться как негативные, по мнению общества. Культурно-ценностные особенности нации в преломлении профессиональной деятельности, расценивающиеся как отрицательные, мы будем называть профессионально-культурными антиценностями.

В данной работе нами будет определена и рассмотрена такая профессионально-культурная характеристика (антиценность) русской лингвокультуры, как «гордыня». В нашем понимании гордыней в профессиональной деятельности является преувеличенно высокое мнение о своих умениях и навыках в профессии, пренебрежительное отношение к подчиненным либо к своим коллегам, занимающим менее значимую должность или имеющих меньшую степень образованности; заносчивость и надменность.

Несмотря на то, что деятельность русского профессионала характеризуют такие профессионально-культурные ценности как трудолюбие, душевность в работе, ценность времени, ему свой-

ственна также и такая профессионально-культурная характеристика (антиценность) как «гордыня».

Мы рассмотрим особенности вербализации вышеописанной профессионально-культурной антиценности в отечественном кинодискурсе на примере многосерийного кинофильма «Практика», который является значимым для изучения русского лингвокультурного сообщества и незаменимым при исследовании профессионально-культурных ценностей (антиценностей) отечественной лингвокультуры вследствие того, что профессия врача представляет собой ту сферу деятельности, которая служит интересам человека. Бесспорным является тот факт, что она является одной из самых уважаемых и востребованных в русской культуре. Медицина — область деятельности, отвечающая за жизнь и здоровье человека, и, следовательно, играющая самую важную роль в благосостоянии любого общества. Вследствие этого неудивительно, что врач — частотный персонаж русского кинематографа XXI века.

Хотелось бы отдельно отметить, что в анализируемом материале — объекте кинодискурса — речь идет об имитации профессиональной коммуникации и профессиональных ситуаций, рассчитанных именно на непрофессионалов, поскольку объектом исследования является кинофильм, направленный на широкую зрительскую аудиторию.

Современный кинематограф выступает мощным транслятором ценностей, формирующим в сознании людей определенные стереотипы, которые используются адресатом для интерпретации мира и создания моделей собственного поведения.

Кинематограф и телевидение заняли лидирующие позиции по степени влияния на аудиторию, оттеснив литературу. Передача художественной информации, которая ранее осуществлялась через печатный текст, все чаще и чаще обретает кинематографическую форму. Следовательно, произведения киноискусства становятся объектом изучения целого ряда наук, в том числе и лингвистики. В связи с этим анализ кинодискурса с лингвистических позиций весьма значим и актуален.

Как известно, кинодискурс — многоуровневая, многоаспектная структура, неразрывно связанная с мыслительными процессами зрителя. Изучение кинодискурса как социокультурного феномена очень актуально в настоящее время. Он формирует мировоззрение, установки современного индивида, репрезентируя новые модели, техники поведения и деятельности.

Что касается определения понятия «кинодискурс», коих в научном обиходе существует множество, представляется возможным согласиться с К. Ю. Игнатовым, называющим кинодискурсом весь фильм, взятый как совокупность визуальных, аудио-эффектов и вербального наполнения [Игнатов 2007: 6].

Обращение к русскому кинодискурсу продиктовано тем, что он обладает всеми особенностями, присущими кинодискурсу в целом, а, следовательно, может выступать в качестве типической модели.

– Развелось начальства! Такая же врач, как и я. Будет еще указывать! — Один из врачей приемного отделения Тульской городской больницы, где происходит действие анализируемого кинофильма, Вячеслав Александрович Мамин, не мог смириться с тем, что высококлассный специалист, профессионал своего дела Евгения Павловна Королева, была более успешна в работе; вследствие этого любое ее замечание, связанное с их профессиональной деятельностью, он воспринимал в штыки, проявляя гордыню — в данном случае — отрицание возможного авторитета коллеги по работе, обладающего более высоким уровнем профессионального мастерства.

– Она ни с кем никогда не советуется. А сегодня вообще поставила под сомнение поставленный мною диагноз. — Коллективизм — одна из профессионально-культурных ценностей русской лингвокультуры, очень ярко выраженная в русском кинодискурсе. Данный факт был доказан нами в ходе анализа образцов отечественного кинодискурса. Под понятием коллективизма мы понимаем совместную деятельность людей, проявляющуюся в подчинении личных интересов общественным, в сотрудничестве, готовности к взаимопомощи, во взаимопонимании, интересе к проблемам других. Вячеслав Александрович полагал, что коллективизм заключается, в том числе и в невмешательстве в работу друг друга, но Е. П. Королева во главу угла в своей профессии ставила жизнь и здоровье пациента, а не амбиции — свои и других коллег, — поэтому она не видела ничего предосудительного в том, что указала врачу на неправильно поставленный диагноз.

– Она просто переходит все мыслимые рамки! Стала при родственнице доказывать, что я неправ. — А вы правы? — Илья Александрович, она хирург, я терапевт, и, конечно, я прав. Но дело не в этом. Королева никого не слушает, пытается везде устанавливать свои порядки. — Гордыня в профессиональной деятельности заключается, в частности, в умалении достоинств других коллег вследствие наличия у них другой специализации либо меньшего

объема опыта, а также более низкой квалификации или должности. В данном примере В. А. Мамин пытался доказать заведующему отделением, что Евгения Павловна неправа только потому что она является хирургом, а не терапевтом, как он, хотя, как показала практика ее работы, она разбиралась во многих вопросах медицины не хуже специалиста именно этой области, а в большинстве случаев ставила абсолютно верный диагноз, заставляя тем самым своих коллег приходиться к выводу об ее универсальности как специалиста и высококлассного профессионала-диагноста.

— Почему же я это должен делать, когда у нас есть травматолог? — Нежелание выполнить обязанность другого коллеги, который в данный момент отсутствует на работе, либо занят своими профессиональными обязанностями — еще одно проявление рассматриваемой профессионально-культурной антиценности русской лингвокультуры. Для медицинского работника такое поведение является неприемлемым, ведь от этого зависит жизнь и здоровье людей, находящихся на данный момент в руках этого специалиста.

— Отнеси, пожалуйста, в архив. — Жень, ты меня ни с кем не перепутала? Я тебе не мальчик на побегушках. — Вячеслав Александрович — один из отрицательных персонажей данного кинофильма. Он обладает многими качествами непрофессионала: неумением ужиться в коллективе, заносчивостью, нежеланием работать сверхурочно, если того требует долг, завистью к успехам коллег и в том числе гордыней, проявляющейся в анализируемом примере.

— Мария Васильевна, вас не учили стучать? — Здравствуйте, Вячеслав Александрович! — Вы видите, два врача разговаривают. Что вы лезете со своими пустяками?! — Занимание более низкой должности либо осуществление деятельности, связанной с неквалифицированным трудом, — не повод для принижения достоинств человека, особенно если он намного старше того, кто проявляет гордыню. Мария Васильевна, будучи уборщицей приемного отделения городской больницы, работала более сорока лет и ни разу не заставила усомниться в любви к своей работе, не заслужила ни одного нарекания, а уж тем более неуважения к себе, как к работнику и пожилому человеку.

Итак, в ходе анализа профессионально-культурных характеристик лингвокультуры в отечественном кинодискурсе на материале многосерийного кинофильма «Практика», нами была выявлена такая профессионально-культурная антиценность как гордыня, проявляющаяся в высоком самомнении, завышении своих профес-

сиональных качеств, пренебрежительном отношении к лицам, занимающим более низкую должность, в заносчивости и т.д.

Русские профессионалы, коими являются герои исследуемого кинофильма — материала кинодискурса — прежде всего, люди, которым свойственны разнообразные личные качества, не всегда являющиеся положительными, что, безусловно, не может не отражаться на профессиональной деятельности и на способе ее ведения. Соответственно, наличие данной профессионально-культурной антиценности не умаляет достоинств профессионала русской лингвокультуры, а характеризует его с различных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2010. 180 с.

Игнатов К. Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007. 26 с.

Лотман Ю. М. Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян. — Таллинн: Александра, 1994. 416 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М., Гнозис, 2003. 280 с.

Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. — М.: Водолей Publishers, 2004. 164 с.

Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. — Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 2000. 332 p.

Van Dijk T. A. Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis, vol. 2. — London, 1985. P. 103–136.

А. Е. Козлов, Я. Х. Саженина
Новосибирск, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МАСКИРОВКИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ¹

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу способов выявления речевых целей и тактик, направленных на их достижение. На материале экспертируемых дел, связанных с экономическими преступлениями, совершенными в Сибирском федеральном округе в течение 2013–2016 гг., анализируются основные способы маскировки предмета обсуждения, условий взаимодействия и коммуникативных целей участников разговоров на лексическом и синтаксическом уровнях. Отдельное внимание уделено прагматическим задачам участников коммуникации и провокативным тактикам, направленным на перевод коммуникативного действия в акциональное.*

Основные положения статьи иллюстрируются примерами, представленными в четырех кейсах. В кейсе 1 представлен случай «инкапсуляции» закрытого речевого кода. Кейс 2 и кейс 3 иллюстрируют механизм раскрытия целеустановки говорящего с учётом речевых реакций собеседника. При демонстрируемом адресатом непонимании «истинного» положения дел говорящий вынужден эксплицитировать скрываемую информацию. В кейсе 4 представлен механизм демаскировки коммуникативной цели говорящего: соотношение имплицитной и эксплицитной информации позволяет установить, во-первых, несоответствие содержания коммуникативного акта заявленной речевой цели, во-вторых, маскируемую коммуникативную цель.

В заключение статьи представлены выводы и некоторые рекомендации, которые могут быть взяты за основу при осуществлении лингвистической экспертизы рассматриваемой группы дел.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации грата РГНФ «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона (грант № 15-14-54001, тип проекта «а»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эвфемизация, конфликтный текст, экономические преступления, речевые цели, речевые тактики, речевое поведение, коммуникативные тактики, провокативный дискурс, лингвистическая экспертиза, дешифрация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Козлов Алексей Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель Института филологии, массовой информации и психологии НГПУ, эксперт Межрегионального центра экспертиз ФГБОУ ВО «НГПУ».

Адрес: г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru.

Саженина Янина Халековна, кандидат филологических наук, государственный судебный эксперт ФБУ «Сибирский региональный центр судебной экспертизы» Минюста России.

Адрес: г. Новосибирск, ул. Красный проспект, 167.

E-mail: jana8884@mail.ru.

A. E. Kozlov, I. H. Sazhenina

Novosibirsk, Russia

**SEMANTIC AND PRAGMATIC SIGNS
OF MASKING THE ESSENCE OF COMMUNICATION
IN THE DISCOURSE CONCEALMENT
(on the material of economic crimes)**

ABSTRACT. *The article deals with the analysis of ways of identifying speech objectives and revealing the tactics of achieving them. The article analyzes the main ways meant to disguise the communication subject, terms of interaction and communication purposes of interlocutors on the material of cases of economic crimes committed in the Siberian Federal District during 2013-2016 which were subject to expertise. Special attention is paid to the pragmatic tasks of the participants of communication and the provocative tactics aimed at the transfer of communicative action into a real one.*

The main statements are illustrated with examples presented in four case studies. Case 1 is an example of «encapsulation» of a closed speech cryptocode. Cases 2 and 3 illustrate the mechanisms of unmasking of the speaker's intention on the background of the listener's speech responses. If the addressee demonstrates lack of understanding of the «true» state of affairs, the speaker is forced to expli-

cate the concealed information. Case 4 presents the mechanism of unmasking the speaker's communicative intention: the ratio of implicit and explicit information makes it possible to establish, firstly, the discrepancy between the content of communicative act and the declared intention, and, secondly, the masked communicative intention. In conclusion, the article presents some recommendations that can be taken as a basis for implementation of linguistic expertise of cases of this kind.

KEYWORDS: *euphimization, conflict text, economic crimes, communicative intentions, verbal practices, verbal behavior, communicative tactics, provocative discourse, linguistic expertise, deciphering.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kozlov Aleksey Evgen'evich, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Institute of Philology, Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, expert of the Inter-regional Expertise Center, Novosibirsk State Pedagogical University.*

Sazhenina Yanina Khalekovna, Candidate of Philology, State Forensic Expert, Siberian Regional Center of Judicial Examination of the Russian Ministry of Justice, Novosibirsk, Russian Federation.

Многообразие речевых целей и тактик, избираемых собеседниками для осуществления коммуникативного намерения, определяет множественность интерпретаций анализируемой ситуации. Рассмотрение имплицитных и эксплицитных показателей в структуре коммуникативной ситуации [Безяева 2002; Дементьев 2006; Иссерс 2008; Иссерс 2012] позволяет максимально объективировать выводы, к которым приходит исследователь, что является необходимым условием для проведения лингвистической экспертизы [Баранов 2007; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011; Михалева 2016; Allen, Perrot 1986; Ariani, Sajedi 2014; Coulthard, Johnson 2007].

При анализе материалов, свидетельствующих о совершении экономического преступления¹: аудио- и видео- записей бесед, разговоров, расшифровок стенограмм, — исследователь должен исходить из специфики коммуникативной ситуации и аранжирующих ее языковых средств [Верещагин, Костомаров

¹ В частности, 158 УК РФ, 159 УК РФ, 163 УК РФ, 164 УК РФ, 179 УК РФ, 194 УК РФ, 290 УК РФ, 291 УК РФ.

© Козлов А. Е., Саженина Я. Х., 2016

2008; Гойхман, Надеина 2008; Ключев 2002; Паршина 2012]. Проведение подобной экспертизы можно уподобить решению уравнения с одним или несколькими неизвестными, где зашифрованной переменной, как правило, являются 1) денежные средства, 2) способы получения / передачи денежных средств, 3) результаты, определяемые получением / неполучением денежных средств. Следует оговориться, что использование эксплицитных показателей в таких разговорах (количественных и порядковых числительных, словосочетаний, семантически связанных с денежными единицами, в том числе разговорных эквивалентов: *200 косарей — 200 тысяч, 80 красных — 400 тысяч рублей* и пр., местоимений), далеко не всегда свидетельствует об определенности интенций говорящего.

Типовые вопросы, которые традиционно поставлены перед экспертом, зачастую направлены на изучение «ситуативной семантики», намерений и конвенций [Strososn 1986] в речевом акте. Представляя простейшую схему высказывания, Филлмор вводит вопросы: 1) Что было сказано? 2) О чем было сказано? 3) Почему это было сказано? 4) Почему это было сказано именно таким образом? [Fillmor 1988]. Разрешение первых двух вопросов возможно посредством лексико-семантического анализа, включающего в себя изучение образующих подтекст коннотаций. Описание коммуникативно-прагматического компонента высказывания, требующее анализа его структуры, позволяет подойти к решению остальных, в данном случае определяющих, вопросов. Представленный в настоящей статье материал, связанный с использованием средств маскировки в повседневной коммуникации, коррелирует с 4-м вопросом Филлмора.

Исходя из модели коммуникации Дж. Ф. Аллена и Р. Перро, можно привести большинство диалогов к устойчивой схеме, построенной на планировании результата и прогнозировании исхода ситуации [Allen, Perrot 1986]. Иллокуция (коммуникативная интенция¹, коммуникативная цель¹) речевого акта

¹ Коммуникативная (речевая) стратегия понимается нами, вслед за О. С. Иссерс, как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 182]. Коммуникативную тактику мы рассматриваем как единицу речевой стратегии: «стратегия общения реализуется в речевых тактиках, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [Гойхман, Надеина 2008: 145].

«вымогательство», «принуждение к сделке», «запрос взятки» / «предложение взятки» — получение денежных средств, заключение сделки на условиях говорящего, получение услуги. С точки зрения иллюкутивной направленности данные речевые акты относятся к комиссивам, поскольку их цель — возложить на говорящего обещание совершить какое-либо действие (передать деньги, оказать услугу, осуществить бенефактивное или небенефактивное для слушающего действие). Отличие РА «запрос на получение взятки» и «предложение взятки» от РА «вымогательство» и «принуждение к сделке» состоит в том, что для достижения результата, желаемого говорящим, в первых двух случаях обещаются бенефактивные последствия (для взяткодателя — оказание желаемой им услуги, для взяткополучателя — получение денежных средств), в следующих — небенефактивные (основная речевая тактика — «угроза»). Перлокутивным эффектом, прогнозируемым говорящим при планировании речевого акта, является согласие слушающего выполнить условия говорящего (дать требуемые денежные средства / заключить сделку на условиях говорящего / взять денежные средства в обмен на услугу). Коммуникативная перспектива² РА определяется переводом вербального действия в акциональное (передача денежных средств, заключение сделки, оказание услуги).

Выполняя коммуникативный анализ диалога, выявляя тематическую организацию текста, эксперт традиционно отвечает на вопрос: «Имеется ли в предоставленных материалах разговор, темой которого являются денежные средства?».

Тема «денежные средства» может быть эксплицирована в разговоре (явлена непосредственно) или имплицирована (дана в завуалированном виде, зашифрована). В случае, когда план выражения (очевидно реализованный в высказывании) и план

¹ Коммуникативная цель понимается нами в русле сложившейся традиции как «стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт» [Клюев 2002: 18] и ограничивается от речевой цели, то есть «сообщаемой адресату информации о том, зачем производится то или иное речевое действие (типовая совокупность речевых действий)» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011: 80].

² Согласно Е. В. Клюеву, коммуникативный акт, в ходе которого могут быть созданы условия для достижения результатов во внеязыковой действительности, «имеет не только коммуникативную цель, но и коммуникативную перспективу, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в реальности» [Клюев 2002: 19].

содержания (намеренно завуалированный) не совпадают, можно констатировать использование говорящим средств языковой маскировки, т.е. эвфемизации (сокрытия) денотативной информации или представления ее в заведомо искаженном виде. В экспертной практике принято выделять следующие лингвистические признаки маскировки (сокрытия) информации:

1. Прямой отказ, уклонение от обсуждения темы, резкая немотивированная смена темы: например, *Потом обсудим!*, *Не по телефону!*, *Не хочу об этом говорить сейчас!*; *К.1: Когда долг отдашь? К.2: Давай после!* и т.п.

2. Переадресация. *По этому вопросу лучше со старшим поговорить.*

3. Использование речевого кода, непонятного стороннему слушателю («закрытого»). Данный признак сокрытия информации устанавливается при выявлении явных расхождений между параметрами коммуникативной ситуации и используемым речевым кодом. Например, фрагмент разговора двух взрослых людей, не находящихся в родстве: *Б.: Папочка, ты мне вкусняшку приготовил? С.: Да, роднулька! Б.: Сколько коробочек? С.: Семь. Б.: Ты их выбрось в окно часиков в семь, а я побегу и заберу. С.: Хорошо, милая!* — вызывает вопросы: почему используется обращение «папочка», почему собеседница не интересуется, что именно вкусное ей приготовили, почему нечто вкусное измеряется «коробочками», зачем выбрасывать нечто вкусное в окно и т.д. Поскольку эти вопросы не задает никто из участников разговора, ясно, что им известно, о чем идет речь. Другой пример — диалог преподавателя и студента. *С.: Сколько билетов мне нужно приготовить к передаче? П. Приготовь с 17 по 19 (любой) и отправь мне на электронную почту. Почту знаешь? С.: Диктуйте. П. vasilkov17000@gmail.com. С. Хорошо, а можно меньше? П. Можно, но тогда будешь отчислен. На карту, пожалуйста.* Используемые в диалоге числительные не выполняют традиционной номинативной функции, маркируя прагматический код высказывания. Становится очевидным, что собеседники владеют общей пресуппозицией: числительные, формально маркирующие номера билетов, обозначают денежную сумму, как и электронный адрес преподавателя. Единство закрытого кода нарушается вопросом *С. ...а можно меньше?*

Следовательно, говорящими используется «закрытый» речевой код, призванный сделать разговор непонятным стороннему слушателю, то есть скрыть от последнего обсуждаемую информацию.

Речевой код может быть организован посредством фразеологического фонда современного русского языка, а также жаргонизмов — слов и выражений ограниченной сферы употребления. *Ты эту фигию в корзину под дверь положи и проваливай.*

4. Использование единиц (преимущественно местоимений и местоименных наречий) в анафорической функции без антецедента: например, *Ты-то с собой взял? Куда мы это денем? Кто в курсе этого? Туда все отвез?*

5. Импликатуры, недомолвки, намеки: например, *Б.: Ты приходи ко мне. С.: А что случилось? Б.: Надо кое-что. С.: Надо так надо.*

Взятые по отдельности признаки 2, 4 и 5 не всегда являются свидетельством сокрытия участниками разговоров информации, так как недомолвки, переадресация и употребление анафорических единиц могут быть обусловлены наличием у коммуникантов общей апперцепционной базы и стремлением вследствие этого к экономии речевых усилий, либо, в случае переадресации, недостаточным объемом знаний, нежеланием говорящего брать на себя ответственность за разрешение ситуации. Однако вкуче с признаками 1–2 или при наличии в исследуемых разговорах вопросов, демонстрирующих непонимание одним из собеседников предмета обсуждения, на которые собеседник отказывается отвечать, не объясняя почему, или резко меняет тему, признаки 2, 4 и 5 свидетельствуют о попытке сокрытия обсуждаемой информации. Рассматривая импликацию как семиотическую проблему, М. Киосе пишет: «Практически невозможно определить, как «снижается наглядность» в прямых номинациях; однако в отличие от прямых номинаций не прямые обладают особым свойством, наличие которого позволяет проводить референциальный анализ. Этим свойством является мотивированность не прямых номинаций, т.е. экспликация некоторого фокуса, который является результатом сближения нескольких ментальных пространств при конструировании единого образа референта в тексте. По всей вероятности, текстовые сигналы управляют сознанием читателя таким образом, что, распознавая этот фокусный элемент, читатель может установить тип референта, который означает данная не прямая номинация» [Киосе 2016: 67]. Если в данном высказывании заменить *читатель* словом *эксперт*, данные наблюдения целиком и полностью соответствуют практике дешифрации закрытого речевого кода.

Особый интерес для исследователя представляет такой коммуникативный акт, когда один или оба участника коммуникации

понимают, что их диалог фиксируется записывающими устройствами. Обычно такие разговоры направлены на обнажение речевого кода (или отдельных, образующих его операторов), поэтому здесь, как правило, используются провокации различного уровня сложности и «отражающие» их оборонительные тактики.

Кейс 1¹. Объектом исследования стал диалог двух мужчин, произошедший в непринужденной (неофициальной, неформальной) обстановке в одном из новосибирских кафе. По версии, отрабатываемой следственным комитетом, *М.* выступал посредником при передаче взятки должностному лицу *Т.* Судя по данным стенограммы, *М.* и *Т.* хорошо знакомы, они беседуют продолжительное время (свыше 1,5 часов), говорят о здоровье близких, вспоминают эпизоды, связанные с работой, семьей и домом. Тематическое ветвление постоянно нарушается за счет включения новых случайных, непривязанных к предыдущим тем. Многие заявленные собеседниками ремы не находят развития в диалоге и «погасают» в разговоре. Отчасти на качество беседы влияет экстралингвистический фактор: оба собеседника находятся в состоянии алкогольного опьянения.

Тем не менее, в ходе такого «блуждания» вокруг темы, *М.* начинает отчитываться перед *Т.*:

М. С этим... Дроздовым... достал вот. Надо же поздравить, надо же все сделать. Ну, все сделано на высшем уровне. Все как надо. Вот.

Т. Ну, слава Богу.

Очевидно, что между коммуникантами существует договоренность, позволяющая сэкономить языковые усилия. Признаком использования закрытого кода в данном случае становится неоднократно повторяемый глагол *сделать*, маркирующий достижение определенного, заранее прогнозируемого результата. Ответная реакция не эмоциональна, серии междометий (*слава Богу, господи спаси*) показывают отрешенность коммуниканта *Т.* от ситуации.

Далее, по ходу беседы, маскировка высказывания непосредственно эксплицируется в диалоге:

М. Мэр провел... Я не хочу в присутствии посторонних говорить вообще. Меньше знают, крепче спят.

Т. Угу.

¹ Здесь и далее в статье приводятся примеры, связанные с реальной экспертной практикой. При сохранении фабулы дела все имена, названия организаций и фирм носят условный характер, выполняя роль вышеназванных «переменных».

В беседе подчеркивается конфиденциальный характер сообщаемой информации, используется тактика, направленная на ограничение круга информируемых лиц.

М. Значит Дроздова поздравил. Все на высшем уровне. Мужик, конечно, вот знаете, вот до последнего меня мордовал. Договорились, что я приеду, заберу документы, все. Ну, я забрал, все сделал как надо. То есть... Сначала два, потом полтора, потом давай единицу. Я говорю: «Да ты ... что ли? В конце-то концов». Я говорю: «Если уж ведешь себя, веди достойно». Ну, короче, полтора миллиона рублей отдал. Вот. Тут ниче?

Т. Не-е, здесь все надежно. Сюда мой друг Филипок всегда захаживает, и всегда ему здесь накрывают.

Неоднократное повторение глагола *поздравил* маркирует изменение денотативных смыслов и его узуальной семантики; исходя из анализа дальнейшей беседы, оказывается, что глагол в данном случае эвфемизирует факт получения взятки (в высказывании варьируется группа числительных (*два, полтора*) и функционально близких к ним имен (*единицу*)). Реакция *Т.* по-прежнему близка к нейтральной. Отвечая на вопрос своего собеседника, он в то же время плавно переводит разговор на смежную и не связанную с исходной прагматикой тему.

Инкапсуляция, т.е. обнажение закрытого речевого кода, наблюдается в середине беседы:

М. Николай Ананьевич, полтора миллиона рублей — вот они есть. Все как надо.

Т. Надо дело, вот то дело доделать нам. Это все разовые, это все, как говорится, одноразовые дела и прочее, прочее. Хотя это тоже очень хорошо и-и-и... А вот то дело, оно стабильное.

Инкапсуляция становится двусторонней: *Т.* не только реагирует на провокацию, но и продолжает тему, инициированную собеседником. В то же время очевидно действие речевого контроля: даже в этой ситуации, прогнозируя возможный неблагоприятный исход, *Т.* эвфемизирует получение денежных средств словами с общим корнем *дел* (*дело, доделать* и пр.).

Таким образом, в анализируемом диалоге сплетаются темы поздравление / получение документов / обсуждение некоторой суммы. *М.*, который, предположительно, имел при себе записывающее устройство и провоцировал *Т.* на определенную реакцию, в определенный момент нарушает границы закрытого кода, а *Т.*, контролирующий ситуацию до определенного момента, неудачно (для

себя) реагирует на провокацию. Следствием этого становится обнажение истинной цели коммуникации: то, что на первый взгляд представляло обычную внежанровую ситуацию застольной беседы, по прагматической установке оказалось обсуждением деталей и результатов экономического преступления.

Второй вопрос, часто предлагаемый для разрешения экспертом, связан с прагматикой речевого действия и воздействия и подразумевает определение целей каждого коммуниканта: «Каковы цели каждого коммуниканта? Содержатся ли в предоставленных материалах указания на факты и события, на развитие которых мог оказать влияние один из собеседников?».

Зачастую при поиске ответа на данный вопрос эксперт-лингвист сталкивается с необходимостью выявления коммуникативной цели, преследуемой говорящим. В частности, вышеуказанная необходимость возникает при проведении семантических исследований в рамках дел по статьям 163 УК РФ, 179 УК РФ в связи с тем, что адресантом осознается незаконность выдвигаемых им требований, а это вынуждает говорящего маскировать свои «истинные» намерения. По данным категориям дел перед экспертом-лингвистом ставится задача установить в тексте наличие / отсутствие обещания наступления нежелательных для адресата последствий, обусловленных действиями говорящего, и побуждения адресата к передаче денежных средств (или заключению сделки на условиях говорящего) в виде требования.

При решении данной задачи остановка исследователя на выявлении только речевой цели не всегда позволяет решить поставленные перед ним задачи, поскольку зачастую устанавливается явное расхождение между речевой целью и коммуникативной стратегией, выбираемой говорящим для ее достижения. В данном случае мы, очевидно, говорим не о коммуникативной неудаче (когда избранная стратегия оказывается неэффективной), а о маскировке коммуникативной цели.

Кейс 2. В анализируемых стенограммах представлены разговоры между двумя коммуникантами — заместителем главы районной администрации Ю. и Ш. — юристом, представляющим интересы частного лица. Ю., находящийся под следствием по делу о мошенничестве в особо крупном размере, предложил экспертам исследовать намерения каждого из коммуникантов, поэтому предметом анализа стали интенции и тактики Ю. и Ш.

Инкриминируемая подозреваемому схема состояла в переводе муниципальной земли в частную собственность с после-

дующим получением денежной выгоды. Два разговора, произошедшие с интервалом в 1 месяц, маркируют изменения коммуникативных целей.

Следует отметить, что, как и в предыдущем кейсе, собеседники *Ш.* и *Ю.* не эксплицируют всю информацию в диалоге, связанную с общим опытом / фоновыми знаниями говорящих. Для двух записанных разговоров характерна элиминация (умолчание) и эвфемизация (сокрытие) определенных обстоятельств и лиц, связанных с этими обстоятельствами. Это проявляется в использовании личных (*они*) и указательных местоимений (*тот, этот*), выполняющих анафорическую и дейктическую функции.

В двух разговорах упоминание денежных средств маркируется разными частями речи: а) именными (существительные, числительные), б) глаголами, использованными в разных временах / инфинитивами.

Разговор, изначально произошедший между *Ш.* и *Ю.*, направлен на «разведку» и прогнозирование результата коммуникации. *Ю.* говорит о денежных средствах, упоминая личные обстоятельства, разбирательства в ОБЭП, возможность совместного заработка с людьми, представителем которых является *Ш.* *Ш.* использует коммуникативный прием давления на адресата, что выражается в рефренном воспроизведении фразы *треть той суммы*. О какой сумме идет речь, собеседники не уточняют, поскольку обладают общей апперцепционной базой.

Ю.: и мне в счет *долга* запишут (нрзб); через фирму через мою прошли *средства*; что эти *украли*; что похищенные *средства*...; я там указал, что *средства* получил; видим, что *прибыльное* место; ну если там есть момент *заработка*, то *заработают* все там они, и мне в *счет долга* запишут (нрзб).

Ш.: на *треть* той *суммы*; на одну *треть*, от *суммы*; то мы *треть долга* спишем; пусть, как говорится, земельными участками *даст*; вы же можете их освоить и *продать*.

Становится очевидным, что в выборе языковых средств *Ш.* использует имена в номинативной функции; *Ю.* более избирателен и, несмотря на номинативность, избранные им слова не содержат конкретизации в своем семантическом ядре. По ходу разговора становится очевидно, что *Ю.* использует многочисленные слова-эвфемизмы *предложение... от которого я не смогу отказаться* (фразеологизованное сочетание, часто используемое при

обсуждении коммерческих дел и отношений, сделок), *ввел в блуд* (фразеологизованное единство, означающее *направить к ложной цели, дезориентировать*), словосочетания со словами в переносном значении: *ширму сделал правильную* (обычно о механизмах сокрытия финансовых обстоятельств).

Ш. и *Ю.* выглядят равно заинтересованными в достижении общей цели. Участники коммуникации равно активны. Большинство реплик носит реактивный характер, т.е. представляет собой цепочку стимулов и реакций. Коммуниканты занимают равную позицию в беседе, несмотря на то, что инициатива в разговоре исходит от *Ш.*

Второй разговор, зафиксированный записывающим устройством, свидетельствует об изменении коммуникативных намерений и общей прагматики коммуникации. Как и в предыдущем разговоре, *Ш.* использует коммуникативный прием давления на адресата, что выражается в рефренном воспроизведении фразы *Кто платит будет?* *Ю.* обращается к оборонительной тактике, используя рефренный вопрос: *Механизм, как механизм выстраивать будем?*

Ю. Еще о *сумме долга* никто никакой речи не ведёт, понимаете?; Если они *заработать* не смогут, то какая тут *сумма долга* или еще что-то?; Вот по поводу *долга* мы, давайте, будем разговаривать с Миколкой; я буду *выкупать*; Я понял, что вас интересует земельный участок, а по поводу *долга* мы тихонечко сядем и *договоримся* вместе с ним, хорошо?

Ш. Им нужен земельный участок, естественно, на ту *сумму*, которую, на *сумму долга*, как мы раньше — *договоренность*, что они списывают одну треть, и на ту *сумму должны* предоставить земельные участки; Нет, кто будет *платить* за это деньги?; Нет, а кто будет *платить* за эти деньги. У нас-то суть; А кто будет *выкупать*?

Несогласие коммуникантов, представленное в расшифровке стенограммы, объясняется разным видением исходной ситуации. Детальное, а не гипотетическое обсуждение проекта показало разность видения ситуации, обнажило конфликт интересов.

Из представленных выше фрагментов следует, что цели обоих коммуникантов в стенограмме 1 совпадают (речевые жанры *предложение/обещание*), в стенограмме 2 прагматические установки и цели коммуникантов не совпадают (речевой жанр *предложение* трансформируется в жанр *спор, полемика*). Договоренность,

к которой приходят коммуниканты, носит компромиссный характер. Так, *Ш.* соглашается, что начать строительство невозможно, а *Ю.* соглашается узнать о статусе данных земель.

Исходя из коммуникативной ситуации и эксплицированной информации, можно констатировать, что в диалогах *Ю.* занимает оборонительную позицию. *Ш.* фактически шантажирует *Ю.*, провоцируя его на совершение должностного преступления. Дальнейшие выводы выходят за пределы компетенции лингвоэксперта и должны быть осуществлены специалистом, имеющим юридическое образование.

Кейс 3. Объект исследования — диалог двух мужчин, дающих во время допроса противоречивые показания относительно причин передачи одним из них (*Т*) другому (*П*) денежных средств. *Т* пояснил, что передача денег *П* была им осуществлена, в связи с поступающими со стороны последнего угрозами о распространении компрометирующих *Т* и третье лицо сведений в средствах массовой информации. *П*, в свою очередь, пояснил, что он получал денежные средства от *Т* по инициативе последнего за нераспространение компрометирующих его и третье лицо сведений в средствах массовой информации.

Как было установлено в ходе исследования, коммуникативная цель, преследуемая фигурантом «дела П», — получение денежных средств в размере двух миллионов рублей в качестве покупки медиауслуг, предоставляемых *П*.

Для достижения данной цели коммуникант *П* использует стратегию побуждения адресата к осуществлению желаемого им действия.

Данная стратегия реализуется им в совокупности определенных тактик (тактика демонстрации собственной осведомленности¹, тактика обещания содействия², тактика благодарности³, тактика солидаризации⁴, тактика обвинения партнера / партнеров по коммуникации в причинении вреда / намерении причи-

¹ Семантическая формула: *я знаю о тебе / о нем / о вас нечто, что при разглашении может повлечь за собой небенефактивные последствия.*

² *если ты / вы выполните то, чего я хочу, я обещаю помочь тебе / вам, действовать в ваших интересах*

³ *я благодарен / буду благодарен за твое / ваше доброе дело.*

⁴ *я тебя / вас понимаю, мне тоже нелегко, я вынужден действовать подобным образом вопреки своим желаниям.*

нить вред говорящему¹, тактика самооправдания², тактика угрозы³), из которых особого внимания заслуживает тактика угрозы, поскольку, в силу наказуемости подобного деяния, маскируется говорящим различными способами.

Рассмотрим способ маскировки требования совершения действия под предложение.

В нижеприведенном фрагменте коммуникант *Т* демонстрирует в своих репликах, что интерпретирует слова собеседника о покупке оборудования и некоем сайте как коммерческое предложение, интересуясь получением прибыли от вложений в проект (выхлоп).

1. *Т*: Я просто пытаюсь понять, какой будет выхлоп.

2. *П*: Выхлоп какой будет?

3. *Т*: Вот сколько, мне нужно понять, сколько вложений и какой выхлоп.

4. *П*: Вов.

5. *Т*: Я же прагматично считаю, мне нужно понять.

Поскольку коммуникант *Т* демонстрирует неверную интерпретацию целеустановки говорящего, участник разговора *П* вынужден эксплицитно «истинные» условия взаимодействия: не получение прибыли адресатом от вложенных средств, а избежание негативных действий со стороны *П* и лиц, с которыми он себя объединяет:

6. *П*: Выхлоп будет один, он станет депутатом, вот тебе выхлоп, станет депутатом. Во втором варианте он не станет депутатом, это я голову на плаху ложу, либо он станет депутатом.

¹ вы сделали / можете сделать мне нечто плохое, но я, несмотря ни на что, готов не причинять вам вред, если вы согласитесь действовать желательным для меня образом.

² мои действия могут быть истолкованы неверно, я не делаю ничего плохого.

³ По классификации А. Н. Баранова, в варианте угрозы-предупреждения [Баранов 2013]: если ты не сделаешь то, чего я хочу (не дашь мне требуемую сумму денег/ не выкупишь мой пакет акций по запрашиваемой мной цене), я сделаю тебе нечто плохое (буду через СМИ формировать твой негативный образ перед выборами, используя известную мне информацию и подавая ее под определенным углом зрения / сообщу сотрудникам правоохранительных органов обстоятельства, делающие неправомочными ряд сделок, осуществленных компанией, что повлечет за собой признание их незаконными и необходимость возврата полученных денежных средств).

Из определения целеустановки «предложение¹» ясно, что одним из основных параметров предложения является наличие выбора и желания слушающего осуществить предлагаемые говорящим действия. В реплике 6 коммуникант «Т» лишается возможности выбора путем предоставления очевидно неравнозначных вариантов, один из которых предполагает бенефактивное для слушающего (и третьего лица) развитие событий (*станет депутатом*), другой — небенефактивное (*не станет депутатом; будет уничтожаться*).

Таким образом, эксперт в ходе контекстного и коммуникативно-прагматического анализа установил наличие в репликах коммуниканта П ряда высказываний, в которых реализуется не предложение, а требование².

Кейс 4. Объект исследования — письмо, написанное коммуникантом Г представителям противоположной стороны в конфликте миноритарных акционеров и руководства компании «Иа и Пух». Коммуникант Г, в отношении которого было возбуждено уголовное дело по статье 163 УК РФ, выразил несогласие с подобной интерпретацией его действий, утверждая, что его «обращения носят информационно-дискуссионный характер».

Рассмотрим способ маскировки действия, к совершению которого принуждается адресат.

Основная тема анализируемого текста — информирование адресата об обращении к адресанту сотрудника ФНС по Новосибирской области с просьбой предоставить информацию, касающуюся деятельности организаций и лиц, перечисленных в письме. Говорящий «напоминает» адресату о негативных действиях, со-

¹ Предложение — выражение готовности (намерение + возможность) осуществить то или иное действие говорящим или его совместное действие со слушающим; предположение о возможности осуществления того или иного действия слушающим или третьим лицом (введение одного из вариантов поведения) при типичном (хотя и необязательном) предоставлении говорящим этой возможности и тем самым каузации того или иного действия, осуществление которого зависит от выбора и желания слушающего при возможном участии говорящего или третьего лица (третьих лиц) в принятии решения и варьированности учета интересов слушающего, говорящего или третьего лица [Безяева 2002: 338–339].

² Требование представляет собой «коммуникативный тип целеустановки, под которым мы понимаем выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие (каузировать действие слушающего), которое он должен совершить, что не зависит от его желания» [Безяева 2002: 55].

вершенных последним в отношении автора материала, и дважды «спрашивает совета» относительно своих дальнейших действий.

1. *Возможно, мои письма давно уже воспринимаются как проявление слабости. Мол, мог бы что-то сделать, сделал бы¹. Это заблуждение. Я всегда думаю о последствиях и о тех людях, которые стоят за документами, и прежде чем что-то сделать, считаю целесообразным известить всех заинтересованных лиц, чтобы избежать негативных последствий для всех. В этой связи счел целесообразным, перед тем как принять окончательное решение, проинформировать Вас, а также задать вопрос относительно того как, по Вашему мнению, следует мне поступить.*

2. *Жду Ваш совет как мне правильно поступить.*

Говорящий сообщает о следующих речевых целях, преследуемых им при написании анализируемого письма: а) информирование адресата; б) избегание негативных последствий; в) побуждение адресата к выражению совета.

Иными словами, адресант свои дальнейшие действия ставит в зависимость от действий адресата. То, что говорящий ждет неких действий, а не «совета», выявляется с учетом следующих наблюдений.

1. Адресат, по словам автора текста, совершал небенефактивные для последнего действия (пытался посадить говорящего в тюрьму, взыскать с него деньги, которые говорящий не был должен, ущемлял его интересы как акционера) → для говорящего было бы наивным полагать, что адресат желает ему помочь.

2. Говорящий обладает информацией, касающейся адресата и способной при передаче сотрудникам ФНС, осуществляющим проверку в целях выявления налоговых правонарушений, повлечь негативные для адресата последствия, и способен поделиться информацией с сотрудниками ФНС → говорящий спо-

¹ Ирреальная модальность высказывания, эксплицированная частицей «бы», свидетельствует о несвершении говорящим какого бы то ни было действия, которое адресат, по мнению адресанта, ставит в прямую зависимость от отсутствия возможности осуществить какое-либо действие: *мог бы, сделал бы* → *не сделал = не мог*. Таким образом, говорящий сообщает следующую информацию: *вы ошибаетесь, думая, что я не способен ничего сделать, я могу предоставить имеющуюся у меня информацию сотрудникам ФНС по Новосибирской области; прежде чем осуществить это действие, я сообщаю вам о том, что могу сделать это, но, зная, что это повлечет негативные последствия для вас, жду от вас «предложений», как мне следует поступить.*

собен причинить адресату вред, совершить небенефактивное для последнего действие.

3. Вопрос, который, как видно при учете выявленной имплицитной информации (1–2) задает говорящий, имеет следующий вид: *я, помня, что ты пытался причинить мне вред, спрашиваю у тебя, совершит ли мне то, что причинит вред тебе*. Данная формулировка вскрывает абсурдность анализируемой ситуации при восприятии её как «искренней»: если говорящий не имеет в виду ничего, кроме как «получить совет», а адресат воспринимает полученную информацию как «запрос инструкции», ответ «не сообщай ничего сотрудникам ФНС» очевиден, а письмо становится ненужным. Следовательно, сам факт написания данного письма опровергает декларируемую говорящим речевую цель (побудить адресата дать совет).

Для выявления коммуникативной цели адресанта необходимо принять во внимание следующие сведения, излагаемые им.

1. Между представителями адресата и говорящим проходили встречи и переговоры по урегулированию разногласий, но к соглашению стороны не пришли (*Вынужден констатировать, что проходившие ранее процессы по урегулированию разногласий так и не увенчались каким-либо результатом...*).

2. Адресант выдвигал требования учесть его интересы как миноритарного акционера «Иа и Пух», которые не были удовлетворены (*В результате получается следующая картина, что за свои правомерные требования в адрес мажоритарных акционеров учесть мои интересы, как миноритарного, но все же акционера*).

3. Говорящий считает, что адресат должен компенсировать убытки миноритариев (*Стоило начать активно их отстаивать, так в ответ Ваши структуры объединились не в том, чтобы совместно принять решение кто и как должен компенсировать убытки миноритариев <...>*).

4. Говорящий сообщает о своей способности совершить действия, которые повлекут негативные для адресата последствия (*Возможно, мои письма давно уже воспринимаются как проявление слабости. Мол, мог бы что-то сделать, сделал бы. Это заблуждение...*).

При учете вышеизложенной информации становится ясно, что коммуникативная цель говорящего — побудить адресата действовать желательным для него образом, а не дать совет относительно своих дальнейших действий. Какие именно действия должен предпринять адресат, становится ясно при учете

всей совокупности материалов по делу (разговоров и писем): выкупить пакет акций говорящего по запрашиваемой им цене.

Выводы. Речевое сопровождение акционального действия «дача/получение взятки», «вымогательство», «принуждение к сделке» характеризуется попытками участника / участников коммуникации замаскировать предмет обсуждения, условия взаимодействия и / или свои интенции. Демаскировка предмета обсуждения предполагает выявление лексико-синтаксических маркеров сокрытия информации и последующую дешифровку речевого кода через лексико-семантический и коммуникативно-прагматический анализ. Демаскировка условий взаимодействия и коммуникативной цели говорящего, на наш взгляд, предполагает, во-первых, выход за пределы действий по выявлению речевых целей, во-вторых, учет речевых реакций собеседника, в-третьих, обязательную оценку аранжировки коммуникативного акта с точки зрения соответствия его декларируемой цели.

Точность, корректность и максимальная объективность выводов, к которым приходит эксперт в результате исследования, определяется избранной методологией и детальным рассмотрением имплицитных и эксплицитных показателей в высказывании и коммуникативной ситуации [Булыгина, Лаппо, Трипольская 2008; Трипольская 1991]. Для повышения точности итоговых выводов эксперта кажется возможным использование графических данных — диаграмм, сводных сопоставительных таблиц, блок-схем, отражающих осуществление речевых целей.

В заключение отметим, что исследование подобных кейсов имеет не только прикладной, в том числе методический, но и теоретический смысл, позволяя выявить такие прагматические аспекты как *подготовленность / спонтанность* речевого действия, *направленность / ненаправленность* речевого воздействия и пр. Выявление подобных пропозиций и сложноорганизованных диалогических единств, их классификация и типологический анализ по вышеназванным параметрам (возможно, с применением корпусных методов) определяет перспективу настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. — 2004. № 2. С. 70–79.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Баранов А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста [Электронный ресурс] // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог — 2013». — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf> (дата обращения 10.08.2016).

Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. — М.: Изд. Московского университета, 2002. 751 с.

Булыгина Е. Ю., Лаппо М. А., Трипольская Т. А. Признаки экстремистского текста: квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов // Юрислингвистика. — 2008. № 9. С. 114–126.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: Лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. — М.: Изд-во Индрик, 2005. 1040 с.

Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2008. 207 с.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. 560 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс О. С. «Цены пошли лесом»: метафорическое моделирование представлений о цене в обществе потребления // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. Т. 7. № 2. С. 60–70.

Киосе М. И. О вариативности «указания со снятой наглядностью» текстовых не прямых номинаций // Критика и семиотика. — 2016. № 2. С. 65–82.

Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

Михалева Н. В. Теоретические и методические аспекты судебной экспертизы объектов окружающей среды в целях определения размера ущерба от экологического правонарушения // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. № 2 (42). С. 75–79.

Паршина О. Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте // Rhema. Рема. — 2012. № 3. С. 83–90.

Трипольская Т. А. Высказывания с экспрессивными характеристиками лица (семантика и прагматика) // Семантический и прагматический аспекты высказываний Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирский государственный педагогический университет. — Новосибирск, 1991. С. 107–115.

Allen J. F., Perrot R. Identification of Communicative Intentions in the statement. New in the Foreign Linguistics. — Moscow, 1986. P. 322–363.

Ariani M. G., Sajedi F., Sajedi M. Forensic Linguistics: A Brief Overview of the Key Elements. *Procedia (Social and Behavioral Sciences)*. — Vol. 158. 2014. P. 222–225.

Coulthard M., Johnson A. An introduction to forensic linguistics: language in evidence. *The International Journal of Speech, Language and the Law*. — no 15 (2). 2007. P. 275–280.

Concise Encyclopedia of Pragmatics / Ed. by J. Mey. Amsterdam, Philadelphia. — Elsevier, 1998. 708 p.

Fillmor Ch. Frames and Semantics of Cognition. *New in the Foreign Linguistics*. — Moscow, 1988. P. 52–93.

Stroson P. F. Intention and Convention in the Speech Act. *New in the Foreign Linguistics*. — Moscow, 1986. P. 131–150 (In Russian)/

Trask R. L. *Key Concepts in Language and Linguistics*. — London, New York. Routledge, 1999. 206 p.

УДК 811.1611'42:39

ББК Ш141.12-003+Ш141.12-
51+Ш141.12-006.3

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

В. В. Колесов

Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТЫ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

АННОТАЦИЯ. *Концептуальный анализ текстов, извлеченных из высказываний авторитетных мыслителей, на основе авторской методики описывает соотношение концептов Культура и Цивилизация в русском употреблении. Исследование выявляет подтексты этих высказываний, основанных на «зерне первосмысла» (концептуме), и выражает подлинное представление об этих концептах, которое отличается от официальных («научных») дефиниций. Культура в русском сознании противопоставлена Цивилизации по эквиполентным (равнозначным) признакам, не связаны друг с другом и находятся в непримиримом противоречии как и отношения общества с государством, организма с механизмом, разума с рассудком.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепты, концептосфера, концептуальный анализ, лингвистика текста, языковое сознание, национальное сознание, лингвокультурология.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет.*

Адрес: 199034, Санкт-Петербурга, Университетская наб., 11.

E-mail: prof.Kolesov@gmail.com.

V. V. Kolesov

Saint Petersburg, Russia

THE CONCEPTS CULTURE AND CIVILIZATION IN RUSSIAN MENTALITY

ABSTRACT. *The present study describes the correlation between the concepts of Culture and Civilization in Russian mentality based on the*

authors' original methodology of conceptual analysis of texts extracted from the utterances of distinguished thinkers. The research identifies subtexts in these utterances built on «the grain of archaic meaning» (concepteme), and represents authentic meaning of these concepts different from the official (“scientific”) definitions. In Russian lingual mentality Culture is opposed to Civilization according to equipollent (equal) features; they are not connected and exist in uncompromising controversy, similar to relationships between society and government, organism and mechanism, intellect and mind.

KEYWORDS: *concept, conceptosphere, concept analysis, text linguistics, lingual mentality, national mentality, linguo-culturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg, Russia.*

*Культура — видение Мира.
Оно задается нашим языком
В. В. Налимов*

*Сивилизация — это такое тонкое, нежное вещество,
которое нельзя по произволу бросать в грязь;
грязь от этого не высохнет,
а только даст зловредные испарения
М. Е. Салтыков-Щедрин*

То, что на уровне современного литературного языка явлено как утрата высокого стиля, а в ментальности представлено как движение от Логоса к Рацио (от символа к понятию), то же самое в культуре предстаёт как изменение стиля жизни и типа мышления. «Стиль жизни» (в терминологическом значении, данном Д. С. Лихачевым) изменяется в центробежном отчуждении от традиционной культуры и проявляется в дроблении творческих усилий. Тип мышления характеризуется затуханием творчески-поэтического и ослаблением логического мышления в пользу мышления риторического как *основной формы коммуникативного действия в языке.*

Именно это мы и переживаем сегодня.

Мы живем в режиме риторического мышления, потому что во главу угла поставили одну единственную функцию языка и признаем ее за главную — коммуникативную: накопление информации для нас важнее постижения нового в пределах основной функции языка — «речемыслительной», когнитивной. *Убедить, а не доказать* — вот основная установка современного общения, возможно, потому, что и доказывать-то нечего, и доказать невозможно. Отсутствует единство информационного поля (в образной системе представлений) и цельность мировосприятия, которое дается в символической структуре слова родного, *материнского*, языка.

В результате, в современной речи мы находим всё время возобновляющиеся, увеличивающиеся в числе различные *риторические* фигуры и особенно тропы: плеоназмы типа *авторитет престижа, кредит доверия, памятный сувенир*; оксюмороны типа *цивилизованное общество, горячие головы*; гиперболы типа *огромный труд, блестящая работа*, литоты с преуменьшением качества, обычно направленные в сторону политического противника; метонимии и синекдохи с постоянным смещением смысла от части к целому и наоборот — на каждом шагу. Особенно распространены метафоры (которые стали важной темой когнитивистики), и не просто оценочные, каких немало, вроде *угрызение совести*, но и целые метафорические штампы, которых все больше в штампованной речи публичных ораторов: *идет дождь.., план.., работа.., процесс пошел или работает человек.., идея.., мысль.., туалет...* Возможность такого «настругивания» штампованных *якобы* метафор определяется семантическим содержанием культурного (литературного) языка, богатого символами. Любой глагол в принципе может стать основой для воспроизведения серии подобных «метафор», например, *пьёт... берёт... гуляет...*

«Затухание» и «ослабление» образного мышления и состоит в том, что отсутствует творческий компонент речи, направленный плодоносящей мыслью в образах и символах.

С изменением стиля мышления изменяется и ритм речи, и произношение слов, и даже синтаксис. Специалисты отметили, что классический русский синтаксис, «синтагматически определенный и ясный», представленный, например, в текстах Пушкина или Тургенева, начиная с конца прошлого века, сначала считался «актуализированным», для которого характерно выделение в высказывании особенно значимых слов (например, в текстах Досто-

евского или Андрея Белого), а теперь совершенно определенно направлен на развитие парцеллированных конструкций с рваными краями, обрубленными членами предложения, смещающий перспективу высказывания (разрушаются сложные предложения) и т.п. Наглядно видно, как устремленный к логике, логически ясный синтаксис классиков сменяется неопределенностью субъективной оценки современных авторов, которая и нуждается в оформлении чисто риторическими фигурами речи.

Поэтический тип мышления создавал новые символы народной культуры, обрабатывая образы национальной содержательности и тем самым обогащая *содержания* понятий (что и представлено в толковых словарях): литературный язык прошел этот путь в XVIII–XIX вв., дав синтез идеальных художественных форм. В результате, этот ментальный цикл — от образа через символ к понятию — развил логический тип мышления, который активно разрабатывался до середины XX века и привел к развитию и уточнению *объема* каждого понятия (что и представлено в энциклопедических словарях). Развитие научного знания подвело к обобщению его результатов в философии, и русские философы осмыслили и обобщили этот этап развития русской культуры в первой половине XX века.

Так литературный язык выработал все возможные в языке и в логических категориях содержательные формы слова, а именно *образные, понятийные и символические их значения*. В основе современных типов мышления лежит, как и во всякой культуре, символ. Однако понимание символа возможно только посредством понятия, но тут и происходит подмена, поскольку символ *понять* невозможно, он должен быть *истолкован*. По-видимому, в этом содержатся ошибочные суждения западных русистов, которые пытаются русские символы *понять* рассудочным понятием.

В общепринятом представлении культура триипостасна: это — совокупность достижений человеческого общества, чем культура противопоставлена независимой от воли человека природе (материальная сторона цивилизации — *вещь*); это — уровень, степень развития человеческого общества, способного к созданию ценностей, и тем она противопоставлена культу (идеальная сторона культуры, т.е. *идея*); это — способ организации и развития человеческой деятельности, т.е. создание норм и правил действий, согласованных в слове (духовная сторона культуры — *символ*). Специфически русским представлением о культуре является второе, но основанное на третьем.

Создание духовных ценностей на основе культурных символов, а не противостояние культуры природе, потому что у нас природа также входит в состав культуры. Это понимание культуры отличается от представлений западноевропейских народов, в языках которых понятие о культурном сохраняет исходный смысл латинского слова: *культурный* — окультуренный, приспособленный к действию в социальной среде, которая направлена на преобразование природы методом насильственных действий.

Если собрать воедино высказывания русских мыслителей о нашем понимании культуры, получится спелующее обобщенное суждение:

Культура триединая как традиция, как система ценностей, как модель общественного поведения.

При всех различиях толкования, отечественные философы одинаково исходят из слова как символически заряженного знака: у Семена Франка подход во *временной* перспективе, он говорил о соотношении духовной культуры как *культы* и культуры материальной; у Павла Флоренского подход в *пространственной* перспективе, он говорил о совмещении мышления, моделей действительности и о «технике» как материальной культуре в сфере языка, объединяющего человечество; Георгий Федотов говорил о творческой стороне культуры, представляя её в её развитии, т.е. *исторически*. Во всех случаях культура противопоставлена цивилизации как воплощению западноевропейского понимания культурности. Культура восходит к культу, т.е. отражает в себе духовную ипостась человеческих ценностей; цивилизация определяется степенью государственно-правового регулирования, т.е. отражает телесно-вещную сторону человеческих ценностей. Предпочтение того или иного термина — *культура* или *цивилизация* — определяется идеологической установкой авторов: в первом случае ориентация на германскую традицию, во втором — на французскую. Это определяется тем, из какого языка получен термин. Важно главное различие: если культура есть совокупность достижений человеческого *общества*, то цивилизация в своем составе имеет *государственное* основание. Общественная культура противопоставлена государственной цивилизации.

Противопоставление идет по признакам различения. Культура находится в оппозиции к цивилизации по признакам *внутреннее — внешнее, религиозно-духовное — материальное, Логос — Рацио, символизм — прагматизм, индивидуальное — социальное, цель — средство, идеал — модель (схема)* и

т.д. Это не современный тип *привативной* оппозиции, как полагают сторонники каждой из этих позиций (что дает им возможность осуждать противоположную точку зрения как немаркированную), а *эквивалентная* (равнозначная) оппозиция, в которой каждая сторона обладает собственным набором различительных признаков. В этом — корень всех современных политических заблуждений. «Русская культура, — писал Василий Розанов, — это покров русского духа. Нас закраивал совершенно иной портной, чем француза или немца».

Таково понимание культуры в интеллигентских кругах. Народное представление о культуре отличается некоторыми особенностями. Для русского народа культура предстает как нечто *искусственное*, противоположное органическому естеству природного, как *внешняя* в отношении простого человека, как *неподлинная* и потому не до конца приемлемая, как реалистично окрашенная и потому в своей духовной сущности весьма *одномерная*, как нечто *усредненное* в ценностях и в нормах, а потому и навязываемое извне. Это именно исходное, «этимологическое» представление о культуре, оно не отошло еще от «природности» самого термина *культура*. Философы расширили понимание культуры, используя опыт европейской рефлексии на эту тему, и дали *понятие* о культуре, заменив тем самым *символ* культуры, присущий народному сознанию. Подобное несовпадение символических и понятийных толкований концепта Культура приводит к известным издержкам в использовании самого языка. Различие в формах «языковой компетенции» требует не риторической только, но и логически обоснованной формы влияния на *народные массы* (еще один плеоназм современной публицистики).

Чтобы подойти к решению этой проблемы, следует сначала оценить все существующие суждения о тех же самых составах концепта Культура в его противопоставленности концепту Цивилизация. Задача настоящей статьи состоит в уточнении смысла указанных концептов посредством представления определений, данных в авторитетных русских текстах. Пользуемся методикой описания, изложенной в книге [Колесов 2012]. Сначала даются *тексты*, в составе которых определяются *предикаты*, в точности соответствующие *предметным значениям* ключевых слов, и на их основе устанавливаются *денотаты*, в единстве предметного значения слова и объема понятия (лингвистического и логического). Затем выстраивается *семантическая константа*, которая в *постоянстве* своих связей представляет каузальную связь «четырёх при-

чин» Аристотеля (категория Причинность), а именно основание (с ответом на вопрос *что* это?), условие (*как* это?), собственно логическая причина (*почему* это?) и конечная причина — цель (*зачем* это?). В результате создается новый текст, вбирающий в себя все смыслы исходных высказываний в их *подсознательном* выражении. Наряду с денотатами возможно определение *десигнатов* — в единстве *словесного значения* слова и содержания понятия (обычно выражается именем прилагательным). Тут возможны разные признаки: типичные составляют сущность словесного значения (*белый свет*), глубинные — приписываются концепту как естественные (*белый мел*), интенсивные выражают внешние степени выражения, которые образно включаются в символ (*белое братство*). Соединением десигнатов и денотатов, полученных в результате описания, возможно конструирование новых понятий (именно таким образом «сочиняются» заголовки газетных статей). В отличие от органичности семантических констант, подобные *образные понятия* субъективны и носят случайный характер.

Концептуальный анализ текста позволяет проникнуть в *глубинные* основания ментальности, в веках сохранные славянским словом. При составлении текстов в действие вступает не только *мысль* автора, но и *смысл* того *слова*, которым этот автор оформляет свою мысль. Возникает динамическое натяжение между мыслью (*идеей*) и словом (*знаком*), столь важное для русского человека, который генетически исповедует философский реализм. Поверхностный план высказывания, т.е. заложенная в тексте мысль, понятен, тогда как внутренний, заветный смысл слова скрывается в ворохе других слов. Единственная возможность установить исходный смысл высказывания, о котором авторы, скорее всего, и не подозревали, состоит в том, чтобы собрать несколько самых разных предложений и, независимо от их авторства, рассмотреть их *в перспективе ключевого слова, выражающего искомый концепт*.

Культура

Латинский термин *cultura* заимствован из немецкого языка (*die Kultur*). Некоторые значения перешли как из латинского, так и из немецкого, в последнем также много остатков латинского влияния, например, значения 'разведение' и 'культура растений'. Все значения латинского слова остались в русском употреблении, ср. 'возделывание, обрабатывание' как 'уровень развития определенной области хозяйства', 'земледелие' как 'культивирование растений', 'воспитание, образование, развитие' как 'про-

свещение, образование', 'образ жизни' как 'условия жизни', 'поклонение, почитание' как *культ*. Исходное значение слова *культура* 'совокупность достижений человеческого общества во всех видах деятельности' принято из немецкого языка, это самое отвлеченное значение, которого не было в латинском обиходе. В русском языке «первые случаи употребления падают на 40-е гг. [XIX в.], распространение получает с 60-70-х гг. в двух значениях, отмеченных уже у Даля в 1863 г.» [Сорокин 1965: 94]. У таких авторов, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев это слово не встречается, а у других используется главным образом в значениях 'возделывание' и 'образование', что указывает на источник заимствования: латинский язык. Между прочим, поначалу использовались только имя прилагательное *культурный* (у Белинского), имя существительное *культуривование* и глагол *культивировать*. Всё это указывает на то, что концептуально слово *культура* еще не вошло в число русских, поскольку не было понятийного значения 'совокупность достижений общества...' Это случилось в начале XX века.

Предикаты устанавливаем на основании следующих текстов:

«Культура» — осадок этики и знания (Олсуфьев). — Дело всех — цивилизация, а дело избранных — культура... Сегодня вся энергия направлена вовне. Это и есть переход культуры в цивилизацию... Единство в разнообразии — критерий совершенной красоты культур. Вторжение масс видоизменяет культуру сверху донизу, понижает ее качество и ведет к кризису духовности (Бердяев). — Культура — не последнее, культура — предпоследнее... Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его... Культура символична по своей природе... Культура немислима без иерархической преемственности, без качественного первенства... Культура раскрывается сверху вниз... В культуре всегда действовало два начала — классическое и романтическое, и в разные эпохи преобладало то одно, то другое и создавало преобладающий стиль эпохи... Культура — благородного происхождения. Ей передан иерархический характер культуры... Культура и цивилизация — не одно и то же; вы хотите цивилизации, а не культуры... Культура по-своему стремится утвердить вечность (Франк). — Культура — где-то в эре кайнозойской, когда началась аннигиляция природы... Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культуры — культ разумения, слова —

воплощение разума (Г. Шпет). — Ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системой принуждений... Культура — культ предков, и, конечно, — она смутно сознает это даже теперь, — воскрешение отцов (Вяч. Иванов). — Культурный человек вообще есть личность, в значительной степени пользующаяся досугом, имеющая более или менее отчетливые представления о комфорте и жизненных удобствах, охотно делающая экскурсии в область эстетики и спекулятивного мышления, но очень редко обладающая прикладными знаниями (Салтыков-Щедрин). — Слово *культура*, как и слово *цивилизация*, появляется уже в эпоху Возрождения. Со времен Вильгельма Гумбольдта оба понятия, употреблявшиеся довольно безразлично, несколько дифференцировались (Милюков). — Воспользовавшись метким словом Достоевского, скажем про этих людей: *Докультурились!* (Флоренский). — Нам не хватает культуры и дисциплины ... — Культура никогда, даже в самые революционные моменты не бывает несущественной мелочью (Струве). — Это не культура уже, а *цивилизация*. Многие путают эти слова. Но нет ничего враждебнее культуре, чем цивилизация. Цивилизация есть *изнанка* культуры. Культура, как дело богов, не может быть пищей, пригодной для большинства. *Vulgus profanum* может жить всегда лишь готовым. А культура всегда есть не готовое, а завоеванное. Культурой как творчеством можно лишь заражать. И те, кто, заразившись, сами окрылились творческим порывом, культуре приобщаются. Цивилизация передается *механически*. Ею не заражаются — ее внушают. Цивилизация есть *овеществленный рационализм* (Эрн). — Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, — он творит культуру... Рядом с миром «естественным» создается мир искусственный, творение человека, и этот мир новых сил и новых ценностей увеличивается от поколения к поколению (С.Булгаков). — Смена языка — всегда изменение культуры... Культура является *терапией* сознания. Она успокаивает мятушуюся душа человека... Иногда говорят, что западную культуру можно было бы назвать культурой Гёте, хотя, может быть, больше оснований есть для того, чтобы назвать ее культурой Ягве (В. Налимов). — Культура — явление элитарное. Его носителем является творческое меньшинство, которое, будучи частью народа, в то же время несет основное бремя ответственности за его судьбу. Культурные меньшинства играют

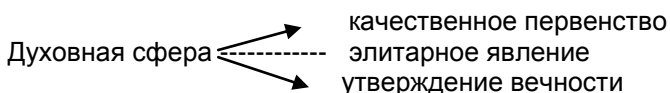
ключевую роль в обеспечении жизнеспособности общества и государства. Растворение этого меньшинства в народной массе, как правило, означает гибель цивилизации. (АН 09.35). — Мандельштам говорил: «Цивилизация выдумала культуру» (Гинзбург). — Цивилизация и культура — взятые внутрь творческой личности означают следующее: культура — это связь между людьми в их творчестве, цивилизация — это сила вещей. ... Культура — это связь людей в пространстве и времени. Культура наша обращена к человеку: люби ближнего как самого себя... Самый культурный человек — в понимании культуры как связи между людьми (Пришвин).

Культура — это еще и основа самосознания, без культуры человек управляем, с ним можно делать все, что угодно (СПб вед. 09. 110 — М.Кураев). — Культура сегодня — это политика (СПб Ведомости 2007, 226). — Культура — это система запретов. Механизм системы запретов мы передаем в памяти поколений. Культура — то же самое, что хороший вкус (СПб вед. 29.04.09). — Если культура становится самокупаемой, она перестает быть культурой, и это мы наблюдаем на всем пространстве культуры ежедневно (СПб вед. 08, 53). — Цивилизация и культура — не одно и то же. Цивилизация строится на приоритете прав, культура — обязанностей (Известия 08, 218).

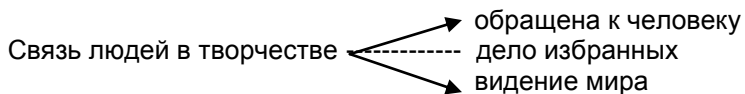
Описанные тексты позволяют выделить следующие денотаты:

- 1) Основания — *что?* Связь людей в пространстве и времени, связь между людьми в творчестве, неотвратимый путь человечества, основа самосознания, духовная сфера, система запретов, система принуждения;
- 2) Условия — *как?* Символика качественных первенств, иерархический характер, обращена к человеку, ответственность, иерархический характер;
- 3) Причины — *почему?* Дело избранных, дело богов, элитарное явление, внутренняя энергия, терапия сознания, раскрывается сверху вниз, аннигиляция природы, строится на признаках обязанности, ею заражаются.
- 4) Цели — *для чего?* Осадок этики и знания, культ разумения, утверждение вечности, видение мира, создает новый мир.

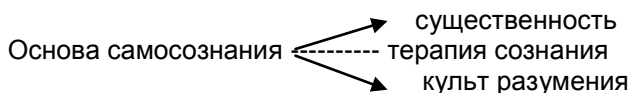
Возможные семантические константы:

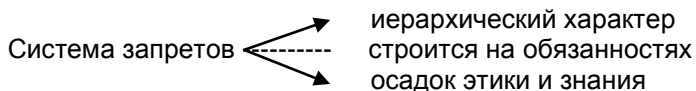
Читается: Культура — это *духовная сфера качественных первенств, элитарное явление утверждения вечности.*

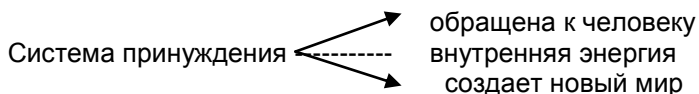
Читается: Культура — это *связь людей в творчестве, обращенном к человеку, как видение мира избранных(-ми).*

Читается: Культура — это *основа самосознания как суть (существенность) терапии сознания, (действующей) ради культа разумения.*

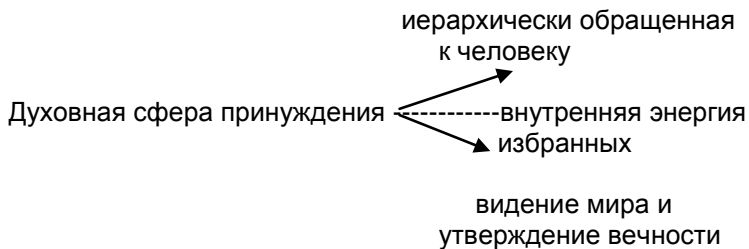

Читается: Культура — это *система запретов иерархического характера, которая строится на обязанностях на основе этики и знания.*

Читается: Культура — это *система принуждения, обращенная к человеку, внутренней энергией создающая новый мир.*

Несмотря на различие словесных масс, создающих единство высказывания, на разницу в значениях, *смысл концепта* выявляется отчетливо, он может быть представлен в следующем инварианте:

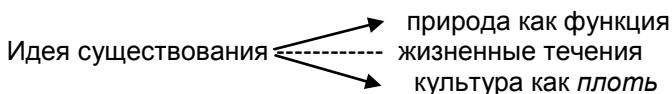
Читается: *Культура — это духовная сфера принуждения, иерархически обращенная к человеку, внутренней энергией избранных формирующая видение мира в утверждении вечности.*

В отличие от этого, западноевропейские представления о культуре можно изложить на основе суждений отдельных авторов.

Освальд Шпенглер предлагал следующие тексты [Шпенглер 1993]:

Я различаю возможную и действительную культуру, т.е. культуру как *идею* — *общего или единичного — существования* и культуру как *плоть* этой идеи... *Природа — это функция соответствующей культуры...* Глубинными значениями обладают лишь жизненные течения отдельных культур... Феномен других культур говорит на другом языке... Людовик Капет в 1792 г. казнен — культура перешла в цивилизацию.

Возможная семантическая константа:

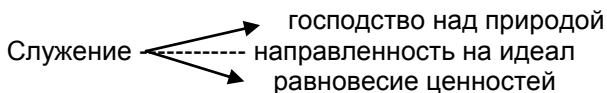

Читается: *Культура — это идея существования природных жизненных течений, (действующих) ради ее оплотнения (проявления).*

Й. Хёйзинга: поскольку «культура должна быть метафизически ориентированной, либо ее нет вообще» [Хёйзинга 1993: 258], устанавливаются основные условия культуры: 1) известное равновесие духовных и материальных ценностей; 2) всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направлен-

ность, а именно на *идеал...*; 3) культура означает господство над природой; 4) ни одна истинная культура не может обойтись без понятия *служения*.

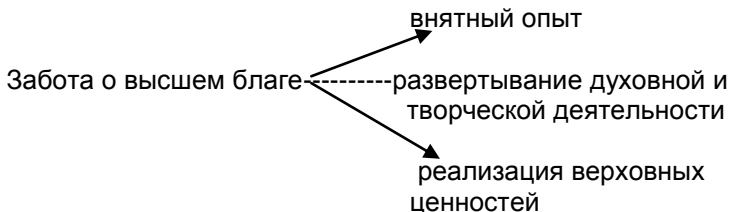
Возможная семантическая константа:

Читается: Культура — это *служение господству над природой, направленное на идеал равновесия ценностей*.

У Мартина Хайдеггера по разным работам можно выявить множество определений «образа культуры»; к их числу относятся следующие денотаты:

1) основания (что?) светозарный свет, метафизична, забота о высшем благе, 2) условия (как?) неизменные слово и голос, внятный опыт, 3) причины (почему?) человеческая деятельность, развертывание духовной и творческой деятельности, выявление сокрытого, 4) цели (зачем?) реализация верховных ценностей, объединяет в единое бытие истины.

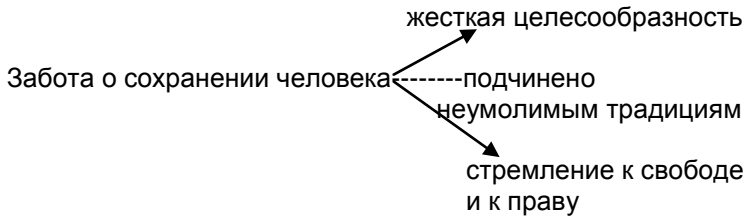
Читается: Культура — это *забота о высшем благе, во внятном опыте развертывая творческую деятельность ради реализации верховных ценностей*.

Карл Ясперс [Ясперс 1991] показывает культуру в развитии:

1) *забота о сохранении самой природы человека*; 2) *охватывает лишь узкую полосу всей земной поверхности...* с плодородной почвой — господствующий тип жизни — жесткая целесообразность, биологическое развитие создает наследуе-

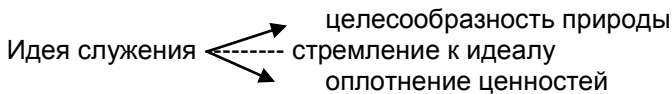
мые свойства, историческое развитие — только передачу опыта;
 3) возникает в «косвое время» — новое около 1500 г. — слишком сильно теперь все подчинено власти неумолимых традиций;
 4) цель — стремление к свободе и к праву.

Возможная семантическая константа:

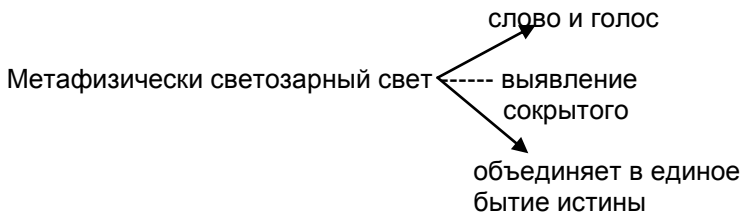

Читается: Культура — это *забота о сохранении человека в жесткой целесообразности подчинения неумолимым традициям ради стремления к свободе и к праву.*

Инварианты в целом совпадающих определений русских авторов; в соответствии с идеологией русского реализма, обязательно различающего «вещь и её «идею», их два:

Читается: Культура есть *идея служения природе как стремление к идеалу в целях оплотнения (проявления) духовных ценностей.*

Читается: Культура — это *метафизически светозарный свет, словом и голосом выявляющий сокрытое единое бытие истины.*

В определениях Хайдеггера проявляются два концепта, особенно дорогие для его философствования: Забота и Слово. Все представленные определения совпадают в своих причинах и целях, по-разному выраженных словесно, но различаются в основаниях и условиях как *заданных* наблюдателем.

В сравнении с русскими представлениями совпадает только основание: в обоих случаях речь идет о духовных и творческих силах, но у русских как идеальных, а на Западе как деятельных. В остальном наблюдаются различия: *принуждение — служение, энергия избранных — энергия идеи, видение мира — господство над природой* и т.п.

Цивилизация

Слово *цивилизация* — от латинского *civilis* ‘гражданский’, ‘государственный’, ‘вежливый’ через французское *civilisation* ‘цивилизация’ от *civil* с теми же значениями, которые присутствуют в латинском, с добавлением ‘штатский’. Идея учтивости, вежливости постоянно сопровождает значения этого корня, во французском языке обрастая новыми суффиксами. Таким образом, заимствование слова из французского в XVIII веке сразу же получило все права концептуального значения, поскольку значение понятийное уже присутствовало и подавляло все остальные возможные содержательные формы концепта. Слово стало термином и уже в 1863 г. было включено В. И. Далем в «Толковый словарь живого великорусского языка». «Слово *цивилизация* весьма многозначно... Это слово введено в употребление в XVIII в. сначала во французской, а несколько позже в английской литературе. Тогда оно обозначало *общий уровень культурного развития*. Но сравнительно быстро слово перешло из бытового употребления в область теории, где по смыслу сблизилось с понятием *культура*. В начале XIX в. слово *цивилизация* все чаще употребляется по отношению к крупным эпохам и целым народам как *обозначение всего, что создано человеком*... России навязана смена *цивилизации*, в рамках которой страна существовала на протяжении сотен лет, что изначально означает *невозможность* крутых перемен» [Бороноев, Смирнов 1992].

Рассмотрим предикаты на основании случайно выбранных контекстов:

1) Цивилизация — это сила вещей... происходит сейчас великое расширение культурной поверхности, т.е. цивили-

зации... Цивилизация несет нам завет свой: люби и тем познай материальную вещь, как самого себя (Пришвин). — Нет ничего враждебнее культуре, чем цивилизация. Цивилизация есть *изнанка* культуры... Цивилизация есть *овеществленный рационализм* (Эрн). — Под «цивилизацией» они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы (Н. Трубецкой). — В общекультурном плане западный тип устремлен к успехам цивилизации как сферы материальной, восточный же — к культуре как области духовного (В. Непомнящий). — Далее это система материальных артефактов, культурных достижений, которые развивают человека и укрепляют его власть над миром и над самим собой (Холмогоров). — Под термином цивилизация в начале XX в. понимались механические знания (не только технические), не формирующие этнопсихологический склад (*mentalitet*) (Л. Гумилев). — Правда, я говорю о культуре, а не о цивилизации, о Слове о полку Игореве, а не о позолоченном унитазе (Свиридов).

2) Россия соединила воедино три цивилизации — лесную, земледельческую и степную (Кара-Мурза). — Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота (Н. Данилевский). — ...Цивилизация — это захваченная родовой силой сила отличий (Пришвин). Давно и искренно желали мы выразуметь, что именно подразумевается под словом *цивилизация*, так недавно вошедшем у нас в моду... и почти совершенно вытеснившим из употребления слово *просвещение*. По-видимому, оба выражают одно и то же... понятие... Не оттого ли и понадобилось нам слово *цивилизация*, что мы сохранили какое-то бессознательное уважение к слову *просвещение*? (Самарин). — Русская цивилизация отчасти является альтернативной по отношению к западной. Но нашу альтернативность пытаются выдать за нашу антагонистичность или враждебность (Изв. 2009, 55). — Цивилизация строится на приоритете прав, культура — обязанностей (А. Кончаловский). — Цивилизация... это прежде всего структура управления человеческими аффектами, человеческим поведением, умение вести себя и правильно поступать (Холмогоров). — Цивилизации отличаются друг от друга прежде всего системами ценностей. Они должны реально жить в соответствии с тем ценностями, которые делают их уникальными (СПб вед 2008, 8).

3) Дело всех — цивилизация, а дело избранных — культура... Сегодня вся энергия направлена вовне. Это и есть переход культуры в цивилизацию (Бердяев). — С развитием «цивилизации» ценность человеческой жизни явно понижается (Горький). — Пробуждая в себе дремлющие силы, он пробуждает их в природе (С. Булгаков). — Цивилизация передается *механически*. Ею не заражаются — ее внушают (Эрн). — Губителями цивилизаций оказываются два класса людей — воины и купцы, вовлекающие народы в две роковые ошибки: систематизированную войну и в изнурительное развитие торгового паразитизма ... Везде и всегда цивилизации гибнут оттого, что плоды их растут и зреют для немногих (Писарев) — Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней — наука (Пришвин). — Вся история русско-европейского (в этнологическом смысле) контакта за тысячу лет сводится к проникновению «цивилизации» в «культуру» (Л. Гумилев) — Во французском понимании цивилизации важен такой аспект как процессуальность, цивилизация это не застывший результат, а процесс приобретения определенных свойств (Холмогоров).

4) Цивилизация есть последний этап испытаний человеческой свободы (Бердяев). Путь «от варварства к цивилизации», человеческая история, есть борьба за расширение сознания жизни (С. Булгаков). — Цивилизация есть «завершение и исход» культуры (Шпет). — Ошибочно вообще представление о том, что цивилизация неизбежно влечет за собой падение нравов (В. Аксенов). — *Цивилизация — это продукт масштабного воплощения упорядочивающих энергий народа в развитой... структуре* (Дугин). — Похоже, что цивилизация в итоге загубит человечество. Все эти эсэмэски, блоги, нанотехнологии, коллаидеры, всё дальше и дальше — и уже остается всё меньше души. То есть того, ради чего действительно стоит жить (М. Боярский — АиФ 2010. 38).

Таким образом, определяются следующие денотаты:

1) *Основания — что?* Сила вещей, материальная вещь, система материальных артефактов, позолоченный унитаз, изнанка культуры, вещественный рационализм, материальная сфера, механические знания, власть над миром, типы человеческого сообщества.

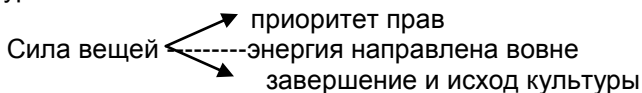
2) *Условия — как?* Структура управления человеческим поведением, сила отличий, замена просвещения, приори-

тет прав, расширение культурной поверхности, смена системы ценностей.

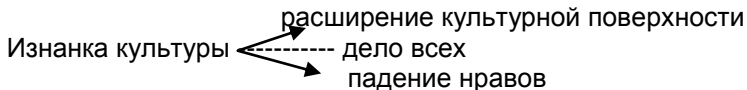
3) *Причины — почему?* Дело всех, энергия вовне, проникновение в культуру, ценность жизни понижается, передается механически, ее внушают, гибнут от неравноправия, стремление к счастью, процесс приобретения уникальных свойств.

4) *Цели — зачем?* Последний этап испытаний свободы, борьба за расширение сознания жизни, «завершение и исход» культуры, влечет падение нравов, воплощение упорядочивающих энергий народа, загубит человечество.

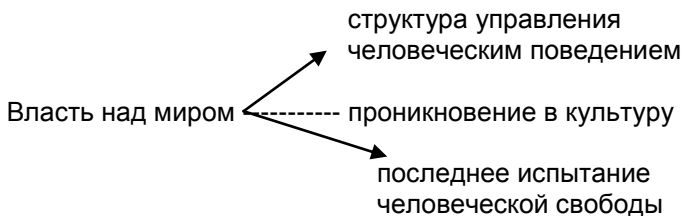
Возможные семантические константы разного стилистического уровня:

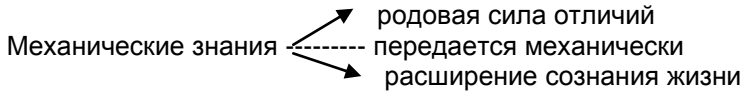
Читается: Цивилизация — это *сила вещей с приоритетом прав (а не обязанностей) с направленной вовне энергией ради разрушения культуры.*

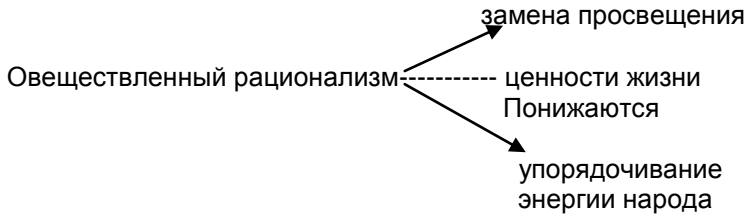
Читается: Цивилизация — это *изнанка культуры в результате расширения культурной поверхности как дело всех и связана с падением нравов.*

Читается: Цивилизация — это *власть над миром посредством управления человеческим поведением с проникновением в культуру — последнее испытание человеческой свободы.*

Читается: Цивилизация — это (расцвет) *механических знаний в системе отличий (различий), которые передаются механически ради расширения (о)сознания жизни.*

Читается: Цивилизация — это *овеществленный рационализм как замена просвещения с понижением ценностей жизни ради упорядочивания энергии народа.*

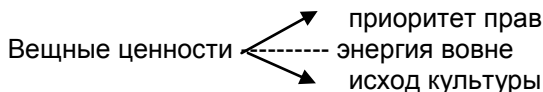
Читается: Цивилизация — это *поклонение золоченому унитазу как смена системы ценностей — процесс приобретения уникальных различий, который загубит человечество.*

Таким образом, в сознании складываются «паззлы» подсознательных реакций в понимании сущности концепта Цивилизация. Это — перевод Текстов в Дискурсы моментального действия, образно представляющих внутреннее *понимание* концептов. Всё это — лишь частичное и каждый раз субъективное представление о концепте (словесно выраженного по-разному), который действительно воздействует на сознание своим *концептумом* — зерном первосмысла: *государственная* сила давления, механически, *вещно*, перемалывающая энергию народа в организации порядка. Это основная черта *народных* представлений о всяком концепте:

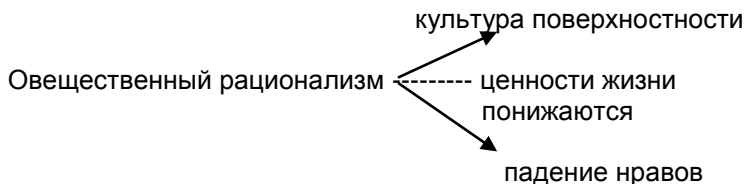
концепт воспринимается в моральном ключе, нравственная составляющая важна. В отличие от этого, *официальная* («научная») дефиниция выделяется подчеркнуто объективистским содержанием, избегая оценочных характеристик.

Так, «Философский словарь» [Философский словарь 1983: 765–766, 292–295] *цивилизацию* понимает как синоним *культуры* или в узком смысле как обозначение только материальной культуры, как «ступень общественного развития, следующая за варварством», и вообще как «уровень общественного развития». *Культура* здесь понимается как 1) способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, основанной 2) на продуктах материального и духовного труда в системе социальных норм, 3) как прогрессивное развитие способности человека передавать свой опыт 4) для выработки особенностей поведения, сознания и деятельности людей. Все четыре состава семантической константы налицо и органично следуют один из другого в рациональном порядке.

Возможные инварианты рассмотренных суждений русских авторов также представим в двух вариантах: от *вещи* и от *сознания*:

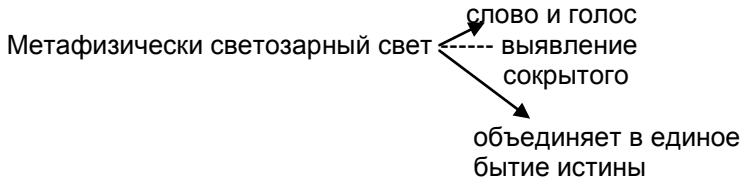

Читается: *Цивилизация вещных ценностей с приоритетом прав (над обязанностями) с энергией, обращенной вовне в целях разрушения культуры.*

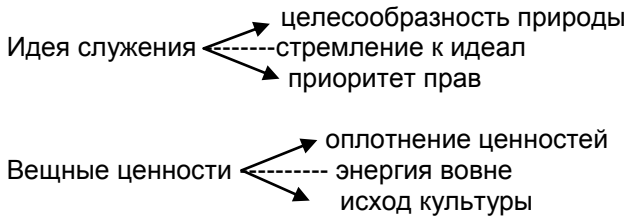

Читается: *Цивилизация — это овещественный рационализм с культурой поверхности, в результате чего ценности жизни понижаются с падением нравов.*

Ср. с представлением концепта *Культура*, который в своем инварианте понимается как положительная сущность:

В сравнении «вещных» ипостасей Культуры и Цивилизации несоединимые противоположности также выразительны (см. развертки чтения):

Сравним русское представление о концепте с западноевропейским (выбраны только содержательные тексты):

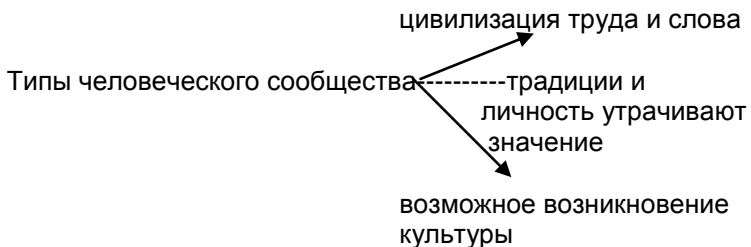
1) Цивилизации есть определенные типы человеческих сообществ, вызывающих определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев — словом, в области культуры (А. Тойнби).

2) Любая человеческая цивилизация должна быть одновременно цивилизацией труда. И цивилизацией слова (Рикёр).

3) Цивилизация означает такую ступень культуры, на которой традиция и личность утратили свое непосредственное значение (Шпенглер).

4) Может, когда-то из этой цивилизации возникнет культура (Витгенштейн).

Возможная семантическая константа:

Читается: Цивилизация представляет *различные типы человеческого сообщества по общности труда и слова (языка), в которых традиции и личность утратили свое значение, но, возможно, создадут свою культуру.*

В отличие от русского представления о враждебной противоположности Цивилизации и Культуре, здесь Цивилизация понимается как высшая ступень Культуры в русле концептуализма (союз «труда» и «слова» как замены знака и вещи в семантическом треугольнике выдает концептуалиста), хотя тоска по культуре снимает крайности западноевропейской мысли: возможно, она еще вернется. Поклонение Личности препятствует полному согласию с победой Цивилизации.

Для большей ясности противопоставлений еще раз приведем все высказывания, в которых слова *культура* и *цивилизация* употреблены рядом:

Дело всех — цивилизация, а дело избранных — культура (Бердяев) — Цивилизация и культура, взятые внутрь творческой личности, означают следующее: культура — это связь между людьми в их творчестве, цивилизация — это сила вещей (М. Пришвин). — Мандельштам говорил: «Цивилизация выдумала культуру» (Гинзбург). — Цивилизация и культура — не одно и то же. Цивилизация строится на приоритете прав, культура — обязанностей (А. Кончаловский). — Вы хотите цивилизации, а не культуры (Франк). — Это не культура уже, а *цивилизация*. Многие путают эти слова. Но нет ничего враждебнее культуре, чем цивилизация. Цивилизация есть *изнанка* культуры (Эрн). — Цивилизация есть «завершение и исход» культуры (Шпет).

Расхождение между концептами Культура и Цивилизация определяется смыслом исходных *концептумов*. Культура как *cultus* 'попечение, забота', 'образ жизни', 'почитание, поклонение' при Цивилизация как *civis* 'гражданин, подданный' связаны с представлением о высоком *почитании*, между прочим, и общества с *подчинением* государственной власти и порядку. Историческая противоположность общества и государства наложила свой отпечаток на производные слова, служащие для выражения концептов Культура и Цивилизация, — несмотря на заимствованный характер терминов, на их исходную многозначность,

на исторические изменения слов как в языках-источниках, так и в русском языке. *Концептум* как зерно первосмысла устойчив во времени и пространстве и «держит» *единство* концепта несмотря на частые смены его содержательных форм (образа, понятия и символа). Культ связан с духовной деятельностью, и падение культа привело к усреднению «процессов жизнедеятельности» с переходом их к механическим действиям. Культура — *организм*, Цивилизация — *механизм*. Философы XX века (Бердяев, Хайдеггер и др.) описали иссушающие силу Цивилизации, смысл которой русские мыслители видели еще при первых ее явлениях (см. высказывание Салтыкова-Щедрина в эпиграфе). Реальное давление условий жизни, «развитие прогресса», привело к опусканию Культуры до уровня Цивилизации, равно как и общества — до государственности, разума — до рассудка, совести — до сознания (*сознательность*).

ЛИТЕРАТУРА

- Колесов В. В. Концептология. — СПб: СПбГУ, 2012.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 50-90 годы XIX века. — М.-Л.: Наука, 1965.
- Философский энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1963.
- Хёйзинга Й *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. — М.: Прогресс-Академия, 1993.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т.1-2. — М.: Мысль, 1993, 1998.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат 1991.

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург, Россия

**ТЕРМИН ДИСКУРС И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ
В МЕТАЯЗЫКЕ НАУКИ:
ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема, которая имеет отношение к образовательному циклу дисциплин гуманитарно-лингвистической подготовки. Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова дискурс как инструмента тематического описания поля массмедиа. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, дефиниции, терминология, медиалингвистика, метаязыки, язык науки, лингвистическое образование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Краснова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9. E-mail: taikrasnova@yandex.ru.

T. I. Krasnova
Saint Petersburg, Russia

**THE TERM *DISCOURSE* AND ITS PLACE
IN THE METALANGUAGE OF SCIENCE:
COGNITIVE-EDUCATIONAL ASPECT**

ABSTRACT. The article describes a problem which refers to the educational cycle of disciplines of humanities and language training. There is a gap between terminological and mechanical use of the word discourse as a tool of thematic description field in mass media. Definitions of discourse should be clear and easy to understand; interpretations should be convincing.

KEYWORDS: *discourse, definition, terminology, media linguistics, met-
alanguage, language of science, linguistic education.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasnova Tat'yana Ivanovna, Doctor of Phi-
lology, Associate Professor of Department of Speech Communica-
tion, Saint Petersburg State University, Institute «Higher School of
Journalism and Mass Communication».*

Сейчас многие лингвисты в России и за рубежом едино-
душно отмечают малопримемое, неудобное для самих ученых
положение термина «дискурс» в современных исследованиях.
Наименование, примечательное своей емкостью и открытостью
понятийных границ, оказалось в металингвистике на положении
«модного» слова — слова многозначного, которое непрерывно
тиражируется и как будто бы не нуждается уже в пояснениях.

В статье рассматривается проблема металингвистическо-
го и метаречевого порядка, связанная с употреблением термина
дискурс. Эта проблема имеет отношение к образовательному
циклу дисциплин, изучаемому на факультетах с гуманитарно
лингвистической подготовкой. Метаречь в отличие от обычной
языковой среды, имеет более жесткие законы, известные как
«норма научного стиля» (языка науки), и должна специально
формироваться в процессе профессионализации личности.
Профессиональная языковая компетенция личности предпола-
гает умение выбрать из возможных вариантов выражения спе-
циальной информации самый адекватный данной металингви-
стической коммуникативной ситуации.

Базовый уровень языковедческой науки на современном
этапе ее развития пополнился термином, входящим в обяза-
тельный терминологический минимум образовательного курса.

– Языкознание (языковедение, лингвистика)

Предмет науки

Речевая деятельность

Язык

Речь

РЕЧЕВЕДЕНИЕ

– Дискурс

Особое положение категории «дискурс» в речеведении
объясняется учетом множества обусловивших ее понятийное

образование факторов, включая структуру, когнитивный компонент, внешнее и внутреннее поле зависимостей при порождении и восприятии высказывания / текста.

Составляющие интегративной ментально-речевой структуры дискурса можно представить в виде схемы:

Концепт (идеологемы)]	-----	[номинации; ключевые слова
Фрейм аргументные структуры]	-----	[схемы; предикатно-
внешнее поле	-----	фоновая зависимость: социальный и культурный контексты
зависимостей		[интердискурсы], интегративные «текст и контекст»
ПРЕСУППОЗИЦИИ		субъект и адресат позиции, интерпре- тация (мифологичность)
внутреннее поле	-----	интенциональность [идеологиче- ски модализов. пропозиции]
зависимостей		модусы

Одной из составляющих теории Дискурса является когнитивно-ориентированный анализ (Т. ван-Дейк), обращенный к ментальным структурам, разрабатываемым теорией фреймов, и социологический подход. Последний имеет прямое отношение к идеологии (в духе ее понимания М. М. Бахтиным) [Волошинов 1995: 216–380], о чем, по существующей с советских времен традиции, не принято было рассуждать. Собственно исторический момент интересен тем, что показывает зависимость терминологии от национальной научной традиции и объясняет трудности «вживления» чужого термина в принятую терминосистему.

В отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих проблематику речевой деятельности на различном функционально-стилевом и текстовом материале, традиционно рассматривался в *стилистике* в связи с изучением экстралингвистических факторов вместе с лингвистическими. *Социолингвистика* долгое время, вплоть до перестройки, находилась в загоне; ее развитие ограничивалось изучением макропроцессов, т.е. социальной обусловленности языковых явлений, текущих в больших коллективах. Такое было время. Научное время повернуть невозможно, но вводить его в контекст истории науки необ-

ходимо [Краснова 2011: 72–90]. Вернемся к термину дискурс.

Важнейшее свойство термина — системность, т.е. парадигматическая соотнесенность с другими уже существующими единицами метаязыка. Ведь терминология в области науки — не просто список терминов, а «семасиологическое (т.е. знаковое) выражение определенной системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определенное научное мировоззрение» [Ахманова 1966: 9].

Мировоззрение в науке о языке в конце XX века довольно быстро эволюционировало от лингвистики текста с середины 70-х гг. к когнитивной лингвистике в середине 90-х гг. и ознаменовалось бурным развитием теории дискурса сразу в нескольких национальных школах Западной Европы [Чернявская 2006: 53].

В частности, их связывал общий интерес к социальным процессам в языке под влиянием дискурса власти (пример СССР). В конце 90-х гг. отмечены были изменения и в советской лингвистической науке: в центр терминосистемы поместилось сочетание «человеческий фактор в языке» — базовое понятие современной отечественной антропологической лингвистики. Его источником была публицистика первых лет перестройки (*социализм с человеческим лицом, человеческий фактор в экономике*): ср. название монографии «Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис» (1992). Перед нами пример того, как эмоционально-оценочная нейтральность — одно из свойств термина, уступило распространению оценочной коннотации. Не что подобное произошло и с термином дискурс.

С одной стороны, поскольку термин соответствует абстрактному понятию, его семантика равна чистому сигнификату, а содержание — «совокупность классообразующих признаков» [Никитин 1997: 45]. С другой стороны, в определениях дискурса немало метафорических ходов. Ср. часто цитируемый диссертантами фрагмент его определения Н. Д. Арутюновой, где дискурс понимается как «речь, опрокинутая в жизнь» [Арутюнова 1990]. Если же учесть краткую дефиницию Э. Бенвениста (дискурс — «речь, присвоенная говорящим») [Там же], становится очевидным главный дублер заимствованного слова-понятия — речь.

Научная дублетность термина связана с интернационализацией терминологии («свое»/«чужое») и с формами речевой экономики. Отсюда же иронические коннотации, которые слово дискурс приобретает в языке писателя или журналиста, в контекстах обиходного употребления. Среди журналистов это слово воспринималось как «изюминка». Произошло давление «наивной», отражен-

ной в массмедиа картины мира на наше сознание. В работах по изучению продуктов СМИ немало примеров обиходного выхолащивания содержания термина «дискурс». Кроме того, он превращается в «формулу», своего рода идеологему, в заявление о методологическом освобождении от старых оков. Из слова-понятия, должного объединять исследования в русле новой междисциплинарной реальности лингвистики, слово «дискурс», употребляемое вместо терминов «речь», «стиль», «текст», «речевая практика», «тематический блок» и др. влечет за собой всеобщее подозрение к самому термину и связанному с ним новому положению вещей.

Выбор, а тем более создание своего термина, обязательно предполагает его эксплицированное сравнение с ближайшими элементами терминосистемы — синонимами-дублерами (вариантами), с ближайшими с логической точки зрения понятиями: род // вид (гиперо-гипонимические отношения), целое // часть (паритивные отношения) [Куликова, Салмина 2002: 43]. В отечественной лингвистике обозначение «дискурс» вошло в смежные отношения с понятиями «речь» и «стиль» не только на правах гиперонима, замещая их в научных текстах как синонимичный номен, но и на правах гипонима, как номенклатурная этикетка.

«Номенклатурная болезнь», отмеченная еще И. А. Бодуэном де Куртене, состоит в «ужасающем количестве вновь созданных специальных терминов» [цитир. по: Куликова, Салмина 2002: 152]. По выражению одного из участников международного «Круглого стола» по дискурсологии (Ополе 2011, Минск 2013) «складывается впечатление, что нет ничего, что не могло бы быть названо "дискурсом"» [La Table Ronde 2013: 35].

Главная особенность терминообразования — создание гнезд составных терминов с одним и тем же опорным словом-термином. Степень разработанности и популярности термина определяется степенью «обрастания» нового базового понятия собственной парадигмой типов. Ниже приводятся сгруппированные по общим признакам терминологические сочетания, извлеченные из научных работ, включая диссертации. В большинстве своем наименование «дискурс» входит в словосочетания, где раньше стояли слова-понятия «стиль», «речь» или «язык». Хотя некоторые из номенов и по форме, и по выражаемому значению могут быть квалифицированы как побочные или даже индивидуально-авторские.

Наименование дискурса по сфере (или месту) использования (можно поставить вопрос — где используется?): *офици-*

альный дискурс, политический дискурс, институциональный дискурс, медийный дискурс, радиодискурс, интернет-дискурс, газетный дискурс, научный дискурс, юридический дискурс, исторический дискурс, экологический дискурс, экономический дискурс, образовательный дискурс, религиозный дискурс, медицинский дискурс, спортивный дискурс, городской дискурс; рекламный дискурс, культурный дискурс (вариант дискурс культуры), арт-дискурс, (вариант эстетический дискурс), кулинарный дискурс и т.п.;

наименование дискурса по субъект-объектной принадлежности: а) по субъектному признаку (кому принадлежит, кто им пользуется): *журналистский дискурс, читательский дискурс, уголовный дискурс, дискурс горожан, дискурс волонтеров, дискурс тренеров, дискурс спортсменов, дискурс фанатов;* б) по объектному признаку (к чему относится, чему посвящен): *дискурс войны, дискурс села, дискурс города, дискурс городской среды, дискурс праздника, дискурс благоустройства, субдискурс памятника;* встретилось выражение *пересечение городского субдискурса с жанровым;*

наименование дискурса по телеологическому признаку (с какой целью используется): *пропагандистский дискурс, идеологический дискурс, вирусный дискурс, идентифицирующий дискурс, репрезентирующий дискурс, обучающий дискурс, имиджеформирующий дискурс, жанровый дискурс, тематический дискурс;* обозначены и такие разновидности: *дофактумный дискурс, актуальный дискурс, постфактумный дискурс;*

наименования дискурса по модально-оценочному и качественно-количественному признаку: *эмотивно-оценочный дискурс, позитивный дискурс, оппозитивный дискурс, радикальный дискурс, умеренный дискурс, политически нейтральный дискурс, критический дискурс; старый дискурс, древний дискурс, многослойный дискурс и т.п.*

Н. И. Клушина отметила, что «мода на дискурсивные исследования привела к терминологической эклектике в стилистике»; «происходит неосмысленное членение коммуникации на произвольно выделяемые (по разным основаниям) типы дискурсов» [Клушина 2013: 27].

Дискурс можно назвать идеологемой междисциплинарного направления исследований. В свое время был раскрыт механизм превращения нового термина в идеологему (Maier H.). Такой процесс сопровождается осознанной или неосознанной девальваци-

ей его значимости как понятия [Горбачев 1999]. Наша версия: превратившись в расплывчатую «программную формулу», дискурс означает уже не то понимание, что выработано в фундаментальных исследованиях, а то, что по разумению говорящего дает возможность уподобления. Поэтому «идеологема» дискурс и термин дискурс находятся в напряженных отношениях.

В явлении тиражирования можно усмотреть также следующую закономерность. Обиходное словоупотребление не предполагает жесткого разграничения смежных понятий и обозначающих их слов: например, в словарном толковании 3-го значения слова ЯЗЫК — это «разновидность речи, стиль, слог (*Разговорный язык. Газетный язык*); в Малом академическом словаре (МАС) сближаются как синонимы *язык // стиль*, разграничение которых в лингвистической науке все-таки уже аксиома. Создается впечатление, что наш научный метаязык стал изобиловать приметам речевой обиходности с ее удобной неразборчивостью.

Большие трудности у молодых специалистов вызывает различная научная интерпретация термина «дискурс» и понятий, введенных в его парадигму: текст и дискурс; тема (топик) и концепт; фрейм и формация дискурса; речевая и дискурсивная практика; внешние и внутренние пресуппозиции дискурса; субъект дискурса, интердискурс и др. Трудность понимания, связанная с понятием дискурс не всегда обусловлена неопределенностью и комплексностью содержания самого слова. Трудность понимания обусловлена комплексным характером самой коммуникативной действительности, стоящей за термином медиадискурс [Кожемякин 2010].

Как известно, развитие представлений о дискурсе поставило его в соотношение с категорией текст и ввело в систему понятий, методов и принципов лингвистики текста. Значение термина дискурс близко к пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стилистическом аспекте. Однако дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, осуществляемое в определенно обусловленном коммуникативном пространстве. Если же это текст, то он в неразрывной связи с ситуацией и контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания. В этом случае дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры-текста.

Особое внимание исследователей привлекло понятие дискурсивной формации, введенное Фуко. Однако и здесь, в отличие

от западных школ, по существующей традиции в основе идеи дискурсивной формации лежит не идеологический конструкт, а свое понимание структуры дискурса. Дискурс — это интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в функционально-речевом отношении [Стилистический энциклопедический словарь 2006]. В таком случае дискурс мало отличается от стиля. Разница лишь в том, что он представлен интегративной совокупностью текстов (ср.: научный, медицинский дискурс). Идея дискурсивной формации строится в основном на сферах коммуникации (области знаний) и содержательно-тематических отношениях, т.е. в традициях лингвопоэтики и стилистики.

С другой стороны, в такой широкой трактовке дискурса, как интегративной совокупности текстов, есть и новизна: 1) упор делается на интеграцию как процесс взаимодействия, уплотнения, унификации знания... процесс развития, который обусловлен взаимопроникновением различных видов деятельности; 2) интеграция понимается как процесс организации отношения элементов, в которых сохраняется их относительная самостоятельность, ментальная (психическая) в том числе. Понимание смысла интеграции предполагает также рассмотрение становления таких взаимосвязей, которые определяют и изменяют текст (его компонент). Благодаря своему вхождению в систему взаимосвязей с другими элементами, он сам качественно изменяется [Жданова 2009]. Поэтому возможно рассмотрение новой интегративной совокупности текстовых свойств, развитых в дискурсе. Так, например, развивается слог журналиста в процессе дискурсивной практики как фонового (неэксплицированного) знания в конкретно речевой деятельности [Иссерс 2011]. Ниже можно вычленить в одном изложении три интегрированных дискурсии (такие, как будто бы они из разных текстов) во взаимодействии: 1) собственно журналистское изложение события о встрече святых мощей в С.-Петербурге: выдел. **п/ж**; 2) элементы дискурса почитаемого старца: выдел. *курс.*; 3) почтительная речь журналиста же в духе монашествующих (тех, с кем общался).

Брат наш Силуан

(1)...**В его биографии нашлось место и Петербургу. Отец настоял, чтобы до отправления на Афон он прошел военную службу в Санкт-Петербургском саперном батальоне.** (2) Одним из направлений святой жизни и молитв препо-

добного было моление за мир — (3) «за всего Адама, как за самого себя». Как условие познания мира Силуан называл любовь к ближнему: «Брат наш есть наша жизнь».

Преподобный скончался в 1938 году, а в 1952-м опубликованы его записки, которые ныне монашествующие называют «*Новым Добролюбием*».

СПб-Ведомости (16.09.2016)

Здесь представлена единая, интегративная ткань текста. В то же время к ней могут применяться две интерпретации термина дискурс — широкая (медиальная) и узкая (идеологическая). С точки зрения широкой трактовки, перед нами медиадискурс, где сплетаются три субъектно разные нити изложения, а посредников два (корреспондент и монашествующие). С точки зрения узкой трактовки термина, ткань текста пронизывает идеологический дискурс. Это ось проповеди святого: здесь присутствует главный концепт его мировоззрения — 'братство', 'добролюбие' и отождествительный фрейм [части отождествления подчеркнуты — Т. К.]. Это особый мир и особый язык.

Прагматико-стилистическая традиция исследований дает акцент (вряд ли продуктивный), который вносится в трактовку понятия дискурса как вида речевой практики. По образцу стилистических исследований в разработку принципов дискурсного анализа вводятся определенные составляющие экстралингвистического контекста с указанием, что они носят дискурсообразующий характер. Во всяком случае, это не мифологические составляющие, о которых в качестве дискурсообразующих писал Ю. С. Степанов, П. Серию и некоторые другие представители западной школы дискурсного анализа [Квадратура смысла 1999; Йоргенсен, Филлипс 2008; Матисон 2013]. Термин дискурс относится к интернационализмам, и порой возникает ощущение, что к иноязычному термину отношение у нас свое, выращенное в обстоятельствах трудного времени в нелучших условиях. Во времена властного давления (эпоха СССР) функциональная стилистика с ее нормативно-регуляторными способностями, изучением тактик и приемов воздействия завоевала право на приоритет в цикле языковых дисциплин для журналистов. В научном обиходе ее даже называли «зонтиковой» наукой по охвату всего функционального направления, изучающего идеологию употребления. М. Н. Кожина отвечала на такие суждения уклончиво, утверждая, прежде всего, приоритет функциональной стилистики в речеведении. Как редак-

тор «Словаря» она отрицала возможность интерпретации стилистики в качестве «зонтиковой» науки, указывая в качестве междисциплинарной на «когнитивную науку» [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 335]. В этих условиях многое зависит от того, как понимается многозначный термин *дискурс*. Поскольку вне системы терминов определений нет, дефиниция должна передать все существенные признаки понятия. Сразу оговоримся: наиболее популярные определения дискурса будут представлены коротко, чтобы на их фоне развернуть терминологическое описание классического образца.

С. Д. Шелов выделяет несколько способов (типов) определений: родовидовые, перечислительные (экстенсиональные), контекстуальные и операционные [Шелов 1990: 22–29]. К родовидовым определениям относится любая дефиниция, у которой в составе определяющей части вычленяется родовое понятие и его видовой признак. Таких определений дискурса разбросано по публикациям довольно много. Ср.: «речь, присвоенная говорящим» (Э. Бенвенист); «речь, опрокинутая в жизнь»; «высказывание с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет» [Серио 2001: 550], «форма знания», «форма художественного знания» [Художественная речь 2002: 11]; «совокупности медиатекстов», «языковой коррелят социокультурной практики» [Шмелева 2012: 157]; «инструмент медиалингвистики», «инструмент исследования регионального медиаполя» [Новгородское медиаполе 2015: 42]. Как видно, возникла тенденция механического или инструментального понимания термина дискурс. Общий недостаток таких определений — неполнота и метонимичность. К примеру, дискурс как совокупность текстов может пониматься и в метонимическом смысле: «совокупность текстов, пронизанная дискурсом» (ср. введенное М. Фуко [1996] понятие *диагональности дискурса* как способа его исторического существования во времени или эпохе).

Встречаются перечислительные определения дискурса. Они строятся по принципу раскрытия объема понятия: дается перечисление элементов, входящих в него — «либо как видовые его представители, либо как его части» [Шелов 1990: 24]. Ср.: «Дискурс нужно рассматривать как совокупность факторов, будь то знаковая сторона, структурная, когнитивная или социальная» [Островская 2013: 33]. Не имеют строгой формы дефиниции контекстуальные определения (или неявные). Более того, «автор, использующий тот или иной термин может указать, предъяснить

лишь некоторые объекты, на которые данный термин распространяется, надеясь при этом, что подготовленный и согласный с ним в принципе читатель и так все поймет» [Шелов 1990: 27]. По С. Д. Шелову, контекстуальные определения для гуманитарных наук, в частности для языкознания, достаточно типичны. Конечно, это делает восприятие многозначного термина *дискурс* не всегда адекватным вложенному в него понятию, которое и для автора может быть лишено четкой однозначности.

Ниже дано образцовое, на наш взгляд, описание термина *дискурс* (в сокр.) у Ю. С. Степанова и цитируемого им В. З. Демьянкова. Данное толкование представляется особенно ценным, так как теперь уже совмещает интернациональное знание о термине *дискурс* (в традициях разных школ) [Степанов 1995]. Описание дано в порядке следования материала с помощью категории, введенной специалистами-терминоведами: «Металингвистическая коммуникативная ситуация (МКС) [Куликова, Салмина 2002: 149]. Части, относящиеся к виду МКС, выделены курсивом.

МКС «история термина дискурс». Термин *дискурс* (фр. *discours*, англ. *discourse*) *начал широко употребляться в начале 70-х годов, первоначально в значении близком к тому, в каком в рус. лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка).* / ***МКС «разграничение терминов».*** Причина того, что *при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой — «дискурс»,* заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как *в русской традиции* (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) «функциональный стиль» *означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д.,* но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, / ***МКС «сопоставление терминов разных метадialeктов»*** *в англосаксонской традиции не было ничего подобного,* прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. / ***МКС «уточнение термина».*** Англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, *вне традиции — как к особенностям текстов.* «Дискурс» в их понимании *первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях.* Т. М. Николаева в своем *Словарике терминов лингвистики текста (в 1978 г.) под этим термином писала: «Дискурс» — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в*

значениях, почти омонимичных (т.е. даже не синонимичных — Ю. С.) Важнейшие из них: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение как данность — письменная или устная» [Степанов 1995: 36–37].

/ **МКС «дефиниция термина».** «Дискурс — это прежде всего совокупность текстов, за которой «встает» особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете, особый мир. В мире дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это возможный (альтернативный) мир» [Там же: 44–45].

«Лишь значительно позднее, — пишет Ю. С. Степанов, — англосаксонские лингвисты осознали, что "дискурс" — это не только "данность текста", но и некая стоящая за этой "данностью" система. Была разработана более независимая парадигма, которая принята в Европе и в Соединенных Штатах (Ван Дейк и Кинч). Между тем В. З. Демьянков в своем словаре "Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста" (вып. 2, 1982 г.) сумел дать обобщающий эскиз "мира дискурса", который был назван "лучшим до сих пор определением" дискурса» [Степанов 1995: 44–45; далее в определении подчеркнуто нами — Т. К.]:

«Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса». С точки зрения грамматики «исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Там же].

[Далее в нашем изложении — Т. К.] Дискурс существует не только в явно обозначенной политической сфере, также и в другой.

Но речь может идти именно о нормах дискурса, которые авторы некоторых работ желают выдать за нормы русского языка вообще. Ю. С. Степанов отмечает: «дискурс — это прежде всего тексты (прежде всего, но далеко не только тексты). Во всяком случае дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка [языка дискурса — Т. К.], — в настоящее время уже не является адекватным» [Степанов 1995: 44–45].

Признаки дискурса в о о б щ е Ю. С. Степанов определил следующим образом.

«Дискурс, по-видимому, создается не во всяком языке, или, точнее не во всяком ареале языковой культуры. Дискурсы, выделяются в языке соответствующей эпохи. Это связано, по-видимому, с наличием особого мифологического слоя в культуре того времени. Но не является ли дискурс в с е г д а в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии?»

Другая особая, конституирующая черта дискурса состоит в том, что дискурс предполагает и создает своего рода и д е - а л ь н о г о а д р е с а , который отличен от конкретного "воспринимателя речи". "Идеальный адресат, — говорит П. Серио, — может быть определен как тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдодиалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции".

Итак, что такое дискурс? Дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из "возможных миров"» [Там же].

С учетом большого интереса к работам Г. Меннини, М. Пеше, П. Серио, Н. Ферклу и др. западных ученых периода 70-90-х гг. становится понятным своеобразный интернационализм исследований дискурса [Чудинов, Будаев 2011]. Для нас особенно

привлекательными выступают те школы дискурсивного анализа, которые наследовали социологическим идеям МФЯ (В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин Марксистская философия языка).

Заключение. В свое время Ольга Сергеевна Ахманова, многоопытный составитель «Словаря лингвистических терминов» (1969), писала, что лингвистическая терминология не является ни рационально организованной, ни семиотически безупречной системой [Ахманова 1990: 509]. Р. А. Будагов сформулировал задачу утверждения в лингвистике приемлемой терминологии так: «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга» [Будагов 1974: 124].

Понятие дискурс входит в разряд терминов, образованных основным вектором развития отечественной лингвистилистики под названием речеведение. Почему, зная, что такое термин и какова его природа, лингвисты не могут справиться с болезнями собственной терминологии? Должно быть, для этого есть и внешние, объективные, и субъективные причины. Среди внешних причин оказывается постоянно развивающееся научное знание, множественность лингвистических направлений, школ, концепций в мировом и отечественном языкознании. Главное требование к идеальному термину — его однозначность. Однако именно мышление и не позволяет выполнить это идеальное требование: содержание понятий изменяется в процессе познания, возникают новые понятия. Субъективное начало привносится исследователем, определяющим, сознательно уточняющим границы содержания специального понятия.

В отечественной науке есть широкое (когнитивно-прагматико-стилистическое) и узкое (конструктивно-социально-идеологическое) понимание термина дискурс. Иногда научное слово, подобно идеологеме, оказывается объектом манипуляции вследствие того, что сумма его существенных признаков может быть представлена по-разному, а их иерархия выстроена в соответствии с потребностями той или иной стратегии конкретного описания. Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова дискурс как инструмента тематического описания поля массмедиа. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

Как представляется, в центре внимания современных исследователей СМИ должна быть медиалингвистика с социологическим акцентом, то есть вниманием к идеологии (интерпретации «мира»), а также к дискурсивным практикам, дающим вы-

ход в изучение оттенков общественного мнения, его затемненных зон и проблемных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Ахманова О. С. Предисловие // Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

Ахманова О. С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Будагов Р. А. Терминология и семиотика // Человек и его язык. — М., 1974.

Волошинов В. Н. [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. — СПб., 1995. С. 216–380.

Горбачев Е. В. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления. — Самара, 1999.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и атоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов. 39. — М., 1982.

Жданова М. Г. Понятие интеграции в исследовании социальных процессов // Медицина и образование в Сибири. — 2009. № 1.

Иссерс О. С. Дискурсивная практика как реальность // Вестник Омского университета. — 2011. № 4.

Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М., 1999.

Клушина Н. И. Зона пересечения стилистики и дискурсологии // La Table Ronde. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013. С. 26–28.

Кожмякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Серия Гуманитарные науки. — 2010. № 12 (83). Вып. 6.

Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920(22) гг. — СПб., 2011.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). — СПб., 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков, 2008.

Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиа-текстов. — Харьков, 2013.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1997.

Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований. — Великий Новгород, 2015.

Островская Т. В рамках парадигмы «Язык-Речь-Текст» стало тесно // *La Table Ronde*. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013. С. 32–33.

Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс // *Семиотика: Антология*. — М., 2001, С. 549–562.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца 20 века*. — М., 1995. С. 35–73.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2006.

Фуко М. Археология знания. — Киев, 1996.

Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века. Анализ текста. — СПб., 2002.

Чернявская В. Е. Дискурс // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. — М., 2006.

Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. — М., 2011.

Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) // *Вопросы языкознания*. — 1990. № 3.

Шмелева Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // *Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та*. — 2012. № 18 (137). Вып. 15.

La Table Ronde. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013.

Л. А. Литвинова
Воронеж, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

**(на паремиологическом материале слов
«деревня» и «village» в русском и английском языках)**

АННОТАЦИЯ. В статье говорится о лингвокультурологическом аспекте описания значения слова и предлагается материал исследования по означенной проблеме. Вначале мы можем ознакомиться с содержанием термина «культура» и проследить процесс изменения содержания этого термина. Содержание понятия «культура» является фундаментальным и чрезвычайно важным, однако, это один из самых трудно определяемых и противоречиво понимаемых терминов в современной лингвистике. Лингвокультурология представляет собой сравнительно новое направление в лингвистике, которое оформилось в смежную научную дисциплину. Тесные очевидные связи между языком и материальной и нематериальной культурой в обществе могут сказать многое о культуре общества и ее национально-специфичных характеристиках. Значимые лексические единицы формируют лингвокультурный код, а именно систему взаимосвязанных значений, которые демонстрируют исторически обоснованную и совершенно особенную сферу интерпретирования окружающей действительности, равно как и понимания оной. Далее описываются проблема практического применения результатов лингвокультурологических исследований и их научной значимости, а также методы исследований по проблеме. В заключении предлагаются результаты лингвокультурологического анализа паремиологического материала слов «деревня» и «village» и их синонимов в русском и английском языках, представленного в таблице.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, методы исследования, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, лингвокультурологические исследования, значение слов, синонимы, деревни, русский язык, английский язык, сопостави-

тельное языкознание, паремиология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Литвинова Людмила Алексеевна, преподаватель английского языка кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова.

Адрес: 394087, Воронеж, ул. Тимирязева, 8.

E-mail: milalitinova@rambler.ru.

L. A. Litvinova
Voronezh, Russia

**LINGUO-CULTURAL ASPECT
OF DESCRIPTION OF WORD MEANING
(based on the paremiological potential of the lexemes
«derevnya» and «village» in Russian and English)**

ABSTRACT. *The paper deals with the linguo-cultural aspect of description of word meaning and gives information about the research works on the problem. First, the article discloses the meaning of the term “culture” and follows the process of changes of this meaning. The notion “culture” is a basic and extremely important one, though it is the most difficult term to define and to understand in modern Linguistics. Linguo-culturology is a new field of study in linguistics which formed a separate direction of investigation. Close links between the language and material and non-material culture in society can say much about culture and its national specific features. Meaningful lexical units form a linguistic and cultural code, i.e. the system of interconnected meanings which show, for instance, special historically based interpretation of the surrounding world as well as its understanding. The problem of practical application of the results of linguo-cultural research and its scientific significance, as well as the research methods of the subject is described. The conclusion contains results of linguo-cultural analysis of the English and Russian proverbs with the lexemes “village” and “derevnya” and their synonyms.*

KEYWORDS: *linguo-culturology, research methods, linguistic country study, intercultural communication, linguo-cultural research, word meaning, synonym, village, Russian language, English language, comparative linguistics, paremiology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Litvinova Lyudmila Alekseevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov.*

В данной статье мы рассмотрим следующие пункты:

1. Динамика содержания понятия «культура».

2. Современное понимание термина «культура».

3. Возникновение лингвокультурологии как смежной науки, ее современное состояние: а) практическая применимость новой дисциплины; б) актуальность лингвокультурологии; в) научная значимость лингвокультурологии; г) методы исследования в лингвокультурологии, а также проиллюстрируем их материалом исследования по описанию лингвокультурного аспекта значения слова.

Культура (от лат. «culture» — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие культура употребляется для характеристики материального и духовного уровня развития определенных исторических эпох, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей и наций (античная культура, культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура быта или труда). В более узком смысле термин культура относят только к сфере духовной жизни людей.

Первоначально культура понималась исключительно как воздействие человека на природу (возделывание земли), а также обучение и воспитание человека.

Следующий этап в изменении содержания понятия охватывает позднеримский период и начало средних веков. В этот период времени складывается новый комплекс значений исследуемого понятия, а именно позитивная оценка городского уклада социальной жизни, переходящая в новое понятие «цивилизация». Культура в понимании того периода времени обязательно предполагала признаки личного (прежде всего религиозного) совершенства, без которых человек не мог быть культурным и/или цивилизованным.

Следующий этап пересмотра содержания понятий начался с эпохи Возрождения, где культура понималась как гуманистический идеал человека, а затем и как идеал просветителей.

XVIII век стал следующей ступенью в трактовке понятия культура. Тогда была провозглашена идея развития человеческого «разума», под которой подразумевалась разумность общественных порядков и политических учреждений, достижения в области наук и искусства. Цель такой культуры — сделать всех людей счастливыми.

Немецкие философы переработали такое понятие культуры и нашли в подобном трактовании целый ряд недостатков, а именно — разделение труда, дегуманизация воздействия техники, распад ценностной личности. Философы этого периода искали истинное содержание понятия культуры в сфере «духа» и морального, эстетического и философского сознания.

Рубеж XIX–XX веков характеризуется восприятием культуры как специфичной системы ценностей и идей, которая воплотилась в «теорию единства линейной эволюции», а позднее в концепцию «локальных цивилизаций».

Последняя треть XIX века отметила понимание культуры в аспекте антропологии и этнографии, и в начале XX века американец Ф. Боас разработал метод детального изучения обычаев, языка с целью выявления исторического условия их возникновения в обществе.

2. Социологи, этнографы, антропологи, которые изучают различные общества и народы, придали термину «культура» новое значение. В XX веке из научных представлений о культуре уходят романтические мотивы, настроения восторга и энтузиазма, присущие гуманистам предшествующих веков. Культура — дело рук человека, в ней он ищет свое выражение, в ней он узнает себя, только в этом критическом зеркале он может увидеть свое лицо.

В современной социологической литературе пока еще нет общепринятого определения культуры. Культура — явление многообразное как по характеру, так и по форме. Составляющие культурного наследия могут выступать в форме языка, идей, верований, традиций, кодексов, институтов, орудий, технологий, произведений искусства, ритуалов, церемоний и пр. Развитие культуры зависит от способности к передаче знаний следующим поколениям и к обучению. Существование и использование культуры основано на способности, которой обладает только человек.

Культура создается людьми, культуре обучаются. Так как она не передается генетически, каждое поколение воспроизводит ее и передает следующему. Этот процесс является основой социализации. В результате усвоения норм, ценностей, верований, правил и идеалов происходит формирование личности ребенка и регулирование его поведения. В случае прекращения процесса социализации в массовом масштабе перестала бы существовать и культура.

Феномен культуры позволяет органически соединить не просто производство вещей и сознание в его абстрактных формах, но и производство самого человека как общественного человека. Выступая одной из форм проявления сущностных сил человека, показателем уровня и меры прогресса общества, его классов и социальных групп, культура представляет собой единство различных форм общественного сознания и практической деятельности, которые направлены на материальное или духовное воплощение идей, взглядов, ценностных ориентаций. В культуре отражаются и закрепляются социально-личностные качества созидательного труда.

Каждое человеческое общество имеет собственную, специфическую культуру, или социокультурную систему, которая в некоторой степени совпадает с другими системами. Различия среди социокультурных систем связаны с физическими условиями и ресурсами, диапазоном возможностей, свойственным различным областям деятельности, типами языка, ритуалами и традициями, изготовлением и использованием инструментов, степенью социального развития.

В социологии выделяют два вида культуры: материальную (продукты ремесел и производства, орудия труда, инструменты, сооружения и здания, техника и пр.) и нематериальную (представления, ценности, знания, идеология, язык, процесс духовного производства и др.).

Изучая малые и большие, традиционные и современные общества, социологи, культурологи, антропологи, психологи постепенно выделяли некие элементы, которые обязательно присутствуют в каждой социальной культуре.

В качестве основных, наиболее устойчивых элементов культуры выделяются язык, социальные ценности, социальные нормы, традиции и обряды.

Язык — это система знаков и символов, наделенных особым значением. Он возникает на определенной стадии развития обще-

ства для удовлетворения многих потребностей. Основные его функции — создание, хранение и передача информации. Язык также выполняет роль распространителя (ретранслятора) культуры.

По мнению авторов, современное содержание термина «культура» заключается в следующем:

«Национально-культурные ценности, репрезентирующие главнейшие цели общественного развития, учеными рассматриваются как основополагающий принцип культуры» [Алешина 2016: 29].

«Совокупность достижений общества в его духовном и материальном развитии, это результат взаимодействия двух элементов: самого человека и внешней природы, которая дает ему запас необходимой материи, из которой сила человека создает построение культуры. Материальная культура (одежда, пища, жилище) всегда рациональна, легко заимствуется народами друг у друга. К духовной культуре относятся язык, литература, искусство, религия, философия. Они имеют материальную базу и форму, но доступны восприятию лишь как психические и духовные переживания» [Суперанская 2012: 39].

3. И таким образом, на основании современного понимания «культуры» возникает новое междисциплинарное направление в лингвистике, которое позже оформилось в самостоятельную дисциплину — лингвокультурологию. «Лингвокультурология (от лат. язык + культура + логия) — это комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве языкового и внеязыкового (культурного содержания). Сложилась в конце 60-х — начале 70-х с целью обеспечения научных основ введения и активизации данных о стране и культуре изучаемого языка. **Объектом** лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования, а **предметом** — материальная и духовная культура в ее существовании и функционировании, созданная человеком, т.е. все то, что составляет языковую картину мира. Находится в кругу смежных наук: социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, культурологии. В то же время лингвокультурология в силу своей интегративности и устремленности к выводам лингво- и этнокультурного характера, по мнению одного из ее создателей (Воробьев, 1997), способна более четко, чем другие фундаментальные науки, изучающие язык и культуру в их взаимодействии, обозначить общее направление исследований: чело-

век как языковая личность, язык как воплощение культурных ценностей, культура как наивысший уровень языка и др. В число объектов исследования включаются также речевое поведение, взаимодействие религии и языка, речевой этикет и текст как единица культуры. Лингвокультурологию в этой связи предлагается рассматривать как теоретическую научную дисциплину, изучающую взаимодействие языка и культуры, в то время как лингвострановедение трактовать как учебную практическую дисциплину. Однако среди методистов и лингвистов нет единого мнения о существовании принципиальных различий между названными дисциплинами [Гудков 2000; Маслова 1987].

Таково определение лингвокультурологии в Новом словаре методических терминов и понятий [Азимов 2009:448].

Рассмотрим мнения следующих авторов о лингвокультурологии, чтобы впоследствии суммировать всю информацию.

«Современное антропоцентрическое направление лингвистики в центр внимания ставит проблемы взаимосвязи языка и личности, языка и культуры. Лингвокультурология — дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологи, «на основе триады — язык, культура, человеческая личность [Бенвенист 1974: 45]» исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Анализ культуры с позиции лингвистики и ее методами заметно обогащает понимание и самой культуры, и языка. По высказыванию известного специалиста по общему языкознанию А. Т. Хроленко, лингвокультурология занимается не описанием конкретных примеров взаимодействия отдельных явлений культуры с тем или иным языковым явлением, ... а выявляет механизмы взаимодействия, взаимовлияния двух фундаментальных феноменов [языка и культуры], обуславливающих феномен человека» [Хроленко 2005: 31]. Постигая феномен человека через его язык, ученые стали перед необходимостью изучения «языковой личности, т.е. человека, существующего в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2004: 31].

«Проблема межкультурных несовпадений является центральным вопросом лингвокультурологии» [Ковалева 2012: 184].

«Лингвокультурология — комплексная область научного знания о взаимосвязи взаимовлиянии языка и культур [Карасик 2002: 73].

«Рассматривая феномен человека в языке, ученые пришли к необходимости изучения языковой личности, выделяя ее

как индивидуальное образование в динамическом или статическом аспектах» [Сиротинина 2003: 67].

Исходя из вышесказанного, можно отметить круг интересов в лингвокультурологии как комплексной области научных знаний в настоящее время:

- исследование механизмов взаимодействия языка и культуры;
- человек в языковом пространстве;
- человек как языковая личность.

3 а) Практическая значимость лингвокультурологии.

Понятие культуры по праву является фундаментальным и крайне важным, но в то же время одним из самых запутанных и противоречиво определяемых в современном научном знании. При выполнении исследования по семантике лексических единиц, необходимо конкретизировать и эксплицитно обозначить в ходе исследования понятие культура. Тесная связь языка с материальной и духовной культурой общества может многое рассказать о ней и ее национальной специфике. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код — систему взаимосвязанных значений, отражающих, в частности, специфические, исторически обусловленные мировосприятие и миропонимание, присущие определенному языковому сообществу.

В условиях межкультурной коммуникации специфика мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур могут приводить к попытке осмыслить чужую культуру через собственную, тем самым, провоцируя ситуации непонимания. К исследованию национальной специфики семантики следует подходить с учетом ее видового разнообразия. Что касается придания национально-культурного статуса тому или иному языковому явлению, то констатация возможна только при обязательном условии сбора дополнительной доказательной базы, подтверждающей связь этих различий с конкретными явлениями духовной или художественной культуры в каждом конкретном случае. Ниже представлены выдержки из авторских статей, в которых обозначены следующие проблемы для решения их лингвокультурологией.

1. Например, «знание национальных особенностей единиц речевого этикета, в частности обращений, при обучении русскому языку как иностранному поможет преподавателю избежать коммуникативных неудач и облегчить процесс адаптации иностранных учащихся ... в новой языковой среде» [Мруць 2012: 12].

2. «Единицы речевого этикета обладают высокой частотой употребления в каждом языке, что лишний раз подтверждает особую роль речевого этикета в общении людей. Речевой этикет обладает национально-культурной спецификой. Одна и та же ситуация может по-разному реализовываться в речевом поведении представителей двух культур» [Маслова 2010: 24].

3. «Личное имя в равной мере относится как к языку, так и к культуре. Являясь языковым явлением, с одной стороны, антропонимы отражают культурно-историческую и духовную картину того или иного народа, с другой стороны» [Ковалева 2012: 184].

4. «Текст как система речевого продукта носителей изучаемого иностранного языка представляет собой ценность в качестве систематизированного образца функционирования языка в рамках темы, контекста, ситуации, проблемы и сферы общения, ориентации на определенного адресата, с отражением определенного социального деятельностного фона, выражением социальной, профессиональной и личностной позиции. Для правильности перевода обучающиеся должны учитывать основные особенности языковой культуры и профессиональной субкультуры, тип и механизмы социального кодирования и декодирования родного и иностранного языков. Именно перевод является одной из форм взаимодействия культур, помогающей сформировать представление о чужой культуре. Таким образом, перевод — это языковая деятельность по передаче идей из одной культуры в другую» [Хайруллин 2008: 13].

5. «В межкультурной коммуникации взаимодействие человека с другими людьми рассматривается как коммуникативная деятельность [Лисина 2009: 85]. В центре коммуникации находится человек как носитель культуры, который демонстрирует национально-обусловленное коммуникативное поведение. В самом общем виде коммуникативное поведение, согласно И. А. Стернину, — это совокупность норм и традиций общения народа. Вот почему коммуникацию между культурами целесообразно начинать с беспристрастного изучения «чужой» культуры, «непохожего и непонятного» поведения «чужого». Различия культур проецируются на коммуникативное поведение представителей контактирующих культур [Стернин 2009: 4].

«Язык не может быть не связан с культурой, так как одна из его основных целей, один из безусловных результатов деятельности общества, обслуживаемого языком, — это образование и формирование культуры. И полнее всего культура аккумулируется в

лексической системе языка. Лексика, содержащая национально-культурный компонент, отражает определенное количество исторических, культурологических сведений, без знания которых невозможно адекватное восприятие слова и его правильное употребление. К лексике с национально-культурным компонентом относится фоновая, безэквивалентная, коннотативная. Изучение лексики в национально-культурном аспекте позволяет «проникнуть» в языковую картину мира иной лингвокультурной общности и усвоить, научиться корректно употреблять языковые средства с национально-культурной спецификой» [Павлова 2013: 118].

3 б) Актуальность новой смежной дисциплины обусловлена расширением понятий *культура* и культурная обусловленность семантики языковых единиц.

Как известно, носитель языка формирует свое видение мира не только на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в языке культурного опыта его языковых предков. Язык называет то, что есть в культуре, а также сам развивается в культуре. В связи с этим представляется весьма существенным разграничение типов национальной специфики семантики языковых единиц, представляющей особый тип осмысления действительности в национальном сознании того или иного народа.

Актуальным является то, что придание отдельному слову статуса культурного или ключевого для данной лингвокультурной традиции нуждается в лингвистическом обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант через сопоставление ценностных суждений, которые, по мнению ученых, работающих в русле упомянутого направления науки, вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах. Весьма востребованными представляются исследования, в которых для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц эксплицитно выделяются и описываются лингвокультурно значимые семы или семемы, обусловленные конкретными фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

Исследование национально-культурной специфики языка в рамках лингвокультурологического аспекта исследования значения слова предполагает не только выявление и описание

национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики, но и их лексикографическую фиксацию.

Исследования национальной специфики семантики лексических единиц необходимы для позитивного и творческого диалога представителей разных культур, их познания и самовыражения, развития и расцвета всей мировой культуры, компонентами которой они являются, в конечном счете, для прогрессивного движения вперед. Нижеприведенные высказывания авторов помогают проиллюстрировать значимость лингвокультурологии для современной лингвистики.

«... у каждого народа свое культурное видение мира, подобно каждому направлению живописи. Один и тот же стог сена, нарисованный реалистом, импрессионистом, кубистом, абстракционистом и т.д., будет видеться и выглядеть совершенно по-разному, хотя в реальном мире это один и тот же стог. Язык можно сравнить с кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание, создающего картину мира. Отражение мира в языке — это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в которое уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т.п.» [Тер-Минасова 2004: 86].

«Национальный менталитет — это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемой совокупностью когнитивных стереотипов нации. Другими словами, это совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок».

«Коммуникативное поведение является частью национальной культуры. Знание норм и традиций общения народа позволит участникам речевого акта, принадлежащим к разным национальным культурам, адекватно воспринимать и понимать друг друга, то есть способствовать межкультурной коммуникации. Кроме того, знания в области межкультурной коммуникации могут повлиять на решение глобальных проблем, как скажем конфликт культур. Владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является расхождение культур» [Конопелько 2011: 26]. «Опыт межкультурного общения способствует расширению социокультурного пространства, в котором определяет свое место человек; пониманию культур, с которыми он взаимодействует и осозна-

нию родной культуры и своей роли значимости в жизни современного общества» [Сысоев 2001: 37].

Таким образом, знание основы культурного видения мира «чужой» нацией, знание принципов коммуникативного поведения людьми — представителями другой нации — обогащает человека через расширение его социокультурного пространства, а понимание поведения и мотивов такого поведения представителей иной культуры помогает избежать неудач и непонимания в общении друг с другом.

3 в) Научная значимость.

В ходе научных дискуссий происходит апробация результатов проведенных научных исследований, а также информативное и конструктивное освещение теоретических проблем и концептуальных направлений в области семантики лексических и фразеологических единиц разных языков, предлагаются новые подходы и методы выявления и описания национальной специфики их семантики, обосновывают теоретические предпосылки для разработки путей элиминации конфликтов непонимания в межкультурной коммуникации. Результаты апробированных исследований способствуют дальнейшему развитию лексикографической науки с учетом культурных особенностей, выявленных в семантике слов посредством применения актуальных методик исследования.

3 г) Методы исследования в лингвокультурологии.

1. «Сравнение является основой понимания и познания и может быть определено как процесс отражения в человеческом сознании реальных отношений тождества и различия, существующие между предметами и явлениями окружающего мира. Любой познавательный акт имеет своей предпосылкой приведение одной вещи в отношение к другой вещи, которая обладает соответствующим свойством. Л. А. Лебедева считает, что «сравнения представляют собой такую фигуру речи, которой пользуются все говорящие на данном языке и которая обычно является результатом многовекового потребления [Лебедева 2010: 31].

2. «Бесспорным представляется то, что при выполнении исследования, позиционируемого как лингвокультурное, необходимо конкретизировать и эксплицитно обозначить в ходе исследования используемое данным научным направлением или отдельным исследователем понятие культура. При этом принципиально, чтобы используемое понятие культуры было достаточно конкретным, а не всеобъемлющим ...» [Маклакова 2012: 190].

3. «... семантический анализ имеет лингвокультурологическую значимость и позволяет выявить культурно-специфические семантические особенности языковых единиц, отражающие национально-культурный фрагмент языковой картины мира» [Маклакова 2011: 104].

4. «Особую роль в когнитивных процессах играет метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, что обуславливает важность исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями разных лингвокультурных общностей и необходимость описания возможных моделей ее метафорического осмысления. Представляется, что для решения указанных задач правомерным является применение лингвокогнитивного анализа языковой и индивидуально-авторской метафор» [Чарыкова 2010: 59].

В данной статье мы рассмотрим паремии слов «деревня» и «village» в русском и английском языках в качестве материала для лингвокультурологического анализа.

Рассмотрим паремиологический материал лексем «деревня» в русском языке и «village» в английском языке. Приведем мнения исследователей по проблеме. Паремиологическое поле лексемы составляют пословицы, поговорки, крылатые выражения, фразеологизмы, идиомы, идиоматические словосочетания.

А. В. Кунин в работе «Фразеология современного английского языка» 1972 года издания объяснял: «Под пословицами обычно понимают «краткие изречения применительно к различным сторонам жизни, вошедшие в оборот разговорной речи» (Ю. М. Соколов Русский фольклор). Пословица всегда является предложением. Она преследует дидактическую цель (поучать, предостерегать и пр.). Пословицы часто реализуются в сверхфразовом контексте. ... Художественная форма пословиц складывалась веками. Ф. И. Буслаев очень метко сказал по этому поводу: «Пословицы создавались взаимными силами звуков и мысли». Пословицы — это «как бы отстоявшиеся формы народных наблюдений и размышлений (Ю. М. Соколов Русский фольклор). При всех отличиях в условиях их образования для пословиц в большинстве случаев характерна лаконичность, выражающаяся в максимально четкой и сжатой форме, благодаря которой «словам тесно, а мыслям просторно»».

«Однако пословица не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей — такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают — они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное — твердая истина» (О словаре пословиц, 1966 с. 7 // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок).

«Пословицы и поговорки являются своеобразным эталонным народной мудрости, выражают народную самобытность. В них отражено мировоззрение данного общества, закреплены определенные знания об окружающем мире. С их помощью передается жизненный опыт от поколения к поколению, культурно-исторические традиции народа.

Суждение в них интересно не столько само по себе, сколько тем, что оно может примениться к множеству сходных жизненных ситуаций. Особенность пословиц состоит в том, что они сохраняют два плана — буквальный и переносный. Согласно толковому словарю, чаще всего под пословицей понимают меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые разные явления жизни и имеющее форму законченного предложения. Пословица выражает законченное суждение» (О словаре пословиц, 1966 с. 7 // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок).

«Изучение паремий позволяет лучше узнать миропонимание и поведение людей, увидев их национально специфические черты, проникнув в тайны национального менталитета» [Хаустов 2007: 48].

Анализ паремий в английском языке

Паремий со словом *village* и его синонимами в английском языке сравнительно немного. Нам удалось выявить следующие примеры из словарей под редакцией нижеперечисленных авторов: 1. Ю. В. Мюррей. Русские пословицы, поговорки и фразеологизмы и их английские аналоги / Russian Proverbs, Sayings and Idioms and Their English Equivalents; 2. В. В. Гуревич, Ж. А. Дозорец. Краткий русско-английский фразеологический словарь / Concise Russian-English Dictionary of Idioms; 3. А. В. Кунин Англо-русский фразеологический словарь / English-Russian Dictionary of Idioms. Таблица 1

представляет семантический анализ паремий английского языка слова «village» и его синонимов в английском языке:

Таблица 1 представляет семантический анализ паремий английского языка слова «village» и его синонимов в английском языке.

Таблица 1

№	Паремия	Семантический компонент значения	Значение
1.	Back country <i>отдаленные уголки, провинция, глушь</i>	Отдаленный, далекий (от города)	Сельский населенный пункт
2	The Never-Never country <i>Отдаленные уголки, провинция, глушь</i>	-----	-----
3	Rotten borough <i>ист. «гнилое местечко»</i>	-----	-----
4	Perpendicular country <i>пересеченная, неровнинная местность, территория)</i>	Ландшафтная характеристика местности	Территория вне города
5	Broken country <i>высокогорная местность, территория</i>	-----	-----
6	Close borough <i>город или избирательный округ, где выборы фактически контролируются одним лицом</i>	Наличие демократических выборов традиций	Сельский населенный пункт
7	Pocket borough <i>город или избирательный округ, где выборы фактически контролируются одним лицом</i>	-----	-----
8	Country, countryside <i>Сельская/негородская местность</i>	Противопоставление городу	Территория вне города

Продолжение таблицы 1

9	To go to the country <i>1) распустить парламент и назначить новые выборы; 2) отправиться за город</i>	-----	-----
10	Town and country <i>Город и деревня</i>	-----	-----
11	Starveling settlement <i>немногочисленное поселение</i>	Неухоженное, бедное, неудобное для жизни место	Территория вне города
12	Whistle-stop tour <i>Галопом по Европам</i>	Социально мало-значимый населенный пункт в сельской местности	Сельский населенный пункт
13	Better be first in a village than second at Rome. <i>Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме</i>	-----	-----
14	The village slatternly wench has the form of a dove, the heart of a fox, and the mind of a tead	Простоватый до глупости, отсталый, далекий от культуры типичный провинциал	Сельский населенный пункт
15	Country — cousin <i>Провинциал, деревенский житель впервые в городе</i>	-----	-----
16	Country — cousinship <i>Стесняющее родство</i>	-----	-----
17	Giles = countryman <i>сельский житель = деревенщина</i>	-----	-----
18	Yokel (about a countryman) = village idiot <i>презр. (деревенщина, невежда)</i>	-----	-----

Окончание таблицы 1

19	Mushroom settlement <i>быстро выросший посёлок</i>	Темпы роста, развития населенного пункта	Сельский населенный пункт
20	The chicken is the country's, but the city eats it <i>Что в деревне родится, то в городе пригодится</i>	Жители занимаются традиционными видами деятельности, деревня кормит город	Сельский населенный пункт
21	A list full of gain and a village full of shame	Прибыль не должна достигаться аморальными, асоциальными средствами	-----
22	Country people <i>(сельское население)</i>	Жители, проживающие на территории вне города	-----
23	Rural population <i>(сельское население)</i>	-----	-----
24	Astronomical observatory and settlement <i>астрогородок</i>	Функции населенного пункта	-----

Анализ паремиологического поля лексемы **village** и ее синонимов в английском языке, которое репрезентируется лексемами **country, borough, settlement, whistle-stop** показывает, что национальное сознание англичан выделяет важными нижеперечисленные признаки:

- степень удаленности (далеко/очень далеко) от центра (города);
- неудобное для жизни место, лишённое благ цивилизации;
- социально малозначимый сельский населенный пункт;
- определенные виды занятий населения;
- консервативность, отсталость жителей.

Из 4 значений лексемы **village** — 1. Небольшой по размерам населенный пункт с церковью и школой, расположенный в сельской местности, где проживает небольшое количество жителей, являющийся административно-территориальной единицей и частью округа в США; является муниципальной корпорацией со своим уставом и органом самоуправления, во II–IV вв. в нем прожива-

ли бедные слои населения (в Англии); 2. Сельское население, люди, проживающие в сельском населенном пункте, жители деревни; 3. Администрация или муниципалитет небольшого по размерам населенного пункта в сельской местности; 4. Характерный, типичный для сельского населенного пункта или характеризующий сельский населенный пункт (в значении прилагательного или в качестве определения) — актуализируется значение 1.

Итак, в английском языковом сознании «village» — это небольшой сельский населенный пункт, обычно расположенный (очень) далеко от города, где население занимается сельским хозяйством и снабжает город продуктами; в то же время эти люди отсталые, косные из-за проживания в далеком от цивилизации месте, поэтому за селян бывает стыдно/неловко из-за их невежества и/или простоты. Таким образом, лингвокультурологический аспект описания значения слова «village» содержит две составляющие — характеристику сельского населенного пункта и типичные признаки его жителей.

Анализ паремий в русском языке

Для построения паремиологического поля лексемы «деревня» мы использовали следующие источники: 1. Фразеологический словарь русского языка Н. В. Федосов, А. И. Папицкий; 2. Фразеологический словарь русского языка Молотков; 3. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. В. И. Даль; 4. Словарь современного русского языка под редакцией Ашукина Н. С., Ашукиной М. Р.; 5. Русские пословицы библейского происхождения И. М. Сирот Брюссель: «Жизнь с Богом» — и нашли следующие фразеологические выражения:

1. **«Забытая деревня»**, Н. А. Некрасов, 1856 (захолустье, глушь, край земли).

2. **Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе**, Плутарх «Изречения царей и полководцев. Юлий Цезарь» (в городе легче затеряться в прямом и переносном смысле).

3. **На деревню дедушке**, А. П. Чехов «Ванька», 1886 (неизвестно куда и кому).

4. **Потемкинские деревни** (очковтирательство, показуха, показательный блеск при неблагоприятном состоянии дел).

5. **«Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины»** — цитата из «Евгения Онегина», А. С. Пушкин (в деревне тихий, размеренный уклад жизни).

Здесь уместно упомянуть о следующих крылатых фразах:

1) **«горнее селение»** (райская обитель);

- 2) **«селение праведных»** (райская обитель);
 3) **гнилые высылки** — очень удаленное от центра местожительство;
 4) **райское селение**;
 5) **отойти в горнее селение** — умереть;
 6) **по городам и весям** — по всем населенным пунктам.

Таблица 2 представляет семантический анализ паремий русского языка слова «деревня» и его синонимов в русском языке:

Таблица 2

№	паремии	Семантический компонент значения	значение
1	Купил бы село, да денег голо	Населенный пункт на территории вне города	сельский населенный пункт
2	Не искал бы в селе, а искал бы в себе		_____
3	Чего нет в себе, не найдешь и на селе		_____
4	Около села лошадка весела		-----
5	Было сельцо да сменял на кольцо, было польцо, да за женину ласку сменял на коляску		_____
6	Деревня меж Кашина и Ростова, позади Козьмы Толстова		_____
7	Деревня на семи кирпичах построена		_____
8	Деревня добра, да слава худа		-----
9	Я за все село не ответчик		Жители, население
10	Меж глаз деревня сгорела		Сельский населенный пункт

Продолжение таблицы 2

11	Деревня переехала поперек мужика		-----
12	Со всех сел Бог свел		-----
13	Ни к селу, ни к городу	Противопоставление городу	_____
14	Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан		_____
15	Бог да город, черт да деревня		-----
16	В городе суета, в деревне маета		-----
17	Город — царство, а деревня — рай		-----
18	Не жалуй в город, я и в деревне живу		_____
19	Москва — царство, а наша деревня — рай		_____
20	Деревня большая: четыре двора, восемь улиц	Маленькая, небольшая по размерам	_____
21	Шуми, деревня: четыре двора, двое ворот, одна труба		_____
22	Солдаткиным детям вся деревня отец	Коллективный, общинный образ жизни	_____
23	Что знает кум, знает и кумова жена, а по ней и вся деревня		_____
24	Не купи деревню, купи соседа		-----
25	Ни в городе порукой, ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед		_____
26	Где деревня, там и порядня	Место упорядоченного, традиционного уклада жизни	_____

Продолжение таблицы 2

27	Где город, тут и ве- ра; где деревня, тут и порядня		_____
28	Деревня богата, так и город богат	Деревня кормит город	_____
29	Что в деревне ро- дится, то в городе пригодится		_____
30	Грибы растут в де- ревне, а в городе их знают		_____
31	Беда на селе, коль лебеда на столе	В деревне может быть голод	_____
32	В деревне пашут, да мякинный хлеб едят		
33	Деревня велика, да доходу нет		-----
34	Жить в деревне — не видать веселья	Тяжелый труд, мало отдыха	_____
35	Иглой да бороной деревня живет		_____
36	Жил-был молодец: в своей деревне не видал веселья, на чужбину вышел — заплакал		_____
37	Городское телятко умнее деревенского дитятка	Косные, необразо- ванные, отсталые жители деревни	
38	Не мешайся дере- венская собака про- меж городских		
39	Эка деревенщина в лесу родилась, пе- нью молилась		Грубоватый, простой, косный человек
40	Эка парень-деревня (деревенщина), ико- ны от лопаты не распознает!		_____

Окончание таблицы 2

41	Деревенская родня, что зубная боль		
42	Хороша деревня, да улица грязна	Неудобное, неухоженное место для проживания	Сельский населенный пункт
43	Всем деревня не выйдет: вода близко, ин лес далеко		_____
44	Деревня родима краше Москвы	Место рождения и проживания	_____
45	Помрешь, так прощай белый свет и наша деревня		_____
46	Москва — царство, а наша деревня — рай		_____

Анализ паремиологического поля лексемы **деревня** и ее синонимов в русском языке, которое репрезентируется лексемами **деревня, село, сельцо, деревенщина, селение, веси, выселки** показывает, что национальное сознание русских выделяет важными нижеперечисленные признаки:

- месторасположение населенного пункта;
- его размер;
- образ жизни населения;
- характеристика населения.

Предложенные для анализа паремии русского языка довольно четко делятся на три составляющие: 1) что такое сельский населенный пункт?; 2) кто проживает в таком населенном пункте?; 3) как живут сельские?

Из 4 значений лексемы деревня — 1) Небольшой по размерам населенный пункт в сельской местности без церкви, отличный от города, в котором проживают крестьяне. Основной вид занятий населения такого населенного пункта — земледелие. *На околице деревни.*

Крестьяне. Основной вид занятий населения такого населенного пункта — земледелие. *На околице деревни.*

2) Сельские жители деревни. *Город и деревня.*

3) Сельская местность, территория вне города. *Деревня ждет дипломированных специалистов.*

4) (*презр.*) Грубоватый, простой, косный человек. *Эх ты, деревня!*

– актуализируются значения 1), 2), 4).

И, таким образом, отвечая на заданные выше вопросы, делаем вывод: деревня — это маленький/небольшой, не всегда удобный и ухоженный, отличный от города населенный пункт, расположенный на территории вне города; там проживают, как правило, ограниченные, необразованные люди, которые тяжело трудятся, снабжая город продуктами, практически не имеют досуга; люди ведут патриархальный, упорядоченный жизненный уклад; община — их естественное мировосприятие и образ жизни. Лингвокультурный аспект описания значения исследуемой лексики распадается на следующие части: кто живет, в каком месте проживают эти люди, как живет население.

Таблица 3
Уровни проявления национальной специфики паремий
в русском/английском языках

№	Виды национальной специфики	Русский язык	Английский язык
1.	Количество анализируемых паремий	46	24
2.	Виды анализируемых паремий	1. Пословицы 2. Поговорки 3. Крылатые выражения 4. Фразеологизмы	1. Пословицы 2. Поговорки 3. Идиоматические выражения
3.	Количество актуализируемых значений	1), 2), 4)	1)
4.	Лингвокультурный аспект	3 составляющих	2 составляющих
5.	Количество синонимов	7 синонимов	4 синонима

Комментируя данные таблицы 3, мы делаем следующие выводы:

1. Лексема «деревня» освоена русским языком гораздо объемнее (46 единиц) в сравнении с лексемой «village» в ан-

глийском языке (24 единицы), исходя из количества паремий в указанных лексикографических источниках.

2. В русском языке представлено больше видов паремий (4), нежели в английском языке (3).

3. В паремиях со словом «деревня» актуализирована большая часть значений — 3 из 4, в отличие от 1 актуализируемого значения из 4 возможных.

4. Лингвокультурный аспект лексики «деревня» состоит из больших составляющих (3) в сравнении с лексемой «village» (2).

4. И наконец, в паремиях со словом «деревня» в русском языке представлено 7 его синонимов, в то время как в исследуемых паремиях со словом «village» встречается лишь 4 синонима.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э. Г., Шукин А. И. Новый словарь методических терминов (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

Алешина Л. Н. Концептологические и лингвокультурологические характеристики национальных ценностей в русской и китайской картинах мира (сопоставительный анализ русских и китайских народных заговоров). Вып. 1 Сопоставительные исследования 3. — 2016. С. 29.

Ковалева М. С. Англоязычные антропонимы как лингвокультурный феномен // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 18. — 2012. С. 184.

Kral T. «The Lighter Side» of TEFL: учебное пособие. Published by the Materials Development and Review Branch English Language Programs Division United States Information Agency Washington, D.C. 20547. — April 1994.

Кунин А. В. Фразаология современного английского языка, 1972.

Конопелько И. П. Франция и французы глазами российских студентов // Культура общения и ее формирование. Вып. 24. — 2011. С. 26.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — 2002. С. 73.

Лебедева А. С., А. Хади Устойчивое сравнение в речевом акте комплимента // Культура общения и ее формирование. — 2010. Вып. 23. С. 31.

Лисина И. Формирование личности ребенка в общении. — 2009. С. 85.

Мруць Н. А. Учет национальных особенностей речевого этикета при обучении русскому языку арабских студентов // Культура общения и ее формирование. — 2012. Вып. 25. С. 12.

Маклакова Е. А. О понятии культура в лингвистических исследованиях // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 18. — 2012. С. 190.

Маклакова Е. А. Лингвокультурологические аспекты семантики имени собственного. Язык и национальное сознание. — 2011. Вып. 17. С. 104.

Маслова М. С. Лингвокультурологическая интерференция в речи китайцев на русском языке (на примере единицы речевого этикета «пожалуйста») // Культура общения и ее формирование. — 2010. Вып. 23. С. 24.

Мюррей Ю. В. Русские пословицы, поговорки и фразеологизмы и их английские аналоги // Russian Proverbs, Sayings and Idioms and Their English Equivalents. — М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008.

Павлова А. Н. Значение фоновой лексики в социально-культурном аспекте // Культура общения и ее формирование. — 2013. Вып. 27. С. 118.

Сиротинина О. Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации. — 2003. — С. 67.

Суперанская Общая теория имени собственного. — 2012. С. 39.

Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. — 2009. С. 4.

Сирот И. М. Русские пословицы библейского происхождения Брюссель: «Жизнь с Богом», 1985.

Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. — 2001.

Тер-Минасова Язык и межкультурная коммуникация (классический университетский учебник). — 2004. С. 86.

Хайруллин В. И. Английский для юристов. Учебное пособие. — 2008. С. 13.

Хаустов Э. Д. Язык и национальное сознание. — 2007. Вып. 9. С. 48.

Чарыкова О. Н. Лингвокогнитивные основы описания национальной метафорической картины мира // Язык и национальное сознание. — 2010. Вып. 14. С. 59.

О. В. Лунёва
Волгоград, Россия

ИНИЦИИРОВАНИЕ ОБЩЕНИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС¹

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена феномену коммуникативной инициативы. В работе представлены результаты анализа механизма взятия и удержания инициативы, а также проявления инициативы в завершении беседы. Описаны константные и переменные составляющие данного процесса, вербальные и невербальные средства выражения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межличностное общение, позитивная коммуникация, коммуникативная инициатива, культура речи, речевая деятельность, вербальное общение, невербальное общение.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Лунёва Оксана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского Государственного Института Искусств и Культуры (ВГИИК).*

Адрес: 400001, Волгоград, ул. Циолковского, 4.

E-mail: luneva.alaska@gmail.com.

O. V. Luneva
Volgograd, Russia

INITIATING INTERACTION AS A COMMUNICATIVE PROCESS

ABSTRACT. *The article is devoted to the phenomenon of communicative initiative. The author presents the results of analysis of the mechanism of taking and holding initiative, expressing initiative in order to stop interaction. The article describes permanent and variable constituents of this process, as well as verbal and nonverbal means of expression.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта №16-34-00016

KEYWORDS: *interpersonal communication, positive communication, communicative initiative, speech culture, verbal activity, verbal communication, nonverbal communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Luneva Oksana Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Volgograd State Institute of Arts and Culture.*

Проявление коммуникативной инициативы — это стартовый момент коммуникации. И от того, насколько удачным будет этот первый шаг, зависит в целом успешность и позитивность коммуникативного процесса. Процесс взятия инициативы отражает соотношения механизмов внутренней речи с универсально-предметным кодом как «стыком речи и интеллекта» [Жинкин 1982], что представляет собой движение от замысла к его вербализации согласно универсальной общечеловеческой схеме смыслообразования.

Анализируя механизм коммуникативной инициативы, мы выделяем ряд константных и переменных составляющих, определяющих характер и успешность данного коммуникативного процесса. К константным составляющим относятся: зарождение интенции, формулировка содержания сообщения на уровне внутренней речи, передача сигналов инициирования общения, введение новой темы, мена коммуникативных ролей, передача сигналов завершения общения. Переменными и составляющими являются: гладкая мена коммуникативных ролей либо взятие инициативы силой; ее добровольная либо вынужденная передача партнеру по общению; развитие/смена темы самостоятельно либо собеседником и т.д.

Зарождение интенции является обязательной начальной стадией порождения речевого высказывания. Коммуникативная интенция понимается как конкретная цель высказывания, отражающая потребности и мотивы говорящего (эгоцентризм/децентризм; активность/пассивность; темперамент; уровень воспитанности; культурная принадлежность и т.д.) или с самой коммуникативной ситуацией (необходимость передать срочную информацию; затянувшаяся пауза; напряженная обстановка, требующая смены темы и разрядки атмосферы и пр.). Первоначально характер зародившейся интенции имеет еще достаточно размытый, интуитивно ощущаемый смысл. Далее у

личности возникает замысел передать сообщение партнеру, что предполагает осознание зародившейся интенции и ее дальнейшую конкретизацию применительно к условиям коммуникации. У говорящего формируется желание реализовать интенцию, конкретизируется выбор адресата и стратегия поведения. Интенция инициирования общения соотносится с функциональной направленностью коммуникативной инициативы и соответствующим стратегическим выбором. Так, выделяют побудительную, эмоционально-оценочную, информативную и контактную интенции [Антонова 2006]. В зависимости от формы экспликации интенция может быть явной или скрытой. Коммуникативная интенция — динамическая категория, смысл которой может меняться в процессе интеракции на этапе вербализации замысла.

Формулировка содержания сообщения на уровне внутренней речи предполагает внутреннее программирование высказывания, то есть выбор его общей структуры, отнесение высказывания к данной предметной ситуации, выбор соответствующей лексики, проведение лексико-грамматические операций по развёртыванию высказывания [Сузов 2006]. Также на данном этапе имеют место эмоциональная «настройка» и внутренняя подготовка речевого механизма к просодической экспликации порождаемого высказывания.

Передача сигналов инициирования общения. Реализация коммуникативной интенции требует определенной внешней активности со стороны потенциального инициатора общения, что подразумевает привлечение внимания собеседника к планируемому введению темы диалога через открытие канала общения. Привлечение внимания осуществляется через посыл сигналов инициирования общения в вербальной или невербальной форме. В качестве таких невербальных сигналов могут быть *поднятие руки, указание пальцем на себя, фиксация взгляда на собеседнике, покашливание и т.д.* как демонстрация желания высказаться. Открытие канала общения может также осуществляться через вербальные реплики, выполняющие в основном этикетную функцию, например, приветствие либо использование привычной формы обращения: *слушайте; а знаете...; я сейчас такое расскажу...* и т.п. Даже выбранная форма обращения может сигнализировать о предстоящей тональности разговора, подтверждение чему мы находим в следующем примере: *Кстати, у них как-то само собой установилось: если Катя была благорасположена, то называ-*

ла его Тапочкиным. Обращение «Тунядыч» означало пусть маленькое, но неудовольствие (Ю. Поляков. Замыслил я побег).

Иногда в качестве маркера открытия канала общения выступает одно слово, имплицитно указывающее на коммуникативную интенцию инициатора общения:

Соня вошла в кабинет, неловко повернувшись, смахнула лежащие на краю стола бумаги и встала напротив стола, словно ее вызвали в деканат. Виноватый человек, вызванный в деканат, всего боится, и Соня быстро перебирала в уме — что она сделала плохого? — Кефир! «Кефира нет и не будет, я уезжаю в Австралию», — чуть не выпалила Соня и принесла кефир. Алексей Юрьевич, не глядя, протянул руку, взял чашку и начал читать вслух (Е. Колина. Умница, красавица).

В данном примере слово «кефир» подразумевает указание принести супругу кефир как традиционный для него ритуал, и при этом не отвлекать его от важного занятия.

В зависимости от ситуации общения и личностных характеристик его участников, следующим возможным, но не всегда реализуемым шагом является *получение допуска, разрешения* на сообщение информации [Макаров 2003: 200], например: *извини... я хотела тебя спросить...; не знаю, как это тебе сказать...; я хотела с тобой поговорить, но не знаю, как начать...; может я и не прав, но скажу* и т.п. Одна из задач таких вербальных сигналов — установить тональность общения, степень серьезности обсуждаемой темы. Это происходит в соответствии с фактором уместности введения темы, а также на основе этикетных норм, с учетом характера взаимоотношений партнеров.

Введение темы представляет собой ключевой момент механизма иницирования как реализацию начальной коммуникативной интенции. Если привлечение внимания можно осуществлять как вербальным, так и невербальным способом, то введение темы происходит в основном на вербальном уровне. Экспликация темы предполагает передачу или ориентирующий запрос на получение определенной информации:

Послушай, Бо, может быть, рассказать детям о том, что такое рождественская елка, что это за праздник, откуда это пришло, вообще обо всем этом? (В. Аксенов. Московская сага).

Если отмеченные выше компоненты механизма проявления инициативы являются обязательными для иницирования общения, то развитие инициативы, понимаемое как ее сохране-

ние, контроль над развиваемой темой, и распределение инициативы как борьба за нее, перехват инициативы собеседником или ее добровольная передача в процессе смены ролей относятся к *переменным* составляющим анализируемого механизма.

Сохранение инициативы инициатором общения может быть обусловлено активностью и заинтересованностью его в обсуждении данного вопроса или привычным доминированием в супружеских отношениях. Так в следующем примере инициатива сохраняется за женой на протяжении всего разговора, что является коммуникативным проявлением ее авторитарности:

– *Вот твоё расписание до отъезда. Значит, после фонда в одиннадцать у тебя делегация медиков из штата Айова; в двенадцать придет Шелатуркин, он баллотируется в Думу, может пригодиться, если пройдет, а у него грыжа.*

– *Думаешь, грыжа ему помешает? — желчно спросил Каштанов.*

– *Не остри! — отмахнулась Полина Сергеевна и продолжала командовать: — В тринадцать сорок пять открытие бутика фирмы кожаных изделий «Аманти».*

– *А я-то причём?*

– *Высокопоставленным гостям будут раздавать подарки. Возьмешь для меня портфель, коричневый не бери, обязательно серый, это элегантней; в пятнадцать тридцать заскочи в бельгийское посольство, там прием по поводу отъезда культурного советника.*

– *На кой черт он мне сдался, если уезжает!*

– *Не будь циником! И, наконец, в семнадцать открытие птицефабрики! (Э. Брагинский. Тихие омуты).*

Еще одним из вариантов мотивации сохранения инициативы является пассивность партнера, связанная, как в следующем примере, с обидой и нежеланием вступить в разговор:

Зилов: Привет.

Галина: Доброе утро. (Погасила лампу на столе.)

Зилов: А почему ты не спишь?.. (Пауза) Что, много работы?.. (Снимает пиджак, бросает его на тахту.) Ты что, совсем не ложишься?.. (Маленькая пауза) Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади. (Садится на тахту.) Я падаю с ног. (Зевает.) Нет, из этой конторы надо бежать. Бежать, бежать... Ну сама посуди, разве это работа?.. Знаешь, где я был?.. (Маленькая пауза.) Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда — бах! Садись — поезжай... (А. Вампилов. Утиная охота).

Также развитие темы может осуществляться и адресатом через мену ролей:

Звонила Анна Борисовна. Просит одолжить пятьдесят рублей.<...>

— Просит — надо дать, — наконец проговорила Нина.

— Ты с ума сошла, с каких шишей?! — воскликнул он растроенно. — У нас до шестнадцатого осталась тридцатка!

— У тетки Нади одолжим. И что ты вопишь, как раненый заяц? Чем я виновата? (Д. Рубина. На верхней Масловке).

Проявление коммуникативной «борьбы» как перехват или делегирование инициативы в процессе мены ролей трактуется как распределение инициативы и также представляет собой переменные составляющие механизма инициативы. При этом делегирование инициативы может быть перформативно выражено: *а ты как думаешь?*, а может быть имплицитно реализовано, как в следующем примере:

— Я ухожу! — сказала Майя.

— Куда? — спросил Гуннар. — Ты помнишь Матиса, вот тут написано: он на каком-то конкурсе получил первую премию!

— Я ухожу насовсем! — продолжила Майя.

— Как это говорят у вас по-русски, — Гуннар не выказал ни малейшего беспокойства, — не мели чепухи! (Э. Брагинский. Звоночек).

Реплика Майи *Я ухожу!* предполагает неявное делегирование инициативы мужу: выяснение причины, экспликация адекватных эмоций и т.д., однако супруг, задав возможный формальный вопрос и не дожидаясь ответа, переключает тему разговора.

Мена темы может происходить по инициативе адресанта:

Ты только и боишься за своего детеныша, а на меня тебе наплевать! — Ну, Никочка, ну, деточка! Она вытерла лицо, спросила чуть поспокойнее: — Ну, что там, в вашем дурачком наркомате? Перевели тебя наконец в Москву? (В. Аксенов. Московская сага).

Однако более частотной представляется смена темы адресатом в связи с отсутствием интереса к предлагаемой партнером темы, желанием разрядить обстановку или в связи с ситуацией общения как в предлагаемом ниже примере, где муж-художник неожиданно находит творческий стимул в бытовой ситуации:

Нина спросила что-то, повторила громче. — А? — он поднял от книги голову. — Кашу! Подогреть? Или так сойдет?

Молча откинув голову, он рассматривал жену, как смотрят на незнакомку в вагоне метро. — Что это за вишневое на тебе? Она пожалала плечами: — Шаль... Старенькая... Ты видел раз пятьдесят. Он смотрел, прищурив правый глаз. — Надо написать тебе в вишневом. Кашу не грей (Д. Рубина. На верхней Масловке).

Инициатива может иметь место не только при введении темы и ее развитии, но и при завершении диалога. К распространенным вербальным сигналам завершения общения относятся как вежливые этикетные формы: *к сожалению, вынужден распрощаться; извини, договорим в следующий раз; давай вернемся к этому вопросу позже*, так и прямые, иногда даже бестактные выражения отказа продолжать общение: *Надоело!; Без толку обсуждать это с тобой!; Хватить мусолить эту тему!; Мне этот разговор неприятен* и т.д. В качестве невербальных сигналов используются похлопывание по плечу, воздушный поцелуй, указание на часы (нет времени, спешу) и т.д. Можно сказать, что завершение общения происходит по аналогии с его инициированием, отличительные признаки становятся заметными только при анализе использованных коммуникативных средств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм коммуникативной инициативы включает как инвариантные, так и вариативные компоненты. Перспективы дальнейшего исследования включают рассмотрение особенностей проявления и развития коммуникативной инициативы на материале разных видов дискурса, а также в диахроническом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Ю. Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2006. 183 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982. 158 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е. — М.: КомКнига, 2006. 288 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса: моногр. — М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание. — М.: Восток — Запад, 2006. 382 с.

Черничкина О. В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2013. 184 с.

УДК 811.161.1'37:811.111'37:39
ББК Ш141.12-006.3+Ш143.21-
006.3

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Маклакова
Воронеж, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАН- ТИКИ СЛОВА

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются проблемы исследования семантики лексики в ракурсе её национальной специфики. На конкретных примерах русских и английских слов и словосочетаний автор обосновывает разграничение национально-языковых и национально-культурных особенностей, выявляемых в их значениях при описании и сопоставлении.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурологические исследования; лингвокультурология; лексическая семантика; значения слов; русский язык; английский язык; сопоставительное языкознание; семантика слова.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Маклакова Елена Альбертовна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова.
Адрес: 394087, Воронеж, ул. Тимирязева, 8.*

E. A. Maklakova
Voronezh, Russia

NATIONAL LINGUISTIC SPECIFICITY AND LINGUO-CULTURAL FEATURES OF WORD MEANING

ABSTRACT. *The article deals with the problems of investigation of lexical semantics from the point of view of its national specifics. The author substantiates the differences between national-linguistic and national-cultural specific features of their meanings revealed during their description and comparison and illustrates them with examples of Russian and English words and word combinations.*

KEYWORDS: *linguo-cultural research; linguo-culturology; lexical semantics; word meaning; Russian language; English language; comparative linguistics; word meaning.*

ABOUT THE AUTHOR: *Maklakova Elena Al'bertovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov.*

Язык тесно связан с духовной культурой человечества наряду с другими знаковыми системами и может многое сказать о ней и её специфике. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код — систему взаимосвязанных значений, отражающих специфические, исторически обусловленные мировосприятие и миропонимание, присущие определенному языковому сообществу.

Следует принять во внимание, что большую часть своей жизни обычный человек проводит, подражая тем или иным культурным образцам, следуя установленным паттернам поведения. Соответственно, если некоторая ценность, верование, убеждение и знание прошли эстафету поколений и нашли свое отражение в языке, то это и есть достаточный критерий культурной значимости всех этих форм опыта. Совершенно справедливо утверждать, что «духовная культура как объективное ментальное образование оказывает воздействие на людей, в значительной мере определяет их ценностно-мыслительные ориентации» [Поппер 1983: 302–303].

В лингвистике уже давно сложилась традиция изучения национальной специфики языка, в большинстве случаев касающейся семантики слов, сквозь призму культуры. По мнению А. Гудавичюса, в лексической семантике существуют «поверхностный и глубинный уровни отражения культуры». Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, «когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация)». Глубинный же уровень «кроется в природе самого значения как сокращенного понятия, сигнализирующего об объектах действи-

тельности (или концептах) при вторичной референции в актах речи» [Гудавичюс 1980: 57].

А. А. Леонтьев выделяет систему факторов, определяющих национальную языковую специфику, к которым относятся как «факторы, связанные с культурной традицией и с социальной ситуацией, так и факторы, определяемые спецификой языка данной общности» [Леонтьев 1997: 191–192].

Полагаем, что далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа. Думается, что при исследовании проблем, связанных с национальной спецификой того или иного языка, из всех многочисленных определений, предлагаемых авторами семантических и лингвокультурологических исследований, предпочтительнее принять узкое толкование *культуры*, понимая её как *культуру духовную* — это ценности, принципы, нормы и правила, ритуалы как принципы эталонного бытового поведения, а также произведения литературы и искусства (художественная культура).

Соответственно, придание отдельному слову статуса *культурного* или *ключевого* для данной лингвокультурной традиции нуждается в лингвистическом обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» [Карасик 1996: 5].

Справедливо утверждение А. Вежбицкой, что «не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т.е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия» [Вежбицкая 2001: 38].

Так, в семантике многих лексических и фразеологических единиц выявляются стилистические и шире — функционально-структурные различия, которые никак не обусловлены факторами культуры, специфичными для соответствующего народа. В то же время, согласно результатам нашего исследования, в семантике сопоставимых единиц разных языков фиксируются многочисленные тождественные семантические компоненты значения, которые отражают универсальные, общечеловеческие явления культуры, поскольку принадлежат не отдельно взятому народу, а являются достоянием человечества в целом.

Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные соответствия в английском языке дифференцируются по составу конституирующих их компонентов и по фразеологическому образу, то есть имеют национальную специфику семантики, однако выражают тождественные для двух культур ценностные культурные ориентиры, демонстрируя тем самым отсутствие культурологически значимых национальных различий:

вырос, а ума не скопил ≈ *better fed than taught* (откормлен, но не обучен) — о невоспитанном или необразованном человеке — *неодобрительное*;

так себе, ни то ни сё ≈ *betwixt and between* (между и между) — о человеке среднем, ничем не примечательном — *пренебрежительное*;

ум хорошо, а два — лучше ≈ *four eyes see more than two* (четыре глаза видят лучше, чем два) ~ [этим. лат. *Plus vident oculi quam oculus* — несколько глаз видят лучше, чем один] — о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия;

притча во языцех ≈ *the talk of the town* (то, о чём или тот, о ком говорит весь город) — предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

Само утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления в любом случае должно быть доказано конкретными фактами конкретной культуры. При наличии таких доказательств данное явление становится лингвистическим фактом и дополняет описание национальной специфики языка, в противном случае — лингвокультурологические версии остаются гипотезами, не дающими лингвистике достоверного знания о языке.

Например, для жителей многих стран *снег* — это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые предметы: белоснежные волосы, кожу, плечи; с белым цветом *жемчуга* ассоциируется белизна зубов; *мел* — тоже белый, но в сознании русскоязычных людей с ним обычно воспринимается по ассоциации цвет побледневшего лица, описывая которое также говорят: бледный как *полотно* или *смерть*. Англоязычные люди *бледное лицо* образно связывают со следующими предметами: *white as a sheet* (*полотно*), *as ashes* (*пепел*), *as death* (*смерть*), *as ghost* (*приведение*), *as the driven snow* (*выпавший снег*); при этом белоснежность метафорично описывают как *white as milk* (*молоко*), *as snow* (*снег*), *as wool* (*руно*).

Слова *щепка, спичка, спица* применяются в русском языке для образного описания худобы человека. Напротив, в семантике слов *иголка, соломинка, волосок, шило*, которые также обозначают вещи тонкие, не выявляется компонент, служащий для обозначения такого физического состояния человека, и образная потенция данных слов раскрывается во фразеологических сочетаниях с другими значениями: *на волоске* — в крайне опасном или ненадёжном состоянии; *не иголка* — трудно потерять; *шило в попе* — грубо, о вертлявом, непоседливом человеке, обычно ребенке; *утопающий хватается за соломинку*.

Подобная особенность значения слов свидетельствует о наличии у них образности, закреплённой в их семантике речевой практикой, однако не доказывает наличие у них национально-культурной специфики, поскольку никаких доказывающих это конкретных ритуалов либо ментальных фактов культуры привести невозможно.

В английском и русском языковом сознании ассоциации, связанные с описанием худого человека, ненадежного состояния, крайнего средства спасения, пустой траты времени и т.п. в некоторых случаях совпадают:

dry as a chip (высохший как щепка), *by a hair / within a hair of* (на волосок),

a drowning man will catch at a straw (утопающий хватается за соломинку),

look for a needle in a bottle of hay (искать иголку в стое сена).

В следующих фразеологических сочетаниях упомянутые английские лексические единицы ассоциируются с другими образами, отличными от тех, что существуют в русском национальном сознании:

not worth a straw (не стоить и соломинки ~ гроша ломанного не стоит),

it is the last straw that breaks the camel's back (последняя соломинка ломает спину верблюда ~ последняя капля, переполняющая чашу терпения),

sharp as a needle (острый как игла = наблюдательный, проницательный, находчивый),

as thin as a lath (худой как рейка), *as thin as a rail* (... как рейка, шпала), *as thin as a rake* (... как грабли), *as thin as a thread-paper* (... как полоска бумаги), *as thin as a whipping post* (... как столб позора).

Представляется, что подобные примеры, число которых может быть умножено многократно, никак не отражают различия культур, а отражают различие в коммуникативных потребностях народов, которые вызывают формирование тех или иных лексических дифференциаций или интеграций.

Почему возникли те или иные лексические дифференциации или интеграции, почему так или иначе символизируется то или иное явление — вопросы, которые обычно не могут быть решены однозначно, большинство объяснений находятся в сфере случайности, уходящей корнями во время первичной номинации предмета словом; особенно часто это может быть отнесено к детальности номинации той или иной сферы действительности (номинативной плотности лексических группировок), дифференциации номинативных средств языка, внутренней форме единицы, метафорам, символик.

Ср. словарное толкование фразеологического образа ФЕ *мышинный жеребчик*, которое более похоже на предположение или версию: «В образе фразеол. дошли до нас представления о неравных браках, являющихся одной из исторических традиций на Руси и отражающие определенные устои классового общества» [БФСРЯ 2006: 480].

Ср. также словарное толкование фразеологического образа ФЕ *нет царя в голове*: «Образ фразеол. связан с древнейшими представлениями о бытии — небытии. С помощью компонента **нет** выражается смысл абсолютного отсутствия, несуществования кого-л., чего-л. Понятие, выражаемое словом **нет**, в русской культуре очень значимо, отсутствие чего-л. ощущается, является зримым и находит свое воплощение в вещной метафоре; ср. фразеол. *дырка от бублика, ноль без палочки, пустое место...* [БФСРЯ 2006: 480].

Думается, что на современном этапе развития науки о языке уже совершенно недостаточно обобщенно констатировать, как это часто делается в некоторых современных работах, претендующих на статус лингвокультурологических, что данное явление «*очень значимо в культуре народа*», «*отражает особенности культуры народа*» и т.п. — необходимо эксплицитно объяснить, какой культурный феномен, явление, факт национальной культуры отражает та или иная единица, ее значение или семантический компонент.

Иными словами, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо

эксплицитное выделение *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных **конкретными** фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа [Маклакова, Стернин 2015: 245].

Немаловажную роль играют при этом изменения в употребительности лексемы или семемы, обусловленные культурными изменениями, то есть объяснимые с позиций изменений, происходящих в национальной поведенческой культуре. Например, изменения в частотности лексем установлены в исследованиях У. Талла на примерах уменьшительно-ласкательных форм наименований гостей в русском языке. Исследованный материал показывает, что выходят из употребления или становятся значительно менее употребительными ласкательные наименования гостей (*гостьюшка, гостенек, гостинчик, гостек, гостинька, гостейка*, в значении слова *гостья* ласкательное значение вышло из употребления совсем). Такие единицы становятся мало-частотными. «Это объясняется тем, что в современной русской культуре постепенно ослабляется положительно-эмоциональное отношение к гостям, оно становится более ритуальным, что и ведет к снижению частотности номинации ласкательного отношения к гостям» [Талл 2011: 115]. Соответственно, конкретный факт изменений в культурных ритуалах доказывает, что данное явление имеет в языке *культурную обусловленность*.

«Высокая эмоциональность русского человека и демонстрируемое им в общении устойчивое стремление к установлению дружеского межличностного контакта с собеседниками» [Прохоров 2006: 32] обуславливает наличие в русском языке многочисленных эмоционально-ласкательных единиц в функции обращения: *матушка, матуша, матуня, матуничка, матуненька, матунюшка, матуся, матусенька, матуля, матуличка, матя, матунька, батенька, голуба, гражданочка, любушка, милочка, милава, милена, милуша, милушка, мипаша, мипашиха, душка, душатка, душарка, душаточка, братишка, вдовушка, внучек* и т.д. Наличие в русском языке большого количества слов с эмоционально-оценочными суффиксами разной семантики (*лебёдушка, девуня, девчушка, девчурка, девонька, деваха, девка, детина, дочурка, дурачина, дурища, дурында, дуреха, дурёшка* и мн. др.) может быть объяснено повышенной эмоциональностью русского общения и востребованностью эмоциональных единиц в общении русского человека. Приведенные примеры могут быть интерпре-

тированы как имеющие *лингвокультурный характер, отражающие национальную культуру народа*.

Если же предлагаемое объяснение языкового явления носит гипотетический или общий характер (например, это *отражает особую душевность русского народа, это отражает любовь данного народа к природе, это отражает особую любовь англичан к морю*), то в таких высказываниях просто констатируется возможная связь семантики слова с культурой, что вполне может и не подтвердиться при конкретном исследовании. Коммуникативно-обусловленные различия в номинативной плотности языковых сфер с точки зрения объяснительной лингвистики нуждаются в конкретном анализе в каждом отдельном случае.

Специфика внутренней формы языковой единицы, а также дифференциация языковых средств в номинации определенной предметной области автоматически не могут быть интерпретированы как отражение *лингвокультурной* специфики языка — эти различия могут быть обусловлены чисто случайными причинами. Если удастся мотивировать данные различия при помощи конкретного факта той или иной национальной культуры, то такие различия могут быть признаны *национально-культурными*. Если же такая мотивация невозможна, то можно говорить лишь о *национальных* особенностях семантики, но не о *национально-культурных* особенностях семантики.

Полагаем, что выявление *культурной* специфики семантики как отражения ментальной культуры в семантике слова связано с отражением в семантике языковых единиц:

- духовных явлений (образов художественной культуры): литературных реалий, прецедентных художественных (паремий, мифов, сказок) и нехудожественных (например, рекламных, публицистических) текстов, в том числе и экранизированных произведений;
- а также опредмеченных духовных явлений (социальных ритуалов, культурных явлений, социальных институтов, отражающих духовные явления как элементы сознания народа).

Знание прецедентных текстов, с которыми могут быть тесно связаны культурные ассоциации, весьма существенно для адекватного понимания национально маркированных языковых единиц. По мнению Г. Г. Слышкина, «реминисценции, основанные на апелляции к прецедентным текстам, должны отвечать следующим условиям: во-первых, осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст; во-вторых, знакомство адресата с исходным текстом и его спо-

способность распознать отсылку к этому тексту; в-третьих, наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста» [Слышкин 2000: 48]. Незнание прецедентных текстов как в родной, так и в чужой культуре, неосознанное игнорирование их культурной «привязки» к речевым актам может приводить к коммуникативным неудачам.

Примерами собственно литературных сем, отсылающих к национально-литературным реалиям или прецедентным текстам, являются следующие микрокомпоненты значения, описанные в семантике наименований лиц:

колокольный дворянин — лицо духовного сословия — из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»;

кисейная барышня — лицо, женский пол, провинциальная, ограниченная, простодушная, жеманная — персонаж повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» 1860 г.;

лебедь, рак да щука — о компании с различными интересами — от названия басни И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»;

лишний человек — в русской литературе XIX в. тип человека, не умеющего найти применение своим силам в общественной жизни, своего рода форма косвенного, неполитического протеста против сложившихся в России условий жизни (выражение вошло в употребление после публикации «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева 1850 г.);

маг и волшебник — человек, который очаровывает кого-л. своим умом, знаниями, мастерством и т.п. (заимствовано из комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» 1855 г., где рассказывается об авантюристе Кречинском, которого называют магом и волшебником);

Маша-растеряша — о том, кто отличается сильной рассеянностью, постоянно что-л. забывает — персонаж из стихотворения Л. Ф. Воронковой, 1906–1976;

Саша с Уралмаша — простоватый, не слишком образованный провинциал [Юганов 1994: 163] (из кинофильма «Два бойца» (1943 г.), в основу сценария которого легла повесть Л. И. Славина «Мои земляки», так один из героев фильма шуточно называет своего друга);

человек в футляре — живущий своими узкими интересами; отгородившийся от людей, от жизни; косный и замкнутый (по одноименному рассказу А. П. Чехова);

another Richmond in the field — ещё один неожиданный соперник (измененное шекспировское выражение) [Кунин 1984: 630];

Man Friday = Пятница — верный, преданный слуга (по имени верного слуги в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо», по аналогии: *a girl Friday* — помощница, правая рука, надежный работник, особ. о девушке-секретаре) [Кунин 1984: 313, 481];

Simon Legree — жестокий властитель (по имени злодея-надсмотрщика из романа «Хижина дяди Тома», избивающего негра Тома до смерти);

white hat = белая шляпа — хороший парень, *black hat* = черная шляпа — злодей, негодяй (исходя из одежды героев американских фильмов);

deep throat — тайный информант, осведомитель (псевдоним осведомителя, фигурировавшего в скандале с разоблачением установки подслушивающих устройств в штаб-квартире избирательной кампании демократов в гостинице «Уотергейт», взятого им по названию порнографического фильма);

– а также следующие микрокомпоненты значения, выявленные в семантике наименований лиц посредством психолингвистического эксперимента (количество ассоциативных реакций на слова-стимулы указано цифрами):

тупой — фильм: «*Тупой и ещё тупее*» 15, известны выражения: *тупой как баран* 3, *как валенок* 1, *как пробка* 1;

дикий — персонажи книг и сериалов: *Дикий ангел* 1, кличка *Дикий* 1;

бомж — персонажи юмористического телешоу «Наша Russia»: *бомжи Сифон и Борода* 2;

папа — спортивная передача «*Папа, мама, я — веселая семья*» 1, песня «*Папа, подари мне куклу*» 1.

Следующие примеры наименований лиц, служащих для обозначения участников свадебного обряда, свидетельствуют об изменении или исчезновении *культурной значимости* ряда языковых единиц, что нашло свое отражение в переходе таких лексических единиц из разряда современной и частотной в разряд устаревшей и малочастотной или неупотребительной лексики:

дружка (совр., частот.) — распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом;

шафер (совр., малочастот.) — в церковном свадебном обряде: человек, состоящий при женихе (или невесте) и во время венчания держащий у него (неё) над головой венец;

вежевуха (устар., редк.) — бойкая женщина, управляющая свадьбами;

гостинщина (устар., неупотр.) — каждая из девушек, приехавшая от жениха к невесте с подарками накануне свадьбы, либо на девичник (их угощают и отправляют кататься по городу).

Одна из граней обсуждаемой проблемы касается изучения системы базисных концептов: отражая в своей семантике длительный процесс развития народа, подобные ментальные единицы языка передают от поколения к поколению определенную значимую для мировосприятия и миропонимания данного народа информацию, которая фиксируется в виде фоновых знаний посредством единиц языка. Необычайно широкое распространение этого направления исследований объясняется тем, что оно естественно и гармонично сливается с когнитивным подходом, уже прочно укрепившимся в российской лингвистике и принявшим данную разновидность концептологического анализа в качестве одной из ведущих областей когнитивной лингвистики.

При этом следует отметить, что *национальная специфика концептов* далеко не всегда непосредственно связана с культурой народа. Она проявляется в наличии безэквивалентных языковых единиц, называющих соответствующие концепты у разных народов. Сюда же, очевидно, могут быть отнесены некоторые концепты, именуемые собирательными наименованиями лиц: *интеллигенция, номенклатура, провинция, деревня, власти, контра* и под. Например, ряд американских авторов, пишущих о России сочли необходимым воспользоваться следующими русскими словами, вкрапленными в английский текст — *nomenklatura, bespartiiny* (Shipler 1989), *vozhd, vlasti* (Lourie, Mikhalev 1989), так как вероятнее всего, не смогли подобрать английские переводные соответствия, соответствующие данным концептам русской культуры, воплощенным в соответствующих языковых единицах.

Отметим, что концептуальная сфера не идентична сфере лексических значений. Как следствие этого, например, наблюдается несовпадение содержания и структуры концептов содержанию и структуре одноименных лексико-семантических полей. Например, концепт *человек* и лексико-семантическое поле *человек* не совпадают: в концепте есть большая энциклопедическая периферия, индивидуальная составляющая, а в ЛСП участвуют только системные значения образующих его единиц (аналогично концепты и ЛСП: *личность, мужчина, женщина, учитель, мастер, лидер* и т.п.). Номинативное поле концепта может не совпадать с ЛСП — в него входят несколько иные единицы, нежели в ЛСП.

Нельзя не учитывать и подвижности отношений между концептом и лексемой, в процессе исторического движения языка происходят как явления деконцептуализации, так и явления концептуализации.

Некоторые концепты (но далеко не все) могут быть обусловлены национальной культурой. В таком случае номинирующие их лексические единицы будут отражать в своей семантике культурные факторы. «Культурные доминанты в языке объективно выделяются и могут быть измерены. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов» [Карасик 2002: 205].

Следовательно, когнитивное содержание культуры, выраженное в культурных концептах, требует отдельных параллельных исследований для выявления при этом их **национальной когнитивной специфики**, что следует относить к предмету *лингвокогнитивных* исследований.

Исследование национально-культурной специфики языка в рамках семной семасиологии предполагает выявление и описание национально-культурных сем в парадигме объяснительной лингвистики.

Подобное описание может осуществляться как внутри одного языка (семы, обусловленные фактами национальной духовной культуры), так и при сопоставлении двух и более языков (семы, различающиеся как отражение разных национальных духовных культур).

Таким образом, для исследования культурной специфики языка в рамках семной семасиологии представляется важным и принципиальным:

- не усматривать в любых семантических различиях языков отражение культурных факторов;

- определить для лингвокультурологического анализа языковых единиц *культуру* как явление ментальное — совокупность ментальных ценностей, принципов, норм и правил народа, а также совокупность произведений литературы и искусства (художественная культура);

- систематизировать формы отражения культуры в языке и рассматривать языковые явления в рамках выделенных форм

(культурно-обусловленные семы, лингвокультурные значения, культурные концепты);

– подтверждать выявленную национально-культурную специфику семантики конкретных языковых единиц конкретными фактами национальной культуры.

Лингвокультурология в таком случае может быть определена как наука о *национально-культурной специфике* семантики языковых единиц.

Соответственно, интерпретацию лингвокультурных сем, семем, концептов следует осуществлять посредством специально разработанной для этих целей лингвокультурологической методики, одним из начальных этапов которой, вероятно, и будет выявление *национальной специфики* явлений языка.

Подчеркнем, что лингвокультурологический подход в современной лингвистике следует рассматривать в качестве *дополнительного аспекта лингвистического описания семантики языковых единиц*, направленного на объяснение и доказательство культурно обусловленных причин возникновения национальных особенностей семантики языковых единиц.

Данная точка зрения имеет несомненное преимущество, прежде всего потому, что позволяет отграничить *лингвокультурную специфику семантики* от более широкого понятия — *национальная специфика семантики*, определить соотношение этих понятий, конкретизировать и уточнить данные термины.

ЛИТЕРАТУРА

Гудавичюс А. Универсальное и специфическое в лексическом значении // *Slavia*. XLIX. — Praha, 1980. № 2. С. 52–67.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001. 288 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*. — Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. 287 с.

Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Изд. 2. — Берлин: Издательство: «Директ-Медиа», 2015. 457 с. Режим доступа: [http://www.directmedia.ru/book_375680_teoreticheskie_problemyi_semnoy_semasiologii/](http://www.directmedia.ru/book_375680_teoreticheskie_problemy_semnoy_semasiologii/).

Поппер К. Логика и рост научного знания (*Logik der Forschung*) / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — М.: Флинта-Наука, 2006. 326 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. 128 с.

Талл У. Семантика и употребление единиц семантического поля гость в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2011. 220 с.

СЛОВАРНЫЕ ИЗДАНИЯ

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. Авторский коллектив словаря: Акованцева Н. В., Атланова Е. О., Дюжакова С. Г., Козельская Н. А., Конопелько И. П., Маклакова Е. А., Розенфельд М. Я., Рудакова А. В., Саломатина М. А., Селезнева Г. Я., Стернин И. А., Тимошина Т. В. — Воронеж: издательство «Истоки», 2011. 187с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. (Фундаментальные словари).

Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь рус. яз.: 1500 фразеологических единиц. — М: Астрель: АСТ, 2007. 603 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. В. Литвинова. — М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

Е. П. Носова, Е. С. Редкина
Санкт-Петербург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ,
МОТИВИРОВАННЫЕ ДЕТСКИМ ЧТЕНИЕМ,
В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается бытование прецедентных высказываний, которые обязаны своим происхождением произведениям круга детского чтения. На материале различных лексикографических источников показывается место прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением в системе лексики и фразеологии, а также в тезаурусе языковой личности. На конкретных примерах показано функционирование данных прецедентных феноменов в СМИ и их роль в создании образности и выразительности в современной поэзии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедентные феномены, прецедентные высказывания, детское чтение, крылатые слова, ассоциативный тезаурус, лексикография, языковая личность.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Носова Елена Павловна, аспирант, кафедра русского языка РГПУ им. А.И. Герцена; учитель, СПб ГБОУ гимназия 205.*

*Адрес: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-ая Линия, д. 52.
E-mail: elenawe97@gmail.ru.*

Редкина Елизавета Сергеевна, аспирант, кафедра русского языка, РГПУ им. А.И. Герцена; учитель, Школа ТТШБ.

*Адрес: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-ая Линия, д. 52.
E-mail: red.elizaveta@gmail.com.*

E. P. Nosova, E. S. Redkina
Saint Petersburg, Russia

PRECEDENT UTTERANCES FROM CHILDREN'S LITERATURE IN THE MODERN LINGUISTIC SPACE

ABSTRACT. *The article deals with precedent utterances originating from children's literature. The author determines the role of precedent utterances from children's literature in the lexical and phraseological systems, as well as in the thesaurus of linguistic personality on the material of different lexicographical sources. The article describes the functioning of the given precedent phenomena in mass media and their role in producing creative imagery and expressiveness in modern poetry on concrete examples.*

KEYWORDS: *precedent phenomena, precedent utterances, children's literature, precedent words, associative thesaurus, lexicography, linguistic personality.*

ABOUT THE AUTHORS: *Nosova Elena Pavlovna, Post-graduate Student of Department of Russian, Herzen State Pedagogical University of Russia; Teacher, Gymnasium 205.*

Redkina Elizaveta Sergeevna, Post-graduate Student of Department of Russian, Herzen State Pedagogical University of Russia; Teacher, St. Petersburg School of Theater, TV and Show Business.

Прецедентные высказывания (далее — ПВ) понимаются как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997: 83]. Они осознаются языковой личностью как «чужая речь» при восприятии текстов и используются в качестве цитатных при порождении собственных текстов.

При употреблении ПВ в речи говорящий апеллирует к определенному прецедентному тексту, являющемуся частью когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Неотъемлемой частью когнитивной базы языковой личности являются тек-

сты детского чтения, которые обладают высокой степенью «культурной обязательности», вследствие чего они знакомы большинству членов лингвокультурного сообщества. Кроме того, тексты детского чтения входят в когнитивное пространство языковой личности на самом раннем этапе ее развития, участвуя в формировании тезауруса. ПВ, мотивированные детским чтением, являются, таким образом, одними из ядерных элементов когнитивной базы сообщества.

Прецедентные высказывания, мотивированные детским чтением, подвергаются лексикографическому описанию в различных типах словарей.

«Существующие толковые словари русского языка так или иначе реагируют на «чужое слово»: именно здесь интерпретируется «золотой цитатный фонд», практически учитывается так называемая фразеологическая ценность слова» [Мокиенко, Сидоренко 1999: 20]. В «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой включены следующие прецедентные высказывания: *остаться у разбитого корыта; кошка, которая гуляет сама по себе; при царе Горохе; по щучьему веленью; принцесса на горошине; гадкий утенок*. Они помещаются в зону устойчивых сочетаний словарных статей, толкующих основной смысловой компонент высказывания:

ЩУКА, -и, ж. Хищная пресноводная рыба отряда лососеобразных. <...> **4 По щучьему веленью** (разг. шутол.) — само собой, как бы по волшебству [по народной сказке о Емеле, все желания к-рого исполняла отпущенная им на волю щука].

«Цитата в словаре может быть не только объектом описания, но и вспомогательным инструментом, выполняющим иллюстративную функцию при выделении значений» [Мокиенко, Сидоренко 1999: 20]. ПВ, представленные в словаре, в ряде случаев мотивируют появление коннотативных сем в структуре переносных значений. Так, лексема *КОШКА* имеет переносное значение «о человеке особенном и независимом, действующим в одиночку, по собственному усмотрению, не так как все» в составе прецедентного высказывания *Кошка, которая гуляет (ходит) сама по себе [по сказке Р. Кипплинга «Кошка, гуляющая сама по себе»]*.

В ряде случаев ПВ появляются в словаре в качестве иллюстративного материала:

ВЕРШКИ, -ов (разг.). Верхняя часть чего-н. (напр. огородного растения). *Мне в., а тебе корешки* (из сказки; шутл.).

ПВ *мне верхки, а тебе — корешки* мотивировано русской народной сказкой и употребляется в ситуации нечестной сделки, когда одной стороне достаются все выгоды, а другой — издержки. Ср.: *Мы уже 15 лет дружим с Америкой демократиями, да только получается все по известной сказочке про верхки и корешки* (Известия, 2006.05.05); *Еще одни «верхки» — принятие Россией на себя долгов бывших союзных республик при распаде СССР*. (Труд-7, 2002.11.05). Включение данного ПВ в словарную статью в качестве иллюстративного материала позволяет предположить наличие у слова *верхки* коннотативной семы «неприятные, невыгодные последствия сделки/предприятия, которые вынуждено принимает на себя одна из сторон».

Лексемы *тридевятый* и *тридесятый* употребляются только в составе ПВ *в тридевятиом <тридесятом> царстве, в тридесятном <тридевятиом> государстве*. Данные прецедентные феномены в языке приобрели особый статус, о чем свидетельствует наличие отдельных словарных статей в «Толковом словаре русского языка»:

ТРИДЕВЯТЫЙ, -ая, -ое. В сказках: очень далекий [в старинном счете по девяткам двадцать седьмой]. *В тридевятиом царстве*.

ТРИДЕСЯТЫЙ, -ая, -ое. В сказках: очень далекий [в старинном счете тридцатый]. *В тридевятиом царстве, в тридесятном государстве*.

Гораздо больший объем ПВ, мотивированных детским чтением, представлен в словарях крылатых слов и выражений (о соотношении понятий «крылатые слова» и «прецедентные высказывания» см. [Захаренко 2000]). Важную часть «Словаря крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко составляют ПВ, мотивированные сказками А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке»: *А во лбу звезда горит; за морем житье не худо; разбитое корыто; три девицы под окном*.

В Словаре отражены некоторые ПВ, не имеющие в языке переносного значения, но используемые в качестве заголовков для материалов СМИ, содержание которых ассоциативно связывается с тем или иным высказыванием, например, выра-

жение *три девицы под окном* — реминисценция слов Пушкина, используется в функции заголовка.

В ряде случаев толкования ПВ оказываются достаточно узкими и в речи используются в более широком значении или имеют значения, не отраженные в словаре. Например, ПВ *родила царица в ночь/ не то сына, не то дочь,/ не мышонка, не лягушку,/ а неведому зверюшку* дается толкование «о биологических опытах в космосе». Однако данное высказывание (или его фрагмент) часто используется в статьях СМИ, рассказывающих о рождении ребенка у знаменитой пары, ср: *Родила царица в ночь не то сына, не то дочь... Эти строки как будто про первую леди Франции. Ведь пресса уже просто замучила народ ложными сенсациями: за последний месяц Карла успела «родить» уже с десяток раз то мальчика, то девочку, то близнецов* (КП, 27.10.2011); *Расписываем, что родила царица в ночь (или в день) сама, без всякого кесарева* (КП, 26.02.2002).

В «Большом словаре крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой зафиксировано 70 слов и выражений, генетически связанных с текстами детского чтения. С точки зрения источника прецедентности их можно разделить на три группы:

1. ПВ, мотивированные фольклорной сказкой, напр.: *битый небитого везет; за тридевять земель; избушка на курьих ножках* и др. ПВ данной группы в словаре имеют помету *фольк.* (фольклорное).

2. ПВ, мотивированные русскими литературными произведениями, в том числе авторскими сказками, напр.: *дед Мазай и зайцы; поле чудес [в стране дураков]; я б в рабочие пошел — пусть меня научат* и др.

3. ПВ, мотивированные зарубежными произведениями для детей, напр.: *последний из могикан; гадкий утенок; пещера Али-Бабы* и др.

ПВ могут использоваться в текстах в качестве средства эмоциональной оценки, поэтому многие ПВ в словаре снабжены пометами *ирон., одоб./неодобр., шутл.* В некоторых случаях пометы свидетельствуют о динамике данного пласта лексики. Так, ПВ *Тимур и его команда* имеет помету устаревшее, что свидетельствует о том, что данное выражение вышло из активного употребления. Это представляется спорным, поскольку только по данным газетного подкорпуса НКРЯ из 31 вхождения по фразе *Тимур и его команда* 10 являются примерами использования ее в качестве прецедентного высказывания: *И на этом постапокалиптическом полигоне Тимур и его*

команда устроили настоящее безумие на раритетных американских автомобилях и багги с механической коробкой передач (Комс. правда, 17.10.2012); *Тимур и его команда. Я купил фруктов и пошел в областной вендиспансер.* (Комс. правда, 26.11.2002).

Особую группу ПВ, мотивированных фольклорной сказкой, составляют традиционные сказочные формулы: *жили-были; ни в сказке сказать, ни пером описать <написать>; и я там был, мед-пиво пил* и др. Многие из них включены в раздел «Прецедентные высказывания» словаря «Русское культурное пространство» И. С. Брилевой, Н. П. Вольской, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных. Такие формулы в большинстве случаев имеют «скрытое» значение:

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ [ДА НЕ СКОРО ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ] — фраза из русских народных волшебных сказок; традиционная сказочная формула (1); имеет «скрытое» значение, обусловленное текстом сказки (2); может употребляться для характеристики действия (3).

2. *Имеется в виду, что то, о чем говорят, не является легко выполнимым: легко сказать — трудно сделать.*

3. *Современные русские могут употреблять эту фразу, когда говорят о любом действии, выполнение которых требует значительных усилий и/или длительного времени.*

Кроме того, такие формулы воспринимаются как символы сказок, маркеры начала, середины или конца сказочного повествования. Это видно на примере творческих работ школьников. В качестве задания ученикам пятого класса было предложено написать сказку. Полученные работы скорее можно отнести к жанру фантастики (очевидно влияние современной фантастической литературы и кинематографа). Однако в тексты «сказок» были включены традиционные сказочные обороты: **«Жили-были принц Эрик и принцесса Алиса и жили они на море, на океане, на острове Буяне...»**; **«В тридевятом царстве, в тридевятиом государстве в 2022 году была война и на Россию сбросили бомбу с радиацией»**.

В рассмотренных словарях отражается возможность ПВ подвергаться трансформации, которая чаще всего осуществляется путем замены отдельных компонентов высказывания при сохранении синтаксической конструкции. Так, например, ПВ *не хочу быть черною крестьянкой, хочу быть столбовой дворянкой*, которое имеет значение «ирон. Об увеличивающихся потребностях» [Мокиенко, Сидоренко 1999], при трансформации сохраняет конструкцию *не хочу быть ..., а хочу быть...*, ср.: *Уж не хочет соседка быть Украиною, хочет Киевскою Русью* (КП, 01.04.2016).

Обращение к ассоциативным словарям дает возможность определить место прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением, в тезаурусе языковой личности. В «Ассоциативном словаре русской фразеологии» Д. О. Добровольского и Ю. Н. Караулова, основанном на материалах РАС, отражены некоторые прецедентные высказывания, в том числе, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением: **голый король** кто-л. прец. (Г. Х. Андерсен) **КОРОЛЬ** → *то гол (1), сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок* прец. (А. С. Пушкин) **ЛОЖЬ** — *да в ней намек (1); ЛОЖЬ* — *да намек (1)*. **ЖИТЬ** → *поживать (6); ЖИТЬ* → *поживать да добра наживать (1)*. Перед авторами указанного словаря не стояла задача отразить весь массив фразеологических оборотов и прецедентных высказываний, проявившихся в РАС, поэтому, естественно, что указанные пары S→R не исчерпывают всех прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением, встречающихся в словаре, ср.: **ОСТАВАТЬСЯ** — *у разбитого корыта (1), ХОРОШО* — *что такое плохо (1); КОШКА* — *гулявшая сама по себе (1); СПОКОЙСТВИЕ* — *только спокойствие (5), и только спокойствие (1), дело житейское (1)*.

Следует отметить, что реакции, дополняющие словостимул до прецедентного высказывания, не являются самыми частотными в словарной статье, в большинстве случаев — это единичные ответы.

Особую группу прецедентных высказываний составляют ПВ, мотивированные детской литературой советского периода. Некоторые из них представлены в «Большом словаре крылатых слов русского языка»: *мамы разные нужны / мамы всякие важны; рассеянный с улицы Бассейной; ты не в Чикаго, моя дорогая; я б в рабочие пошел — пусть меня научат*. О том, что подобные прецедентные высказывания входят в ассоциативный тезаурус русской языковой личности свидетельствуют данные «Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников», где фиксируются пары S→R *надо* → *шоколада; в самом деле* → *все сгорели карусели* (К. Чуковский «Телефон»); *идет* → *бычок; идет* → *бычок, качается* (А. Барто); *матушка* → *пчела* (К. Чуковский «Муха-цокотуха»);

Очевидно, что ни один из словарей не отражает весь массив ПВ, используемых в различных текстах. Так, в качестве заголовков СМИ часто используются ПВ, мотивированные текстами произведений К. И. Чуковского. Например, для статьи о вреде химических хозяйственных средств использован заголовок *Одеяло за-*

дубело, зачерствела простыня. (КП, № 115, 2015). Статья, посвященная итогам 2015 года в сфере массмедиа и рекламы, предвзвращается трансформированным отрывком из стихотворения К. И. Чуковского «Телефон»: — *Кто говорит? — Слон. — Что вам надо? — БОЛЬШЕ АДА!* (<http://www.cossa.ru/234/116135>). ПВ *а за ним комарики на воздушном шарике* используется в качестве заголовка (или части заголовка) для целого ряда статей о борьбе с насекомыми, см. например *Комарики на воздушном шарике: звезд атакуют насекомые* (<http://www.woman.ru/beauty/medley2/article/153426/>). ПВ *ехали медведи на велосипеде* также используется в качестве заголовка различных по тематике статей, ассоциативно связывающихся с данным высказыванием, ср.: *Ехали медведи на велосипеде* (<http://nerosse.livejournal.com/100025.html>) — статья о впечатлениях от длительной поездки на велосипеде; *Ехали медведи на велосипеде* (<http://mi3ch.livejournal.com/2908016.html>) — статья, осуждающая использование животных в цирковых выступлениях; *Ехали медведи на велосипеде: 10 лучших роуд-муви* (<http://afisha.bigmir.net/movie/articles/222898-Ehali-medvedi-na-velosipede--10-luchshih-roud-muvi>); *Ехали медведи на велосипеде* (<http://fishki.net/1813733-ehali-medvedi-na-velosipede.html>) — статья о выделении средств на ремонт дороги в Мурманской области. Также активно используются цитаты из стихотворений С. Маршака, А. Барто, В. Маяковского: *Мишка косолапый шопиться идет* (статья о том, как в Хабаровске дикий медведь вломился в торговый центр) (КП, 16.10.2015); *Дом, который построили мы* (об инвестициях граждан) (АИФ № 13 30 марта — 5 апреля 2016). «*Я бы в брокеры пошел, пусть меня научат*», — *говорят нынешние выпускники школ, решая, в какой вуз нести документы* (КП, 30.01.2012). Во всех указанных случаях ПВ не выступает в переносном значении — использование в заголовке реминисценций мотивировано ассоциациями, связывающими содержание статей с ПВ или исходным прецедентным текстом.

Сказки К. И. Чуковского, стихотворения С. Маршака, А. Барто были написаны специально для детей. «Чуковский всегда помнил, для кого он пишет: требовались строки короткие и простые, язык легкий, свободный от архаизмов и поэтических клише» [Хельман 2016: 293]. «У Маршака особенный талант к использованию коротких, лаконичных строк и простых слов для создания ярких убедительных образов и сюжетов» [там же: 299]. Простота и лаконичность строк и языка, богатство рифм и яркость образов — основные признаки стихотворных произведе-

ний для детей — способствуют их быстрому запоминанию, а многообъемлющие образы, приближающиеся к символам, во многом определяют формирование картины мира ребенка.

Отдельный интерес представляют прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в современной художественной литературе. Для новейшей русской поэзии актуальным является включение дискурса детства с введением в текст детской речи, повествованием от лица ребенка, привлечением метафор, связанных с реалиями детской жизни, а также прямое и косвенное цитирование детских произведений, сказок, скороговорок, потешек.

Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в новейшей русской поэзии зачастую оказываются «встроенными» в обыденную взрослую жизнь, противопоставляя таким образом «детское» и «взрослое», комплекс универсальных детских представлений о жизни и реальную действительность. Так, например, сказочная формула «жили-были», являющаяся в детской сказке элементом зачина, может указывать на отсутствие в жизни героев значимых событий, а не предвосхищать их:

*Остов шкафа, скелет дивана,
Титаником — ванна,
Чугунная, кверху днищем.
Раскрытые книги, как убитые бабочки.
Штукатурка. Рваные тапочки.
И медведь, здоровенный, плюшевый.
В красной, дурацкой шапочке.
Жили-были. Зачем — не спрашивай.
Вообще ни о чем никогда не спрашивай,
Потому что мы всегда находим не то,
что ищем. (Иван Давыдов)*

Все перечисленные бытовые предметы в разрушенном доме составляют остаток человеческой жизни. Под ними автор «проводит черту», отделяющую частное пространство от пространства автора и читателя, где первый выносит приговор увиденному: «*Жили-были. Зачем — не спрашивай... мы всегда находим не то, что ищем*». В стихотворении Евгения Ройзмана сказочная формула «Жили-были» также обозначает бессмысленное существование:

*Небо голубое
Было на рассвете
Жили-были двое
Появился третий*

*Первый вдруг подумал
Я наверно лишний
И решил пойду мол
Взял и вышел...*

По замечанию М. Голубовского, такие повторы, как «жили-были», «тянут-потянут», свойственны детским произведениям, поскольку близки детской речи, указывают «на интимную связь процесса овладения речью с ритмикой, рифмовым созвучием» [Голубовский 2011]. Во взрослой же речи повторы служат для усиления или уменьшения какого-либо признака: «не просто тянут, а *тянут-потянут* — действие очень натужное и длительное» [там же]. Интересно, что в обоих приведенных выше стихотворениях прецедентное высказывание «жили-были» является исчерпывающим для описания образа жизни и характеристики героев. «Жили-были», то есть жили как положено, как все, неосознанно, не обязательно долго, но однообразно и скучно. Подобная характеристика является ключевой, поскольку объясняет трагическое в изображении обыденных жизненных коллизий.

Следует отметить также тенденцию к трансформации сюжетов из прецедентных детских произведений на основании переосмысления лексического значения того или иного слова, языковой игры.

Стихотворение Григория Кружкова «О том, как Филипп в компьютер влип» использует прецедентный текст — сказку «Репка», выстраивая языковую игру на актуальном для современной языковой ситуации значении слова «мышка» (компьютерная мышь):

*Мальчик Филипп
В компьютер влип.
Дедушка тянет-потянет,
Вытянуть не может.
Позвал бабушку...;
Кошка прибежала,
Хвостиком махнула.
**Мышка упала
И разбилась.***

В связи со стихотворением Григория Кружкова уместно вспомнить и стихотворение Яна Сатуновского, написанное в 1950 году, которое основывается на сюжете той же детской сказки:

*Слушай сказку, детка.
Сказка*

*опыт жизни
обобщает
и обогащает.
Посадил дед репку.
Выросла — большая-пребольшая.
Дальше слушай.
Посадили дедку за репку.
Посадили бабку за дедку.
Посадили папку за бабкой.
Посадили мамку за папкой.
Посадили Софью Сергеевну.
Посадили Александру Матвеевну.
Посадили Павла Васильевича.
Посадили Всеволод Эмильевича.
Посадили Исаак Эммануиловича.
Тянут-потянут.
Когда уже они перестанут?*

Трансформация сюжета сказки в стихотворении Яна Сатуновского также становится возможной благодаря языковой игре, актуализации переносного значения глагола «посадить». Языковая игра в данном случае представляется весьма удачной, составляет основу художественного замысла. Идею бессмысленности, абсурдности и массовости непрекращающихся репрессий поддерживают и сказочные повторы, и примитивность сюжета. Контрастность формы (наивная, безобидная сказка) и содержания соотносится с восприятием обычным человеком столь жестоких и необъяснимых с его точки зрения событий. Мотивированность обращения к сказочному сюжету в стихотворении Григория Кружкова не кажется столь очевидной: языковая игра не привносит сколь-нибудь значимых смысловых оттенков и является самоцелью.

В стихотворении Александра Корамыслова «Рассказать тебе сказку про белого бычка?» языковая игра строится на жаргонном значении слова «бычок» и грубом разговорном значении лексемы «корова»:

Рассказать тебе сказку про белого бычка?

***Жил-был бычок.** В пепельнице.
И звали его Салем-с-Ментолом.
Был он весь белый, только у хвоста — два зеленых колечка
и тавро: Салем-с-Ментолом...*

*Но однажды некая толстая корова с накрашенными губами
достала из уютного загончика именно его —
и стала целовать взасос, прижигая.
Что было делать — Салем-с-Ментолом в ответ
страстно загорелся —
и пламенно отдался **толстой корове**,
вместе с дымом и всеми потрохами.
Увы, их жаркий союз длился недолго —
попыткев минут пять,
толстая корова, наконец, отлипла —
и вмяла его в пепельницу.*

Таким образом, обращение к языковой игре и простому, «примитивному» по своей форме жанру детской сказки позволяет автору метафорически описать историю любви мужчины и женщины, не прибегая к описанию реальных жизненных событий и развернутым характеристикам героев.

Стихотворение Нины Александровой «Красная шапочка» также описывает отношения мужчины и женщины, опираясь на сказочный сюжет:

*девочка чешет его за ухом, шепотом говорит
ну, пожалуйста, ты только на меня посмотри
все, чего я боюсь, я ведь выдумала сама
чувство вины, образ отца и самообман
мне никогда наверное не будет страшно с тобой
волчий твой мех серебряный и еще голубой
он молчит, голову ей кладет на плечо
шумно вздыхает, и дыхание его горячо...*

Сказка о Красной Шапочке является прецедентным текстом для большинства европейских культур. В данном случае знание сказки, название которой вынесено непосредственно в название стихотворения, помогает читателю реконструировать особенности отношений между персонажами и опасности, которые эти отношения несут. Важно, что метафора отношений мужчины и женщины, раскрытая через персонажей Красной Шапочки и волка, отсылает, скорее, не к самой сказке о Красной Шапочке, а к традиции аналитической психологии, обращенной к осмыслению архетипических персонажей и сюжетов.

В стихотворении Людмилы Херсонской появление прецедентных высказываний, связанных с детским чтением, закономерно, поскольку текст представляет взгляд ребенка:

*Мама, когда сошлись, раму помыла,
крышу сшила, дранку не скрыла,
муж увидел и не забыл.
Конечно, глаз вон тому, кто помянет,
но он решил, что жить с ней не станет,
пришел с рыбалки, а вышло, что разлюбил.*

*Теперь, стало быть, делить то, что нажили,
пилить то, что прожили,
у них на всех крыша шитая да чистая рама.
Хороша рыба, да поздно жарить,
малы дети, да можно состарить,
ловись, рыбка, разводитеь, папа и мама.*

Автор изображает стереотипные для русского сознания представления о семье: жена занимается домашним хозяйством, а муж уходит на рыбалку. Увлечение мужа рыбалкой является также стереотипным сюжетом для разного рода анекдотов и шуток. Псевдофольклорная интонация и использование широко известных, базовых для русского лингвокультурного сознания прецедентных высказываний из детской скороговорки «Мама мыла раму» и народной сказки «Лиса и волк» поддерживают образ обычной обывательской семьи, похожей на многие другие. Кроме того, явленный таким образом детский дискурс способствует «воссозданию детского, слабого, растерянного 'я'» [Кукулин 2002].

Таким образом, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, востребованы современными поэтами. Как базовые элементы интертекстуального тезауруса читателя они зачастую служат для свернутой характеристики персонажа или ситуации, для изображения типичных образов, помещенных в «нетипичные» обстоятельства, и для создания детского взгляда, противопоставленного взгляду взрослого.

Детское чтение, в особенности стихотворные произведения для детей, формирует большое количество прецедентных феноменов, которые вошли в фонд фразеологии русского языка и крылатики, о чем говорит их включение в толковые словари и словари крылатых слов, и в тезаурус языковой личности, о чем свидетельствуют данные ассоциативных словарей. Благодаря

своей широкой распространённости, понятности большинству членов лингвокультурного сообщества, они становятся ядерными элементами когнитивной базы носителей русского языка и активно употребляются в различных типах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Голубовский М. Слова-повторы в языке (редупликация) // Нева. — 2011. №7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/7/g13.html>.

Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып.12. С. 46–52.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82–102.

Кукулин И. Актуальный русский поэт как воскресшие Аленушка и Иванушка // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. — 2002. № 53. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/kuklin-aktualnyi-russkiy-poet/dossier_993/.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. — СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.

Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. — М.: Азъ, 2006. 955 с.

Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / авт. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. Т. I–II.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / авт. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. — М.: Астрель, 2001. Т. 1–2.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: вып. 1: зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания: [около 200 единиц] / авт. И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с английского О. Бухиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.

Ж. М. Омашева

Караганда, Казахстан

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению устойчивых выражений в русском и казахском языках. Автор на примере денотативного аспекта устойчивых выражений растительной тематики выявляет культурные представления русского и казахского народов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *фразеологизмы, русский язык, казахский язык, межкультурное общение, сопоставительное языкознание, устойчивые выражения, названия растений.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Омашева Жанар Магауяевна, старший преподаватель Карагандинского государственного медицинского университета.*

Адрес: Казахстан, Караганда, ул. Гоголя, 40.

E-mail: omzhan@mail.ru.

Zh. M. Omasheva

Karaganda, Kazakhstan

SET PHRASES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article is devoted to studying set phrases in Russian and Kazakh. The author reveals national and cultural cognitions of the Russian and Kazakh people by the example of denotative aspect of set phrases including names of plants.*

KEYWORDS: *phraseological units, Russian language, Kazakh language, intercultural communication, comparative linguistics, set phrases, plant names.*

ABOUT THE AUTHOR: *Omasheva Zhanar Magauyaevna, Senior Lecturer, Karaganda State Medical University.*

«Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания» [Грушевицкая 2003: 5].

Процессы межкультурной коммуникации реализуются, как правило, посредством конкретного языка, хранящего информационные базы этнокультуры. Поэтому именно слова и выражения, с помощью которых строятся и передаются сообщения, определяют характер возникновения и функционирования семиосферы культуры, ее ценностно-смыслового пространства.

В разных культурах существуют свои представления о тех или иных предметах, явлениях. Эти культурные представления проявляются в различных стилистических коннотациях слов. По мнению Г. В. Токарева, «коннотации входят в импликационал значения, образуя тем самым отдельный его компонент, который, несмотря на неоднородность своего содержания, является частью прагматического блока, поскольку формирующие его смыслы возникают в результате использования знака членами лингвокультурной общности» [Токарев 2003: 57]. Например, *васильковое слово* — образное выражение, возникшее в творчестве С. Есенина. Для Есенина *василек* — полевой цветок, цветок родных мест. Коннотативное значение становится основным: *цветок родных мест*.

«Национальное своеобразие фразеологии как отражения мировосприятия народа проявляется преимущественно в ее образно-мотивационных основах. Анализ образной основы фразеологизмов является важным звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности» [Дапчева 2006: 82]. Благодаря национально-культурным признакам, присутствующим во фразеологизмах, со всей полнотой проявляются экспрессивные качества, специфика образности речи того или иного народа. Анализ опорных компонентов способствует выявлению символов и эта-

лонов, используемых для обозначения состояния человека, его действия, отношения к жизни и многое другое. В качестве опорных компонентов, обозначающих названия растений в русской культуре, представлены слова: *ромашка, репей, белена, перец, полынь, редька, капуста, одуванчик, хмель, трава, ягода*. Например, *гадать на ромашке; белены объелся* (обезумел); *здать перцу* (распекать, ругать); *как горькая редька* (невыносимо сильно надоест), *как капусту рубить* (на мелкие кусочки, части); *хмель вылетел* (отрезвел); *хоть трава не расти* (полное равнодушие к чему-либо); *божий одуванчик* (о людях преклонного возраста); *тише воды, ниже травы* (робкий, скромный, незаметный), *одного поля ягоды* (схожие, одинаковые); *привязался как репей* (попух представлен символом навязчивости, так как цветки лопуха с созревшими семянками цепляются за одежду проходящего человека, за шерсть животных и разносятся на значительные расстояния).

Национальная самобытность языка получает яркое и непосредственное проявление и в пословицах и поговорках. Следует отметить, что пословицы и поговорки, как и фразеологизмы обладают культурно-национальной спецификой. В пословицах и поговорках отмечены концептуальные коннотации дескриптивного, интенсивного, эмотивного характеров. Например, как пищевое растение *мак* повсеместно выращивался с незапамятных времен. Его семена, содержащие большое количество приятного на вкус жирного масла, белков, сахара, были излюбленным лакомством; коржики, калачи и пироги с маком — принадлежность русской кухни: *«Черен мак, да бояре едят. Рад Яков, что пирог с маком. Мачок с медом — усы оближешь»*. Однако в народе бытовало несколько пренебрежительное отношение к маку, как к баловству, неглавной культуре: *«В кармане-то мак, а в другом-то и так»*. *«Семь лет маку не родило, а голоду не бывало. Сеяла баба мак: уродится — так мак, а не уродится, ин и так»*.

Ряд пословиц содержат сравнение: *Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая*. В славянской культуре, в том числе и у русских, *полынь обыкновенная* считалась символом печали и страданий, недаром её называют «вдовой травой».

Результаты восприятия окружающего мира казахского народа мы находим также в устойчивых сочетаниях, пословицах и поговорках. Наиболее древние из них встречаются у Махмуда Кашгарского в «Диване», и указывают на связь растений с человеком, лошадью: *«Иірі болса ер өлмес»* (букв. «будет аир, моло-

дец не умрет»); «*Аңдыз болса ат өлмес*» (букв. «будет девясил, лошадь не помрет»). В жизни кочевников слово *лошадь* ассоциировалось со многими понятиями: конь — средство передвижения; конь — товарищ и помощник в хозяйстве; конь — честь и гордость джигита, крылья его души и. т.д.

С лекарственными растениями казахи связывали надежду на выздоровление и благополучие, и даже отчаяние: «*Жалбыз жерде жан қалар*» (букв. «где мята, там и жизнь»); «*Айналайын жалбызым, қасиетінді білгенде, өлмес еді жалғызым*» (букв. «родная мята, знала бы твои свойства, не умер бы мой единственный»).

Лук, чеснок также считались действенным средством от разного вида болезней: «*Сарымсақты жедін бе, сырқатыма ем дедің бе?*» (букв. «когда ел лук, думал ли о его лекарственном действии?»). Лук, по представлениям казахов, служит символом родной земли, а его горечь признается сладкой: *Туған жердің жуасы да тәтті*. (букв. «на родной земле и лук сладок»). Образ *лука* может выступать как в положительном, так и в отрицательном значении. Так, выражение *Жолына жуа шықсын* (букв. «пусть на твоём пути вырастет лук») означало проклятие человеку.

Тоска по Родине, родным местам, народу наиболее ярко выражена в пословице «*Көлден кетсе, жалбыз мұң. Елден кетсе, жалғыз мұң*» (букв. «вдалеке от озера страдает мята, вдалеке от народа страдаешь от одиночества»).

Кочевой образ жизни казахов отражает содержание пословицы «*Сасыр басы сарғая, ел көшеді жайлауға*» (букв. «с цветением ферулы народ переезжает на джайлау»). В самосознании казахов слово джайлау приобретает дополнительное значение — понятие родного дома, Родины.

В пословицах и поговорках наиболее часто встречается сравнение. Через сравнение народ выражает свое отношение к окружающим людям, предметам: «*Жаманның тілі ащы, көк мияның гүлі ащы*» (букв. «у плохого язык горький, у солодки цветки горьки»), «*өтірік — қаңбақ, шын — салмақ*» (букв. «ложь легка, правда тяжела»); «*Бетегеден биік жусаннан аласа*» (букв. «выше типчака, ниже ковыля») — тише воды, ниже травы; *арпа ішінде бір бидай* (букв. «зерно пшеницы среди ячменя, т.е. необычный среди людей»); *ебелек қағу*. (букв. «колыхаться как трава») — суетиться; *қоғадай жапырды*, т.е. погубить, уничтожить (в выражении отсутствует прямое значение слова *қоға* (рогоз). *Желкек қағады*. Выражение употреблено в переносном смысле, поэтому лексема *желкек* не означает *козлотородник*, а означает проявлять нетерпение, суету.

тяться. *Көзге шөп салу* (букв. «совать соломинку в глаза») — навредить кому-л.; вводить в заблуждение. *Шөп басын сындырмау* (букв. и травинки не сорвать) — совсем ничего не делать. *Ши шықты* (букв. вырос чий) — случился скандал.

Названия растений в сочетании с различными словами, образуют устойчивые сочетания, компоненты которых входят в подчинительную связь без аффиксов. Первые компоненты этих сочетаний — образы сравнений, вторые — предметы сравнений. Например, *бидайша құырды* (букв. «зажать, как кречет в когтях») — дать нагоняй, сделать строгий выговор; *ебелектей көшу* (букв. «переезжать словно рогач, т.е. быстро»), *қаңбақтай жеңіл* (букв. «легкий как качим»), *қырмыздай ажарлы* (букв. «красивая как “ноготки”»), *шоңайша жабысты* (букв. «привязался как репей, т.е. надоесть»). *Зығыры қайнады* — разозлиться. В данном выражении *зығыр* означает не *лен*, а — возмущение, злость; *сұнғыла қыз* (букв. «девушка-заразиха») т.е хитрая девушка. Негативная оценка связана с тем, что растение легко становится сорняком в любом месте; *шөп желке* (букв. «затылок, как травинка») — девчужка; *қырмызы қызыл* (букв. «ярко-красный») — цветущий, красивый (о юноше, девушке); *қияқ мұрт* (букв. «усы словно осока») — тонкие усы.

Таким образом, устойчивые выражения растительной тематики в русском и казахском языках передают фрагменты картины мира в языке, в которых закрепился опыт познавательной деятельности человека в процессе освоения окружающей действительности. Названия растений, упоминаемые в устойчивых выражениях, становятся важными концептами в культуре народа.

ЛИТЕРАТУРА

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

Дапчева И. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. С.172–181.

Токарев Г. В. К вопросу и типологии культурных коннотаций // Филологические науки. — 2003. № 3. 125 с.

Т. А. Островская
Майкоп, Россия

В. А. Плаксина
Туапсе, Россия

ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЛИЦЕМЕРИЕ/HYPOCRISY» В ПРОЦЕССЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. *Анализируются особенности взаимоотношения языка и мышления на примере морально-этического концепта «лицемерие». Выделяются основные признаки лицемерия, причины возникновения и проявление лицемерия с психологической, социологической, общепhilosophической и лингвистической точек зрения. Прослеживается связь лицемерия, страха, конформизма, корысти. Отмечается отнoлогичность понятия «лицемерие», рассматриваемого с биологической и социологической точек зрения, что позволяет прийти к выводу, что ядром концепта «лицемерие» является мимикрия как отражение глубинного смысла исследуемого явления.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепты, концептосфера, лицемерие, мимикрия, цинизм, конформизм, лингвистическая философия.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Островская Татьяна Александровна, доцент, кафедра английской филологии Адыгейского государственного университета.
Адрес: 385016, Респ. Адыгея, Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: ostrovska.t@mail.ru.*

*Плаксина Вера Александровна, старший преподаватель Российского государственного гидрометеорологического университета.
Адрес: 352800, Туапсе, ул. Морская, 4.
E-mail: vera-maria82@mail.ru.*

T. A. Ostrovskaya

Maykop, Russia

V. A. Plaksina

Tuapse, Russia

**LINGUO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION
OF THE CONCEPT «LITSEMERIE / HYPOCRISY»
IN THE PROCESS OF CONCEPTUALIZATION**

ABSTRACT. *The article analyzes the peculiarities of relationships between language and thought by the example of the moral-ethical concept «hypocrisy». The authors single out the main characteristic features of hypocrisy, the reasons of emergence and manifestation of hypocrisy from the psychological, sociological, general philosophical and linguistic points of view. They establish relationships between hypocrisy, fear, conformism and self-interest. The article reveals the ontology of the concept «hypocrisy» and considers this concept from the biological and sociological points of view, which makes it possible to come to the conclusion that the nucleus of the concept is made up by mimicry as the reflection of the deeper meaning of the phenomenon of hypocrisy.*

KEYWORDS: *phraseological units, concept, conceptsphere, hypocrisy, mimicry, cynicism, conformism, linguistic philosophy.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ostrovskaya Tat'yana Aleksandrovna, Associate Professor of Department of English Philology, Adyge State University.*

Plaksina Vera Aleksandrovna, Senior Lecturer, Russian State Hydrometeorological University.

Понятие «лицемерие» относится к морально-этической категории и определяется в словаре по этике как «отрицательное моральное качество, состоящее в том, что заведомо безнравственным поступкам (совершаемым ради эгоистических интересов, по низменным мотивам и во имя антигуманных целей) приписывается псевдоморальный смысл, возвышенные мотивы и человеколюбивые цели. Это понятие характеризует образ действий с точки зрения соотношения его действительного со-

циального и нравственного значения и того значения, которое ему пытаются придать» [Кон 1981. URL].

В Словаре по этике приводятся также онтологические причины порождения лицемерия, что помогает определить понятийную составляющую исследуемого концепта: «Л. порождается несоответствием между действительными социальными отношениями и отражением этих отношений в идеологии, в т.ч. в господствующей морали (*Отчуждение*). Чем разительнее противоречие между интересами господствующего класса и большинства об-ва, чем более изживают себя эксплуататорские общественные отношения, тем больше идеологические представления об-ва “опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия”; «чем больше их лживость разоблачается жизнью... тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого... общества» [Кон 1981: 283–284].

Социологический словарь характеризует лицемерие как ханжество — англ. bigotry/sanctimony/hypocrite; нем. Scheinheiligkeit. Моральная характеристика, указывающая на несоответствие демонстрируемых человеком добродетелей его внутренней сущности; показное благочестие, рассчитанное на «публику» и извлечение выгоды; зло, рядящееся в добро. Х. может быть как сознательным, так и бессознательным [URL]. Подробное определение понятия «лицемерие» дает Андре Конт-Спонвиль в «Философском словаре»: «Лицемерие (*Hypocrisie*). Желание выдать себя за то, чем ты не являешься, извлечь из этого **выгоду** — но не из тщеславия, что было бы снобизмом, а из **расчета** и **корыстного интереса**. Лицемерят не перед теми, кем восхищаются и кому завидуют, а перед теми, кого презирают и хотят **использовать**. Сноб — искренний притворщик, обманывающий самого себя; лицемер — притворщик, **сознательно лгущий** другим. Именно такой Тартюф — если бы он на самом деле восхищался благочестивыми людьми, он был бы не лицемером, а снобом. Но никакого восхищения он не испытывает, а лишь прикидывается восхищенным, чтобы ввести других людей в заблуждение и использовать их в собственных целях. **Лицемерие есть трезвая и своекорыстная злонамеренность**. Вот почему оно встречается нечасто (трезвость взглядов — одно из редчайших качеств) и вот почему обычно оно приносит свои плоды (лицемерие строит расчет на снобизме других людей: если бы Оргон не проявлял такого стремления выглядеть

набожным, он не попал бы в такую зависимость от Тартюфа). Лучшим средством против лицемерия служат всё те же трезвость ума и юмор, помогающий с недоверием относиться как к другим, так и к себе» [Конт-Спонвиль. URL].

Зигмунд Фрейд даёт не только определение лицемерия с точки зрения психоанализа, но и описывает причины его возникновения. «Культурное лицемерие, по его мнению, — особое состояние, поддерживаемое обществом из-за присущего ему чувства неуверенности и потребности защитить свою очевидную лабильность запретом критики и обсуждения. Возникает из-за того, что общество требует осуществления высокого идеала нравственности от каждого своего члена, не заботясь, насколько трудно это даётся. Вместе с тем оно не настолько богато и организовано, чтобы могло вознаграждать каждого в меру его отказа от удовлетворения влечений. Так что оно предоставляет самому индивиду решить вопрос, каким путём он может получить достаточную компенсацию за принесенную жертву, чтобы сохранить душевное равновесие. В общем, он вынужден психологически жить вне своих возможностей, ибо неудовлетворённые влечения заставляют ощущать требования культуры как постоянный гнёт» [Психологическая энциклопедия. URL].

Поскольку всякий 'страх' предполагает определенную поведенческую реакцию, то сама эмоция подлежит социальной и моральной оценке. Как в русском, так и в английском языках существует понятие страха неверного, ошибочного поведения, которое может подвергаться осуждению со стороны представителей сообщества, знающих правила или устанавливающие их (*conventions*).

Такие ситуации варьируются в хронотопе в различных культурах в зависимости от времени, места и культуры, но, как пишет В. Ю. Апресян, «всегда есть круг социально обусловленных контекстов, требующих от человека смелости, и неспособность преодолеть 'страх' и действовать так, как будто человек его не испытывает, вызывает негативную этическую оценку общества...».

Этот тип поведения и личности, склонной к такому поведению, обозначается выражениями (*c*)*трусить* и (*c*)*дрейфить*, а также *малодушный*, *трус*, *трусость* в русском языке и английскими *to get cold feet* 'струсить, сдрейфить, смалодушничать', *coward* 'трус', *cowardice* 'трусость', *cowardly* 'трусливый', *chicken* 'трусиска'. Интересно, что в обоих языках используются одни и те же метафорические средства для обозначения этого типа поведения, вызванного страхом. Негативно окрашенная

метафора 'страха' строится на физиологической симптоматике страха у людей и у животных. Это разговорно-сниженное выражение *наложить в штаны* и его еще более грубые синонимы, их английские эквиваленты *to poop out, to crap out* (о подобных идиомах в русском и английском, а также разговорное выражение *поджать хвост* и его английский эквивалент *to have one's tail between one's legs*) [Апресян 2011: 42].

Одним из способов скрыть страх является возможность **мимикрировать**, приспосабливаться к общепринятому мнению, следовать установленным правилам, возможно, не разделяя их, надевать социальную маску, т.е. проявлять лицемерие.

Первая причина лицемерия — страх быть не таким как все. Если в тусовке принято бухать (смотреть ужастики, болеть за какую-то команду, кого-то бить или определенным образом оценивать реальность), то из страха оказаться чужим для группы, которая по каким-то объективным (некуда деваться) или субъективным (человек чувствует защищенность в группе) причинам является ценной для лицемера.

Вторая причина лицемерия – желание казаться респектабельным в глазах участников группы. При этом за критерии «респекта» почему-то принимаются именно групповые ценности, а не общечеловеческие.

Возможен третий вариант, когда у человека нет четких, сформированных жизненных ценностей, поэтому он сам даже и не знает, где он настоящий, а где надел социальную маску и впал в лицемерие» [URL].

Добавим ещё одну причину, не упомянутую никем из исследователей, но заслуживающую, на наш взгляд, внимания — **корысть, корыстный расчет**, при этом лицемерие служит средством достижения поставленной цели и является способом реализации продуманного (циничного) плана. Таким образом, субконцепт «цинизм» также попадает в сферу интересов исследователя — его можно отнести к дальней периферии концепта лицемерие / hypocrisy.

Таким образом, мы определяем три доминирующие интенции, которые движут языковой личностью, проявляющей лицемерие:

1. Страх и его проявления в виде раболепия, лести, лжи, лакейства, угодничества перед лицом, имеющим власть (физическую или моральную) над раболепствующим.

2. Корысть (циничный расчет) и её проявления с целью манипулирования другим индивидуумом в виде подхалимства, лакейства, лести, угодничества, лукавства, плутовства.

3. Конформизм и его проявление с целью подстройки под правила социальной нормы. Диапазон реализуемого поведения колеблется от простой вежливости, притворства, актерствования до снобизма, иезуитства, фарисейства, ханжества.

С точки зрения психологии конформизм — это социальная мимикрия, один из видов социальной защиты. «В своих действиях — особенно стрессовых — человек играет в игру “делать как все”. То есть он не хочет ничем отличаться от своих товарищей, от окружения вообще, по крайней мере — от типичного ядра этого окружения. Это стремление или способ действовать “быть как все” удовлетворяет потребность в безопасности. Он выступает своего рода гарантом от неудач» [Психологический словарь. URL].

Проводя параллель между поведением человека и животных, Е. Ю. Федорович, научный сотрудник Московского зоопарка, пишет, что «животные не умеют врать. Дело в том, что животные не обладают когнитивными способностями, нужными для вранья. То есть, чтобы врать, нужно, во-первых, представлять, как ситуация выглядит со стороны для других животных и как она обернется в перспективе для того, кто врет. А во-вторых, необходимо владеть своим поведением, сдерживать его и управлять своими реакциями на стимулы: например, еду или других животных. Животные так делать не умеют.

Притворство, свойственное животным, — это тоже не вранье, а видоспецифические программы поведения. Животное, притворяясь чем-то, чем не является, не рассуждает, не врет, а действует автоматически. Например, птичка волочит крыло, когда пытается отвести лису от гнезда с птенцами — у нее попросту нет выбора, она не отдает себе отчет в том, что притворяется. Грызуны, скажем, могут притворятьсядохлыми: при виде опасности они замирают, глазки закрывают и на бок брякаются. Это их способ избежать опасности» [Моя планета. URL].

Брэм Стокер в романе «Скорбь Сатаны (Ад для Джеффри Темпеста)» по этому поводу пишет: «Лев не принимает на себя повадок голубя, он громко заявляет о своей свирепости. Змея, как ни скрытны ее движения, выказывает свои намерения шипением. Вой голодного волка слышен издали, пугая торопящегося путника среди снежной пустыни. Но человек более злостный, чем лев,

более вероломный, чем змея, более алчный, чем волк — он пожимает руку своего ближнего под видом дружбы, а за спиной мешает его с грязью. Под улыбающимся лицом он прячет фальшивое и эгоистичное сердце, кидая свою ничтожную насмешку на загадку мира, он ропщет на Бога. О, Небо! Что сделает Вечность с таким неблагодарным слепым червем, как человек?» [Стокер1991. URL].

Рассмотрение понятия лицемерие с биологической и социологической точек зрения позволяет сделать обобщающий вывод о том, что ядром концепта «лицемерие» является мимикрия, поскольку она отражает глубинный смысл явления лицемерия — приспособленчество, исходя их условий текущей ситуации.

Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова определяет понятие мимикрии так:

МИМИКРИЯ (мимикрия *устар.*), мимикрии, мн. нет, *жен.* (*англ.* *imitation* от *греч.* *mimēōmāi* — подражаю). Непроизвольное, подражательное воспроизведение некоторыми животными, в целях самозащиты, форм и окраски других животных или окружающей среды (биол.).

перен. Беспринципное приспособление к окружающим общественным условиям (*·книж. неод.*) [URL].

Переносное значение слова с пометой *неодобрительное* содержит распространенную оценочную коннотацию.

Таким образом, в научной картине мира существует точное и однозначное определение мимикрии как процесса подстройки слабого под внешний вид или поведение сильного.

В наивной картине мира на вопрос «Что такое мимикрия (в исполнении человека)» респонденты давали следующие ответы:

1. «Любое изменение внешнего вида, позволяющее получить какие-либо преимущества в текущей среде. В офисе мимикрия — официальный костюм, у скинов — лысый череп и свастика и т. д.

2. В просторечье — приспособленчество, защитный окрас.

3. Будет возможность, посмотрите выступление Хазанова, где все кричат Одобряю и Осуждам! Или в крайнем случае почитайте “Хамелеона”.

4. МИМИКРИЯ, подражательное сходство некоторых животных, главным образом насекомых, с другими видами, обеспечивающее защиту от врагов. Скажем, снимите вы смокинг, наденете ватник — и пойдете на свалку, чтоб за своего приняли. А то в смокинге вас не только разденут, но и побьют сильно.

5. Прекрасный пример: любой эстрадный певец.

6. Приспособление индивида или группы, имитирующих поведение и мнение окружения. МИМИКРИЯ — искусство, рас творенное в природе... мимикрия — вернейшие психологические способы предотвращения агрессии, известные людям с давних времен» [Ушаков 2009. URL].

Очевидно, что поведенческие паттерны, отмеченные в наивной картине мира, совпадают с моделью поведения, определяемого как искренность, лицемерие.

Таким образом, концепт «лицемерие» относится к тем немногим концептам, где ключевое понятие мимикрия не совпадает с именем концепта лицемерие.

Это происходит в силу того, что лексема мимикрия в своей семантике содержит все оттенки значений понятия «лицемерие», а также расширяет номинативное поле концепта путем включения предметных значений, таких как социальная и биологическая сущность человека. Эта форма обеспечивает более широкий номинативный охват денотата и дает возможность развиваться парадигматическим отношениям. Лексема **лицемерие** является оценочной, многозначной, что дает богатый материал для когнитивной интерпретации. Ключевое слово **мимикрия** — **стилистически нейтральное, более тяготеющее к научному дискурсу. Анализ двух лексем и выражаемых ими понятий дает широкие возможности для более полного проникновения в глубинные слои исследуемого концепта.**

Учитывая, что существует множество причин возникновения лицемерного поведения, мы полагаем, что и формы, и речевые ситуации реализации такого поведения могут быть различными, принадлежащими к разным дискурсам.

Основной характеристикой лицемерия является его онтологичность, что и отмечается во многих авторских сентенциях, а также в многочисленных афоризмах и паремиях.

Лицемер — это человек, который... но кто же не лицемер? Ромен Роллан.

Все лицемерие, с которым я сталкивался в жизни, как нельзя лучше помогло мне понять, что все мы имеем светлую и темную половины и каждая не может существовать без другой. Стендаль. Красное и чёрное.

Я любил правду... А где она?.. Всюду одно лицемерие или по меньшей мере шарлатанство, даже у самых добродетельных, даже у самых великих! Нет, человек не может довериться человеку. Ральф Уолдо Эмерсон.

Каждый человек по-своему лицемерен, исключений нет! Просто проявляется у каждого это по-разному. Неизвестный автор.

«For neither man nor angel can discern hypocrisy, the only evil that walks invisible, except to God alone» John Milton.

Перевод: ни человек, ни ангел не может разглядеть это невидимое зло, лицемерие, это доступно одному только Богу. Джон Милтон.

Где нет равенства, там неизбежно должно быть лицемерие. Уильям Мейкпис Теккерей.

Вывод: лицемерие — один из способов социального выживания, мимикрия второго уровня, свойственная только человеку. Понятие лицемерия относится к культурным универсалиям, имеет ярко выраженный онтологический характер, так как является проявлением механизма избегания опасности, поиска наиболее «комфортного» положения в сообществе или перед лицом неприятеля, т.е. инстинкта выживания. Концептуализация понятия «лицемерие» тесно связана с актуализацией концептов «страх», «мимикрия», «конформизм», «корысть».

ЛИТЕРАТУРА

Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы Языкознания. — 2011. № 1. С. 19–51.

Кон И. С. Словарь по этике [Электронный ресурс]. 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981. 435 с. Режим доступа: <http://www.moralphilosophy.ru/pg/licemerie.htm>.

Конт-Спонвиль А. Философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=QTa4BwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Моя планета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.moyaplaneta.ru/travel/view/umejut_li_zhivotnye_vrat_11310/.

Психологический словарь azps.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://azps.ru/handbook/p/psih516.html>.

Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psychological-encyclopedia.zelenka.su/5590>.

Социологический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovariki.org/sociologiceskij-slovar/9903>.

Стокер Б. Скорбь Сатаны (Ад для Джеффри Темпеста) [Электронный ресурс]. — Гарт, 1991. 784 с. Режим доступа: http://royallib.com/book/stoker_brem/skorb_satani_ad_dlya_dgeffri_tempesta.html.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. — М.: Альта-Принт, 2009. 1248 с. Режим доступа: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-29458.htm>.

<http://smartnotes.ru/lichnyj-rost-i-razvitie/licemerie-i-socialnye-maski/>.
<http://otvet.mail.ru/question/16210066>.

УДК 811.161.1'42:39:34
ББК Ш141.12-
006.3+Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.47

КОД ВАК 10.02.01

Л. В. Попова

Миасс, Россия

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ДОБРО»
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
«ЗАКОННОСТЬ» РУССКОГО ЯЗЫКА:
НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ
И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

АННОТАЦИЯ. *Представлены результаты лингвокультурного анализа номинации законопослушности в русских пословицах и законодательных текстах. Рассмотрены формы вербализации этнокультурного концепта «добро». Доказана ориентированность профессионального правосознания на обыденное. Выявлены этнолингвоспецифичные черты профессионального правосознания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *этнокультурная семантика, законопослушность, русский язык, этнолингвистика, этнокультурные концепты, добро, юридические пословицы, русские пословицы, законодательные тексты, правосознание.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета.*

Адрес: Миасс, ул. Керченская, 1.

E-mail: mila_fil@mail.ru.

L. V. Popova

Миасс, Russia

**ETHNO-CULTURAL CONCEPT «THE GOOD»
IN RUSSIAN SEMANTIC SPACE «LEGALITY»
IN PROVERBS AND HISTORICAL LEGISLATION**

ABSTRACT. *The article presents the results of linguo-cultural analysis of nomination of law-abidingness in Russian proverbs and legisla-*

tive texts. The forms of verbalization of the ethno-cultural concept "good" are considered. The article argues that professional legal consciousness is oriented towards everyday one. The author reveals ethno-linguo-specific features of professional legal consciousness.

KEYWORDS: *ethno-cultural semantics, law abidance, Russian language, ethno-linguistics, ethno-cultural concepts, the good, juridical proverbs, Russian proverbs, legislative texts, legal consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Miass Branch of Chelyabinsk State University.*

Лексика русского юридического языка в диахроническом аспекте является объектом исследования как лингвистики, так и юриспруденции, однако культурная семантика юридической номинации изучена в малой степени, преимущественно в древнем периоде развития (до XV века). Пополнение банка лингвистических сведений о частотности и способах экспликации этнокультурной информации в лексике нормативно-правовых актов предоставляет возможность реконструировать этнокультурный сегмент профессионального юридического сознания, оценить его соотношение с обыденным правосознанием, предложить новое решение проблемы оппозиционности этих двух типов правосознания в национальной культуре. Иначе говоря, представляется актуальным получить ответ на вопрос, действительно ли официальная правовая система строилась в противопоставление национальным представлениям о нормативных общественных отношениях, о правильном поведении человека как члена национального коллектива и не имела черт этнокультурной идентичности.

Важную информацию для характеристики народного правосознания дают труды отечественных философов и правоведов [Ильин 1996, Кистяковский 1909, Рогов 2006], которые пришли к выводу об уникальности национального восприятия юридической нормы, а именно об опоре права на мораль и религию как нормальном и необходимом явлении. В лингвистике тоже приводятся факты древнеславянского сакрального синкретизма областей права и нравственности [Иванов 1978]. В широком смысле синкретизм мышления, отражающий установку на це-

лостность мировосприятия, рассматривается как достоинство национальной ментальности [Колесов 2006, Муравьев 1990].

Изучая семантическое пространство «законность» в русском языке, мы произвели выборку и анализ пословиц юридической тематики [Даль 1879, Снегирев 1848] с целью реконструкции языковой модели этого пространства в обыденном правосознании. В результате установлено, что доминантным концептом, организующим семантическое пространство «законность», стал этнокультурный концепт «добро». В понимании термина «этнокультурный концепт» (или культурно-этническая доминанта, константа культуры) мы опираемся на определения В. И. Карасика [Карасик 2002], О. А. Корнилова [Корнилов 2003], Ю. С. Степанова [Степанов 2001].

Лингвокультурологические словари описывают духовно-нравственный концепт «добро» как важнейшее обозначение добровольно принимаемой человеком нормы, в соответствии с которой осуществляется самооценка и социальная оценка поведения [Кобякова 2004: 72–74; Колесов 2014: 205; Саяхова 2010: 22]. Отмечается связь концептов «добро» и «справедливость»: «Добро делают (*добродетель*), действия добра определяются свободой, оно создает справедливость...» [Колесов 2014: 205].

Юридические пословицы отражают прилагательное *добрый* в значении 'законопослушный' как характеристику профессионалов (судей) и непрофессионалов (обычных участников правоотношений). Словари фиксируют полисемантическую прилагательного, совокупность значений которого выражает комплекс социально одобряемых качеств человека, не нарушающего моральных норм и способствующего их соблюдению. Примеры некоторых толкований: 1) «1. Добрый (противоп. злой) || миролюбивый; не склонный к вражде, ссорам», «9. Обладающий положительными качествами, достоинствами; уважаемый; благородный» [Словарь... 1989]; 2) «2. Исполненный достоинств, добродетелей; достойный. <...> 3. Делаящий, несущий добро, радость, благополучие. <...> || Добрый, отзывчивый» [Словарь... 1975, вып. 5: 270–271]; 3) «1) Относительно къ лицу значить: а) честный, благонравный, снисходительный, благорасположенный. *На него положиться можно, онъчеловѣкъдоброй. Знаться съ добрыми людьми.* <...> б) Рачительный въ своемъ званіи, исправный въ своей должности. <...> *Добрый воинъ, слуга*» [Словарь... 1789–1794, ч. II: 698]. При этом собственно юридическое значение 'законопослушный' словарями не отмечается.

Отметим важные смысловые отношения между прилагательным *добрый* и другими лексемами и сочетаниями в пословицах (на основе анализа отдельных пословиц и их совокупности).

1. Антонимичные отношения *добрый* (субстантив) / устойчивого сочетания *добрый человек* (обычно в форме мн. ч.) — *вор*: *Вора помиловать, доброго погубить. Вору висѣлица да кнутъ, а доброй всегда неплутъ. Вору воровское, а доброму доброе. Воръ Кузьма, воровать Кузьма, не молвить худова слова при добрыхъ людяхъ. Воръ съ ворами знается, а отъ добрыхъ людей отдаляется* [Снегирев 1848]. Антонимия отражает устойчивое противопоставление понятия «добрый (человек)» понятию «вор» (в узком смысле ‘тот, кто крадет’ и широком смысле ‘преступник’: *вор* — ‘мошенник, злодей, обманщик’ [Словарь... 1975, вып. 3: 28], *воровской* — ‘сделанный незаконно; преступный, мошеннический’ [Там же: 30]. «До Воинских артикулов Петра I под воровством понималось вообще всякое противозаконное действие, преступление, мошенничество, обман, плутовство, подлог <...>» [Памятники...1957: 472]). Следовательно, есть основание констатировать наличие юридического значения ‘законопослушный’ у номинативных единиц *добрый* = *добрый человек* (*вор* — преступник, значит, *добрый* не преступник). Это значение является компонентом вербально-семантического и когнитивного уровней обыденного правосознания. Семантический и когнитивный анализ пословиц *Тому не бывать въ добръ, кто часто сидитъ въ тюрьмѣ, Намъ добро и никому не зло, то законное житье* [Снегирев 1848] подтверждает данный тезис, дополняя его выводом о вхождении этнокультурного концепта «добро» в семантическое и концептуальное пространство «законность», что придает этому пространству этнокультурную специфику. *Добро* в указанных пословицах означает не только благополучие, благопристойность (‘1.Все хорошее, честное, благопристойное; счастье’ [Словарь... 1975, вып. 4: 258]), но и правомерность (в современной юриспруденции ‘соответствие явлений социальной жизни (деятельности или результатов деятельности субъектов права) требованиям и дозволениям содержащейся в нормах права государственной воли’ [Тихомирова 1997: 344–345]).

2. Синонимичные отношения лексем *добрый* / *праведный* (атрибутив *судья*) и антонимичные отношения *добрый* — *неправедный* (аналогично). *Дарами и праведнаго судью къ неправдѣ приведешь. Судя праведный — ограда каменная. У неправед-*

ныхъ судьей много затѣй [Снегирев 1848]. Ср.: *Гдѣ добрыя судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся* [Снегирев 1848]. Согласно информации из ряда историко-семантических словарей, например [Словарь... 1789–1794, ч. II: 698], в данной пословице прилагательное *добрый* следует истолковать как ‘рачительный въ своемъ звани, исправный въ своей должности’. Однако очевидно, что этой дефиниции недостаточно, поскольку оппозиция *добрыя судьи — ябедники* (‘инициаторы и участники лживых судебных исков, преследующие корыстные цели’) отражает характеристику двух находящихся в противоположных позициях по отношению к закону субъектов: судьи обеспечивают соблюдение закона, ябедники его нарушают. Атрибутив *добрый* в сочетании с *судья*, таким образом, следует понимать как ‘справедливый, законопослушный, обеспечивающий соблюдение закона своей профессиональной деятельностью’. Вариантом номинации *добрый судья* в указанном значении выступает выражение *судья с добрым нравом: У котораго судьи добрый нравъ, у того невинный всегда правъ* [Снегирев 1848]. Смысл данной пословицы можно выразить так: справедливый, законопослушный судья всегда оправдывает невинного. В пословицах с прилагательным *праведный* содержится та же характеристика судьи, что и в пословицах с прилагательным *добрый*. В словарях при наличии нескольких значений лексемы *праведный* — морального и религиозных — с юридической сферой коррелирует первое ‘честный, добросовестный’ [Словарь... 1975, вып. 18: 103], однако оно, как и в случае с *добрый* (судья), не исчерпывает смысла сочетания *праведный судья* в контексте пословиц. В них характеристика судьи идентична рассмотренной в пословице *Гдѣ добрыя судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся* — ср. с *Судія праведный — ограда каменная*. Выявленное в пословицах значение прилагательного *праведный* подтверждается словарным толкованием производного наречия *праведно* — ‘справедливо, на законных основаниях’ [Словарь... 1975, вып. 18: 102]. В пословице *Дарами и праведнаго судью къ неправдѣ приведешь* показана типичная ситуация потенциального коррупционного поведения судьи, готового принимать взятки и нарушать требования закона, допуская неправду. *Неправда* в юридической сфере имела широкое значение ‘преступление’ и узкое — ‘ложь’ [Словарь... 1975, вып. 11: 238]. В дополнение приведем пословицу *За правду бог и добрыя люди* из раздела «Суд — правда» [Даль 1879], в которой очевидна связь между *добрыя* ‘законопослушные’ *люди*

и *правда* 'справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права' [Словарь... 1975, вып. 18: 96], или 'законность, правомерность' в собственно юридическом смысле. В противоположность семантике прилагательных *добрый* и *праведный* у прилагательного *неправедный* можно отметить значение 'несправедливый, незаконопослушный, нарушающий закон своей профессиональной деятельностью': *У неправедныхъ судей много затѣй*. Таким образом, взаимосвязь этнокультурных концептов «добро» и «правда» («праведность», «справедливость») отчетливо прослеживается в семантическом и концептуальном пространстве «законность», определяя его этнокультурную специфику в обыденном правосознании.

На втором этапе исследования мы проанализировали способы номинации понятия «законность» в русском законодательстве XV–XVIII веков, отражающем профессиональное правосознание в историческом развитии. Для положительного ответа на поставленный в рамках нашего исследования вопрос (Действительно ли официальная правовая система строилась в противопоставление национальным представлениям о нормативных общественных отношениях, о правильном поведении человека и не имела черт этнокультурной идентичности?) мы должны были бы обнаружить тенденцию абсолютного или хотя бы высокочастотного отграничения правовых категорий от моральных на лексическом уровне юридических текстов. Однако собранные и проанализированные нами материалы дают основание для отрицательного ответа: на протяжении XV–XVIII веков, в том числе в периоды реформирования правовой системы в соответствии с новыми государственными реалиями и в начале становления отечественной науки о праве, в законодательных текстах сохраняется тенденция к интегративному выражению базовых правовых понятий через языковые знаки, имеющие первичную моральную семантику. Следовательно, профессиональное правосознание было ориентировано на этнокультурные правовые представления, обладая этнокультурной идентичностью.

Как и в пословицах, в законодательных текстах этнокультурный концепт «добро» был важной частью семантического пространства «законность». Он регулярно эксплицировался при номинации правомерного поведения. Вероятнее всего, существовала прямая связь между функционированием концепта «добро» в пословицах о юридической сфере и его выбором в качестве основы для осмысления понятия «законность» и фор-

мирования данного семантического пространства в русском законодательстве на ранней стадии развития профессионального мышления. «Какъ пословицы составляютъ первичную форму права: то въ нихъ открываются слѣды правъ государственнаго, каноническаго, гражданскаго и уголовнаго съ ихъ судебными обрядами, юридическіе символы, и вообще юридическая поезія Русскаго народа; посему онѣ принимаются юристами за первобытные источники права» [Снегирев 1848: 20]. Соглашаясь в целом с отмеченной И. Снегиревым тенденцией, сделаем оговорку: для профессионального правосознания XV–XVIII веков пословицы были не источниками права, а культурным фоном, влияющим на развитие профессиональных понятий и их языковое воплощение. Это влияние могло происходить как на сознательном, так и на бессознательном уровне языковой личности юриста, поскольку национальный язык, концентрирующий этнокультурную информацию, был основой при формировании языка профессиональной коммуникации.

В ходе исследования мы выявили три номинативные модели с использованием прилагательного *добрый*, использовавшиеся в ситуациях законодательного обозначения законопослушного субъекта.

Первая модель: *человек добрый* (ед. и мн. ч.), *добрый* (субстантив) функционировала на протяжении XV–XVIII веков в четырех частных значениях.

1. ‘Законопослушный свидетель, понятой, поручик’ — в Судебнике 1497 г., ст. 46–47; Судебнике 1550 г., ст. 58 [Российское законодательство... 1985]; Уложении 1649 г., гл. X «О Судѣ», п. 203, гл. XXI «О разбойныхъ и о татиныхъ дѣлѣхъ», п. 87 [Полное собраніе... 1830: т. I. № 1]; Уставе Воинском 1716 г., разделе «Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжебъ», ч. II, гл. III «О свидѣтеляхъ» [Полное собраніе... 1830: т. V, № 3006]. Примеры: «47. А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целованиа ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати» (Судебник 1497 г.). «1. Другой образъ доказанія бываетъ чрезъ свидѣтелей, и хотя свидѣтели мужеска и женска полу принимаются, однако жъ надлежитъ онымъ быть добрымъ и безпорочнымъ людямъ, которымъ бы можно повѣрять, кромѣтѣхъ, кои чести и достоинства лишены» (Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжебъ).

2. 'Законопослушный субъект (не юрист, не чиновник), не преступник либо впервые совершивший нетяжкое преступление' — в Судебнике 1550 г., ст. 52; Уложении 1649 г., гл. XX, п. 91, гл. XXI, п. 29, 42; Генеральном Регламенте или Уставе 1720 г., гл. LIII «О шельмованныхъ и на публичномъ мѣстѣ о наказанныхъ, чтобъ таковыхъ въ службу не допускать и сообщенія никому съ таковыми не имѣть» [Полное собраніе... 1830: т. VI, № 3534]. Примеры: «А на котораго челоуѣка върозбоѣ языкъ говорить, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ челоуѣкомъ, а другая половина назовутъ лихимъ челоуѣкомъ <...>» (Уложение, гл. 21, п. 42). «А будетъ кто кому прикажетъ челоуѣка въ дворъ, и потомъ челоуѣкъ ручается, что тотъ челоуѣкъ доброй, и воровства отъ него никакова не будетъ, и запись на себя въ томъ дать <...>» [Уложение: гл. 20, п. 91]. «3. Въ компаніи не допускать, и ихъ не посѣщать, и единымъ словомъ, таковойъ весьма лишенъ общества добрыхъ людей. А кто сіе преступитъ, самъимъ ѣтъ наказанъ быть лишеніемъ чина и галерною работою на время» (Генеральный Регламентъ или Уставъ).

3. 'Законопослушный выборный представитель от социальной группы в обсуждении и принятии нормативно-правового акта' — в преамбуле к Уложению 1649 г.: «<...> выбрать <...> добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы Его Государево Царственное и земское дѣло съ тѣми съ всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣвсѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и Соборному Уложению, впрѣдъ были ни чѣмъ нерушимы».

4. 'Законопослушный чиновник' (фискал; обер-президент, бургомистр, ратман Главного магистрата) — в Указах «Именный. — О должности Фискаловъ» 1714 г. [Полное собраніе... 1830: т. V, № 2786], «Именный объявленный изъ Сената. — О учиненіи наказанія крестьянамъ, которые отложились отъ владѣльцовъ своихъ» 1713 г. [Полное собраніе... 1830: т. V, № 2668]; Регламенте или Уставе Главнаго Магистрата 1721 г., гл. VI «О опредѣленіи Магистратовъ и въ нихъ Президентовъ» [Полное собраніе... 1830: т. VI, № 3708]. Примеры: «И буде изъ Фискаловъ кто явится въ своемъ дѣлѣ неприлежень и нерадѣтеленъ, и таковыхъ отъ того чина отставливать, а на ихъ мѣсто выбирать иныхъ людей добрыхъ, и правдивыхъ <...>» (Указ «Именный. — О должности Фискаловъ»). «<...> выбирать во всѣхъ городахъ <...> добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей, и сочинять изъ нихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ знатные посады,

Магистраты, а въ Магистратахъ изъ оныхъ Президентовъ, которые имѣютъ быть для расправы и апелляціи вмѣсто Надворнаго Суда, въ прочихъ же Бургомистровъ <...>» (Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата).

Вторая модель: *добрый* + <название должности> в значении 'законопослушный чиновник, юрист' функционировала на протяжении XVI–XVIII веков: *боярский человек добрый, подьячий добрый, добрый юрист, добрый досмотритель, добрый служитель* (служащие полиции). Перечень нормативно-правовых актов: Судебник 1550 г., ст. 26; Уложение 1649 г., гл. X, п. 108; Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ 1716 г.; Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата 1721 г. Пример: «<...> и надлежитъ онымъ добрымъ быть юристамъ, дабы при Кригсрехтахъ накрѣпко смотрѣли и хранили, чтобъ процессы порядочно и надлежащимъ образомъ отправлялись <...>» (Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ).

Третья модель: *добрый гражданин, добропорядочный гражданин* в значении 'законопослушный субъект (не юрист, не чиновник)' функционировала с последней трети XVIII в. Перечень нормативно-правовых актов: Учрежденія для управленія Губерній Всероссийскія Имперіи» 1775 г., гл. XXI [Полное собраніе... 1830: т. XX, № 14392]; Уставъ Благочинія или Полицейскій 1782 г. [Полное собраніе... 1830: т. XXI, № 15379]. Примеры: «301. Буде же малолѣтныи остался безъ всякаго имѣнія, тогда Городовой Сиротскій Судъ старается помѣстить малолѣтнаго, по состоянію его, или въ общественныхъ для сирыхъ училищахъ, или у доброхотныхъ людей, дабы научился наукѣ, или промыслу, или ремеслу, и доставленъ былъ ему способъ учиниться добрымъ гражданиномъ <...>» (Учрежденія для управленія Губерній Всероссийскія Имперіи). «96. Частный Приставъ старается во всемъ сохранить установленный порядокъ и стройность такъ, дабы лихіе и недоброхотные къ установленному порядку исправились, а добропорядочнымъ гражданамъ доставить миръ и безопасное житіе» (Уставъ Благочинія или Полицейскій).

Таким образом, лингвокультурный анализ вербализации концепта «добро» в семантическом пространстве «законность» русских законодательных текстов XV–XVIII веков свидетельствует о существовании нескольких этнолингвоспецифических черт профессионального правосознания в его историческом развитии.

Во-первых, тесная связь с обыденным правосознанием, отсутствие оппозиционности. Сопоставительный анализ показывает идентичность номинаций законопослушного человека в поговорках и законодательных текстах, в частности: наблюдается устойчивое противопоставление *добрый человек — вор* в поговорках и *добрый человек — вор, лихой человек, злой человек / злодей* в законодательных текстах, или обобщенно — оппозиция понятий «добрый — правонарушитель».

Во-вторых, опора на систему морально-нравственных ценностей, в соответствии с которой языковой образ законопослушного человека состоит из необходимого набора моральных и социальных качеств: добродетельный, благонравный, благородный, достойный, уважаемый, честный, миролюбивый, снисходительный, отзывчивый. Добрый человек как 'законопослушный субъект' обладает способностью к самооценке и саморегуляции поведения благодаря наличию внутреннего ограничителя (совести, чувства справедливости).

В-третьих, вторичность юридического концепта «законность» по отношению к концептам «добро» и «правда» («праведность», «справедливость»). Об этом свидетельствует выбор номинаций с корнем *добр-* при возможном использовании номинаций с корнем *закон-*. Например, в практику словоупотребления законодателей не вошли лексемы, значения которых идентичны или максимально близки выражению *добрый человек* (и его производным) в юридическом аспекте: *законопослушник* 'повинующийся закону' [Словарь... 1992, вып. VII], *законохранитель* 'следующий закону, исполняющий закон, хранящий закон' [Словарь... 1789–1794, ч. VI: 585; Словарь... 1992, вып. VII], *законоисполнитель* 'законодатель, блюститель закона' [Словарь... 1975, вып. 5: 219]. Не реализована в юридической речи и возможность создания номинаций *законопослушный человек / гражданин* (ср. с англ. *law-abiding person / citizen*), *законопослушный* + <название должности>. Кроме того, в русском языке изучаемого периода существовала лексема *добродѣй*, значение которой 'законопослушный' непосредственно связано с юридической сферой и совпадает со значением номинации *человек добрый* [Словарь... 1789–1794, ч. II: 896], но она не использовалась в законодательных текстах.

В-четвертых, тенденция к профессиональному осмыслению концепта «добро» как «законности», к развитию юридического семантического потенциала номинаций с корнем *добр-*. На

протяжении как минимум трех столетий наблюдается интеграция «добро» в семантическое пространство «законность» путем создания производных по форме и / или значению номинаций, акцентирующих юридический аспект характеристики субъекта правоотношений: *подьячий добрый, добрый юрист, добрый до-смотритель, добрый служитель, добрый гражданин, добропо-рядочный гражданин*. По нашему предварительному исследова-нию, в законодательстве XIX века данные номинации или по-добные им не получили широкого распространения; законода-тельство XX века нами не рассматривалось. Однако в политико-правовом дискурсе XXI века отмечаем востребованность изу-ченной номинативной модели при характеристике законопо-слушности субъектов. Данный факт свидетельствует о сохране-нии этнолингвоспецифики современным правосознанием, хотя наблюдается значительно более четкая, чем исторически, язы-ковая дифференциация правовых и моральных понятий. Напри-мер, *добропорядочный* используется в сочетании с *гражданин, участник, поведение* и другими лексемами и выражениями, находясь в тесной смысловой связи с *законопослушный* и *пра-вомерный*: «И нам нужны такие правоохранительные органы, работой которых *добропорядочный гражданин* будет гордиться <...> И потому мотивация сотрудников этих органов должна быть прежде всего связана с качеством защиты прав и свобод граждан» (Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г.). «8. Государственная поли-тика ориентируется на исторически сложившиеся нормы морали и общепризнанные нравственные ценности многонационального народа России, направленные на обеспечение правомерного и *добропорядочного поведения* граждан» («Основы государствен-ной политики Российской Федерации в сфере развития право-вой грамотности и правосознания граждан». Утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. Пр-1168).

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. Пословицы русского народа: сборник пословицъ, погово-рокъ, речений, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій: в 2 т. 2-е изд. — СПб.; М., 1879. Т. I.

Иванов В. В. О языке древнего славянского права (к анализу не-скольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славян-ское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов: докл. совет. делега-ции. — М., 1978. С. 221–240.

- Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 2. — М., 1996.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
- Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1909.
- Кобякова Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь / под ред. проф. Л. Г. Саяховой. — Уфа, 2004.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2006.
- Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. А—О / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
- Муравьев В. Н. Рев племени // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М., 1990.
- Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / сост. Е. Г. Баскакова, И. Д. Мартысевич, К. А. Софроненко, О. И. Чистяков, С. И. Штамм. — М., 1957.
- Полное собрание законов Российской Империи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. — СПб., 1830.
- Рогов В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. — М., 2006.
- Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М., 1985.
- Саяхова Л. Г. Русское слово — русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум / Л. Г. Саяхова, Л. К. Муллағалиева, Д. М. Хасанова; под ред. Л. Г. Саяховой. — Уфа, 2010.
- Словарь Академіи Россійской. — СПб., 1789–1794.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]: в 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1989. Т. II: (Възалкати — Добродѣтель). Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5414>.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус.яз. — М., 1975.
- Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — СПб., 1992–... Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.
- Снегирев И. Русскія народныя пословицы и притчи. — М., 1848.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001.
- Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров; под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 1997.

О. В. Рябов

Санкт-Петербург, Россия

МЕДВЕЖЬЯ МЕТАФОРА РОССИИ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается роль метафоры «Россия-медведь» в международных отношениях. Автор останавливается на специфических чертах метафоры, которые обуславливают ее включение в международные отношения; анализирует историю и основные черты образа России как медведя в западной культуре; рассматривает использование медвежьей метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе; отмечает современные тенденции ее эксплуатации в глобальной символической политике.*

Автор делает вывод о том, что использование метафоры «Россия-медведь» оказывает влияние как на восприятие страны на международной арене, так и на принятие внешнеполитических решений. В западном дискурсе медвежья метафора используется, как правило, для проведения символической границы с Россией, будучи призванной промаркировать ее неевропейскую сущность и обусловленные этим агрессивность и отсталость. В статье рассматриваются такие последствия включения медвежьей метафоры России в международные отношения, как 1) мобилизация негативных значений, закрепленных за образом «русского медведя»; 2) эссенциализация нынешних противоречий между Россией и Западом, представление их в качестве сущностных и потому неустранимых; 3) гомогенизация россиян, что приводит к идее их коллективной ответственности за внешнюю и внутреннюю политику страны; 4) их дегуманизация, лишение человеческого лица. В российском внешнеполитическом дискурсе нынешняя ситуация в использовании медвежьей метафоры характеризуется значительным усилением самоидентификации Росси с медведем, что и отражает усилившиеся антизападные и изоляционистские настроения, и поддерживает их.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ 'Родины-матери' в символической политике современной России».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальные метафоры, международные отношения, политический дискурс, политическая метафорология, образ России, метафорическое моделирование, метафорические модели, зооморфные метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: riabov1@inbox.ru.

O. V. Ryabov
Saint Petersburg, Russia

THE BEAR METAPHOR OF RUSSIA AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS

ABSTRACT. *The paper dwells upon the role of the metaphor «Russia is a bear» in international relations. The author traces specific features of metaphor which cause its using in international relations; analyzes the history of the image of the «Russian bear» and its main features; considers employing the bear metaphor in Russian discourse of foreign policy; investigates the contemporary trends in its application in the global symbolic politics.*

The author points out that using the metaphor «Russia is a bear» influences both the representations of the country on the international arena and in political decision-making. In the Western discourse the bear metaphor is exploited to draw a symbolic border with Russia and represent the country as non-European, aggressive, and backward. The paper deals with analysis of consequences of employing this metaphor in international relations: 1) the mobilization of negative meanings of the image of the «Russian bear»; 2) the essentialization of the current tensions between Russia and the West, representing them as everlasting and ineradicable; 3) the homogenization of Russians that holds them collectively responsible for the domestic and foreign policy of the country; 4) the dehumanization of Russia, the obliteration of its human face. As for the current Russian discourse on international relations, it employs the metaphor for self-identifying much more actively than earlier. This tendency, on the one hand, reflects growing anti-Western and isolationist sentiments, on the other, maintains them.

KEYWORDS: *conceptual metaphor, international relations, political discourse, political metaphorology, image of Russia, metaphorical modeling, metaphorical models, zoomorphic metaphors.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabov Oleg Vyacheslavovich, Doctor of Philosophy, Professor, Consultant of the Vice-Rector for Research, Saint Petersburg State University.*

«Русский медведь» становится все более заметным персонажем дискурса международных отношений. Медвежья метафора России обретает визуальное воплощение в карикатурах и демотиваторах; к ней обращаются не только журналисты, но также представители экспертного сообщества и политики — то есть, те, кто готовит внешнеполитические решения, принимает их и проводит их в жизнь. Так, доклад Центра европейских исследований В. Мертенса о «русской пропаганде в Европе» (июль 2016) был назван «Медведь в овечьей шкуре»,¹ а кандидат в вице-президенты США во время теледебатов, критикуя Россию, заявил, что существует древняя пословица: «Русский медведь никогда не умирает, он лишь впадает в спячку».² Столь широкая представленность во внешнеполитической риторике метафоры «Россия — медведь» позволяет предположить, что она обладает высокой значимостью. Верифицируя данное предположение в настоящей статье, я остановлюсь вначале на специфических чертах метафоры, которые обуславливают ее включение в международные отношения. Далее предметом анализа становятся история и основные черты образа России как медведя в западной культуре, а также функции, которые медвежья метафора России выполняет в политике стран Запада. Затем речь пойдет о том, как эта метафора используется в международной политике, проводимой Россией. Современные тенденции ее эксплуатации в дискурсе международных отношений (прежде всего, в условиях укра-

© Рябов О. В., 2016

¹ The Bear in Sheep's Clothing: Russia's Government-Funded Organisations in the EU. URL.: <http://www.martenscentre.eu/publications> (accessed: 25.10.2016).

² Волков К. Кандидат в вице-президенты США: Русский медведь никогда не умирает // Российская газета. 2016. 5 октября. URL.: <https://rg.ru/2016/10/05/kandidat-v-vice-prezidenty-ssha-russkij-medved-nikогда-ne-umiraet.html> (дата доступа: 25.10.2016).

инского кризиса) рассматриваются в следующей части статьи. В заключение анализируются последствия вовлечения медвежьей метафоры в мировую политику.

Метафора как фактор международных отношений

В последние годы язык международных отношений активно исследуется в качестве их значимого фактора; роль метафор в дискурсе внешней политики вызывает у исследователей особый интерес [см., напр.: Лакофф 2006; Lakoff 2003; Cohn 1993; Shimko 1994; Chilton 1996; Diemert 2005; Будаев, Чудинов 2006; Steuter, Wills 2008; Marks 2014]. В теории когнитивной метафоры было показано, что метафора — это важнейший элемент не только языка, но и мышления; она представляет собой основной когнитивный механизм, используемый человеком для того, чтобы упростить мир, приблизить его к собственному жизненному опыту. Подобно аналогии, она выступает формой «ментальной экономии» [Shimko 1994: 660]. В первую очередь этим объясняется широкое использование метафор при восприятии и описании вопросов политики и, особенно, политики международной¹.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что, позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия, метафора может мешать сосредоточиться на других аспектах, с ней несовместимых [Лакофф, Джонсон 1990]. По этой причине метафоры обладают значительным манипулятивным потенциалом, что объясняет их широкое использование в политической риторике, который тем более велик, что влияние метафоры на наше мышление — а потому и поведение — по большей части невидимо [Steuter, Wills 2008: 7].

В таком контексте можно согласиться с тем, что концептуальная метафора представляет собой «ценнейший инструмент геополитической борьбы» [Будаев 2015: 13]. Хорошо известно высказывание Дж. Лакоффа, который, анализируя репрезентации войны в Персидском заливе, отметил, что механизмы метафорического мышления активно используются в дискуссиях о внешней политике; подкрепленные бомбами, метафоры способны убивать [Лакофф 2006].

¹ Более того — метафора оказывает влияние не только на репрезентации внешней политики политиками и журналистами и восприятие ее обычными людьми, но и на ее концептуализацию учеными в основных теориях международных отношений [Shimko 1994; Marks 2014].

Таким образом, привлечение метафоры становится одним из важных способов производства смыслов; оно, как показала К. Кон на примере гендерной метафоризации, выступает средством символического насилия [Cohn 1993]. Согласно П. Бурдые, символическое насилие как навязывание политическими акторами своих культурных и символических практик, внедрение в сознание граждан выгодной для себя иерархии норм и ценностей играет ключевую роль в воспроизводстве социального неравенства [Бурдые 2007]. Использование концептуальных метафор может быть рассмотрено в качестве составляющей символической политики, которая представляет собой деятельность политических акторов, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [Малинова 2012: 180].

Медвежья метафора России в западной культуре

Метафоры, характеризующие отношения России на международной арене, многообразны; исследователи выделяют такие виды, как телесная, гендерная, природная, милитарная, спортивная, морбиальная, метафоры родства, дома [см., напр.: Чудинов 2001]. Метафора «Россия-медведь» — одна из самых примечательных — появляется в Западной Европе около пятисот лет назад и к XVIII в. становится признанной аллегорией страны как в Старом, так и в Новом Свете [Лазари, Рябов 2008; Россомахин, Хрусталев 2008]. Дань использованию медвежьей метафоры отдали выдающиеся представители западной культуры, среди которых известные писатели, художники, скульпторы, медальеры, режиссеры, публицисты. О значимости образа «русского медведя» говорит и то обстоятельство, что его «носителями» выступают газеты и сатирические карты, почтовые марки и открытки, медали и игрушки, художественные и анимационные фильмы [Lazari, Riabow, Żakowska 2013]. Особая роль в популяризации образа принадлежит карикатурам с «русским медведем», первые из которых появляются в 1730-х гг. [Росомахин, Хрусталев 2008].

В процессе метафорической проекции осуществляется перенос в сферу-мишень сформировавшихся элементов сферы-источника; поэтому, анализируя прагматический эффект медвежьей метафоры, необходимо принимать во внимание специфику концептосферы определенного лингвокультурного сообщества. Очевидно, наряду с инвариантами, в различных культурах есть

свои особенности восприятия медведя.¹ Для понимания основных свойств и функций медвежьей метафоры России в дискурсе международных отношений необходимо принимать во внимание, что она утверждается в тот период, когда образ медведя как такового в западноевропейских культурах носил ярко выраженную негативную окраску. В дидактической литературе медведь олицетворял сразу несколько грехов, в том числе грехов смертных, включая гневливость и похоть, а также жестокость, мстительность, лень [Bieder 2005: 79; Shepard, Sanders 1982: 136]. Принимая во внимание все сказанное, не приходится удивляться, что медведь нередко символизировал сатану [Bieder 2005: 82]. Кроме того, медведь нередко иллюстрировал способность церкви укротить природу при помощи духа, привести язычников к христианству. Как отмечает П. Меллер, в текстах западных писателей русские, ассоциируемые с телесным и природным, противопоставлялись европейцам, ассоциируемым с разумом и цивилизацией; именно это, по мнению исследователя, и явилось отправной точкой представлений о России как об *ursa major* [См.: Neumann 1999: 80–81]. Медвежья метафора способствовала приписыванию русским черт, которые используются в дискурсе Модерности для маркировки Другого: варварства, лени, деспотизма, неспособности к прогрессу, непредсказуемости. Дж. Диттмер справедливо отмечает, что такие коннотации медвежьей метафоры, как грязь, отсталость, глупость, иррациональность, необходимость контроля со стороны Запада являются типичными для ориенталистского дискурса [Dittmer 2003]. Наконец, «медведь» был призван акцентировать такую характеристику России, как агрессивность. Этот образ имеет и позитивные коннотации; о медвежьей силе России вспоминают не только соперники, но и союзники [Lazari, Riabow, Żakowska 2013]. Однако в основном «русский медведь» вызывает на Западе такие чувства, как ощущение собственного цивилизацион-

¹ Так, в латышской культуре медведь является, скорее, положительным персонажем, что находит отражение и в том, какое место в национальной мифологии занимает эпос «Лачплесис», и в том, что одним из самых светлых символов культуры является *Lāimes Lācis*, «медведь счастья». Это, кстати, может служить объяснением тому факту, что на страницах латышских сатирических изданий образ «русского медведя» практически не встречается до второй четверти XX века: медвежий символ не мог в полной мере играть роль этноразличительного маркера, отделяя латышей от русских и от России [Гайлите 2013].

ного превосходства, опасение разбудить свирепого хищника, желание приручить его, а то и посадить на цепь.

Анализируя функции, которые выполняет исследуемая метафора, прежде всего отметим, когнитивную: она помогает получить первоначальные представления о России как большой, сильной и потому потенциально опасной стране.

Кроме того, обозначая границу цивилизованности, образ российского Другого способствует укреплению позитивной коллективной идентичности европейцев [Neumann 1998: 239]. Сегодня страх перед «русским медведем», русофобия, помогает созданию общеевропейской политической идентичности и легитимации Евросоюза, будучи используемым в политике европейской идентичности [Рябов 2016].

Далее, исследуемая метафора выступает одним из инструментов внутриполитической борьбы в западных обществах. Обвинения политических соперников в пророссийских симпатиях иллюстрируются при помощи изображения их в медвежьем облике (скажем, в виде медвежонка на карикатуре 1924 г. из журнала «Punch» представлены британские коммунисты¹).

Наконец, медвежья метафора помогает обосновать определенную внешнюю политику в отношении России. Она особенно востребована в пропагандистском обеспечении военных конфликтов, будь то наполеоновские войны, Крымская война, русско-японская война, Первая и Вторая мировые войны, Холодная война, «Пятидневная война» в 2008 г. в Закавказье [Riabov, Lazari 2009].

Медвежья метафора России в российской культуре

Таким образом, медвежья метафора занимает важное место в западном взгляде на Россию, выступая фактором международной политики. К вопросу о том, к каким последствиям приводит уподобление России медведю, вернемся в заключительной части статьи; пока же остановимся на проблеме использования этой метафоры в российской внешнеполитической риторике.

Вопреки достаточно распространенному сегодня мнению, медведь не является «исконным символом» России. Во всяком случае, в «высокой» культуре Российской империи — у писателей, философов, художников — не удастся найти свидетельств

¹ *Raven-Hill L.* Love me, love my cub // *Punch*. 15.11.1924. URL.: <http://www.pictorialgems.com/1924-Labour-Party-With-Russian-Bear-British-Communist-Cub.39176>. (accessed: 25.10.2016).

ни особо уважительного отношения к медведю, ни тем более идентификации России с ним. В советский период образ «русского медведя» продолжал активно использоваться на Западе, и в СССР этот образ был призван, по преимуществу, иллюстрировать специфику восприятия страны ее западными недоброжелателями¹. Изменение отношения к медведю как национальному символу в России происходит лишь в постсоветский период, прежде всего благодаря вовлечению этого символа во внутреннюю политику. Изображение медведя появляется на логотипе «партии власти» еще в 1999 г. и с тех пор используется в самых разнообразных формах политического брендинга как в процессе легитимации власти, так и ее делегитимации [см., напр.: Рябов, Константинова 2011; Ворошилова 2013]. Вместе с тем было бы упрощением видеть причины роста популярности медведя в качестве национального символа только в политической пропаганде. Интерес к этому символу обнаруживает себя уже после распада СССР, когда он включается в процессы создания постсоветской идентичности, основанной на противопоставлении как советскому периоду, так и западной цивилизации. В 2000-х гг. же культ медведя стал частью процесса изменения национальной идентичности, который можно обозначить как «ремаскулинизация России», включающий наделение образа страны маскулинными коннотациями (сила, рациональность, автономность) и создание привлекательных образцов национальной маскулинности [Riabov, Riabova 2014].

Медвежья метафора набирает популярность и во внешнеполитическом дискурсе. Идея миролюбия занимает важное место в национальной мифологии россиян, и образ медведя помогает созданию соответствующей картины международных отношений. Воплощая огромные размеры страны, ее силу, мощь, заставляющую трепетать соседей, медведь в то же время добродушен и миролюбив. Он не хищник по своей природе, поэтому силовые акции всегда можно сопроводить фразами типа «разбудили мишку», «не надо было дразнить медведя», иллюстрируя вынужденность подобной реакции; он «дает отпор лишь тогда, когда его загоняют в угол» [цит. по: Михайлова 2015: 145]. Так, в 2005 г. «Аргументы и факты» публикуют фотоколлаж под названием «Русский 'мишка' добрый, но сколько можно его обижать?», который сопровождает материалы, посвященные «антироссийской

¹ Напр.: Черепанов Ю. На потоке // Крокодил. 1982. № 35. С. 11.

политике» правительств Грузии и стран Балтии¹. Однако официальные лица старались избегать использования данного символа во внешнеполитической риторике, справедливо полагая, что тот выступает, прежде всего, средством делегитимации страны в глазах западной аудитории. Во всяком случае, если во время войны в Закавказье в 2008 г. в западных медиа образ «русского медведя» эксплуатировался активно, то российские СМИ и официальные лица старались дистанцироваться от него, указывая на русофобский, расистский, характер его применения [Riabov, Lazari, 2009]. Показателен первый случай обращения к нему В. Путина в сентябре 2009 г.: в интервью немецкой газете он высмеял попытки представителей стран ЕС создать образ России как «медведя, который хочет всех поглотить»².

Вместе с тем в последние годы происходят примечательные изменения в использовании исследуемой метафоры как в российском, так и в западном внешнеполитических дискурсах, связанные с обострением отношений между Россией и Западом в условиях украинского кризиса.

Медвежья метафора России в дискурсе украинского кризиса

Говоря о роли медвежьей метафоры в репрезентациях событий на Украине, необходимо принимать во внимание, что важнейшей чертой дискурса Евромайдана было своеобразное «бегство от России»; вступление в ЕС рассматривалось как освобождение от влияния восточного соседа, сущностная чуждость которого европейской цивилизацией активно подчеркивалась — и образ «русского медведя» играл в этом заметную роль. В западных медиа содержались призывы помочь украинцам освободиться от медвежьих объятий России³. Дальнейшие события расценивались как вполне естественная для России-медведя реакция.

¹ Дорощев А. <«Русский мишка» добрый... > // Аргументы и факты. 2005. № 20. С. 1.

² Путин: Россия не медведь, который хочет всех поглотить // Newsland. 14/09/2009. URL.: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/09/14/n_1403308 (дата обращения: 22.02.2014).

³ Напр.: Traynor I. Ukrainian protests show the European Union still offers hope to some // The Guardian. 1.12.2013. URL.: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/01/ukrainian-protests-european-union-hope> (accessed: 26.09.2016).

Так, в марте 2014 г. журнал «The Economist» опубликовал карикатуру «Ненасытный», изображающую, как Россия в облике медведя проглатывает Украину¹. Примечательно, что некоторое время спустя похожий рисунок был помещен в учебник по обществознанию, предназначенный для школьников в Нидерландах²; это показывает, кстати, что медвежья метафора становится частью образовательного процесса в странах ЕС: юных европейцев с детства приучают видеть в России страшного хищного зверя...

Приведем еще пример использования медвежьей метафоры в манипулятивных целях. Уже 18 июля 2014 г., то есть на другой день после трагедии малайзийского «Боинга» в небе над Донбассом, «The Chicago Tribune» печатает карикатуру под названием «Путинский питомец», на которой изображен огромный злобный медведь, челюсти которого перекусывают корпус самолета [Stantis 2014]. На тот момент существовали самые разные версии произошедшего; этот же образ призван ассоциировать гибель пассажиров именно с Россией.

Введение режима санкций сопровождалось широким привлечением медвежьей метафоры, когда использовалась типичная для портретирования «русского медведя» тема наказания зверя (сюжеты охоты на медведя, заточения его в клетку, посажения на цепь и т.п.). С большим интересом относится к анализируемому образу украинский политик Н. Савченко. Во время судебного процесса она подготовила выступление, в котором содержались следующие слова: «А медведь человеческого языка не понимает, он понимает только язык силы. Поэтому, если мы не станем более решительными и не определим вовремя верные приоритеты, то скоро будем иметь Третью Мировую Войну»³. Впрочем, в дальнейшем она смягчила свою позицию и, отвечая на упреки в готов-

¹ Insatiable // The Economist. 19.04.2014. URL.: <http://www.economist.com/news/leaders/21600979-cost-stopping-russian-bear-now-highbut-it-will-only-get-higher-if-west-does> (accessed: 26.09.2016).

² В голландских школьных учебниках Россия представлена в виде монстра // Ридус.ру. 28.07.2015. URL.: <http://www.ridus.ru/news/189649> (дата обращения: 22.02.2014).

³ Несказанное «последнее слово» Савченко в российском суде (полный текст) // СЕГОДНЯ.ua. 3.03.2016. URL.: <http://www.unian.net/politics/1282296-neskazannoe-poslednee-slovo-savchenko-v-rossiyskom-sude-polnyiy-tekst.html> (дата обращения: 22.02.2014).

ности идти на компромисс с российской стороной, заявила: «Если мишка поддается дрессировке, ему дают кусок сахара!»¹. Окровавленный медведь был изображен на обложке номера вышедшего весной 2016 г. «Foreign Affairs», в котором обсуждались перспективы российской экономики в условиях режима западных санкций; фотоколлаж сопровождала следующая подпись: «Путинская Россия — в нокдауне, но не в нокауте»².

Медвежья метафора используется и в тех высказываниях, которые преследуют цель если не оправдать, то понять политику России: ее следует принимать такой, какой она якобы является — то есть, со всеми «неустранимыми медвежьими чертами». Лидер британских евроскептиков, выступая в Европарламенте по поводу украинского кризиса, обвинил ЕС в эскалации кризисной ситуации и посоветовал не дразнить русского медведя: «Если тыкать в русского медведя палкой, он ответит»³.

Таким образом, в период украинского кризиса для создания репрезентаций России политики, эксперты и журналисты активно эксплуатируют традиционные черты образа «русского медведя». В то же время обращает на себя внимание новая тенденция использования медвежьей метафоры. Последнее время все чаще обсуждается проблема вакуума силы на международной арене, который порождает геополитическую нестабильность и приводит к серьезному возрастанию угрозы со стороны международного терроризма⁴. Эта слабость, которую, как утверждают многие, демонстрируют страны Запада, становится особенно заметной на фоне силы «русского медведя» и его готовности ее применять. Поскольку сила и власть воспринимаются, как правило, в качестве атрибутов традиционной маскулинности [Рябова 2009], то встает вопрос о том, соответствует ли нынешней непростой международной обстановке утверждаю-

¹ Надежда Савченко: «Если мишка поддается дрессировке, ему дают кусок сахара!» // Новая газета. 5.07.2016. URL.: <http://www.novayagazeta.ru/politics/73729.html> (дата обращения: 22.02.2014).

² Rose G. Putin's Russia. Down but not out // Foreign Affairs. 2016. May-June. URL.: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2016-04-20/putins-russia> (accessed: 26.09.2016).

³ Деловые качества Путина восхищают британского политика // ИноТВ. 31.03.2014. URL.: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-31/Delovie-kachestva-Putina-voshshhayut-britanskogo> (дата обращения: 22.09.2016).

⁴ Валль А. дельль. Реванш Путина // Atlantico. 16.08.2016 URL.: <http://inosmi.ru/politic/20160816/237561149.html> (дата обращения: 22.09.2016).

щаяся в западных обществах новая маскулинность, включающая в себя многие фемининные качества. Иллюстрацией такого рода сомнений может служить карикатура голландского художника, опубликованная в 2014 г.¹ Ее название цитирует известные слова Р. Киплинга «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не встретиться»; подзаголовок «Столкновение цивилизаций» напоминает об идеях С. Хантингтона; само же изображение отсылает к противопоставлению «Американцы с Марса, а европейцы — с Венеры», сделанному американским политологом Р. Кэйганом [Kagan 2002], которое говорит о воинственности первых и миролюбии вторых. Однако, на анализируемой карикатуре, мы видим, что художник ассоциирует с Марсом Россию, которую олицетворяет Путин верхом на грозном медведе, в то время символом современной Европы служит «Кончита Вурст» — победитель конкурса Евровидение-2014, который стал одним из символов этой новой маскулинности. «Столкновение цивилизаций», таким образом, может быть прочитано сегодня и как «столкновение маскулинностей». Подобный скептицизм заметен и в американском обществе; Б. Обама как одно из воплощений этой новой политической маскулинности, подвергается серьезной критике, особенно в дискурсе Республиканской партии; сенатор Т. Круз сравнил того с котенком, противостоящим медведю-Путину². Не удивительно, что близкий к республиканцам телеканал Fox News заявил, что Д. Трамп, их кандидат на президентских выборах—2016, поможет американским мужчинам вернуть утерянную мужественность в условиях, когда демократы «попытались феминизировать эту страну в культурном плане самым отвратительным образом»³. Таким образом, Россия-медведь изображается без особых симпатий, однако она представлена как воплощение качества, которое рассматривается как одно из наиболее ценных в современной ситуации — силы. В постсоветской истории такое, заметим, случилось нечасто.

¹ Schot. Never the twain shall meet. URL.: <http://www.cagle.com/2014/05/never-the-twain-shall-meet> (accessed: 26.09.2016).

² Howell K. Cruz: «Russian bear is encountering the Obama kitty cat» // The Washington Times. 30.08. 2014. URL.: <http://www.washingtontimes.com/news/2014/aug/30/cruz-russian-bear-encountering-obama-kitty-cat/> (accessed: 26.09.2016).

³ Телеведущая Fox News: Дональд Трамп поможет американским мужчинам вернуть утерянную мужественность. 25.12.2015. URL.: <http://mixednews.ru/archives/93662> (дата обращения: 22.09.2016).

Еще более значительными переменами отмечена российская внешнеполитическая риторика. Необходимо подчеркнуть, что они сопровождаются изменениями в самоидентификации, происходящими в массовом сознании. В ходе всероссийского опроса (N = 1500), проведенного в сентябре 2015 г., в ответ на вопрос «С какими образами Вы ассоциируете Россию?» 12% респондентов назвали образ медведя (во время аналогичного опроса 2003 г. таковых было лишь 3%). Любопытно, что о медведе как символе России чаще говорили мужчины, представили молодежной возрастной группы, россияне с высоким доходом и жители Сибири¹. Использование «русского медведя» для самоидентификации отражается в текстах публикаций, комментариях на интернет-форумах, демотиваторах, в риторике официальных представителей России². Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции стало включение образа России как медведя в выступления российского президента. На встрече Валдайского клуба в октябре 2014 г. Путин, говоря о защите интересов России, вспомнил выражение «что позволено Юпитеру, не позволено быку» и заявил, что «медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет» и «своей тайги никому не отдаст»³. В декабре 2014 г., во время ежегодной пресс-конференции, отвечая на вопрос о причинах обострения отношений с Западом, президент вновь сравнил Россию с медведем, который не должен расслабляться, чтобы не потерять зубы и когти и не стать охотничьим трофеем в виде чучела⁴.

Необходимо отметить появление новой ипостаси «русского медведя» — материнской, которая становится особо замет-

¹ Образ Родины — в натуре // РОМИР. 29.09.2015. URL.: <http://romir.ru/studies/> (дата обращения: 22.02.2014).

² Например, А. Мигранян, руководитель нью-йоркского представительства российского Института демократии и сотрудничества, осудил страны «Новой Европы» за их провокационные, по его словам, действия по отношению к России и предупредил их: «Не надо лаять на большого медведя. Это опасно» (Чего на самом деле хочет Россия. URL.: <http://inosmi.ru/world/20150624/228753745.html#ixzz3fyhRIH1x> (accessed: 26.09.2016)).

³ Путин о политике РФ: русский медведь в другие земли не хочет // РИА новости. 24.10.2014. URL.: <http://ria.ru/politics/20141024/1029951137.html> (дата обращения: 22.02.2014).

⁴ Владимир Путин: как только русский медведь расслабится, из него сделают чучело // Вести.ru. 18.12.2014. URL.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2209651> (дата обращения: 22.02.2014).

ной в дискурсе легитимации присоединения Крыма к РФ [Рябов 2014]. «Русский медведь», иными словами, превращается в «русскую медведицу». Материнский образ Родины является одним из наиболее древних, известных и влиятельных символов российской культуры. Образ России как матери Крыма, нередко дополняемый образом Украины как мачехи, активно использовался в репрезентациях событий украинского кризиса. Привлечение материнского символа способствовало легитимации присоединения Крыма в разнообразных формах; в частности, это позволило использовать символический потенциал «Родины-матери», накопленный за многовековую историю его существования. В ситуации противостояния с киевскими властями было особенно эффективным обращение к образам Великой Отечественной войны и практикам коммеморации послевоенного периода; этим, в частности, объясняется активнейшее использование знаменитого образа с плаката И. Тоидзе. Для нашего исследования имеет особое значение то, что в риторику, посвященную присоединению Крыма, включается такая модификация материнского символа, как образ России-медведицы, заботливо опекающей своего медвежонка — Крым [Рябов 2014].

Заключение

Попробуем подвести итоги. В западном дискурсе медвежья метафора используется, как правило, для проведения символической границы с Россией, будучи призванной промаркировать ее неевропейскую сущность и обусловленные этим агрессивность и отсталость. Какое влияние оказывает эксплуатация медвежьей метафоры на восприятие России на международной арене?

Прежде всего, она способствует мобилизации значений (по преимуществу, негативных), закрепленных за образом «русского медведя»: кровавая, агрессивная, деспотичная, варварская, отсталая, неевропейская страна.

При этом следует учитывать, что включение этой метафоры в дискурс международных отношений способствует эссенциализации нынешних противоречий между Россией и Западом, представление их в качестве сущностных и потому неустранимых. Репрезентации Российской Федерации при помощи медвежьей метафоры способствует восприятию ее во фрейме «Империя Зла»; западную аудиторию тем самым стараются убедить в том, что Россия всегда останется враждебной «свободному миру». Американский историк М. Малиа использовал термин «веч-

ная Россия» (eternal Russia) для того, чтобы подвергнуть критике позицию тех западных политиков и экспертов, которые исходят из того, что Россия не способна меняться и, следовательно, враждебные отношения между двумя странами периода Холодной войны будут воспроизводить себя и в будущем [Malia 2000: 1].

Еще одно последствие эксплуатации медвежьей метафоры — гомогенизация россиян; все они — некая эманация большого «русского медведя», все они несут коллективную ответственность за внешнюю и внутреннюю политику страны. Дж. Лакофф показал, как метафора «государство — это личность» использовалась для легитимации внешнеполитических решений в период военной операции США в Ираке, которая начинала выглядеть таким образом, что единственным противником является С. Хуссейн; тем самым смерти и лишения сотен тысяч иракцев становились «невидимыми» [Lakoff 2003].

В случае с медведем ситуация усугубляется тем, что россияне репрезентируют не человек, а животное. Привлечение животных метафор в освещение проблем международных отношений — это, как правило, один из способов дегуманизации оппонента, лишения его человеческого облика. Эксплуатация животной метафоры приводит к тому, что оппоненту отказывают в способности испытывать человеческие эмоции (например, страх и боль), что позволяет быть по отношению к нему безжалостным [Steuter, Wills 2008: 39–40]. В случае с нашим героем примером может служить ситуация с публикацией в «The Korea Times» карикатуры «Очень расстроенный Русский медведь Путин», посвященного терактам в московском метро 29 марта 2010 г. В России публикация вызвала возмущение; МИД РФ даже потребовал извинений. Скорее всего, художник не имел намерения оскорбить память погибших, однако у образов есть своя логика; действительно, ревуший в три ручья медведь способен вызвать смех, но едва ли сострадание¹.

Говоря об аспектах прагматики использования метафоры в международных отношениях, необходимо принимать во внимание не только ее манипулятивный потенциал и влияние на восприятие ситуации, но и ту роль, которую она может играть в принятии решений. Анализируя символическую политику,

¹ Корейская газета опубликовала оскорбительные карикатуры на теракты в московском метро // NEWSRU.com. 2.04.2010. URL.: <http://www.newsru.com/world/02apr2010/cartoons.html> (дата обращения: 22.09.2016).

О. Малинова подчеркивает, что элиты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике [Малинова 2013: 13]; Г. Тульчинский справедливо отмечает, что акторы «информационных войн» сами оказываются продуктами интерпретаций [Тульчинский 2015: 27]. Очевидно, в глобальной символической политике, которая представляет собой символическую борьбу за производство смыслов в глобальном информационном пространстве, элита также оказывается заложником применяемых концептуальных метафор. Как заметил П. Чилтон, включение метафор в дискурс порождает ситуацию, когда они обеспечивают приоритет одного понимания реальности над другим; они становятся важным фактором в производстве политической реальности, в том числе реальности международных отношений [Chilton 1996: 74].

Например, использование животной метафоры в отношении оппонента вовлекает в дискурс также метафору охоты, что, в свою очередь, предписывая строго определенный набор ролей и вариантов поведения, существенно ограничивает автономию политика в принятии решений. Охотник может выслеживать, расставлять капканы, преследовать, ранить, убивать — но он не может договариваться [Steuter, Wills 2008: 73]. Не удивительно, что при описании отношений с Россией часто встречается фраза «Медведь понимает только силу» (выше мы цитировали подобное высказывание, принадлежащее Н. Савченко).

Показательным является связанное с исследуемой метафорой признание американского политического обозревателя Ч. Краутхаммера о том эффекте, который произвел в США запуск первого в мире спутника в 1957 г.: «Спутник стал для страны шоком, потому что до этого мы всегда считали Россию большим, чрезвычайно сильным, но неуклюжим медведем. Медведь измотал нацистов, медведь был способен в умопомрачительных количествах производить сталь, но у нас было то, чего у него не было ни капли, — ум и смекалка. И вот в один прекрасный день мы просыпаемся и видим, что он обогнал нас в космосе...»¹.

Очевидно, убежденность в том, что оппонент является неуклюжим и недалеким может привести к весьма опасным для международной стабильности последствиям — поскольку это в

¹ *Krauthammer C. What Sputnik Launched // The Washington Post. 5.10.2007. URL.: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/10/04/AR2007100401922_pf.html (accessed: 26.09.2016).*

большинстве случаев не соответствует действительности и затрудняет политическое прогнозирование. Не эта ли самоуверенность, порождаемая в том числе и представлениями о России как о медведе, в итоге обернулась демонстрацией беспомощности западных экспертов и политиков в ситуации украинского кризиса, которые подвели мир сегодня к опасной черте?

Можно спорить о том, в какой мере политика России дает основания для подобного рода оценок. Однако нельзя не обратить внимания на то, что использование животных аллегорий наций, рас и культур, достаточно распространенных в культуре XVIII–XX вв., в настоящее время практически табуировано. Граждане России вправе ожидать, что обязательное для репутационных западных СМИ правило политкорректности с ее требованиями ответственного использования языка должно распространяться и на них... Положение, однако, осложняется тем, что последние годы россияне сами готовы ассоциировать себя со зверем; вопрос о том, в какой степени такая идентификация представляет собой временное явление, вызванное обострением отношений с Западом в условиях режима санкций, нуждается в дальнейшем исследовании. Можно предположить, что использование медвежьей метафоры в подобном контексте отражает рост антизападных настроений, с одной стороны, и выступает фактором их поддержания, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. — 2015. № 2. С. 12–16.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. — 2006. № 17. С. 35–77.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. С. 87–96.

Ворошилова М. Б. Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. № 4. С. 116–125.

Гайлите Г. Медведь и Латвия: Образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. № 4. С. 29–40.

Лазари А. де, Рябов О. В. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) // Границы: Альманах

Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. — Иваново: ИвГУ, 2008. С. 162–182.

Лакофф Дж. Метафора и война: Система метафор для оправдания войны в Заливе // Современная политическая лингвистика / под ред. Э. В. Будаева, А. П. Чудинова. — Екатеринбург: УрГПУ, 2006. С. 59–71. Режим доступа.: www.philology.ru/linguistics1/lakoff-06.htm.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. С. 387–415. Режим доступа.: <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>.

Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. — М.: ИНИОН РАН, 2013.

Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.

Михайлова Ю. Н. Медведь в политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. № 4. Т. 4. Филология. С. 143–146.

Россомахин А., Хрусталева Д. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI–XVIII века) // Границы : Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. — Иваново: ИвГУ, 2008. Вып. 2: Визуализация нации. С. 123–161.

Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дисс. ... кандидата политических наук. — СПб., 2016.

Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. — 2011. № 6. С. 114–123.

Рябов О. В. Мать и мачеха: Материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к РФ // Женщина в российском обществе. — 2014. № 4. С. 40–50.

Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: Социологический анализ: дисс. ... доктора социологических наук. — Иваново, 2009.

Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. — 2015. № 5. С. 24–33.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.

Bieder R. E. Bear. — L.: Reaktion Book, 2005.

Chilton P. A. Security Metaphors, Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.

Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // Gendering War Talk / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. Pp. 227–246.

Diemert B. Uncontainable Metaphor: George F. Kennan's «X» Article and Cold War Discourse // *Canadian Review of American Studies*. — 2005. Vol. 35. № 1. Pp. 21–55.

Dittmer J. N. European Re-Union: Representations of Eastern Europe in NATO and EU Expansion. — Florida State University, 2003. Режим доступа: <http://etd.lib.fsu.edu/theses/available/etd-08312003-220800/>.

Kagan R. Power and Weakness // *Policy Review*. — 2002. № 113. Режим доступа.: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/kagan.htm>.

Lakoff G. Metaphor and War, Again. 17.03.2003. — Режим доступа.: http://www.alternet.org/story/15414/metaphor_and_war_again.

Lazari A. de, Riabov O., Żakowska M. Europa i Niedźwiedź. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.

Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000.

Marks M. Metaphors in international relations theory. — Palgrave Macmillan, 2011.

Neumann I. B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics: European Identities in Transformation* / ed. by U. Hedetoft. — Aldershot; Brookfield: Ashgate, 1998.

Riabov O., Lazari A. de. Misha and the Bear: the Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War» // *Russian Politics and Law*. — 2009. Vol. 47. № 5. Pp. 26–39.

Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin. *Problems of Post-Communism*. — 2014. Vol. 60. № 2. Pp. 23–35.

Shepard P., Sanders B. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature. — New York: The Viking Press, 1985.

Shimko K. L. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. — 1994. Vol. 15. № 4. Pp. 655–671.

Steuter E., Wills D. At War with Metaphor: Media Propaganda and Racism in the War on Terror. — Lexington books, 2008.

И. И. Саженин

Новосибирск, Россия

НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЭТИКА, ЛИНГВИСТИКА, ПРАВО

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена проблеме диагностирования неприличной формы высказывания при производстве судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Причиной написания статьи стало отсутствие в экспертном сообществе единого подхода к решению основных задач. Проведение экспертизы по делам об оскорблении традиционно предполагало решение двух задач:*

1) установление оскорбительного характера высказывания в адрес лица;

2) определение формы высказывания (приличная/неприличная). В экспертном сообществе существует различное понимание неприличности формы выражения смысла. Ряд экспертов считает имеющими неприличную форму только те высказывания, которые содержат нецензурную лексику, другие склонны включать в число единиц, имеющих неприличную форму, те, что нарушают нормы речевого этикета. Разность экспертных подходов приводит к тому, что один и тот же объект исследования оценивается экспертами по-разному, что вызывает сомнения в объективности методов лингвистической экспертизы у участников судебного процесса. В статье предпринята попытка развести собственно лингвистическое наполнение понятия «неприличная форма» и его этическую и правовую составляющие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *оскорбления, конфликтные ситуации, лингвистическая экспертиза, вербальная агрессия, речевое взаимодействие, конфликтный дискурс, культура речи, речевое поведение, судебная лингвистическая экспертиза.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Саженин Игорь Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.*

Адрес: г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.
E-mail: sajana84@mail.ru.

I. I. Sazhenin

Novosibirsk, Russia

INDECENT FORM OF UTTERANCE: ETHICS, LINGUISTICS, LAW¹

ABSTRACT. *The article is devoted to analysis of the problem of diagnosing indecent forms of expression in the production of forensic linguistic examination in cases of insult. The urgency of the study is brought about by lack in expert community of a unified approach to the solution of many problems. Expertise in cases of insult traditionally implies two main objectives:*

- 1) establishment of offensive manner of remarks about a person;*
- 2) determination of the form of utterance (decent / indecent).*

There are different interpretations of the essence of indecent form of utterance in the expert community. Some experts believe that only utterances that contain profane words should be considered indecent in form; others also include such expressions which violate the norms of speech etiquette. The difference in expert approaches leads to the fact that one and the same object of study is estimated by experts in different ways, which raises doubts about the objectivity of the methods of linguistic expertise among the participants of the trial. The article attempts to demarcate the content of the linguistic aspect of the concept of "indecent form" and its ethical and legal components.

KEYWORDS: *abuse, conflict situations, linguistic expertise, verbal aggression, verbal interaction, discourse of conflict, speech culture, verbal behavior, court linguistic expertise.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sazhenin Igor' Igorevich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Modern Russian and Methods of its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University.*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»

Экспертиза по делам об «оскорблении», как правило, назначается по следующим категориям дел: Оскорбление представителя власти, ст. 319 УК РФ; Оскорбление военнослужащего, ст. 336 УК РФ; Административный проступок ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». При этом определение понятия «оскорбление» содержится в утратившей силу статье 130 УК РФ: «*Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме*».

В зависимости от определённых законом признаков умаление чести и достоинства личности может квалифицироваться как преступление (128.1 УК РФ «Клевета», ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава», ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего», ст. 282 УК РФ «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»), административный проступок (5.61 КоАП РФ «Оскорбление» и пр.) или гражданско-правовой деликт (152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Составы данных правонарушений тесно связаны между собой:

клевета — распространение *заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица*;

оскорбление — **унижение чести и достоинства** другого лица, *выраженное в неприличной форме*;

действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на **унижение достоинства человека** либо группы лиц по *признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе*;

Таким образом, объектом посягательств во всех случаях выступает честь и достоинство человека. Однако есть и ряд существенных отличий: ст. 282 обязательно предполагает наличие одного из оснований для умаления чести (пол, раса, язык, происхождение, конфессиональная принадлежность, социальная принадлежность), ст. 319, 336 предполагают обязательное наличие не-

приличной формы выражения, ст. 129.1 УК и ст. 152 ГК предполагают обязательное наличие фактической информации о лице, которую возможно проверить на соответствие действительности.

Следовательно, при производстве экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282 ставится задача по выявлению негативной информации, в основе которой лежит один из перечисленных в статье признаков, в рамках экспертизы по делам о распространении порочащих сведений решается задача по выявлению негативной информации о лице, имеющей форму утверждения о факте, который может быть проверен на соответствие действительности, а по делам об оскорблении такой задачей является выявление негативной информации о лице, выраженной в неприличной форме.

Для решения поставленных задач назначающее судебную лингвистическую экспертизу лицо чаще всего ставит эксперту примерно следующие вопросы:

Содержится ли в тексте негативная информация о группе лиц, выделяемой по признаку пола, расы, национальности, языка? (ст. 282);

Содержится ли в тексте негативная информация о лице, если да, то в какой форме она выражена: мнение, предположение, оценочное суждение, утверждение о факте, который можно проверить на соответствие действительности? (ст. 129.1 УК РФ, 152 ГК РФ);

Содержится ли в тексте негативная информация о лице? Если да, то выражена ли она в неприличной форме? (319, 336 и др.).

В соответствии со статьей 8 Федерального закона о государственной судебной экспертной деятельности эксперт обязан проводить исследование объективно, на строго научной и практической основе, **в пределах соответствующей специальности**, всесторонне и в полном объеме. И в этой связи возникает вопрос: в какой мере приличие/неприличие являются лингвистическими категориями?

Объектом лингвистической экспертизы материалов по делам об оскорблении является высказывание. Как любой речевой/языковой знак, высказывание имеет план содержания (смысл) и план выражения (форму). Иными словами, фигурирующее в диспозиции статей 130 УК и 5.61 КоАП, понятие «форма выражения» имеет прямую корреляцию с таким лингвистическим понятием, как «план выражения». Иными словами задача

по определению формы выражения высказывания решается посредством характеристики его плана выражения. Но в вопросе, который ставят эксперты, содержится понятие «неприличная форма», то есть эксперт-лингвист, отвечая на вопрос, должен присвоить использованным единицам свойство приличия/неприличия. Но лингвистические ли это категории? Не выходит ли эксперт в этом случае за рамки своей специальности?

Конечно, лингвисты оперируют такими понятиями, как «неприличная лексика», «непристойная лексика» [Жельвис 2008; Мокиенко 1994; Шарифуллин 2000]. Но следует учитывать, что допущения, которые возможны в академических работах, в судебной экспертизе зачастую неприемлемы. И работа с понятием «неприличие» при производстве экспертизы — как раз тот случай, когда собственно лингвистические методы и теории часто не позволяют прийти к однозначному выводу.

Следующий контекст иллюстрирует существование двух оснований для отнесения высказывания к категории неприличных: *«Сын у меня лет в 10 стал обезьянничать за своими приятелями. Раз сказала, что это неприлично, два... Потом сказала: При женщинах употреблять такие слова оскорбительно. Еще раз скажешь, я, как женщина, дам тебе пощечину».*

Таким образом, одним таким основанием будет «наличие женщин в пределах слышимости», то есть экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации; вторым основанием будет наличие в высказывании «таких слов», то есть стилистико-функциональные особенности используемых единиц.

Очевидно, что понятие «неприличие» многомерно:

1) с точки зрения лингвистики «неприличность» является исключительно стилистико-функциональной характеристикой единицы, характеристикой плана выражения;

2) с позиции этики приличие или неприличие определяются экстралингвистическими параметрами: ситуацией, целью сообщения, статусом участников, их ситуативными ролями, их воспитанием, культурой общения, традицией и негласными правилами внутри отдельно взятой социальной ячейки и др.

3) с позиции права нужно учесть всё: и этические нормы и стилистико-функциональные характеристики плана выражения.

В попытке ответа на вопрос о наличии/отсутствии неприличной формы выражения лингвист, не отделяя этическое наполнение понятия от лингвистического, сталкивается с необходимостью решить, является ли **форма высказывания ста-**

тичной, независимой величиной или же определяется с учетом параметров коммуникативной ситуации.

Если эксперт придерживается первой точки зрения (форма высказывания статична), то он вынужден относить к категории неприличных вполне конкретный, ограниченный набор единиц. Так, например, последователи И. А. Стернина относят к «неприличным» только следующие единицы: «нецензурное обозначение мужского полового органа (х...), нецензурное обозначение женского полового органа (п...зда, м...нда), нецензурное обозначение процесса совокупления (е...ть) и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на букву «б», а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть все языковые единицы, содержащие в своем составе данные корни» [Стернин 2010]. Уязвимость такой позиции заключается в том, что, например, фраза «Жирный ублюдок! Урод! Жидовская мразь! Мантию судьи позоришь, падаль!» характеризуется при таком подходе как не имеющая неприличной формы, что вызывает недоумение и несогласие с выводами эксперта у участников процесса, провоцирует назначение повторной экспертизы и в случае разницы в выводах порождает спекуляции на тему необъективности лингвистической экспертизы, что, в свою очередь, продуцирует сомнения в необходимости ее существования как вида.

Если эксперт придерживается второй точки зрения (форма определяется с учетом параметров коммуникативной ситуации), то вероятны иные коллизии, например, как показывает практика, фраза «козел дырявый» в отношении судьи при исполнении и в отношении соседа по лестничной клетке при бытовой ссоре будет иметь или не иметь неприличную форму из-за разных параметров коммуникативной ситуации, что является нарушением равенства прав граждан.

Таким образом, именно наличие в вопросе, поставленном эксперту, понятия «неприличие», провоцирует лингвиста на выход за пределы его компетенции в область этики и права, вынуждает его квалифицировать достаточно жесткие высказывания как «приличные».

Поскольку задачей судебной экспертизы является оказание содействия суду в установлении фактов, подлежащих доказыванию по конкретному делу, то в этом смысле содействие, которое способен оказать специалист в области лингвистики, не выходя за пределы своих специальных знаний, заключается в описании стилистических и функциональных особенностей используемых

единиц с опорой на систему существующих словарных помет. Вопросы эксперту ставятся назначающим экспертизу лицом, сведущим в праве, с учётом юридической значимости вопросов для дела, с учетом специальности и компетенции эксперта. Специфика лингвистической экспертизы, в отличие от других видов, состоит в том, что ее объект нередко бывает «равен деянию» (оскорбление, призыв, унижение и др.), по этой причине нередки ситуации, когда правоприменитель формулирует вопрос, используя элементы диспозиции соответствующей статьи кодекса, вынуждая эксперта тем самым давать юридическую оценку деяния. И вопрос в формулировке *«имеет ли высказывание неприличную форму?»* является частным случаем подобной практики. При этом в соответствии с Кассационным Определением Верховного Суда России от 08.04.2010 № 65-О10-1 *«Наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом»*.

Таким образом, в целях оказания суду содействия в установлении неприличности формы высказывания эксперт, дабы не выходить за пределы специальных знаний, действуя на строго научной основе в пределах соответствующей специальности, должен решать задачу по характеристике плана выражения высказывания. В ряде случаев, когда судья понимает, где находится граница компетенции экспертов, вопрос формулируется примерно следующим образом: *«Содержится ли в высказывании негативная информация о лице, и если содержится, то какими средствами она выражена?»*. Решение вопроса в такой формулировке позволяет эксперту оставаться в зоне своих профессиональных возможностей и в то же время сообщить адресату информацию о языковых единицах, необходимую для принятия дальнейшего решения по делу.

ЛИТЕРАТУРА

Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспект): Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. — М.—Кострома, 2008. С. 71–76.

Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Ладомир, 2001. 352 с.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. — Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.

Стернин И. А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика: электрон. научн. журн. — 2010. Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-308.

Шарифуллин Б. Я. Обценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: вестн. Рос. риторической ассоц. — Красноярск, 2000. Вып. 1 (9). С. 108–111.

Е. М. Семенова

Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ОНТОЛОГИЗАЦИИ АРХЕТИПА LIGHT В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ США

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу архетипов в современном медийном дискурсе США, репрезентантами которых являются метафора и метонимия, рассматриваемые автором как способы онтологизации первичных смыслов в современном политическом дискурсе. Особое внимание уделяется отношениям зависимости между названными явлениями, позволяющие исследовать сравнительно новое явление в современной лингвистике – метафтонимию, которое способствует активации не только языкового сознания реципиента, но и сферы бессознательного в тех случаях, когда предметом анализа является концепт, обладающий архетипичной сущностью. Кроме того, по мнению автора, данное явление способствует извлечению максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в архетипичных представлениях о мире.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *метафтонимия, концепты, архетипы, политический дискурс, медиадискурс, средства массовой информации, политическая метафорология, политические метафоры, языковое сознание.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Семенова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.*

Адрес: 196601, Санкт-Петербург, Петербургское ш., 2.

E-mail: wincherry2004@list.ru.

E. M. Semenova
Saint Petersburg, Russia

METAPHTONOMY AS A MEANS OF ONTOLOGIZATION OF THE CONCEPT «LIGHT» IN THE USA MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the archetypes which are represented by metaphor and metonymy and are considered as methods of ontologization of the primary meanings in the modern media discourse of the USA. Special attention is paid to the relations of dependence between the mentioned phenomena which allow studying such relevantly new linguistic concept as metaphonymy, thus assisting to activate not only the recipient's language consciousness but his unconscious sphere as well, especially in those cases when the subject of research is an archetypical concept. Besides, the author considers that this phenomenon contributes to extracting the greatest number of implicit meanings in the archetypical ideas of how the world is basically arranged.*

KEYWORDS: *metaphonymy, concept, archetype, political discourse, media discourse, mass media, political metaphorology, political metaphor, linguistic consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Semenova Elena Mikhaylovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint Petersburg State Agrarian University.*

Перед тем как перейти к анализу архетипов в современном медийном дискурсе США и определению роли метафтонимии в онтологизации «первичных» смыслов, представляется логичным и целесообразным обратить внимание на теоретические разработки М. Осборна [Osborn 1967], считающегося «пра-родителем» политической метафорологии в целом и теории архетипичной метафоры в частности.

В работе «Метафора в публичном выступлении» [2011], ученый определяет теоретическую сущность метафоры, включая в сферу научного исследования анализ дефиниций метафоры, сам процесс метафоризации (его элементы и структуру),

степени метафоры, а также гипотезы, касающиеся особенностей риторической метафоры.

По мнению М. Осборна метафора является «как коммуникативным стимулом, так и ментальным откликом. Как стимул она является идентификацией идеи или объекта через знак, который, как правило, обозначает совершенно другую мысль или объект. Как отклик, метафора является взаимодействием двух мыслей или интерпретантов, один из которых возникает из обычного значения знака стимула, а другой — из его особого значения, приобретаемого в данном контексте» [Osborn 1967: 245].

В кратком изложении, процесс метафоризации, (извлечения метафорического значения по М. Осборну), происходит путем сопоставления адресатом субъекта (subject) — называемого предмета (явления, отношения) — с «элементом для ассоциации» (item for association) — предметом или явлением, с которым ассоциируется предмет речи, по линиям ассоциаций (lines of association) — способам осмысления, установленным квалификаторами (qualifiers), удерживающими поиск смысловых ассоциаций в рамках авторской идеи.

Таким образом, еще задолго до появления когнитивного направления в лингвистике, М. Осборн вышел за пределы чисто языкового теоретизирования, признав важность и неизбежность принятия во внимание ментальных процессов в ходе анализа такого «вечно актуального» предмета исследования как метафора.

С его наблюдениями невозможно не согласиться, но стоит учитывать и тот факт, что за последние десятилетия появилось множество работ, авторы которых, рассматривая метафору как механизм концептуализации действительности, подчеркивают, что наряду с ней имеется целый ряд языковых явлений, выполняющих сходную функцию.

Среди такого рода предметов исследования все более значимой и рекуррентной становится метонимия, часто неотделимая от метафоры, что привело к возникновению относительно нового термина в лингвистике — метафтонимии, впервые предложенного Л. Гуссенсом в 1990 г. и далее, получившего широкое применение в работах таких лингвистов, как Р. де Мендоза, Ф. Мазегоза, Л. Перез и Р. Майрал [Mendoza 2001, 2007, 2012].

Признавая большую ценность теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теории концептуального «блендинга» Л. Факонье и М. Тернера [Fauconnier, Turner 2002], способствующих проведению анализа метафорических структур

на более глубинном уровне осознания, чем это позволяли традиционные подходы, эти ученые пошли дальше и увидели, что метафора часто комбинируется с метонимией, образуя так называемую амальгаму (концептуальный комплекс, единство). При этом отношения между этими концептуальными структурами могут носить различный характер.

Основываясь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф 2004] и введенных ими терминов «область-источник» (source-domain) и «область-цель» (target-domain), коррелирующих с понятиями «субъект» и «элемент для ассоциации» М. Осборна, и обозначающих концептуальные области, участвующие в создании метафорической проекции, приводящей к созданию нового смысла, Р. де Мендоза и А. Масегоза выделяют 4 типа отношений между метафорой и метонимией в зависимости от их локализации относительно друг друга и функций, выполняемых внутри составляемого ими концептуального единства.

1) Метонимическое расширение сферы-источника

Суть первой модели заключается в том, что метонимия выполняет функцию расширения границ концептуальной сферы, служащей источником для возникновения ассоциаций в той степени, которая необходима для образования метафоры. Метонимия служит довольно экономичным средством, обеспечивающим доступ к пониманию достаточно сложного когнитивного сценария.

2) Метонимическое расширение сферы-цели

В этом случае сфера-источник уточняет смысл, заданный целевым аспектом. Роль метонимии заключается в том, чтобы объективировать наиболее полный спектр имплицативных значений, которые могут быть «извлечены» из метафоры.

3) Метонимическое сокращение сферы-источника

Метонимическое сокращение в этом типе взаимодействия является следствием необходимости выделения наиболее релевантных, значимых элементов сферы-источника. Благодаря проекции внимание реципиента соответственно концентрируется на самих важных аспектах целевого концепта, коррелируя с теми аспектами, которые были выделены посредством метонимии в исходной концептуальной сфере.

4) Метонимическое сокращение сферы-цели

Такого рода редукция позволяет на самом деле не сузить спектр значений, активируемых паттерном, а наоборот, соотнести их с более глобальной, базовой концептуальной сферой,

которая становится очевидной благодаря перспективе, открываемой метонимией.

Далее рассмотрим на примере лингво-когнитивного анализа концепта LIGHT, архетипичного по природе, какие метафтонимические модели актуализируются в медийном дискурсе США в процессе его (концепта) онтологизации, и каковы особенности взаимодействия составляющих их (моделей) конструкторов.

Приведем первый пример, послуживший материалом для исследования.

«Yet the Germans, and other fiscally conservative E.U. nations, are fearful of sending the wrong message by granting Greek demands. They are particularly concerned about Spain, home to a fast-growing far-left party closely allied with Greece's Syria, and **where a new deal for Athens could be seen as a green light for propelling radical parties to power**. The Germans remain highly skeptical of the Greek government's first actions in office — including the rolling back of privatization efforts. And some analysts doubt whether Berlin will ever warm to the exotic new debt deals Greece is putting on the table» [Faiola 2015].

В центре анализа следующая пропозиция. «A new deal for Athens could be seen as a green light for propelling radical parties to power». (Поддержка политики нового правительства Греции некоторыми странами Евросоюза (в частности Испанией) может быть воспринята мировым сообществом как готовность (a greenlight) активно продвигать (propelling) радикальные партии к власти).

Метафорическое выражение «a green light», ассоциирующееся в сознании реципиента с зеленым светом светофора, разрешающего движение на дороге, в данном контексте позволяет интерпретировать пропозицию в терминах готовности некоторых политических кругов согласиться с очевидно прогнозируемыми последствиями решений нового правительства Греции. «Дать зеленый свет» в данном контексте означает «не препятствовать», «принять как должное», «позволить», «согласиться».

Исследуем, какие смысловые составляющие архетипа LIGHT способствуют актуализации выше обозначенного значения.

Одной из смысловых характеристик словосочетания “greenlight” является его адаптивная природа — составляющая, позволяющая человеку приспособиться к окружающему миру и адекватно в нем сориентироваться. Она полностью коррелирует с базовым значением архетипа, лежащего в основе языкового выражения, который может интерпретироваться как СВЕТ ЕСТЬ ИСТОЧНИК

ИНФОРМАЦИИ О МИРЕ. Зеленый свет светофора, с которым подсознательно мы ассоциируем ocasionальное метафорическое выражение, сохраняет ключевое значение архетипичного концепта, уточняя, конкретизируя его в рамках данной пропозиции.

Следует отметить, что метафорическая проекция в этом случае основывается на другом языковом явлении, связанном с переносом концептуализации одной сферы опыта на другую, а именно — метонимии. Ведь зеленый свет светофора и свет как архетипическая категория — явления одного порядка, и семантический сдвиг происходит в рамках одной и той же категории. Что касается природы метафтонимических связей, то, на наш взгляд, они относятся к первому типу и могут категоризоваться как «метонимическое расширение сферы-источника», при том, что сами метонимические отношения могут быть описаны формулой ЗНАК (сигнал) означает ДЕЙСТВИЕ (SIGN FOR ACTION) что показано на схеме № 1.

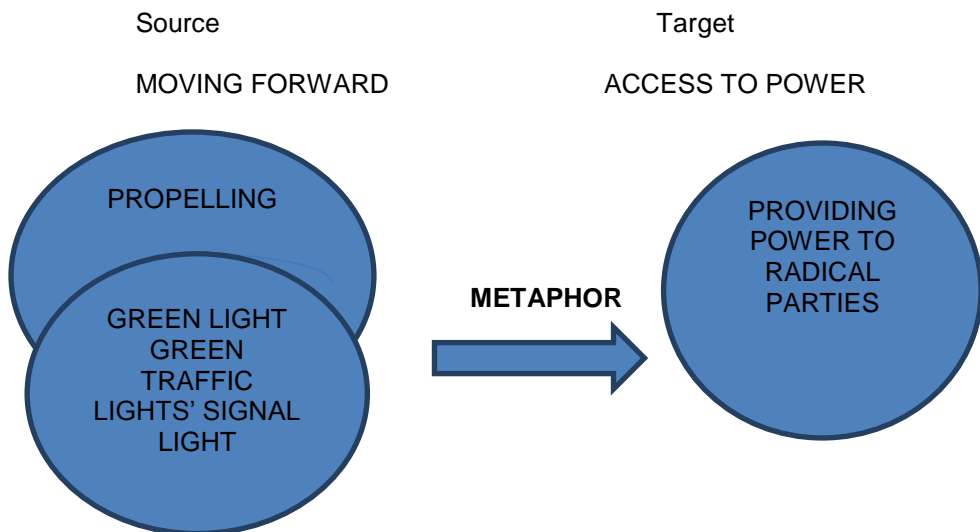

Схема № 1

В границах политического контекста данная метафора имплицитно «вскрывает» готовность определенных политических сил согласиться с последствиями новой политики правительства

Греции, позицию, которая не может быть озвучена открыто в силу заведомой невозможности получения поддержки со стороны стран Евросоюза.

Можно предположить, что использование архетипа LIGHT, а именно его адаптивной природы, указывает на стремление некоторых стран занять двойственную политическую позицию: открыто провозгласив согласие с правительством Греции, одновременно подспудно выразить поддержку другим радикальным политическим силам.

Вопрос об осознанности или неосознанности подобных действий остается в некоторой степени открытым, но, обращаясь к природе архетипов, не будем забывать об их принадлежности к «коллективному бессознательному», которое, как известно, играет решающую роль в определении линии поведения независимо от степени рациональности осмысления принимаемых решений. К тому же данная проблема выходит за рамки компетенции лингвистической науки, а потому оставим ее без решения, ограничившись выше предложенными комментариями.

Для уточнения выводов обратимся к контексту, автор которого, рассуждая о предвыборной гонке кандидата на пост президента США, использует похожую метафорическую концептуализацию, с той разницей, что вместо зеленого цвета сигнала упоминается красный («the red light»). При этом автор дискурса объективирует его архетипическое значение «предупредительный сигнал, знак опасности». Кроме того, текст включает в себя несколько дополнительных метафорических концептуализаций, потому приведем контекст в расширенном варианте.

«John Kasich, drew this analogy: **"Imagine a NASCAR driver mentally preparing for a race knowing one of the drivers will be drunk. That's what prepping for this debate is like. Wallace might agree with that. He's a big wild card, because you don't know how he's going to react,"** Wallace said, back in his office. Will Trump go after one of the candidates standing beside him? Will he abide by the moderators' directions? **When the red light flashes telling him his time is up, will he abide by the limit?** With most candidates, Wallace has an idea of what they would like to accomplish on the debate stage. "If you're Jeb Bush, you pretty much want to stay out of any clinches," Wallace said. "There's nothing to be gained by him to punch down on somebody below him"» [Thompson 2015].

Но прежде выявим сферы концептуализации (source и target domains по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) или входные когнитивные

пространства (input spaces по Л. Факонье и М. Тернеру), которые привлекает автор дискурса, давая оценку предстоящим телевизионным дебатам, посвященным выборам президента США. Первое отсылает нас к информационному блоку, связанному с деятельностью Национальной Ассоциации гонок серийных автомобилей и позволяет метафорически концептуализировать телешоу в виде знаменитых соревнований (NASCAR), один из водителей которых гипотетически находится в нетрезвом состоянии, а второе связывает описываемое общественно-политическое событие с карточной игрой, а точнее с конкретной картой — джокером (wildcard). Роль пьяного водителя (или джокера) легко атрибутируется здесь кандидату в президенты США Дональду Трампу, известному своей эксцентричностью и склонностью к несоблюдению привычных норм поведения на политической арене.

В том и другом случае актуализируется идея риска, опасности, непредсказуемости ситуации, способной повлечь за собой нежелательные последствия и привести к провалу — проигрышу в азартной игре или автомобильных гонках в рамках входных когнитивных пространств и непредсказуемому исходу теледебатов в границах анализируемого прямого контекста.

Риторический вопрос «When the red light flashes telling him his time is up, will he abide by the limit?» представляет собой пример метафоронимии, где словосочетание «the red light» активирует известный когнитивный сценарий, согласно которому нажатие на красную кнопку (упоминание о которой отсутствует в контексте, но легко объективируется в сознании реципиента как метонимический перенос) означает, что время выступления говорящего подошло к концу. Одновременно, на более глубинном уровне интерпретации, актуализируется архетипическое представление о красном цвете как предупредительном сигнале, призывающем остановиться, прекратить движение (или деятельность), по ассоциации с красным сигналом светофора, имеющей метафорический характер.

Если ссылки на когнитивные сценарии автомобильных гонок и азартных игр апеллируют к сознанию реципиента и представляют собой легко считываемую метафорическую проекцию («mapping») области цели на область источника (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), то пример метафоронимии, базирующейся на представлении всех и каждого о значении архетипической категории цвета как источника информации в целом и красного цвета как предупредительного сигнала в частности, есть обращение к «коллективному

бессознательному» и индивидуальному подсознанию соответственно. И в том и в другом случае — когнитивные структуры, не поддающиеся разложению на части и определяющие поведение человека и отношение его к миру (ситуации).

В отличие от первого примера, метонимическое расширение имеет место в данном контексте в области целевого пространства, хотя характер метонимических связей имеет сходную структуру.

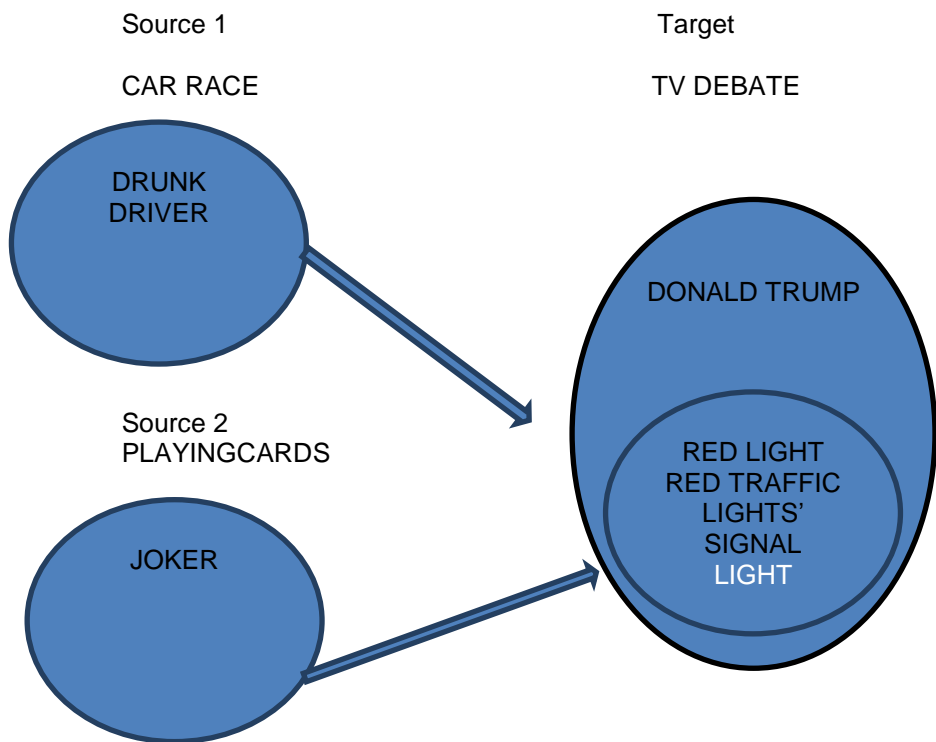

Схема № 2

В следующем примере рассмотрим, как происходит метонимическое редуцирование области-источника анализируемой метафорической модели.

«Although "Wolf Hall" begins with a series of flash-forwards and flashbacks that could initially discourage a half-interested viewer (this is the series' only narrative misstep), we quickly **come to understand Cromwell in a more sympathetic light than history usually shines on him**: an abused child whose intelligence was always viewed as a threat, first by his horrific blacksmith father and then by a succession of disdainful noblemen who resented his presence» [Stuaer 2015].

В метафорическом словосочетании «sympathetic light» атрибутив коррелирует со сферой-целью, а номинатив репрезентирует сферу-источник. Наблюдается когнитивный диссонанс в восприятии смысла выражения, воспринимаемый как нарушение норм сочетаемости языковых единиц (свет не может быть сопереживающим или одобряющим в отличие от процесса восприятия, который предполагает подобную концептуализацию).

Метафорическая проекция осуществляется благодаря метонимическому переносу смысла архетипического концепта СВЕТ как условия видения окружающего мира на сам процесс восприятия, в анализируемом контексте — когнитивную деятельность, связанную с ментальным восприятием и оценкой (видением умом) каких-либо явлений или событий (в данном случае — известной исторической личности).

Таким образом, выражение «in a more sympathetic light» являет собой пример метафтонимии, в котором условие осуществления успешной деятельности (light) заменяет действие, производимое этой сущностью (shine), которое к тому же подвергается метафорическому моделированию и из процесса непосредственного наблюдения, видения мира трансформируется в когнитивный процесс, нацеленный на его понимание. Характер метонимической проекции, на наш взгляд, в этом случае может быть отнесен к сжатию, сокращению сферы-источника, так как архетипическое представление о свете как о физической категории структурируется в контексте через соотношение с гипотетическим источником света в виде производимой ею функции. Другими словами, в рамках указанной метафорической концептуализации актуализируются метонимические отношения «функция вместо сущности» (см. схему № 3).

Главная пропозиция поддерживается дополнительным метонимическим паттерном «наука вместо ученых», выполняющим функцию сужения (редуцирования) сферы-цели. Понятно, что наука (history) не может освещать предметы или объекты

окружающего нас мира в буквальном смысле, но, приняв во внимание метафорическую проекцию источника света на историю как науку, мы не можем не заметить наличие метонимической концептуализации, при которой (научная) Деятельность выступает вместо (научного) Деятеля. Ведь оценка исторических событий принадлежит ученым, создающим исторические труды, в которых материализуются результаты их исследований, а не самим исследованиям как таковым.

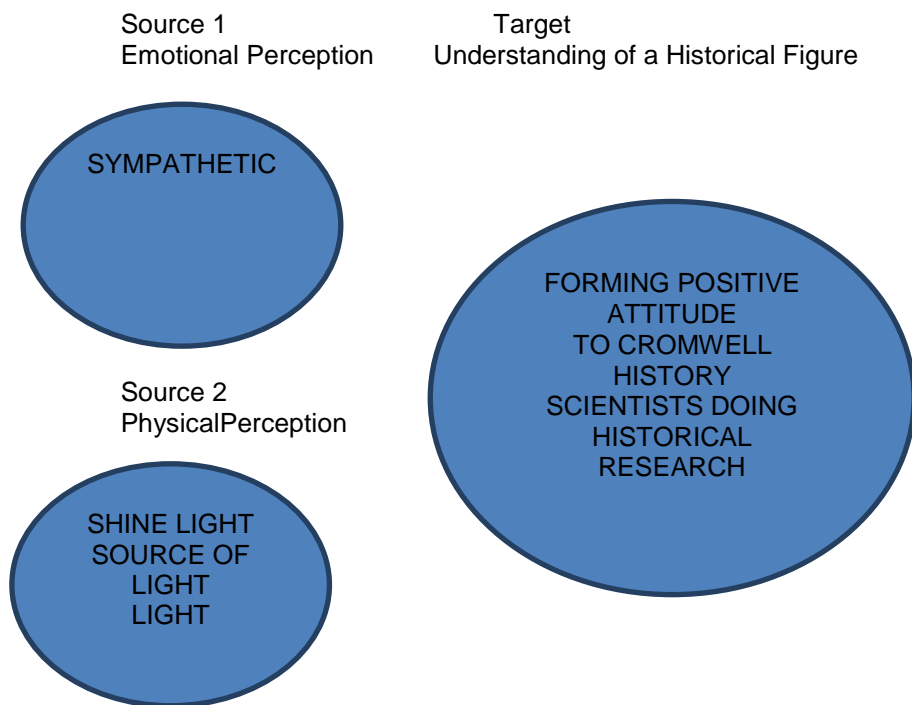

Схема № 3

Приведем еще один пример, где структурирование архетипа light происходит посредством метафтонимии, имеющей место в сфере-источнике.

«So when a fuel shortage struck this spring, a national crisis quickly followed, disrupting cellphone service, temporarily closing bank branches and grounding airplanes. The power shortages and

blackouts have **cast a harsh light** on elected officials, causing rising anger among voters for whom reliable electricity was supposed to be a dividend of democracy and economic growth» [Normitsu 2015].

Как и в предыдущем контексте метафорическое выражение «to cast a harsh light» изначально вызывает ощущение нерелевантности сочетания атрибутива и номинатива, так как в буквальном понимании свет не может быть суровым, резким или критично настроенным (*harsh*). Такие эмоциональные оценки присущи людям, а точнее их восприятию мира или определенных событий.

Пространство контаминации (*blending space*) в данном случае включает в себя элементы разных пространств ввода информации (*input spaces*). Один из них принадлежит области-цели (сферы сознания), это атрибутив «*harsh*», а другой — области-источнику (сфере физического мира), это номинатив «*light*». Таким образом, благодаря метафорической концептуализации происходит слияние смыслов, принадлежащих разным когнитивным пространствам, в результате чего появляется осмысление ситуации на новом уровне.

Это становится возможным, в том числе, благодаря наличию единой структуры концептов, участвующих в когнитивном переносе, что позволяет кроме названных смысловых пространств вычленить еще одно, так называемое общее пространство (*generic space*). В рамках данного контекста в него, на наш взгляд, входят такие структурные элементы как «условие восприятия окружающего мира» (*свет-осознание*) и «зависимость восприятия действительности от качества освещения» (характеристика света — *оценка восприятия*). При этом выделенные курсивом компоненты вербализованы в контексте, а остальные «вычисляются» из него посредством метафорической проекции и остаются как бы «за кадром», за границами текста как материальной сущности.

Такая интерпретация становится возможной, в том числе, благодаря метонимии, сокращающей одну из сфер-источника от архетипического представления о свете как физической категории через подсознательную референцию к понятию «источник света» к идее «высвечивания», «выхватывания» пучком света определенного пространства, делая его доступным для глаза, что выражается в рассматриваемом контексте при помощи выражения «*cast light*».

Вместе с тем, нельзя не заметить, что в основе устойчивого выражения «пролить свет на что-то или кого-то» лежит метафорическая концептуализация, которая происходит в результате

осуществления проекции, «картирования» архетипического представления о том, что наличие света позволяет видеть предметы окружающего мира на другую когнитивную область. А именно — сферу сознания, отвечающую за нашу способность иметь собственное суждение и давать ментальную оценку явлениям, событиям, предметам и объектам действительности в соответствии с реальной ситуацией. Таким образом, метонимические отношения внутри данной метафорической концептуализации могут быть описаны по формуле «операция с сущностью вместо самой сущности», а сам прием рассматриваться как явление метафтонимии, что показано на схеме № 4.

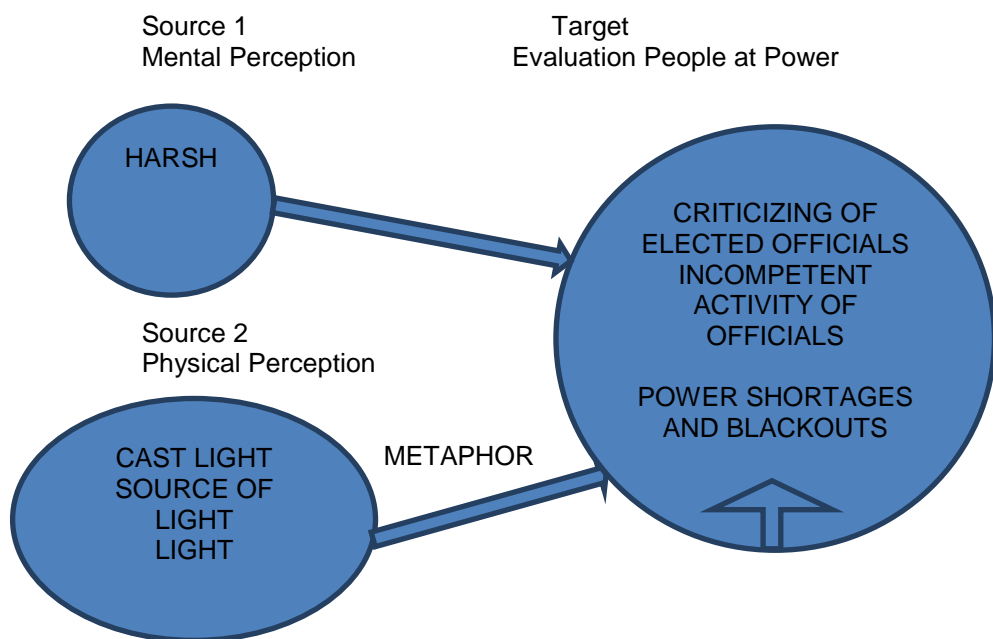

Схема № 4

Обозначенная метафорическая концептуализация усиливается еще одной метонимической проекцией, заключенной в области-цели, в рамках которой последствия не вполне профессиональной деятельности (power shortages and blackouts) выступают в качестве обстоятельства, позволяющего прийти к осо-

знанию некомпетентности людей, отвечающих за ее реализацию, в то время как на самом деле сама эта деятельность служит основанием для нелицеприятных выводов в адрес не вполне компетентных ее организаторов.

Подведем некоторые итоги приведенному выше исследованию.

Основываясь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и дальнейших исследований, проведенных в этой области Факонье и Тернером, и приведших к возникновению теории концептуального «блендинга», и учитывая недавние разработки в области такого относительно нового явления, как метафтонимия, мы предприняли попытку анализа архетипа LIGHT в современном американском политическом дискурсе, и пришли к следующим выводам.

Метафтонимия служит средством структурирования смыслов, составляющих архетипичную сущность, в пространстве ввода информации (сферы-источника и сферы-цели) как посредством сжатия (редукции) метонимической проекции, так и путем расширения (экспансии) метонимических связей внутри метафорической концептуализации.

Механизм этих процессов и характер их влияния на концептуальную сущность архетипа остается не выявленным на данный момент и требует, на наш взгляд, дальнейшего изучения.

Было отмечено, что наряду с явлением метафтонимии, характерного для актуализации базового архетипичного концепта, метонимическая проекция наблюдается и в смежных когнитивных пространствах. Способы ее проявления и способность оказывать влияние на базовый предмет исследования также остаются до конца не выясненными и, несомненно, заслуживают внимания лингвистов, научный интерес которых лежит в этой области знаний.

Метафтонимия способствует активации не только языкового сознания реципиента, но и сферы бессознательного в тех случаях, когда предметом анализа является концепт, обладающий архетипичной сущностью.

Метафтонимия служит целью извлечения максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в архетипичных представлениях о мире.

ЛИТЕРАТУРА

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

Осборн М., Энингер Д. Метафора в публичном выступлении // Политическая лингвистика. — 2011. № 1 (35). С. 244–253.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. — New York: Basic Books 2002.

Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action Cognitive Linguistics. — 1990. № 1 (3). P. 323–340.

Lakoff G. Johnson M. Metaphors We Live By. — The University of Chicago Press. 1980, 2003.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. — 1967. Vol. 53.

Ruiz de Mendoza F. J., Pérez L. Metonymy and the grammar: motivation, constraints and interaction. Language and Communication. — 2001. № 21 (4). P. 321–357.

Ruiz de Mendoza, F. J. and Galera-Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains. In EizagaRebollar, B. (Ed.) Studies in Cognition and Linguistics. — Frankfurt: Peter Lang, 2012. P. 161–190.

Ruiz de Mendoza, F. J. and Mairal R. High-level metaphor and metonymy in meaning construction. In Radden, G., Köpcke, T. Berg and P. Siemund (Eds.) Aspects of Meaning Construction. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 33–51.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРИМЕРОВ

Faiola A. Greek leaders face German obstacle // Washington Post. — 2015 (150204).

Onishi Normitsu Weak Power Grids in Africa Stunt Economies and Fire Up Tempers // New York Times. — 2015 (150704).

Stuever H. A somber, perfect take on the Tudors // Washington Post. — 2015 (150404).

Thompson K. Moderator unbound // Washington Post. — 2015 (150804).

УДК 811.111'42:39
ББК Ш143.21-
55+Ш143.21-006.35

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

А. В. Таскаева

Челябинск, Россия

ОБРАЗ ГЕРОЯ В ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЧАН

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению вербализации представлений о герое в языковом сознании англичан на материале англоязычного публицистического и массмедийного дискурса. Анализируется список ста величайших британцев современности, делается вывод о том, что каждая из героических личностей, попавших в этот рейтинг, олицетворяет одно или несколько качеств, свойственных представителям английской нации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковое сознание, английский язык, публицистический дискурс, медиадискурс, средства массовой информации, этнолингвистика, англичане.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Таскаева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет; зав. кафедрой иностранных языков, Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского.
Адрес: 454008, Братьев Кашириных, 129.
E-mail: taskaeva_anna@bk.ru.*

A. V. Taskaeva

Chelyabinsk, Russia

IMAGE OF A HERO IN THE VALUE-BASED WORLDVIEW OF THE ENGLISH

ABSTRACT. *The paper studies the verbalization of representations of the hero in the linguistic consciousness of the English on the material of English mass media and journalistic discourse. The author analyzes the list of 100 Greatest Britons and comes to the conclusion that each of the heroic individuals of this rating represents one*

or several qualities of the English national character.

KEYWORDS: *linguistic consciousness, English language, journalistic discourse, media discourse, mass media, ethno-linguistics, the English.*

ABOUT THE AUTHOR: *Taskaeva Anna Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Oriental, Romance and Germanic Languages, Chelyabinsk State University; Head of Department of Foreign Languages, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky.*

Образ героя олицетворяет ценности определенной лингвокультуры, в нем отражаются особенности национального характера и воплощаются морально-этические качества, значимые для представителей той или иной нации. Настоящее исследование посвящено изучению вербализации представлений о герое в сознании англичан по материалам англоязычного публицистического и массмедийного дискурса, посвященного теме героизма и описанию образов национальных героев Англии.

По результатам проведенного ранее исследования, посвященного анализу понятийной составляющей концепта «герой» в языковом сознании англичан, сделаны выводы об исключительных качествах героя и общественном значении героических поступков в ценностной картине мира англичан. Герой в сознании носителя английского языка и культуры обладает такими качествами, как **great bravery** (великая храбрость), **great courage / noble courage / exceptional courage** (великое мужество / благородная смелость / исключительная смелость), **nobility** (благородство, великодушие), **strength** (сила), **godlike prowess** (доблесть, удаль, отвага), **beneficence** (милосердие, доброта, жертвенность), **intelligence** (ум, интеллект), **fortitude** (сила духа, стойкость). Общественное восприятие героического поведения выражается такими глаголами, как: **admire** (восхищаться), **respect** (уважать), **revere** (почитать), **idealize** (идеализировать). К репрезентациям концепта «герой» в ментальном пространстве английской лингвокультуры относятся следующие: **divinity** (божество), **a model** (образец), **ideal** (идеал), **a role model** (пример для подражания), **idol** (идол), **a famous person** (известный человек) [Таскаева 2015].

В исследовании Д. А. Голубева проводится анализ английских пословиц героической тематики с целью выявления национально-специфических представлений о концепте «героизм» в обыденном сознании англичан. Автором было обнаружено, что «героизм в англоязычной культуре проявляется через героическое поведение, которое в свою очередь складывается из совокупности таких качеств, как **bravery** (храбрость), **boldness** (смелость), **valour** (отвага), **will** (сила воли), **uncompromisingness** (бескомпромиссность), **self-assurance** (уверенность), **quick wit** (находчивость), **fortitude** (выносливость), **fearfulness** (бесстрашие) и **watchfulness** (бдительность)» [Голубев 2008].

Как отмечает О. Ю. Юшко, «герой может проявить себя в различных областях, что подтверждается большим количеством синонимичных лексем, соотносимых с понятием «него»: **adventurer** («искатель приключений»), **celebrity** («знаменитость»), **champion** («чемпион»), **combatant** («боец»), **conqueror** («победитель, завоеватель»), **demigod** («полубог»), **god** («бог»), **great person** («великий человек»), **idol** («идол»), **ideal** («идеал»), **leading person** («руководитель»), **martyr** («великомученик»), **model** («образец поведения»), **popular figure** («известный человек»), **protagonist** («главное действующее лицо»), **saint** («святой»), **star** («звезда»), **superstar** («суперзвезда»), **victor** («победитель»), **winner** («победитель») и др.».

Автор в своем исследовании обнаруживает такие личностные качества героя, как **self-sacrificing** (самопожертвование), **respect** (уважение), **protection** (покровительство, защита), **responsibility** (ответственность), **active life attitude** (активная жизненная позиция), **honour** (честь, достоинство), **generosity** (щедрость). Высокая оценка его действий народом раскрывается в таких понятиях, как **respect** (уважение), **faithfulness** (верность), **devotion** (преданность), **love, worship** (почитание), **confidence** (доверие), **glory and fame** (слава), **pride** (гордость), **honour** (честь) [Юшко 2012].

В дополнение к уже проведенным исследованиям, посвященным анализу словарных дефиниций и английских пословиц героической тематики, в настоящем исследовании было обнаружено, что в массмедийном дискурсе лексема «герой» объективируется в языковом сознании англичан следующим образом: **historic greats** (исторические величины), **a person who epitomised greatness** (люди, которые воплощают величие), **cultural icons** (иконы культуры), **pride of Britain** (гордость Британии), **truly remarkable people** (действительно выдающиеся люди),

who make our world a better place (те, кто делает наш мир лучше), **the winners** (победители), **awe-inspiring** (те, кто вызывает благоговение), **a lesson to us all** (урок для всех нас), **truly extraordinary** (действительно неординарные), **remarkable individuals** (замечательные люди), **an inspiration** (вдохновение).

В 2002 году на телеканале и радиостанции «Би-би-си» вышла теле- и радиопрограмма «100 величайших британцев» (100 Greatest Britons), посвящённая выбору ста величайших личностей в истории Великобритании. В рамках программы проводилось специальное голосование среди жителей Великобритании с целью составления списка ста самых известных британцев. Такой опрос имеет огромное значение для определения самоидентификации народа, так как образ национального героя индексирует представления народа о собственной стране, позволяет судить о национальном характере представителей той или иной лингвокультуры. В статье BBC News находим: ***It will be a real insight into what people think this country means and what they think greatness is*** (Это позволит понять, что люди думают о своей стране и что такое «величие»). В данном исследовании попробуем разобраться, почему та или иная личность попала в итоговый рейтинг британцев [<http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/2208532.stm>].

Третье место в списке ста величайших британцев в истории занимает принцесса Диана (***Diana, Princess of Wales***) (1961–1997) — первая жена принца Уэльского Чарльза, наследника британского престола. Диана активно занималась благотворительной и миротворческой деятельностью (в частности, была активистом борьбы со СПИДом и движения за прекращение производства противопехотных мин). Диана была одной из самых популярных в мире женщин своего времени, а в Великобритании всегда считалась самым популярным членом королевской семьи (по материалам wikipedia).

Как отмечает исследователь в области этнопсихологии М. Сторри (M. Storry), ***«An unlikely hero — or heroine — was Princess Diana. <...> She became to fashion icon and her appearance was widely imitated. The other side to her was her compassion for people with Aids and her opposition to land mines. <...> She was a paradoxical heroine in that her wealth could have separated her from people in the street, but it didn't».*** (Нетипичным героем — точнее героиней — была принцесса Диана. Она стала иконой стиля и ей многие подражали. Ее другой стороной было состра-

дание к людям, больным СПИДом, и протест против производства противохотных мин. Парадоксально, что она была героиней в Англии, так как ее материальное благосостояние должно было создать пропасть между ней и простыми людьми, но этого не случилось) [Storry 2007: 22]. В биографии принцессы также отмечается, что историческая роль Дианы состоит в том, что ею был создан новый образ члена королевской семьи. Приведем эти строчки: ***Diana remained very popular because people could identify with her. Her hands on approach to charity work gave the impression of a new type of Royal, who was no longer so remote*** (Диана оставалась очень популярной, так как люди узнавали себя в ней. Ее занятия благотворительностью создавали новый образ члена королевской семьи, близкий к народу) [<http://www.biographyonline.net/people/short-bio-princess-diana.html>].

На языковом уровне происходит героизация принцессы Дианы. В подтверждение приведем ряд номинаций, обнаруженных в названиях книг о Диане, выпущенных в период с 1984 по 2015 г. (по данным amazon.com). Итак, образ принцессы Дианы в сознании носителей английского языка и культуры вербализируется следующим образом:

- Lady of Fashion*** (1984) — Леди Moda;
- The Fashion Princess*** (1988) — Принцесса Моды;
- A Princess for the World*** (1997) — Всемирная принцесса;
- Queen of Style*** (1998) — Королева стиля;
- Woman of Style*** (1998) — Стильная женщина;
- Princess Of The People*** (1999) — Народная принцесса;
- An English Rose*** (1999) — Английская роза;
- A Troubled Princess*** (2000) — Несчастливая принцесса;
- The People's Princess*** (2002) — Народная принцесса;
- The Lamb to the Slaughter*** (2002) — Агнец на заклание;
- The True Princess*** (2004) — Истинная принцесса;
- A Goddess*** (2004) — Богиня;
- Humanitarian*** (2009) — Гуманист, филантроп;
- A Lady in Waiting*** (2012) — Леди в ожидании;
- An Angel*** (2012) — Ангел;
- The Queen of Hearts*** (2012) — Дама червей / Королева сердец;
- The People's Princess*** (2013) — Народная принцесса;
- The Real Diana*** (2013) — Настоящая Диана;
- Fashion Icon*** (2015) — Икона стиля.

Некоторые номинации имеют ярко выраженную национальную специфику и требуют пояснения. Так, например, выра-

жение «*an English rose*» означает следующее: «*a description, associated with English culture, that may be applied to a naturally attractive woman or girl of traditionally fair complexion who is from or is associated with England*» (английское выражение, которое употребляется для описания привлекательной женщины или девушки с традиционно светлой кожей, которая является олицетворением Англии) (по материалам Wikipedia).

Считается, что английская роза — ностальгическое представление о молодой и прекрасной английской леди, которое складывалось из лоскутков самобытного менталитета, утонченной эстетики и уникальной культуры Туманного Альбиона. Более того, роза — это национальный цветок-символ Англии.

Наиболее ярко выраженные номинации, характеризующие героический образ принцессы Дианы в Англии, следующие: *an unlikely hero, paradoxical heroine, fashion icon, an English rose, the queen of hearts, the peoples' princess*. Как видно из приведенных номинаций, принцесса Диана — это настоящая всенародная принцесса, которую англичане любят за особое чувство стиля, красоту, скромность, искренность и благодетель. Так, леди Ди олицетворяет такие национальные ценности англичан, как ведение благотворительной деятельности, сдержанность, следование моде.

Среди героев современной Британии **Джон Энох Пауэлл** (*Enoch Powell*) (1912–1998) — британский политик, филолог-классик, лингвист и поэт. Большую известность ему принесла произнесенная в 1968 году расистская речь об иммиграции, которую чаще всего называют речью «Реки крови». Из-за нее он был отставлен с поста министра обороны. Тридцать лет спустя было отмечено, что замечания Пауэлла об «экономическом бремени иммиграции» были «не лишены предвидения» (по материалам Wikipedia).

По мнению некоторых экспертов, этот образ олицетворяет такое понятие, как «*the British bulldog spirit*» (дословно — «британский дух бульдога»). Приведем эти строчки: *Politician Enoch Powell, whose "rivers of blood" speech polarised opinions, personifies the British bulldog spirit for some right-wingers* (Политик Энох Пауэлл, чья речь о «реках крови» вызвала противоположные мнения, олицетворяет «британский дух бульдога» для некоторых консерваторов) [<http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/2208532.stm>].

Данное идиоматическое выражение, характеризующее английский национальный характер, требует особого пояснения

для носителей русской лингвокультуры. Приведем несколько определений:

stubborn and bullheaded behavior (упрямое и своевольное поведение) [<http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-505786/Why-British-bulldog-spirit-genes.html#ixzz3qQWaBVLm>];

people who go after their cause with ferocity and never give up (люди, которые следуют своей цели и не сдаются) [<https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20100512123747AA3s7xtj>];

a person noted for courageous or stubborn tenacity (человек, известный своим мужеством, упорством, настойчивостью) [<http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/bulldog>].

Разберемся, что привлекает британцев в образе **Алистера Кроули (Aleister Crowley)**, английского поэта, оккультиста, кабалиста и таролога. По какой причине в Англии героизируется личность, известная как черный маг и сатанист XIX–XX веков? Ответ находим на страницах издания BBC: ***Aleister Crowley, another nominee, who was once seen as the most evil man alive for dabbling in Satanism, epitomises British eccentricity.*** (Алистер Кроули, другой номинант, который когда-то считался воплощением зла на земле за увлечение сатанизмом, олицетворяет британскую эксцентричность).

Эксцентричность — национальная черта англичан, это признают ведущие ученые в области этнопсихологии. С. Маршак писал: «Люблю англичан: каждый третий из них чудак». Не случайно известный лингвист В. И. Карасик посвятил одно из исследований описанию лингвокультурного типажа «английский чудак». Важно отметить, что в Англии можно заметить не только множество проявлений особых форм чудачества, но и особую терпимость, с которой относятся к эксцентрикам.

Итак, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что представления о герое в языковом сознании англичан, в целом, универсальны: во-первых, как и в других лингвокультурах, герой наделяется исключительными качествами, такими как смелость, мужество, отвага, самопожертвование, благородство и другими; во-вторых, героическое поведение имеет высокую общественную значимость. Но в тоже время представления о герое в английской языковой картине мира имеют ярко выраженную национальную специфичность, о чем свидетельствует описанный выше список ста величайших британцев современности. Итоги голосования продемонстрировали, что каждая из героических личностей, попавших в этот

рейтинг, олицетворяет одно или несколько качеств, свойственных представителям английской нации. Герои Англии олицетворяют такие черты английского менталитета, как эксцентричность или чудачество и «британский дух бульдога» (упорство и упрямство), а также отражают национальные ценности, такие как сдержанность, скромность, благодетель.

ЛИТЕРАТУРА

Голубев Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ярославль, 2008. 21 с.

Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». — М.: Гнозис, 2006. 240 с.

Таскаева А. В. Национальная специфика представлений о герое в английской // Лингвокультурология: ежегодный сборник научных трудов / гл. редактор А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «УрГПУ». — Екатеринбург, 2015. Выпуск 9. С. 224–230.

Юшко О. Ю. Диахроническая трансформация лингвокультурного типажа «hero» в англоязычной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2012. 21 с.

Storry M. *British Cultural Identities* / M. Storry, P. Child. Third edition. — Routledge, 2007.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

BBC reveals 100 great British heroes. — Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/2208532.stm>.

Princess Diana Short Biography. — Режим доступа: <http://www.biographyonline.net/people/short-bio-princess-diana.html>.

Why the British bulldog spirit is in the genes. — Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-505786/Why-British-bulldog-spirit-genes.html#ixzz3qQWaBVLM>.

Wikipedia. The Free Encyclopedia. — Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Diana,_Princess_of_Wales;

[https://en.wikipedia.org/wiki/English_rose_\(epithet\)](https://en.wikipedia.org/wiki/English_rose_(epithet));

https://en.wikipedia.org/wiki/Enoch_Powell.

Yahoo Answer. — Режим доступа: <https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20100512123747AA3s7xt>.

Oxford Living Dictionaries. — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/bulldog>.

М. В. Терских
Омск, Россия

СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ¹

АННОТАЦИЯ. *В настоящее время, наряду с традиционной вербальной метафорой, в дискурсе социальной рекламы все чаще используется визуальная метафора как более сложный тип кодирования смысла. Этот факт обуславливает необходимость изучения специфики визуальной метафоризации и корреляции визуальной метафоры с вербальной. В ходе исследования мы проанализировали около 130 сообщений социальной рекламы и выявили наиболее частотные модели визуальной метафоризации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *визуальные метафоры, рекламные тексты, социальная реклама, рекламный дискурс, метафорическое моделирование, метафорические модели, язык рекламы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
Адрес: 644077, Омск, пр. Мира, 55а.
E-mail: terskih@mail.ru.*

M. V. Terskikh
Omsk, Russia

SPECIFICITY OF VISUAL METAPHORIZATION IN THE PSA DISCOURSE

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-14-55001 «Региональный дискурс социальных ценностей: комплексный лингвокогнитивный анализ»

ABSTRACT. Nowadays we can see that in PSA discourse the traditional verbal metaphor is giving its way to a more elaborate and complex type — visual metaphor. Thus it becomes vital to study such metaphorical structures, where the transfer is performed using an iconic semiotic system and by correlation of a visual metaphor with a verbal one. In the course of research, the author has analyzed about 130 PSA messages, containing verbal and visual metaphoric components. It allowed defining recurrent metaphorical models and types of visual metaphors.

KEYWORDS: visual metaphors, texts of advertising, PSA (Public Service Announcements), PSA discourse, metaphorical modeling, metaphorical models, language of advertising.

ABOUT THE AUTHOR: *Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General and Applied Linguistics, Faculty of Philology and Media Communication, F.M. Dostoevsky Omsk State University.*

Данная статья является продолжением работ [Терских 2012, Терских 2014] и посвящена специфике поликодовой метафоризации в текстах социальной рекламы.

В настоящее время актуальным становится изучение метафорических переносов, осуществленных посредством иконической знаковой системы, взаимодействия визуальных метафор с вербальной семиотической системой, корреляции языковой (вербальной) метафоры и метафоры визуальной (изобразительной). При этом перевод вербального кода в код образов представляется средством, обладающим высоким воздействующим потенциалом. По сути, все преимущества механизма метафорической «упаковки» информации, реализуемого посредством вербального кода, усиливаются многократно благодаря тем достоинствам, которыми обладают визуальные знаки.

Невербальные средства коммуникации в рекламном дискурсе становятся если и не ведущим средством воздействия, то ни в коем случае не подчиненным, вторичным источником информации и инструментом манипулирования по отношению к вербальным элементам. С точки зрения рекламистов-практиков, зачастую именно визуальный компонент имеет больший прагматический и

смысловой потенциал, нежели собственно языковые единицы. Поэтому рекламное сообщение все чаще базируется на визуальной метафоре, которая строится как соотнесение (сопоставление) двух зрительных образов, в результате чего генерируется новый смысл.

Цель данной статьи — изучение специфики визуального метафорического моделирования в текстах социальной рекламы, взаимодействия визуальной и вербальной метафоры.

В каждом рекламном тексте присутствует вербальная составляющая — текст, выражающий основную мысль, которую хотел донести индивидуально-коллективный автор рекламного сообщения. Вербальной константой рекламного обращения является, в частности, слоган — ключевая фраза рекламного текста, выполняющая самую сложную задачу — привлечение внимания ко всей рекламной кампании.

Безусловно, в социальной рекламе, как и в коммерческой, слоган зачастую базируется на метафорическом переносе.

*** *Давайте отбросим курение как можно дальше. Табак — тебе враг*** (день отказа от курения. Навсегда. Великий Новгород, 30 мая 2010).

*** *Пермь звучит мягко. Пермь мягче, чем вы думаете.***
Пермь. (слоганы флешмоба за правильное произношение топонима «Пермь» — города «ярких интересных событий и приветливых, отзывчивых людей», 2009).

*** *Зебра главнее всех лошадей. Сбрось скорость на переходе*** (информационная программа по безопасности дорожного движения МВД России, 2007).

Использование метафоры в рекламном слогане позволяет автору сделать текст более живым и выразительным и тем самым привлечь внимание адресата. Метафора выполняет когнитивно-прагматическую функцию, являясь мощным инструментом воздействия на сознание адресата. Одним из основных свойств метафоры является принцип языковой экономии, исключительно важный в рекламном дискурсе. Именно здесь метафора полностью удовлетворяет требованию рекламного текста — в лаконичном высказывании заключается информативно емкое содержание.

Бесспорно, такие слоганы выполняют свою главную функцию, но для того, чтобы реклама вызвала сильные эмоции у потребителя, запоминалась и побуждала к действию, неопределима значимость визуальной составляющей. Информация, представленная визуальным образом, быстрее проникает в сознание реципиента, формирует впечатление, а впоследствии лучше закрепляется в памяти. Инте-

ресная визуальная компонента заставляет мозг работать — декодировать замысел автора, концентрируясь на основной идее.

Визуальные метафоры, таким образом, занимают почетное место в рекламной практике. Часто именно с помощью образа удается передать ускользающий при словесном описании смысл, усилить воздействующий потенциал текста.

Методике анализа, описанию отдельных метафорических моделей посвящено множество научных работ. Наиболее детальной и последовательной стала опирающаяся на теорию концептуальной метафоры теория метафорического моделирования.

Нетрудно заметить, что существует множество терминов для обозначения метафорических моделей, которые образно представляют ту или иную денотативную (понятийную) сферу. При этом используется лексика, относящаяся в первичном значении к совсем иной сфере (концепты, принадлежащие к иной понятийной сфере). Для лингвистической науки конца XX века особенно значимыми оказались представления о концептуальной метафоре (метафорической модели) как о средстве познания и объяснения действительности [Чудинов 2001: 19].

В основе теории концептуальной метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира. В соответствии с рассматриваемой теорией метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Соответственно, наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума [Чудинов 2001: 21].

А. П. Чудинов вводит следующее понятие метафорической модели: *«Метафорическая модель — это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y»* [Чудинов 2003: 114]. При этом исследователь в название модели включает всегда два компонента: сферу-источник и сферу-магнит.

Проанализировав 130 сообщений наружной и телевизионной социальной рекламы, мы можем выделить следующий ряд метафорических моделей и разрядов визуальной метафоры, функционирующей в дискурсе социальной рекламы.

Антропоморфная метафора

Известно, что человек по большей части моделирует реальность по своему подобию. Конструирование рекламной дей-

ствительности также происходит по образу и подобию человека. В текстах социальной рекламы антропоморфная метафора, как правило, находит свое выражение в метафорической модели «Общество/окружающий мир — это человеческий организм», однако возможны и другие варианты реализации этого переноса. Рассмотрим основные фреймы данной метафорической модели.

Фрейм «Тело (организм) человека»

Использование метафорической модели «Животное — это человек» лежит в основе практически всех рекламных обращений, исходящих от Международной организации PETA, ведущей борьбу за права животных и продвигающей вегетарианство.

Международный фонд защиты диких животных регулярно предлагает охотникам представить, что детеныш животного/детеныш убитого ими животного — это ребенок человека. Например, кампания «Представьте себе, что это ваш».

Частотен метафорический перенос, основанный на олицетворении деревьев: как правило, реализуется модель «Дерево — это человек, просящий о помощи/нуждающийся в помощи».

Не столь регулярно представлен в социальных коммуникациях, но все же встречается перенос «Предмет — это человек». Так, в рамках проекта «У мусора есть дом» разработчики представили банки, бутылки и т.п. в виде людей, просящих о помощи или какой-либо услуге.

Слот 1. Части тела

В социальной рекламе регулярным является метафорическое изображение частей человеческого тела. Рассматриваемый фрейм можно назвать одним из самых продуктивных в представленной модели.

Например, модель «Дерево — человеческий организм» может реализовываться посредством метафорического переноса через синекдоху: ствол дерева — ноги человека» — авторы визуализируют «уход» деревьев из городского пространства и — как результат — сокращение жизни самого человека. Следующий плакат реализует идею «Природа и человек — одно целое». Отсюда метафорические модели — «Ствол дерева — это рука человека», «Ствол дерева — это часть человека».

Регулярно в текстах социальной рекламы используется модель «Семья — важная часть человека» — метафора визуализируется в изображении семьи как части человеческого организма — руки.

Сингапурское отделение агентства Saatchi & Saatchi Singapore подняло тему вербального насилия, визуально показав, что слово тоже ранит: вербальное насилие бьет так же больно, как и кулак.

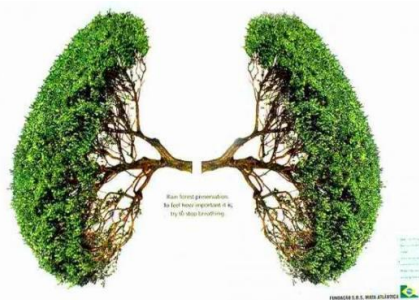
В следующем примере метафора разворачивается на основе изображения человеческой головы как шлема: если не надевать шлем, то шлемом может стать голова.

Слот 2. Внутренние органы (сердце, легкие и т.п.)

* Леса — это легкие планеты.

Один из наиболее часто встречающихся в социальной рекламе метафорических переносов — модель «Леса — легкие планеты». Стереотипная языковая метафорическая модель, благодаря визуальной компоненте, позволяющей варьировать воплощение образа, обретает в рекламном обращении новую жизнь. Как правило, «коридор осмысления» визуальной составляющей задается слоганом, дополняющим или дублирующим смысл иконического компонента: «Сохранение тропических лесов. Чтобы почувствовать, как это важно, попробуйте перестать дышать».

Слот 3. Кровеносная система.

Достаточно регулярным в социальной рекламе является метафорический перенос «Растения — кровеносная система планеты»: вырубая леса, мы нарушаем жизнедеятельность планеты так же, как если бы мы перерезали вены, обрывая жизнедеятельность человеческого организма.

Слот 4. Физиологические действия (рождение, смерть).

Практически все вредные привычки «упаковываются» рекламистами в метафору смерти, самоубийства: «Курение — смерть», «Алкоголизм — смерть», «Наркотики — смерть».

Рекламная кампания, посвященная донорству, посредством метафоризации информирует о том, что, жертвуя кому-то свои органы, вы даете возможность родиться заново. Визуальный компонент — люди в позе эмбрионов в органах других людей.

Нарушение правил дорожного движения так же, как правило, подается через визуализированную метафору смерти.

Недостаточное внимание современного общества к проблемам экологии нередко «упаковывается» в метафору смерти как самого человека, так и других живых существ: «Пластиковые пакеты — это смерть», «Мусор — это смерть» и т.п.

Текст – Пластиковые пакеты убивают.

На плакатах со слоганом **«Если вы не поднимите мусор, это сделают они»** изображены мертвые животные, в прямом смысле набитые отходами.

Фрейм 2. Социальные реалии — это болезнь

В соответствии с этой моделью образно используются изображения, обозначающие «раны и болезни» общества. Людям внушается мысль о том, что общество в целом и его отдельные составляющие нужно срочно лечить, поскольку отдельные органы организма уже омертвели и потеря времени грозит самыми печальными последствиями (полная инвалидность, смерть, эпидемия).

Слот 1. Физические болезни

Очевидно, что на сегодняшний день остро стоит проблема

эффективности социальной рекламы. В потоке всей информации очень тяжело привлечь внимание человека к социальной проблеме. Для повышения эффективности рекламного сообщения его создатели зачастую используют стратегию формирования тревожного состояния реципиента (при этом эффективность апелляции к страху оценивается исследователями неоднозначно: реакцию аудитории довольно сложно спрогнозировать).

Как известно, у людей, помимо зрительной, очень устойчивой является память эмоциональная, которая работает по принципу: приятно — неприятно, понравилось — не понравилось. Рекламные материалы неизбежно навевают неосознаваемые эмоциональные образы. Реклама, использующая шок как стратегию воздействия, помогает манипулировать человеческим поведением. В основе аргументации в значительной части сообщений социальной рекламы, как представляется, лежат прагматические доводы, апеллирующие к обширной категории Вреда. С помощью такого рода аргументации обращается внимание на негативные последствия каких-либо действий (вред здоровью от курения, алкоголизма, наркомании; ухудшение экологии; возможность ДТП и т.д.).

Как показывает эмпирический материал, в социальной рекламе популярна апелляция к потребности в самосохранении, когда автор «предупреждает» о потенциальном вреде здоровью, личной и социальной безопасности реципиента, даже об угрозе смерти.

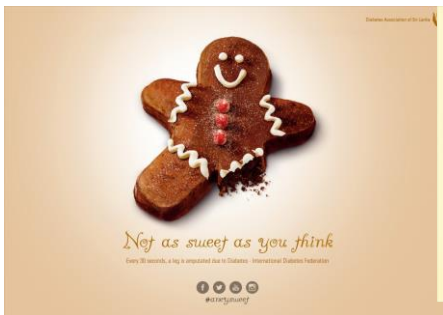
Поэтому в значительной части сообщений социальной рекламы используется метафора болезни как предостережение о возможных последствиях вредных привычек, нарушения правил дорожного движения, негативного влияния на экологию и т.п.

Практически вся антитабачная реклама построена либо по описанной выше модели «Курение — это смерть», либо по модели «Курение — болезнь (рак легких, импотенция, эмфизема, инсульт и др.).

Подчеркнем важный момент: в социальной рекламе мы регулярно сталкиваемся с явлением, названным Л. Гуссенсом метафтонией (процессом взаимодействия метафоры и метонимии в естественном языке) [Goossens 1990]. Как отмечает Б. Уоррен, метафора всегда предполагает элемент гипотезы, в то время как метонимия отражает фактические связи в мире [Warren 2006: 14–15] (ср. также Дж. Барнден: «в отличие от метафорических связей, которые фактически навязываются миру нашим сознанием, метонимические связи отражают объективно существующие в мире отношения» [Barnden 2010: 8]).

Так, в социальной рекламе, предупреждающей о возможных негативных последствиях злоупотребления сладким, мы сталкиваемся с метафорой болезни в комбинации с метонимией: например, «Сладкое — опасность диабета — гангрена — ампутация ноги», «Сладкое — опасность диабета — заболевание сердца». Такого рода метафтонические цепочки достаточно частотное явление для текстов социальной рекламы, ориентированных на наибольший воздействующий эффект и представляющих разнообразные варианты развития болезни.

И еще один момент, связанный с реализацией метафоры «Вредные привычки — это болезнь». В текстах социальной рекламы нередки и совершенно естественны примеры отношений дополнительности вербальной и визуальной компонент. Так, визуальная метафора болезни может развиваться вербальной составляющей — чаще всего это предположительный исход заболевания — метафора смерти (ступенчатая метафора).

В социальной рекламе о диабете раны на теле человека, которые сделаны из сладостей, отсылают нас к метафоре болезни, надпись на плакате при этом гласит «Sweet kills» — метафора смерти.

Слот 2. Психические болезни

Показательно, что в социальной рекламе широко распространено метафорическое использование изображений не только физических, но и психических болезней, от которых страдает общество в целом либо отдельные его представители. Если курение показывается, как правило, в аспекте проявления физических недугов, то алкогольная и наркотическая зависимость, проблемы разного рода насилия часто сопровождаются метафорическим воплощением психологических расстройств.

Алкоголь регулярно представляется разработчиками социальной рекламы как причина неконтролируемой агрессии.

Еще одна причина многих душевных расстройств — сексуальное насилие, в частности, в отношении ребенка. На плакате благотворительного детского фонда (Barnardo's London) изображена сидящая на кровати девочка с лицом старой женщины; слоган — «Сексуальное насилие крадет у детей жизнь». В данном случае изображение физически рано состарившейся девочки отражает психологическое состояние школьницы, которой уже вряд ли удастся вернуть детство.

Насилие, совершенное в отношении ребенка, не отпускает человека на протяжении всей жизни — идея следующей серии рекламных постеров. На плакатах изображены пожилые люди, ставшие в детстве жертвами насилия, — к их телам до сих пор словно прикасаются руки насильников.

Значительная часть рекламных сообщений, посвященных проблемам домашнего насилия, подчеркивают: дети и подростки, на чьих глазах регулярно происходят садистские действия, перенимают эту гендерную модель. Вследствие этого общество получает очередного жесткого, склонного к насилию индивида. Тексты социальной рекламы сопровождаются изображениями испуганных, заплаканных детей; визуальные компоненты сопровождаются слоганами «Вот только жертва не заговорит», «Содержит сцены, где папа бьет маму головой о стену из-за того, что ужин был подан поздно» и др.).

Текст: «Содержит сцены, где папа бьет маму головой о стену из-за того, что ужин был подан поздно».

Зооморфная метафора

Фрейм «Человек, страдающий социальными недугами, — животное».

Одной из наиболее популярных моделей метафорической номинации является зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит «образ» животного, перенесенный на человека.

Так, модель «Человек — это животное» реализована в социальной рекламе против наркотиков, направленной на подростков. Юношеские эксперименты с «веществами» показаны в виде сценок из жизни крыс, слизней и муравьев. Изображенные на постерах антропоморфные животные предлагают друг другу смертельный яд — крысиную отраву, соль и инсектицид. Слоган кампании — *What's the worst that could happen?*

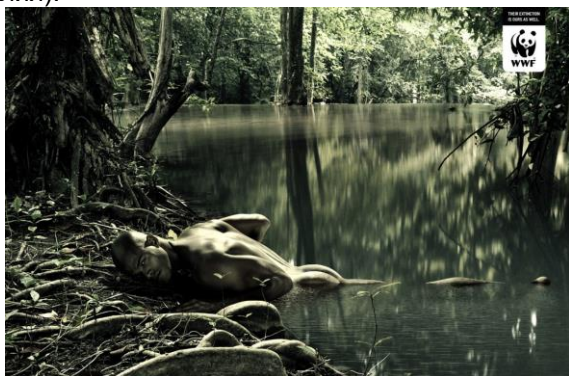

Основной слот данного фрейма — Действия животных.

В социальной рекламе нередко представлена зооморфная интерпретация действий, не очень характерных для психически и физически здоровых людей.

Текст — «Обидчик никогда не признает себя таковым» (плакат в поддержку Международного дня против домашнего насилия).

Всемирный фонд защиты природы регулярно прибегает к антропоморфным и зооморфным метафорам с целью показать тесную взаимосвязь человека и мира природы, в том числе животного мира. Слоган: **«Вымрут они — исчезнем и мы»**. Человек в образе аллигатора символизирует, что все мы — часть одного целого.

В 2015 году французское транспортное предприятие RATP выпустило серию плакатов, которые посредством ряда зооморфных метафор представляют поведение парижан в общественном транспорте (девушка-курица разговаривает по мобильному телефону, мужчина-бык пробивает «рогами» себе дорогу, молодой человек-лама сплевывает на пол жевательную резинку и т.п.). Слоган подчеркивает формируемые зоообразы — **«Оставайтесь людьми в общественном транспорте»**.

Достаточно часто зооморфная метафора реализуется в текстах социальной рекламы посредством вербального компонента, дополняющего визуальную составляющую и уточняющего содержание рекламного сообщения.

Широкий общественный резонанс как в Великобритании, так и в России имела разработанная в 2006 году в Лондоне социальная кампания «Get Unhooked». В рекламном тексте использован метафорический перенос «Курильщик — рыба, попавшая на крючок». Шокирующий эффект данного креолизованного рекламного сообщения во многом определялся визуальным воплощением указанной метафоры.

Фитоморфная метафора

Достаточно часто человек соизмеряет себя самого с объектами окружающего мира, в том числе весьма регулярно — с растениями. При этом одно из самых распространенных направление переноса — характеристика человека, его состояния при помощи фитонима.

В этом примере представлена метафорическая модель «Человек — овощ»: «Человек, употребляющий наркотики, — баклажан». Визуальная компонента усиливается вербальной составляющей: **«Лёгких наркотиков не бывает, дальше только погреб».**

Одна из очевидных функций фитометафоры — эстетизация сообщения. Рекламное агентство ССЗ WOW (Бразилия) подготовило серию плакатов, в которых упаковало проблему лесных пожаров в фитометафору, изобразив огонь как часть прекрасных растений. Цель авторов — стремление показать одновременно как завораживающую красоту, так и неопиcуемый ужас лесных пожаров. Все растения на постерах созданы из спичек, дыма и огня. Текст — «Сообщайте о лесных пожарах. Берегите природу». В данном случае фитообраз призван выполнить аттрактивную, эстетическую и смыслообразующую функции, значимость которых при восприятии и декодировании рекламного сообщения сложно переоценить.

Кроме того, для российской социальной рекламы достаточно актуальными остаются метафорические переносы со стертой образной составляющей, утратившей креативных характер в результате частотной реализации. Такова, без сомнения, «Дети — цветы жизни».

Артефактная метафора

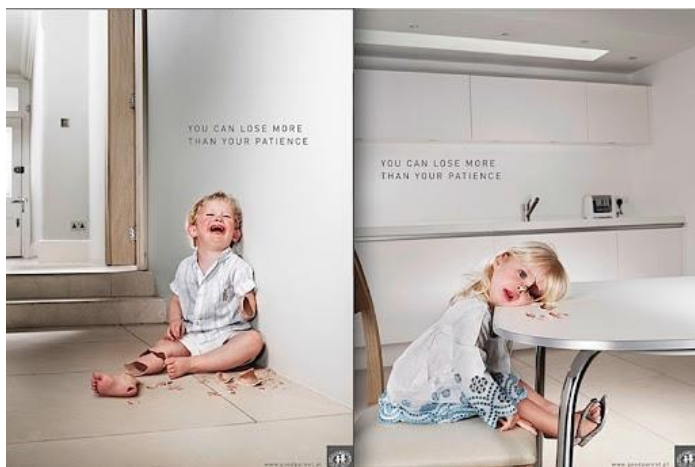
Артефактная метафора — это тип метафоры, в которой предметы и явления объективной действительности представлены в ассоциативной связи с миром вещей, созданных руками человека.

Одной из реализаций артефактной метафоры в дискурсе социальной рекламы является модель «Человек — это предмет».

Так, достаточно высокой частотностью в современной российской социальной рекламе характеризуется модель «Наркоман — это марионетка». В приведенном ниже примере человеческой тело, визуализированное в виде «ломаного» манекена, подвешенного за ниточки, подразумевает наркотическую зависимость, ломку, тот факт, что наркотики манипулируют человеком, как марионеткой. Картинка вызывает негативные эмоции — страх, отвращение, брезгливость. Предельно лаконичный слоган усиливает визуальный шокирующий эффект.

Пытаясь подчеркнуть отношение к ребенку и животным как к вещи, как к игрушке, разработчики рекламных кампаний прибегают к метафоре «Ребенок — это игрушка/кукла», «Животное — это игрушка».

Слоган рекламной кампании против жестокости по отношению к детям — **«Вы можете потерять больше, чем терпение»**.

Пример шокирующей социальной рекламы — плакат, в основе которого лежит артефактная метафора — «Ребенок — это предмет», «Ребенок — это пепельница». На плакате изображен ребенок, тело которого используется в качестве пепельницы, и об него тушится сигарета. Это изображение сопровождается слоганом: **«Курить в присутствии ребенка — еще большая пытка для него»**.

«Тысячи собак ежегодно оказываются на улице просто потому, что их хозяевам надоело играть с ними. Собака не игрушка. Помните об этом» — авторы следующего рекламного сообщения метафорически представили домашнего питомца в виде надоевшей и выброшенной игрушки.

Аналогичная идея лежит в основе следующих текстов социальной рекламы: «Животное — ненужная игрушка», «Животное — хлам, мусор».

Безусловно, рассмотренные в данной статье метафорические модели являются достаточно стандартными, в том числе и для дискурса социальной рекламы, однако визуализация метафорического переноса позволяет, с одной стороны, представить привычные образы в оригинальной, нестереотипной форме, с другой — увеличить воздействующий потенциал когнитивной метафоры за счет привлечения невербальных кодов. Поликодовость текста социальной рекламы позволяет манипулировать восприятием сообщения: как правило, невербальный компонент привлекает большее внимание и вызывает большее доверие реципиента, при этом невербальную составляющую адресату достаточно сложно отслеживать сознательно, отсюда дополнительный манипулятивный потенциал использованного в тексте метафорического образа.

ЛИТЕРАТУРА

Терских М. В. Поликодовые механизмы метафоризации в рекламе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. Вып. 2. Том 7. С. 162–172.

Терских М. В., Павчун М. Г. Специфика метафоризации в современном рекламном дискурсе: визуальный компонент // Лингвокультурология. — 2014. № 8. С. 164–167.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). — Екатеринбург, 2001.

Barnden J. A. Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery // *Cognitive Linguistics*. — 2010. Vol. 21. Issue 1. P. 1–34.

Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // *Cognitive Linguistics*. — 1990. Vol. I (3). P. 323–340.

Warren B. Referential Metonymy // *Scripta Minora*, 2003–4. — Sweden: Royal Society of Letters at Lund, 2006. P. 1–85.

УДК 811.111'42:821.111(70)-

32(Брэдбери Р.)

ББК Ш143.21-003+Ш33(7Сое)63-8,444

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04

М. М. Турченкова

Екатеринбург, Россия

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА РЭЯ БРЭДБЕРИ
НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ
«THE GOLDEN KITE, THE SILVER WIND», «THE NINETEENTH»,
«THE CRICKET ON THE HEARTH» И
«THE FOX AND THE FOREST»**

АННОТАЦИЯ. *Концепты, имеющиеся в сознании носителей языка, в своей совокупности составляют картину мира, которая может быть индивидуальной (авторской) или национальной. Описание авторской картины мира базируется на основополагающих концептах, выделяемых в творчестве, а также их репрезентантах. Концепты, выраженные различными лексемами, имеют ядро, приядерную зону и периферию (ближнюю и дальнюю). Так, рассмотренные нами концепты и их репрезентанты в рассказах Р. Брэдбери позволят сделать вывод об общих составляющих картины мира англичан.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепты, концептуальная картина мира, индивидуальная картина мира, концептосфера, лексемы, английский язык, американская литература, американские писатели, литературное творчество.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Турченкова Мария Михайловна, студент группы МРИА 1501z 2 курса, обучающийся по магистерской программе «Языковое образование (русский и английский языки) Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. E-mail: ladygrace372@gmail.com.*

M. M. Turchenkova

Ekaterinburg, Russia

**THE CONCEPTUAL WORLDVIEW OF RAY BRADBURY
MANIFESTED IN HIS STORIES «THE GOLDEN KITE,
THE SILVER WIND», «THE NINETEENTH»,
«THE CRICKET ON THE HEARTH» AND
«THE FOX AND THE FOREST»**

***ABSTRACT.** Concepts that are formed in native speakers' minds in total comprise a worldview, which can be classified into individual (author's) or national. Description of an author's worldview is based on fundamental concepts and its constitutive parts, which are singled out in the author's works. Marked concepts have a core, a zone close to the core and a peripheral area that can be close and distant. Therefore, concepts and their representatives that are distinguished in R. Bradbury's stories let us make a conclusion concerning common constituents of the British worldview.*

***KEYWORDS:** concept, conceptual worldview, individual worldview, conceptosphere, lexeme, English language, American literature, American writers, literary work.*

***ABOUT THE AUTHOR:** Turchenkova Mariya Mikhaylovna, Master's Degree Student in the field "Linguistic Education (Russian and English)", Ural State Pedagogical University.*

В рамках полевого анализа и трехкомпонентной методики описания концептов по С. Г. Воркачеву представляется возможным выделение концептов и описание индивидуальной картины мира Рэя Брэдли на примере четырех рассмотренных рассказов: «The Golden Kite, the Silver Wind», «The Nineteenth», «The Cricket on the Hearth» и «The Fox and the Forest». Соответственно, описанная нами концептуальная картина мира с опорой на четыре рассказа Р. Брэдли не может являться полным отражением его индивидуальной картины мира, однако, выделение основных концептов и их характеристика могут играть существенную роль в понимании мира автора.

Наиболее частотными в вышеперечисленных рассказах являлись такие концепты, как зло ('evil'), жизнь ('life'), смерть ('death'), одиночество ('solitude'), неуверенность ('uncertainty'), грусть ('sadness'), супружеская жизнь ('marriage'), любовь ('love'), страх ('fright'), счастье ('happiness') и др.

Обратимся к лексемам, которые репрезентируют данные концепты.

Концепт «Зло» ('Evil') представлен следующими языковыми единицами: a pack of evil dogs, vile, startled, horrible, которые в рассказе «The Golden Kite, the Silver Wind» составляют периферию данного концепта, тогда как demon и terrify — ядерную зону. В других рассказах в ядро также включаются такие лексемы, как black colour, hell, torture. Dying, funerals, vice, war, madness являются периферией. Зло воспринимается автором как стихия, способная к разрушению, нагнетанию ужаса и паники, сродни смерти и предсмертным мучениям. Неслучайно писатель метафоризирует зло как свору собак, ведь оно стремительно овладевает душами и мгновенно распространяется. В данном фрагменте выражено распространение болезни, поражающей город: «Sickness spread in the city like **a pack of evil dogs**».

Концепт «Жизнь» ('Life') в данных рассказах представлен лексемами sun, sunlight, bright day, rush, bustle, joy, nourishment, fruit, tree, prosper, strength, build, business, way (avenue, road, street, highway) — ядерная зона. Периферию составляют good luck, water, warmth, wind, get going, finding something, searching and hiding, car. Приядерная зона представлена лексемами memory, glancing ahead, stirring, safety and house, laughing and smiling, crowd и being welcomed. Так, жизнь — сочетание ярких моментов, радости, процветания, теплоты и стремлений человека к поиску и обретению, необходимости найти свой путь и обрести счастье дома в спокойствии: «All she wanted was to sit in the plaza all of a long **bright day** in October...».

Концепт «Смерть» ('Death') репрезентирован следующими единицами языка, составляющими его ядро: demon, pandemonium, shadows, disease, funerals, sorrow, put an end and ground to a halt, destroy, eclipse, groan, weep, go, leave and slip away, (winter) ashes, wither away, pass over, fade out, back off, being alone in the grave, vanish, gone, empty. Приядерная область включает лексемы ancient, autumn fruit, weak and poor, poison, sicken and sickness, be ill, scream, break, tremble, starve, forget, fall, torture, hit, blood, struggle. Периферия состоит из fire, burn, explode, poverty, winter wind, accident, killing, speeding car. Смерть проиллюстрирована автором как старец с клюкой, нагнетающий приближение темноты. Стук в дверь — аллюзия к концу жизни так же, как и номинация осеннего фрукта, увядшего к зиме. Зимний пепел — все, что останется от человека (в данном случае — города), забытие: «The town of Kwan-Si», said the messenger, «which was built like a

pig and which animal we drove away by changing our walls to a mighty stick, has now turned triumph to **winter ashes**».

Концепт «Одиночество» ('Solitude') выражен в рассказах посредством следующих языковых средств: ядерная зона представлена лексемами dusk, night, late, dark, road (avenue, street), something far back, empty path, lonely, tears, приядерная — a single street-lamp, search around. Одиночество может быть проиллюстрировано следующим текстовым фрагментом: «He looked around at the **empty grass path** behind him. "Gets kind of **lonely**"». Данный концепт может быть сопоставим с другим — «Грусть» ('Sadness'), т.к. похожие лексемы составляют концепт «Грусть»: sad and lonely, night road, misery, cold house — ядро, staring and backing away — приядерная зона, feeling like a fool, raw walls — периферия. Одиночество и грусть — переосмысление самого себя, атмосфера, которая становится гнетущей, неясность дальнейшего жизненного пути: «And we felt sort of **sad and lonely** with that new sound in the house».

Концепт «Неуверенность» ('Uncertainty') выражен лексемами clouded with uncertainty, puzzled, uncomfortable, которые составляют ядро, к периферии относятся лексемы half-darkness, a mystery of tears. Человек находится в состоянии неопределенности, подавлен и не может добраться до сути через эту пелену: «Nice of you», he said, his eyes **clouded with uncertainty**».

Концепт «Любовь» ('Love') неразрывно связан с «Супружеская жизнь» ('Marriage'). Так первый концепт репрезентируют языковые единицы holding hands, candlelight, входящие в ядерную зону, лексема carnations, входящая в периферию. Лексему 'crazy' можно отнести к приядерной области концепта. В качестве примера приведем следующий контекст: «They went, **holding hands**, into the living room». «Супружеская жизнь» представлена словами routine, arm in arm (hand in hand), snuggling, kissing, joining, lovely, darling, pat, help — ядерная область, yell, cry — периферия. Так, супружеская жизнь — не только романтика, любовь и взаимоуважение, но и конфликты, непонимание, душевный разлад: «And then she **was crying** and they were standing in the dark, and the room tilted under them».

Концепт «Счастье» воспринимается автором при помощи лексем smiling, jokes, singing, cheery, tears in eyes, периферию составляем лексема food. Счастлив тот, кто гармоничен в душе, и его окружение также обеспечивает комфортное существование: «He ate with **relish**, he told **jokes**...».

Концепт «Страх» ('Fright') ярко выражен в представленных рассказах. Так, в ядерную зону входят whisper, white/pale face, echo,

hiss, loud (excessively loud sounds), an unaccustomed silence, whitely (to stand whitely), not moving, stare as if somebody is dead, trouble, being followed, being alone, startle, (empty) whiteness, dangerous, a listening atmosphere, sit tight/stiffly sitting, stiffened spine, white and aghast look, suspicious, light out, stuck in the throat, staring nervously, hide, run off, suspense, heart beating swiftly, dark, being worried, scald minds with fear, prosecute; в приядерную — strange, tears in face, holding hands tightly, cold, predicament, cry, pounding, breakage, hemorrhage, rap on a door at midnight, evil, weeping, scream; в периферию — crackle, exhalation of smoke, scrape, racket, falling objects, something crack open, crash, burn, concussion, rushing car, testing, telephone ring, setting off a bomb, surf, storm, wave, explosion, rattle, scratch, punishment. Страх — глубочайшая эмоция, снедающая душу, заставляющая ее терзаться и вгоняющая в состояние паники и неопределенности, боязнь за жизнь и неумение справиться с трудностями, состояние, пограничное с жизнью, смертью и унынием: «She saw her hand **burned to a wrinkled plum**, felt it recoil from a **concussion so immense** that the world **was lifted** and **let fall** and all the buildings **broke** and people **hemorrhaged and lay silent**».

Проиллюстрированные выше концепты наиболее частотны в изученных рассказах. Также представляется возможным выделить временную диаду настоящее — прошлое в рассказе «The Fox and the Forest», где настоящее воспринимается будущим, и основные лексемы war, censorship, scalding minds with fear, marching, explosion представляют реальность, которая подвержена саморазрушению, светлое будущее невозможно, т.к. нет ресурсов для восстановления цивилизации. Прошлое же ассоциируется с crowd, sanity, тогда как само время — corrugated surface, cool spaces of time: «She felt her fingers slide over **cool spaces of time**, as over **a corrugated surface...**». Так, люди не могут обрести покой, т.к. само временное пространство разрушено.

В заключение можно сделать вывод о том, что выделенные концепты в рассказах Р. Брэдбери можно объединить в три группы: наиболее частотные и широко раскрытые — жизнь, смерть, зло и страх; основополагающие — жизнь, любовь, счастье и менее частотные, но отраженные в рассказах: одиночество, неуверенность и грусть.

ЛИТЕРАТУРА

Bradbury R. Bradbury Stories: 100 of His Most Celebrated Tales. — New York: Perennial, 2005. 893 p.

Н. В. Шестеркина

Саранск, Россия

КОНЦЕПТ «HEILIGE» (СВЯТЫЕ) В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

АННОТАЦИЯ. На материале немецких паремий с ключевым словом *Heilige* (святые) анализируются концептуальные признаки данного мифоконцепта. Выясняется, что наряду с отражением в них мотивов библейской этики и ценностных констант христианской культуры в них сформировалось иронически-насмешливое отношение к святым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: христианство, католицизм, сакральность, святость, святые, концептосфера, мифологические концепты, устное народное творчество, немецкий фольклор, национальное сознание, немецкие пословицы, немецкие поговорки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шестеркина Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Адрес: 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68, корп. 1, каб. 655.
E-mail: nvshest@mail.ru.

N. V. Shesterkina

Saransk, Russia

THE CONCEPT «HEILIGE» (SAINTS) IN FOLKLORE CONSCIOUSNESS OF THE GERMAN PEOPLE

ABSTRACT. The conceptual features of this mythological concept are analyzed on the material of German paremiias with the key-word *Heilige* (saints). It has been figured out that together with reflection of the motives of the Bible ethics and valuable constants of the Christian culture, the ironical and sneering attitude to the saints was formed.

KEYWORDS: Christianity, Catholicism, sacrality, holiness, the saints, conceptosphere, mythological concepts, folklore, German folklore,

national consciousness, German proverbs, German sayings.

ABOUT THE AUTHOR: *Shesterkina Natal'ya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, of Departement of Theory of Speech and Translation, Mordovian State University.*

Немецкие концепты *Christentum*, *Katholizismus* и *Protestantismus* относятся к культурным константам, т.к. их сохранение в современном национальном сознании обусловлено продолжительной исторической и социокультурной традицией [Дронова 2011(б): 81]. Понятия «христианство — католицизм — протестантизм» образуют единый концептуальный ряд, репрезентирующий особенности распространения и развития религиозных направлений на территории стран Западной и Восточной Европы, а также других стран мира [Там же: 76]. Данные термины используются в вербализации сложного, многоаспектного формата знаний из области «Религия». По Н. Б. Мечковской, континуум религиозной концептосферы включает комплекс сложных форматов знания: 1) знание о мифолого-религиозной картине мира, т.е. знания о Боге, человеке, обществе, мире; о принципах нравственной жизни; 2) ритуалы с их семиотическим разнообразием и всепроникающим влиянием на формы повседневной жизни; 3) паралингвистические средства общения (в ритуалах и за пределами собственно ритуала); 4) социальные коды (программы) поведения и общения вне храма; 5) естественный язык (иногда два языка: сакральный и профанный) и т.д. [Мечковская 2007: 284]. Данные форматы знания (компоненты семиотического континуума) в разной степени объективированы в содержательной структуре изучаемых концептов, она образуют единую «зону знания интегративного порядка (например, «вера в Христа и его идеи» объединяет все названные номинации). Вместе с тем, определенные форматы знания по-разному характеризуют исследуемые направления, восходящие к общему началу — христианству. Концептуальные различия обнаруживаются, например, 1) на уровне толкования христианского догмата; 2) структурной организации церквей; 3) на уровне ритуала, обрядов и т.д. (Weber 2001) [Дронова 2011(б): 77].

Понятие «святой» относится к базовому религиозному концепту «сакральность». Под сакрализацией понимается «наделе-

ние объектов, явлений, людей “священным” содержанием» [Дронова 2011(а): 403; Шестеркина 2012, 2015]. В лингвистических словарях лексема «сакральный» поясняется как священный / святой, распространяющийся на сферу религии. Ср. в немецком языке: *sacral* — *heilig*, *heilige Handlungen*, *den Gottesdienst betreffend* [Wahrig: 1260]. Концептуальный анализ многочисленных сочетаний *heilig* с именами существительными позволяет сгруппировать их по нескольким слотам, образующим фреймовую структуру концепта: 1) сфера Божественного (собственно Бога): *der Heilige Vater (Christ) / Geist; die Heilige Dreifaltigkeit / Familie / Jungfrau*; 2) слот теонимов — имен авторов евангелических текстов... 3) сфера церкви как институции, осуществляющей воплощение религиозных идей: *die heilige (Christliche) Kirche, der heilige Papst*; 4) наименования ритуальной деятельности в церковной сфере: *das Sakrament der heiligen Taufe, die heilige Messe*... 5) слот имен людей, провозглашенных церковью как «святых»: *Gemeinschaft der Heiligen, der heilige Sebastian, die Allerheiligen*; 6) сакральное время репрезентируется специальным инвентарем лексических единиц: прежде всего наименованиями церковных праздников, характеризующих циклическое течение времени: *Pfingstfest, der Heilige Abend, die Heiligen Drei Könige* и т.п.

В средневековой литературе встречается немало произведений, в которых разрабатывается один и тот же сюжет: рассказы об исцелениях и других чудесах, сотворенных популярным святым. Святой живет среди людей, но в нем постоянно проявляется высшая воля, ее силой он творит чудеса. Святой непосредственно общается с иным миром, в определенном смысле он уже при жизни принадлежит царству небесному. В многочисленных средневековых описаниях визитов на тот свет (в особом жанре — «видениях» загробного мира) повторяются одни и те же мотивы: «мост, соединяющий край блаженных с юдолью грешников и переброшенный над потоком, в котором оказываются души, увлекаемые в него своими грехами; книги, где записаны все добрые и злые дела человека; тяжба из-за души между ангелами и нечистой силой, колодец, из которого вырывается адское пламя, сжигающее души закоренелых грешников» и т.д. [Гуревич 1981: 203]. Граница между этим и иным мирами была для людей средневековья проницаемой в обоих направлениях. Поэтому *реальность средневекового человека была более емкой, нежели в последующую эпоху*, — она охва-

тивала многие области, лежащие за пределами земного существования [Там же 1981: 187–188, 205].

Хотя церковные авторы легенд и житий, демонстрируя подвиг святого праведника, стремились внушить верующим определенный религиозно-нравственный идеал, недостижимый на практике, но являющийся неким пределом, к которому каждый христианин должен стремиться, — наиболее привлекательной в облике святого в простонародье была способность творить чудеса. Святой — сверхъестественное существо, непосредственно связанное с высшими силами и обладающее магическими способностями, применяемыми святым для того, чтобы помогать своим «поклонникам» облегчать их жизнь, исцелять от болезней, отвращать угрожающие природные или социальные бедствия, освобождать обездоленных и беспомощных людей от угнетения и притеснения. За благодеяния святой требует повиновения, поклонения и подарков в пользу опекаемой им церкви. Отказ от выполнения этих обязательств влечет за собой жестокие кары со стороны святого. Святой, будучи образцом смирения и непротivления, одновременно оказывается суровым и безжалостным мстителем [Там же: 128]. Святость как идея — достояние христианства, сам термин — перевод с греческого *kenosis* (самоограничение, самоистощение, «самовольное мученичество» как форма из самого себя, духовно — вовне; одновременно и отказ от мира — телесно, и страдание «за други своя» — духовно).

Глагол *heilen* переводится как «лечить». На основании множественной этимологии этого глагола можно выделить возможности лечения. Исцеление в древности осуществлялось различными путями: битьем (ср. и.-е. **kel-* «бить»), огнем (перепрыгивание через костер: (ср. и.-е. **kel-* «гореть»), словом (ср. и.-е. **kel-* «говорить»), которым связывались чары (ср. и.-е. **kel-* «связывать»), быстрым движением (ср. и.-е. **kel-* «быстро двигаться»: лат. *celer* «быстрый»), нанесением краски на кожу (ср. динд. *kalah* «сине-черная краска», динд. *khallah* «кожа»: краски и кожа считались оберегом), сакральным возлиянием (ср. динд. *kalya* «хмельной напиток»), омовением в воде (ср. и.-е. **kle-p* «вода, жидкость»), ритуальным смехом (ср. да. *hlahan* «смеяться»). Ср. также: и.-е. корень **kailo* «цельный», рус. *целый, цельный*, прусск. *kailustikan* «здоровье» [Маковский 2004: 216].

По М. М. Маковскому, нем. *heilig* «святой» имеет тот же корень, что и *heilen* «исцелять». Святость связывалась древними с ударом: ср. и.-е. **kel-* «ударить» (типологически ср. нем.

fromm «набожный» < и.-е. **per-* «ударить»). Вместе с тем автор принимает во внимание хет. *halu-gas* «message»; «tongue». С другой стороны, ср. хет. *haliya-* «to kneel, bow down, worship». Учитывая, что злаки в древности обожествлялись и считались вместилищем души, можно также учесть хет. *halkis* «grain» (кроме того, следует иметь в виду, что зерно — излюбленный предмет жертвоприношения) [Там же].

Итак, судя по множественной этимологии, важная функция святых — лечение, целительство. В словаре [Paul 1961: 282–283] отмечается производность лексемы *heilig* от *heil* — *Heil* — *heilen*. *Heil* — общегерманское слово (англ. *whole*) — имеет отношение к человеческому телу: *entweder* «unverletzt» (с. *Haut*) oder «von einer Verletzung wiederhergestellt». Первоначально *Heil* обозначало свободу от телесных повреждений, в самое древнее время оно имело значение «Wohlfahrt, Glück». В библейском смысле *heil* — «Erlösung von den Sünden und Gewährung der ewigen Seligkeit». Из прилагательного *heil* появились два производных глагола, которые в древневерхненемецком были разными, а в средневерхненемецкий период совпали по значению: *heilen* 1 используется как непереходный («*heil werden*»), переходный глагол *heilen* 2 (англ. *heal*) — «*heil machen*», причем с помощью этого глагола можно указывать на излечение внутренних болезней, часто на улучшение болезненных душевных состояний. Субстантивированное причастие от глагола *heilen* *Heiland* использовалось уже в древневерхненемецком для обозначения Христа, во времена Лютера — в более обобщенном значении «*Retter*» (Спаситель) как название для Бога, а также и для человека.

Heilig — общегерманское слово (англ. *holy*), основное значение которого («*der Gottheit eigen, geweiht*»). С появлением христианства *heilig* становится церковным словом для латинского *sanctus* (наряду с этим словом вначале существовало *weih*, ср. с *weihen*). При Лютере *heilig* стало относиться к характеристике безгрешного образа жизни. В современном словаре *Heilige* означает: «*Person, die aufgrund ihrer besonders tugendhaften Lebensführung oder weil sie für den christlichen Glauben gestorben ist, verehrt wird und von den Gläubigen um Fürbitte bei Gott angerufen werden kann*» [D 10: 461].

Попытаемся с помощью концептуального анализа на материале немецких пословиц выявить концептуальные признаки (КП) данной номинации:

Люди делают идолов из всех святых, независимо от их статуса: **Aus Holz macht man große und kleine Heilige** (AS 629). Не борода делает святым: **Machte der Bart heilig, so wär' der Geißbock Heiliger Vater** (AS 7170). От святых ждут чудес: **Niemand will das Heilige Grab umsonst hüten** (AS 8125). Для многих святые существуют только для того, чтобы прощать грехи людям: **Wären keine Sünder, so wären keine Heiligen** (AS 9996); **Unselige Leute machen die Heiligen reich** (AS 9547). Святые могут быть странными, чудаками: **Gott führt seine Heiligen wunderbar** (AS 5297). Святые могут сменять друг друга: **Wenn ein neuer Heiliger kommt, so vergißt man den alten** (AS 10781). Святой дух (вино) окрыляет, приносит вдохновение: **Wein ist der Poeten Heiliger Geist** (AS 10407).

От размера церкви не зависит величие святого: **Große Kirchen, kleine Heilige** (AS 5439); **Eine große Monstranz und wenig Heiligtum** (AS 3477). Святые предпочитают, чтобы им поклонялись, ставили свечи: **Es ist kein Heiliger so klein, er will seine eigene Kerze haben** (AS 4283). Святые возвращают потраченные на это средства: **Die Heiligen holen ihr Wachs wieder** (AS 2510). Нечетное число (вероятно, единица, Бог) священно: **Die ungerade Zahl ist eine heilige Zahl** (AS 2754). Все святые делают предзнаменования: **Kleine Heilige tun auch Zeichen** (AS 6698).

Паломничество в святые места не приносит большого эффекта: **Wallfahrer kommen selten heiliger nach Hause** (AS 9978). Путешествие в Средние века было прежде всего паломничеством к святым местам, стремлением удалиться от грешных мест. Нравственное совершенствование принимало форму топографического перемещения (уход в пустыню или монастырь из «мира»). В сознании людей средневековья земной и небесный миры постоянно смешивались. В развитии идеи движения были две стадии — воплощения одновременно пространственного перемещения и изменения внутреннего состояния человека. Приключения — то, что становится общим местом литературы с XII в. Образ движения захватывает воображение авторов романов о рыцарях короля Артура, описаний восхождения души к богу. Идея движения стала очень популярна в эпоху крестовых походов [Гуревич 1984: 86–87]. Опасности, сопряженные с дальними поездками, плаваниями и паломничествами, диктовали необходимость выработки формул «за путешествующих». При помощи этих формул странник пытался защитить себя от всякого рода неожиданностей и заручиться помощью «милосердного

Бога, коего ни протяженность пространств..., ни длительность времени... не могут отдалить от тех, о ком печется молящийся» [Franz 1960, 2: 236]. Излюбленными покровителями путников были Каспар, Мельхиор и Вальтасар — три волхва (царя) евангельской легенды [Гуревич 1990: 295].

Монахи делятся со святыми, чтобы те были довольны: *Der heilige Sebastian ist gut, sprach der Mönch: wie ich auch mit ihm teile, so schweigt er und ist zufrieden* (AS 1881). Иногда святых обманывают: *Du heiliger St. Martin! Sie opfern dir einen Pfennig und stehlen dir ein Pferd!* (AS 2920); *Er gäbe Gott und allen seinen Heiligen nicht einen Heller* (AS 3680); *Der Heiligen Gut hat der Wehre nicht* (AS 1882). Святые не любят, чтобы с ними шутили: *Die Heiligen lassen nicht mit sich spassen* (AS 2511); *Die Heiligen reden nicht und rächen sich dennoch* (AS 2512); *Ist die Gefahr vorüber, wird der Heilige ausgelacht* (AS 6187). Это разрешается только большим господам: *Große Herren dürfen mit Heiligen scherzen* (AS 5432). Господа и святые идут напролом: *Herrn und Heilige gehen über alles* (AS 5786).

У каждого человека свой святой: *Ich feiere keinem Heiligen, dem ich nicht gefastet* (AS 5976); *Wem die Heiligen hold (благосклонны) sind, der mag leise beten* (AS 10453). У каждого попа тоже свой святой: *Jeder Pfaff lobt sein Heiligtum* (AS 6385). Однако служители церкви далеко не так святые, как кажется: *Pfaffen, Mönche und Begheinen / Sind nicht so heilig, als sie scheinen* (AS 8255); *Wo kein Zank ist, da ist auch keine Ehre, sprach der Glöckner und schlug seine Heiligen* (AS 12435). Никто не может служить всем святым одновременно: *Niemand ist aller Heiligen Knecht* (AS 8104); *Der Frommen Gesellschaft ist aller Heiligen Gemeinschaft* (AS 1816); *Ich will dir nicht alle Heiligen hertragen* (приносить сюда) (AS 6027). Не все, кто ходит в церкви, безгрешны: *Es sind nicht alle Heilige, die in aller Heiligen Kirchen gehen* (AS 4504).

Священен брак: *Ehstand ist der heiligste Orden* (AS 2983); священны страдания: *Leiden ist heilig, wer's kennt* (AS 7004). Христианство переворачивает всю прежнюю парадигму жизненных ценностей, переосмысливается и роль страдания (**Leiden**). Христос, будучи безгрешным, принял телесные муки и искупил страданием и кровью грехи рода человеческого, возведя страдание, смирение и самоотречение на вершину аксиологической пирамиды. Боль и страдания стали расцениваться как великое благо — знак божественного внимания и милости Творца. В христианской идеологии

болящие, вдовы, сироты, бедняки, принимая на себя крест страданий, скорее достигнут спасения. Превращаясь в объект общественного призрения, они дают возможность и другим спастись через сострадание и милосердие, что значительно возвеличивает их социальную роль. Диктуемые евангельскими заповедями любовь к ближнему и почитание Христа как избавителя и врачевателя души и тела требовали от общества заботы о тех, кто в ней нуждался (Мф. 25: 31–46). Бедными в Средние века считались не только те, кто беден в материальном смысле, но и те, кто беззащитен, бесправен, подвержен насилию и угнетению, все, кто нуждается в помощи в силу разных причин. Понятия «больной» и «бедный» были почти синонимичными. Идея любви к ближнему (*caritas*) лежит в основе всей христианской этики и является опосредованной любовью к Богу. Жития святых, чудесные истории и проповеди учили голодных — кормить, раздетых — одевать, пленных — выкупать, больных — утешать и окружать заботой, странникам — давать кров и пищу. Добрые дела во имя веры и любви к ближнему были средством искупить собственные грехи и обрести спасение души, небо, ибо, как учил Христос, «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и отдай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мною» (Мф. 19: 21) [Арнаутова 2004: 143–145; 164–165]. Бедные люди обогащают святых: *Arme Leute machen reiche Heilige* (AS 429).

Святые (отцы) тоже подвержены искушениям: *Offene Türe verführt einen Heiligen* (AS 8200); *Will der Teufel Heilige fangen, / So steckt er Heilige an die Angel* (AS 12219); *Junger Heiliger, alter Teufel* (AS 6463); *Kein Pfaffenrock so heilig, der Teufel schlüpft hinein* (AS 6579); *Keine Mönchskappe so heilig, der Teufel kann drein schlüpfen* (AS 6616). Каков святой, таков и праздник: *Wie der Heilige, so der Feiertag* (AS 12113). *Je heiliger Zeit, / Je heftiger Streit* (AS 6255); *Je heiliger das Fest, je geschäftiger der Teufel*.

Der Zweck heiligt das Mittel nicht (AS 2302) («Цель не оправдывает средства»). В Ордене иезуитов, однако, был представлен другой вариант данной поговорки, разрешающий использовать любые средства для достижения цели, вплоть до аморальных: *Der Zweck heiligt das Mittel*. В словаре [D 11: 914] говорится: «zum Erreichen eines guten Ziels sind auch unmoralische Mittel erlaubt». Diese Redensart wird allgemein als ein moralisches Prinzip der Jesuiten angesehen: in der «Moraltheologie» des Jesuitenpaters Busenbaum von 1652 ist dieser Grundsatz aber mit deutlichen Einschränkungen versehen. Es dürfte sich in der vorlie-

genden uneingeschränkten Form um ein altes Prinzip der Machtpolitik handeln, das sinngemäss schon bei Machiavelli auftaucht.

Итак, по содержанию паремий с ключевым словом *heilig* и его производными можно судить, что, наряду с отражением в них мотивов библейской этики и ценностных констант культуры, в них сформировалось иронически-насмешливое отношение к святым, особенно к тем, кто пришел из народа.

ЛИТЕРАТУРА

Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. — СПб.: Алетейя, 2004.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. — М.: Искусство, 1981.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990.

Дронова Н. П. Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания: мат-лы Междунар. науч. конф. 15–17.09.2011. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. — М.: ИЯ РАН; Тамбов: ТГУ, 2011(а). С. 401–404.

Дронова Н. П. Терминологические единицы Christentum / Katholizismus / Protestantismus в немецкой языковой картине мира // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. В. Ушкова, Е. А. Кузьмина. ТГУ им. Г. Р. Державина, ун-т г. Ольденбург (Германия). Вып. 5. — Тамбов: ТГУ, 2011(б). С. 76–82.

Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. — М.: Азбуковник, 2004.

Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. 2-е изд. — М.: Академия, 2007.

Шестеркина Н. А. Концепт «святой» в русском православном сознании (на материале пословиц и поговорок) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве РМ: научный журнал / гл. ред. В. А. Юрченков. — 2012. № 1 (21). С. 116–123.

Шестеркина Н. В. Сакральный текст как лингвокультурный феномен // Филология и культура. Philology and Culture: научный журнал. — 2015. № 2 (40). С. 151–156.

AS — Alle Sprichwörter. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alle-sprichwoerter.de/cgi-bin/selector.cgi>.

D 10 — Duden in zwölf Bänden. Bd. 10: Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002.

D 11 — Duden in zwölf Bänden. Bd. 11: Redewendungen. 2., völlig neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002.

Franz A. Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter. Bd. 2. — Graz : Akademische Druck- und Verlag-Anstalt, 1960.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. — 8. Auflage, bearbeitet von A. Schirmer. — Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1961.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch: Mit einem Lexikon der deutschen Sprache. — Neu hrsg. von Dr. R. Wahrig-Burfeind. — Gütersloh Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997.

О. Б. Януш

Казань, Россия

ЛАТИНИЦА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АЛФАВИТ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию влияния политических факторов и культуры на процессы перевода письменности на латинскую графику в трех азиатских республиках — Туркменистане, Узбекистане и Казахстане. Автор отмечает, что алфавит может выполнять не только культурно-историческую функцию, но и быть одной из составляющих политического курса официальных властей.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *письменность, алфавит, латиница, культурное влияние, лингвополитология*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Института экономики и информационных технологий, Казанский государственный энергетический университет.*

Адрес: 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

E-mail: yanush_ob@yahoo.com.

O. B. Yanush

Kazan, Russia

ROMAN ALPHABIT IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES: ALPHABET, POLITICS, AND CULTURAL INFLUENCE

ABSTRACT. *The paper is devoted to the study of the influence of political factors and culture on the processes of transfer of alphabets to the Latin type in three Asian republics - Turkmenistan, Uzbekistan and Kazakhstan. The author notes that the alphabet can perform not only a cultural and historical function but also be a component of the policy of public authorities.*

KEYWORDS: *writing, alphabet, Roman alphabet, cultural influence,*

linguo-politology.

ABOUT THE AUTHOR: *Yanush Ol'ga Borisovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University.*

В XX — начале XXI века в Центральной Азии в течение сжатого по историческим меркам периода времени были осуществлены латинизация (в 1920-х — начале 1930-х годов) и кириллизация (1940–1941 годах) алфавитов местных языков, а в двух случаях — релатинизация письменности, то есть возврат к латинской графике.

Причины стремления к релатинизации очевидны: символический отказ от советского прошлого в виде кириллицы; демонстрация независимости и стремления к модернизации и вестернизации; расчеты на ускоренное вхождение через новый латинский алфавит в мировое сообщество [Дятленко2009: 92].

Релатинизация была осуществлена в Узбекистане и Туркменистане, собираются ее провести в Казахстане. В стороне от процесса остались Кыргызстан и Таджикистан. Пионерами релатинизации на всем постсоветском пространстве стали Молдавия и Азербайджан.

Туркменистан. 25 июня 1993 года президент С. Ниязов подписал постановление № 1380, утвердившее Государственную программу по внедрению в жизнь нового алфавита туркменского языка. 29 сентября 1994 года появилось постановление № 1956 с планом и графиком выполнения правительством практических мероприятий по введению нового алфавита в учебных заведениях. Перевод на новый латинский алфавит намечалось завершить в течение трех лет, а начать обучение на нем с 1995/96 учебного года [Ландау 2004: 221–224].

Одновременно с переводом письменности на латинскую графику была проведена чистка туркменского языка от русизмов и интернационализмов. В результате из него исчезли слова «акт», «гражданин», «документ», «командировка», «комиссия», «материалы», «медицина», «орган», «президент», «протокол», «социальный», «территория», «форма» и др. Из-за отсутствия в туркменском языке точных соответствий устраняемым словам в ходе замены последних фактически происходила замена смыслов: гражданина сменил подданный (райат), орган власти —

учреждение (эдер), комиссию — группа (топар) и т.п. Параллельно с релатинизацией были закрыты все русскоязычные СМИ за исключением газеты «Нейтральный Туркменистан».

Совокупный эффект языковой реформы и других мероприятий по «туркменизации» общества выразился в глубоком падении уровня образования, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Выросло поколение молодежи, не имевшее доступа к достижениям мировой системы образования, науки и культуры и не знающее собственной дореформенной литературы.

Узбекистан. Если человек из другой страны внезапно окажется в Узбекистане, ему вряд ли удастся разобраться, какая письменность здесь считается официальной, государственной. Во всех уличных надписях — рекламных объявлениях, плакатах, вывесках и дорожных указателях — наблюдается вавилонское смешение языков и буквенных систем. Период свободного употребления любого языка и графики продолжается уже много лет и, похоже, будет длиться еще долго. Несмотря на принятый закон о переводе узбекского языка с кириллицы на латинский алфавит, окончательная эра латиницы в Узбекистане так и не наступила [Шарифов 2016].

В Узбекистане в конце 1980-х начались споры и выступления по поводу национального языка и алфавита. Политизированная часть узбекской интеллигенции потребовала отказаться от русского языка и кириллицы и вновь перевести узбекскую письменность на латиницу. Для обоснования этой позиции, как правило, использовались сугубо лингвистические доводы. И если в 1920-30-е годы людей убеждали в неудобстве арабской, а потом латинской графики, то в конце 80-х выяснилось, что алфавит, на котором создана вся узбекская наука и значительная часть литературы, не подходит для узбекского языка. «Он не отражает всех фонетических особенностей узбекской речи», — заявляли противники кириллицы.

В 1991 году образовалось пять новых тюркоязычных государств, и Турция постаралась вовлечь их в сферу своего влияния, усиленно разогревая настроения пантюркизма. Осенью того же года в Анкаре по инициативе турецкого президента Тургута Озала был проведен первый съезд президентов тюркоязычных стран. А на конференции языковедов из тюркоязычных государств, состоявшейся в столице Турции в том же году, обсуждался единственный вопрос: о переходе этих государств на латиницу. Им предлагалось как можно скорее отказаться от кириллицы и

перейти на латинизированный алфавит. Тут же был разработан проект типового алфавита из 34 букв и достигнута договоренность, что он станет общим для всех тюркоязычных держав, хотя каждая может вносить в него поправки в соответствии со своими языковыми особенностями. Под воздействием всех этих процессов руководство Узбекистана решило сменить алфавит. 2 сентября 1993 года закон «О введении узбекского алфавита на основе латинской графики» был принят. Необходимость смены письменности в преамбуле документа излагалась следующим образом: «Настоящий Закон, основываясь на Конституции Республики Узбекистан, исходя из положительного опыта перехода узбекской письменности на латинскую графику в 1929-1940 годах, учитывая пожелания представителей широкой общественности, направлен на создание благоприятных условий, ускоряющих всесторонний прогресс республики и вхождение ее в систему мировой коммуникации» [Ландау 2004: 210–211].

Практические действия по переходу на новый алфавит в Узбекистане начались с того, что все расходы, связанные с вводом новой графики, были официально возложены на собственников предприятий (кроме бюджетных организаций). В течение двух последующих лет были разработаны и утверждены новые правила узбекской орфографии, после чего написанные на кириллице таблички с названиями улиц и транспортных маршрутов заменили на латинизированные (большинство русских названий сменили на узбекские). Были отпечатаны учебники для первых классов и с 1 сентября 1996 года дети, впервые пришедшие в школу, начали учиться читать и писать уже по новым буквам. Датой окончательного перехода страны на новую графическую систему определили 1 сентября 2005 года.

Современная узбекская латиница, принятая в 1993 году, не похожа на алфавит 30-х годов. Всего лишь через два года после ее принятия, в 1995 году, она была подвергнута модернизации (написание шипящих букв изменили на английский манер). Эта реформа стала уже третьей по счету реформой узбекской латиницы (1934-й, 1993-й (новый вариант) и 1995-й годы), после которой она обрела свой законченный облик [Арефьев 2012: 120].

В общей сложности в новом алфавите оказалось 29 букв (вместе с апострофом). Его особенностью стало то, что он не содержит ни специальных символов, ни диакритических знаков (только апостроф). Отсутствие специальных знаков и символов пришлось компенсировать удвоением. «Двойными» стали буквы

Ч, Ш, Ц (в некоторых вариантах написания), Я, Ю, Е, а также Е (в начале слова). В итоге подобного «усовершенствования» написание слов и предложений значительно удлинилось. Иш — ish (дело, работа), уч — uch (три), беш — besh (пять), шиша — shisha (стекло, бутылка), шошмоқ — shoshmoq (спешить), шаршара — sharshara (водопад), чашма — chashma (родник).

Гласные Я, Ю, Е были заменены на Ya, Yu, Yo: Ялла — yalla (песня), яхши — yahshi (хорошо), яшил — yashil (зеленый), якшанба — yakshanba (воскресенье). Юз — yuz (лицо; сто), юк — yuk (груз), юбораман — yuboraman (посылаю, отправляю), юлдуз — yulduz (звезда), юлдузча — yulduzcha (звездочка). Ез — yoz (лето), еки — yoki (или), емон — yomon (плохой), емон иш — yomon ish (скверный поступок), ердам — yordam (помощь), аел — ayol (женщина), еш — yosh (возраст; лет, юный).

Буква Е в начале слова и после гласных также удвоилась и стала писаться как Ye: Ер — yer (земля), етти — yetti (семь), етмиш — yetmish (семьдесят).

Букву Ц разделили на две отдельные буквы — S и TS, в зависимости от положения в слове. А буквы X и Ҳ превратились, соответственно, в X и H. Соответственно цирк преобразился в sirk, мотоцикл — в mototsikl, цемент — в tsement (пишется и «sement»), цистерна — в sisterna, циркуль — в sirkul, целлофан — в tsellofan (пишется и «sellofan»), цилиндр — в silindr (пишется и «tsilindr»), цитрус — в citrus, а целлюлоза — в sellyuloza.

Хуже всего пришлось словам и терминам, позаимствованным из других языков и содержащим сразу несколько «модернизированных» букв. Список подобных слов можно продолжать очень долго: aviatsiya, investitsiya, aksiya, fraksiya, leksiya, seksiya, operatsiya, reanimatsiya, assotsiatsiya, militsiya, repetitsiya, parfumeriya, kantselyariya, revolyutsiya, rezolyutsiya.

По состоянию на сей день внедрение латинской графики в Узбекистане практически застопорилось. В 2002 году завершение процесса латинизации перенесли еще на пять лет — с 2005-го на 2010 год.

Причин, по которым за столь долгий период узбекский язык так и не перешел на новую графику, можно назвать немало. Это и то, что выполнение этого на практике оказалось значительно более трудным, чем виделось в начале 1990-х годов, и схлынувшая волна национализма, повлекшая за собой изменение массового отношения к латинице (переход на латиницу оценивается как «глупость и непродуманное решение», «ужасная

неразбериха», «совершенно ненужная затея», «катастрофа для Узбекистана»), и кардинальное изменение общей политической ситуации, а, следовательно, и конъюнктуры [Латинизация 2016].

Сегодня в стране параллельно действуют сразу два алфавита. Сфера использования латиницы по-прежнему остается крайне узкой и почти не выходит за пределы средней школы. В 2005 году состоялся первый выпуск учеников, с начала и до конца обучавшихся на латинской графике, но говорить о том, что на нее перешла вся школа, пока преждевременно. Преподаватели негуманитарного профиля — физики, химики, математики, биологи, как правило, бойкотируют латинский алфавит и продолжают вести обучение на кириллице.

Латинская графика преобладает в написании названий улиц и транспортных маршрутов, надписях в метро. За редким исключением, все они пишутся только латинскими буквами. В остальном латиница не только мирно сосуществует с кириллицей, но даже уступает ей большинство позиций.

Делопроизводство, несколько лет назад почти перешедшее на латиницу, опять вернулось к кириллице. Именно этот алфавит используется в правительственных и нормативно-правовых документах, при деловой переписке. Документация кабинета министров, государственных и общественных организаций, судебно-следственных органов, ведомственные и инструктивные материалы и положения, исследовательские и научные труды, бланки статистического и финансового учета и отчетности, прейскуранты и ценники — все это практически полностью ведется, составляется и печатается на кириллице. На латинской графике выходят не слишком значимые документы — бланки и справки ЖЭКов, коммунальных служб и т.д. При этом узбекские тексты (и на кириллице, и на латинице) часто дублируются по-русски.

Дублиаж узбекских надписей на одной графике надписями на другой стал самым обычным явлением. При входе во многие ведомства по одну сторону дверей можно видеть табличку с наименованием этого ведомства на латинице, по другую — такую же надпись на кириллице (перевод с узбекского на узбекский). Еще чаще двойное написание встречается в объявлениях и вывесках рекламно-коммерческого характера. А на полках книжных магазинов попадают книги, отпечатанные одновременно в двух вариантах: и на латинице, и на кириллице.

Культурная, информационная, а также научная среда Узбекистана в качестве функциональной основы упорно продолжают

использовать кириллицу. Как и раньше, на ней выходит большинство печатных текстов страны: газеты, журналы, подавляющее количество художественной и научно-справочной литературы. В то же время названия многих изданий, печатающихся на кириллице, нередко пишутся латинскими буквами, в качестве своеобразного знака лояльности. Встречаются наименования рубрик, а иногда отдельные статьи, набранные на латинице. На этом использование латинской графики в печатных СМИ и исчерпывается.

В сфере книгопечатания 80–85% книг на узбекском языке издается на кириллице. Это художественная, справочная, детская, развлекательная литература. Религиозные мусульманские книги и брошюры печатаются на кириллице.

Литература на латинской графике, как правило, выпускается на основе оплачиваемых государственных заказов. Прежде всего, это учебники и книги для детей. Государство финансирует переиздание на латинице произведений классической узбекской литературы. Современные авторы, не имеющие статуса классиков, публикуются за собственный счет.

Узбекское телевидение применяет одновременно два алфавита: в одних фильмах и передачах заставки, титры и рекламные вставки снабжаются надписями на латинице, в других — надписями на кириллице.

В узбекской зоне Интернета используются обе графические системы. Большинство веб-сайтов пользуются кириллицей, создаются сайты и на латинице, которая применяется при написании названий рубрик и заголовков статей. Сайты государственных ведомств и структур печатают латинскими буквами заглавия разделов или отдельных публикаций, несмотря на то, что тексты под ними размещены на кириллице. Отдельные сайты дублируют свое содержание не только на русском и английском языках, но и сразу на двух графиках — и на латинице, и на кириллице. К примеру, сайт Центрального банка Узбекистана — <http://www.cbu.uz/ru/>.

На молодежных форумах используется преимущественно латиница. Школьникам эта графика привычнее. Однако на форумах встречается и кириллица.

Узбекская национальная валюта — сум — существует на разной графике: надписи на бумажных купюрах выполняются исключительно на кириллице, на монетах — и на кириллице, и на латинице. Мелкие монетки исполнены в двух версиях — с надписями и на кириллице, и на латинице (5 и 10 сумов) [Шарифов 2016].

В графической оболочке городского ландшафта ощущается практически полная свобода выбора того или иного языка и алфавита (кроме надписей при входе в государственные учреждения). Наружная реклама, вывески, афиши и прочие уличные надписи выполняются на всевозможных языках и графиках и, нередко переплетаясь между собой самым фантастическим образом, демонстрируют удивительные возможности свободного использования различных буквенных систем. Это явление можно назвать «диффузией культур» — моделью совмещения нескольких культур [Анненкова 2011: 252]. Латиницу используют при написании русских текстов. К примеру: *Zamena Masla, Avtomouka, Koreechnka* и т.д. [Русский 2016].

Общая тенденция в использовании того или иного алфавита такова, что в последние годы в Узбекистане наблюдается даже некоторый откат от введения латиницы. Конечно, здесь сыграло свою роль охлаждение отношений с Западом — как только власти перестали навязывать латинский алфавит, дело-производство вновь обратилось к привычной кириллице, а количество бытовых надписей на латинице резко уменьшилось.

При этом надписи на русском языке в столице Узбекистана сейчас преобладают, что непосредственным образом свидетельствует о том, что русский язык вновь востребован.

В целом, сложившееся положение можно охарактеризовать так: узбекский язык существует одновременно в двух графических формах и признаков того, что в ближайшие годы одна из них вытеснит другую, не видно.

С учетом вышесказанного Узбекистан оказывается перед дилеммой: если продолжать переход на латиницу, то страна теряет научно-образовательную базу, накопленную в течение десятков лет. Если же опять вернуться к кириллице, то возникает вопрос: что делать со вчерашними и нынешними школьниками?

Казахстан. Вопрос о латинизации обсуждался в Казахстане несколько раз и каждый раз по инициативе Нурсултана Назарбаева. Неоднократное возвращение Н. Назарбаева к теме латинизации — следствие убежденности казахстанского президента в том, что латиница «позволит стране продвинуться в международное пространство» [Дятленко 2009: 101].

В октябре 2006 г. на заседании Ассамблеи народов Казахстана президент Н. Назарбаев заявил о необходимости рассмотреть этот вопрос. В июле 2007 г. специально созданной рабочей группой Министерства образования и науки была подго-

товлена предварительная аналитическая записка «О переводе казахской письменности на латинскую графику», в которой рассматривался опыт других стран и народов Востока по введению латиницы, обосновывалась необходимость перевода на латинскую графику казахского алфавита и приводился расчет финансовых затрат (294 млн. долларов плюс 2 млн. на замену уличных вывесок). Основным аргументом перехода на латиницу авторы записки считали необходимость укрепления национальной идентичности казахов, а главным результатом этого шага хотели бы видеть «смену советской (колониальной) идентичности, которая во многом еще доминирует в национальном сознании, на суверенную (казахскую) идентичность» [Шустов 2016]. В записке утверждалось, что кириллица ориентировала казахов на русский язык и культуру, что обусловило неопределенность их национального самосознания [Шустов 2016].

В декабре 2012 года президент Казахстана выступил с посланием «Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства», в ходе которого призвал страну готовиться к переводу казахского алфавита на латиницу [Казахский 2016]. Позже, на встрече с представителями творческой интеллигенции страны глава государства заявил: «Внедрение латиницы в Казахстане обусловлено исключительно необходимостью развития казахского языка... Кое-кто совсем безосновательно увидел в этом некое свидетельство изменения геополитических предпочтений Казахстана. Ничего подобного... Переход на латиницу — это внутренняя потребность в развитии модернизации казахского языка. Не надо искать черной кошки в темной комнате, тем более, если ее там никогда не было» [Перевод 2016].

По мнению министра иностранных дел Казахстана, «процесс будет происходить плавно и растянется с 2014 до 2025 года» [Емельяненко 2013]. На совместной пресс-конференции глав МИД России и Казахстана он же призвал журналистов «развеивать миф о якобы имеющих геополитических сдвигах в приоритетах Астаны» [Российская 2013].

Общественное мнение по вопросу о внедрении латиницы в Казахстане разделилось. Сторонники апеллируют к тому, что это будет только благоприятствовать информационному обмену с другими странами, придаст новый импульс развитию самого казахского языка. Политолог, секретарь партии власти «Нур Отан» Ерлан Карин полагает, что «реализация идеи введения латиницы — это на самом деле цивилизационный выбор. То

есть, мы говорим, что мы часть глобального мира, это все увязывается с латинским алфавитом» [Переход 2016]. По мнению директора Президентского фонда развития казахского языка А. Шауеев, в результате перехода на латиницу «произойдет ментальное единение с многочисленными диаспорами казахов, проживающих за рубежом. Данный шаг значительно облегчит изучение английского языка и позволит сделать казахский язык более доступным для изучения иностранцами» [10–15 лет 2016].

Противник лингвистической реформы филолог Батыржан Какенов считает, что «язык Абая утратит свою легкость и певучесть, которую ему дает обилие мягких звуков. Адаптация латиницы повлечет огромное количество разночтений, а самое главное — поставит под угрозу закон сингармонизма... Казахский язык будет просто отброшен назад» [Там же].

На сегодняшний день можно говорить о работе научно-экспертной общественности по определению концептуальных подходов к решению задачи. Единого видения по алфавиту среди экспертов и ученых нет. Разработано около 100 различных проектов по переходу казахского языка на латиницу (использование 26 букв английского алфавита, диакритических знаков и т.д.). Дискуссии продолжаются до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. 392 с.

Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. [Электронный ресурс]. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

10–15 лет понадобится Казахстану для перехода казахского языка на латиницу. — Режим доступа: <http://millioner.kz/content/10-15-let-ponadobitsya-kazakhstanu-dlya-perekhoda-kazakhskogo-yazyka-na-latinitu>.

Дятленко П. Языковые реформы в Центральной Азии: тренды — цели — итоги // Вестник Евразии. — 2009. № 4. С. 80–109.

Емельяненко В. Спорные буквы // Русский мир. — 2013. Август. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99261>.

Казахский алфавит планируют перевести на латиницу с 2025 года. — Режим доступа: <http://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=9999>.

Ландау Я. М., Келльнер-Хайнкеле Б. Языковая политика в мусульманских государствах — бывших советских союзных республиках. — М.: Прогресс-Традиция. 2004. 370 с.

Латинизация узбекского алфавита. Мнения из Ташкента. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/5167>.

Перевод казахского языка на латиницу не означает смену геополитических предпочтений Казахстана. — Режим доступа: <http://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/652858>.

Переход на латиницу не противоречит интеграционным процессам Казахстана. — Режим доступа: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/karin-perehod-latinitsu-protivorechit-protsessam-kazahstana-225222.

Российская газета. — 25 января. 2013.

Русский язык и латиница в Узбекистане. — Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/maaster/1037890-echo>.

Шарифов О. Латинизация алфавита. Узбекский опыт. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1178269020>.

Шустов А. Кто пишет алфавит для Казахстана? — Режим доступа: <http://www.russedina.ru/articul.php?aid=16861&pid=12>.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

10 (2016)

Выпускающий редактор Ворошилова М. Б.
Верстка Локотковой О. А.